

Роздана 11/11
№ 645
ЗАПИСКИ

СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА

БЫТЬ И ПУЖДЫ ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА.

9(47)(1003)

3-22

Проверено

ЗАПИСКИ ПЕРЕСМОТРЕНЫ И ПСПРАВЛЕНЫ АВТОРОМЪ.

**ФУНДАМ. БИБЛИОТЕКА
СВЯТЫХЪ СВЯТЫХЪ, ВОС. ИНСТИТУТА**

ИЗДАНИЕ ИСТОРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. ШЛЕЙХОВА, Средняя Подъячесская, 2. № 1.
1882.

№ 645
1.80

В. С. Шлейхова

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА

БЫТЬ И НУЖДЫ ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА.

ЗАПИСКИ ПЕРЕСМОТРѢНЫ И ИСПРАВЛЕНЫ АВТОРОМЪ.

ИЗДАНИЕ ИСТОРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

1118

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъяческая, д. № 1.

1882.

A 905976

Средняя Подольская, д. № 1.
2819.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

	Стр.
I. Современный взгляд на духовенство вообще.—Требования общества.—Положеніе сельскаго духовенства	1
II. Отношенія къ сельскому духовенству его прихожанъ разныхъ сословій и раскольниковъ.—Знанія, требуемая отъ священника.—Заботы на него возлагаемыя о народномъ здравіи, нравственности, образованіи.—Полное самоотверженіе и самоотреченіе.	8
III. Отношенія къ сельскому священнику статистическихъ комитетовъ и ученыхъ обществъ.—Правительственныя распоряженія	19
IV. Душевные качества для священника обязательныя.—Епископство.—Консисторія.—Техническія знанія.—Что даетъ общество священнику.	24
V. Выходъ изъ семинаріи.—Пріѣздъ въ село.—Мірскія власти.—Прихожане.—Первая поѣздка съ требою.—Управляющій и писарь.—Хожденіе по избамъ Христа славить.—Итогъ недѣльнаго сбора.—Обязательное угощеніе прихожанъ и попойка.—Кликуши.—Пьянство.—Тяжелое житье.—О. Василій Тихоміровъ.	29
VI. Великій постъ.—2 р. 62 ¹ / ₂ коп. за ежедневную семинедѣльную службу.—Боговосцы.—Плата за молебны.	56
VII. Покупка дома.—Хлѣбопашество и работники.—Пріѣздъ преосвященнаго.—Вымогательства и взятки его спутниковъ.—Покушка коня и тѣлеш.	62
VIII. Священникъ-чернорабочій.—о. Фаворскій.—Средства нанимать рабочихъ.—Практическіе совѣты пастыря опытнаго.	68
IX. Обновленіе церкви.—Прошеніе архіерею.—Мироносицы.—Два типа помѣщиковъ: грубаго и ласковаго.	72
X. Дѣшежъ луга и происки писаря.—Насильственные браки.—Поѣздка въ городъ.—Семинаристъ-торгашъ.—Взяточничество.—Выгодный приходъ	76
XI. Грабители, т. е. кордонные стражники.—Представленіе преосвященному.—Его обхожденіе со священниками.—Ключарь, поставленный на колѣни.	82
XII. Сборъ хлѣбомъ.—Зажиточные и нищіе.—Нищіе, отбивающіе хлѣбъ у священника.—Обицы и униженіе	87

XIII. Духовные чины.—Причетники и пономари-отверженцы.—Миссионеры и раскольники.—Экзамены дячковъ	91
XIV. Источники жизни сельскихъ священниковъ.—Взиманіе платы за требы впередъ.—Священникъ-мельникъ.—Запечатаніе церквей.—Перекупка хлѣба.—Обороты брагою.—Жалованье священниковъ и добротныхъ даванія.—Платы обязательныя.—Продажа молитвъ на всѣ случаи жизни человѣческой.—Торги и переторжки, запросы и уступки.—Причины непрязни прихожанъ къ духовенству	99
XV. Случай и ближайшія причины отпаденія въ расколъ	115
XVI. Безграмотные священники.—Презрѣніе къ сельскому духовенству крестьянъ и помѣщиковъ.—Жизнь отца и дѣда.—Пролетаріатъ сельскаго духовенства	
XVII. Маріинская колонія Воспитательнаго дома.—Равнѣрѣ, симметрия и внѣшняя чистота.—Колодки и розги.—Пресвященный Аванасій Дроздовъ.—Экзаменъ на учебной фермѣ.—Протоіерей о. Гавриилъ Чернышевскій.—Управляющій Ремлингенъ.—Неудовольствіе и бунтъ крестьянъ-питомцевъ.—А. З. Марковский.—Преобразованія на фермѣ.—Причины вынесенія иконы изъ класса.	121
XVIII. Воспитаніе дѣтей.—Домашніе уроки.—Отдача сыновей въ семинарію.—Преобразованіе семинарій.—Псаломничество.—Переходъ сыновей въ свѣтскія учебныя заведенія.—Увольненіе отъ должности законоучителя на фермѣ.—Пособіе на воспитаніе дѣтей.	123
XIX. Что сдѣлано для религіозно-нравственнаго состоянія общества.—Преподаваніе Закона Божія въ сельскихъ школахъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Неохотное постѣженіе церквей.—Проповѣдники.—О. Палисадовъ.—Какъ у насъ слушаются проповѣди.	136
XX. Предубѣжденіе къ духовенству всѣхъ классовъ общества.—Нападки на него и ихъ опроверженіе.—Обвиненіе духовенства въ бездѣйствіи.—Вопросъ о замѣтѣ поборовъ постояннымъ жалованьемъ.—Такса за отиравленіе требъ.—Натянутость отношеній священниковъ къ ихъ прихожанамъ.—Неудачные опыты производства постоянного жалованья.	145
XXI. Почему духовенство не входитъ въ соглашеніе съ прихожанами съ помощію земства.—Выборы священникъ въ въ гласные.—о А. И. Дроздовъ.—Жалованье законоучителямъ сельскихъ школъ.—Эпизоды на земскихъ выборахъ	153
XXII. О недостаточномъ образованіи духовныхъ лицъ.—Священники и мироѣды.—Быть архіереевъ.—Отсутствіе кастоваго духа.—Спеціальность духовныхъ училищъ.—Товарищество въ семинаріяхъ и въ заведеніяхъ общеобразовательныхъ	157
XXIII. Газетныя статьи о духовствѣ.—о. В. И. Горизонтовъ.—Раскольничьи попы.—Ксензы и пасторы.—Колонисты и отношенія къ нимъ пасторовъ.—Исповѣди и приобщенія умпрающихъ.—Мнѣныя больныя, привередливыя и привередницы.—Мудлы.	163
XXIV. Ведеть-ли улучшеніе быта духовенства къ пьянству.—Можетъ-ли духовенство возгордиться получая постоянное жалованье.—Духовное чиновничество	171
XXV. Развращающее положеніе духовенства.—Возможно-ли поднять уваженіе къ духовенству.—Отношенія къ нему крупныхъ землевладѣль-	

печь.—Способы къ матеріальному обезпеченію духовенства.—Земскія собранія и крестьянскія сходы.—Выборъ церковнаго старосты.—Могучее вліяніе водки на приговоры сельскаго міра.—Постановленія о церковной іерархіи.—Суды епископовъ.—Судъ прихожанъ.—Судъ изъ практики раскольничьей.—Избираніе священниковъ общинами.—Плачевное состояніе семинарій	174
XXVI. Воспитаніе священника былыхъ временъ.—Жизнь въ семинаріи.—Общежитія.—Ихъ выгоды и возможные улучшенія.—Курсъ наукъ.—Указанія на недостатки семинарскаго образованія.—Высшее семинарское начальство.	194
XXVII. Прошенія архіереямъ объ опредѣленіи священниковъ на мѣста.—Случаи лицепріятія, nepотизма и протекціи.—Распредѣленіе приходовъ на классы.—Выгодные и невыгодные приходы	206
XXVIII. Дома сельскихъ священниковъ	213
XXIX. Вражда священниковъ двухштатныхъ приходовъ.—Эксплуатанія младшихъ старшими	217
XXX. Благочинные.—Трезвость и безупречное житіе, отъ нихъ требемыя.—Надзоръ за нравственностью.—Обязанности благочинныхъ	219
XXXI. Церковные доходы и расходы.—Ремонтировка церквей.—Затрудненія вслѣдствіе іерархическихъ порядковъ.—Ограниченность правъ благочинныхъ и прихожанъ	226
XXXII. Цензура проповѣдей и затруднительное положеніе проповѣдниковъ	232
XXXIII. Подводныя повинности.—Расходы на поѣздки.—Денежныя повинности и налоги	236
XXXIV. Порядокъ выдачи жалованья.—Задержки и прижимки	239
XXXV. Слѣдствія нищенской обстановки и загнанности нашего духовенства	242
XXXVI. Форменная одежда Обязательное ношеніе рясы.—Прихожане-соглядатаи	243
XXXVII. Препятствія къ поступленію въ учебныя заведенія.—Малолѣтіе.—Уроslивость.—Возрастъ.—Сроки для поступленія въ семинаріи.—Пономарство.—Недостаточность подготовки.—Разряды.—Строгость экзаменовъ.—Положеніе о штатахъ	246
XXXVIII. Духовное самоуправленіе.—Сѣзды.—лучаи своеволія епископовъ	260
XXXIX. Прихожане и священники.—Собранія благочинныхъ.—Постепенное ихъ распаденіе	263
XL. Условія къ сближенію духовенства съ прихожанами.—Причины существующей розни.—Іеромонахъ Тихонъ и истязанія семинаристовъ	266
XLI. Доходы отъ требосправленій.—Отношенія добрыхъ прихожанъ къ ихъ пастырю.—Бесѣды съ прихожанами.—Неудовольствіе священниковъ на это нововведеніе.—Вліяніе бесѣдъ на нравственность пасты	271
XLII. Справки по церковнымъ документамъ.—Задержки въ консисторіяхъ.—Безпорядочные порядки.—Производство слѣдствій.—Вымогательства взятокъ въ консисторіяхъ.—Взятка сына съ отца.—Широкая натура и ея стоікновенія со священникомъ.—Жалобы прихожанъ на священниковъ	276

XLIII. Священники въ качествѣ депутатовъ при производствѣ слѣдствій.—Разбойникъ и становой приставъ.—Пытка.—Дѣтубійство въ женскихъ раскольничьихъ монастыряхъ.—Причина увольненія благочиннаго	289
XLIV. Вредное вліяніе формалистики на личный характеръ священниковъ—Обременительныя переписки—Штрафы и выговоры консисторій.	294
XLV. Отношенія архіереевъ къ консисторіямъ.—Сборы на венмушцяхъ.—Ошибки въ представленіи консисторіи.—Посылки священниковъ въ монастыри	298
XLVI. Заштатное духовенство.—Размѣры пенсій.—Заштатные причетники	301
XLVII. Суды и судьи.—Довось на благочиннаго	304
XLVIII. Передача священническихъ мѣстъ зятьямъ.—Запрещеніе передачи мѣстъ родственникамъ.—Слово и примѣры въ защиту передачи—Браки по расчету.—Сироты	308
XLIX. Заключение.—Сводъ указаній и пожеланій на возможное улучшеніе быта сельскаго духовенства и точное опредѣленіе размѣра правъ духовныхъ властей	315
L. Приложенія.—Письма къ редактору „Русской Старины“ М. И. Семевскому—князя Италійскаго графа А. А. Суворова-Гымникскаго и автора „Записокъ Сельскаго Священника“	323

I.

Литература наша, въ послѣднее время, стала нерѣдко касаться духовенства. Много является повѣстей и легкихъ разсказовъ, а есть статьи и съ явными претензіями на серьезность. Но, къ сожалѣнію, многое, что пишется о духовенствѣ, пишется односторонне, безъ знанія дѣла, а иногда и съ явнымъ желаніемъ унижить духовенство въ глазахъ читающаго міра.

Въ одномъ уважаемомъ и распространенномъ журналѣ о духовенствѣ однажды писалось такъ: «духовенство наше неразвито, тупо, глупо и даже безнравственно. Оно не удовлетворяетъ требованіямъ современнаго общества. Оно, своимъ умственнымъ развитіемъ, стоитъ гораздо ниже даже средняго уровня современнаго общества. Дѣти духовенства, видя грязное, отупѣлое и безнравственное состояніе отцовъ, не хотятъ быть въ этой тинѣ и вылазятъ изъ нея во что бы то ни стало, подвергаясь всевозможнымъ лишеніямъ, и пр., и пр.

А такъ какъ извѣстно, что многіе изъ такъ называемыхъ высшихъ слоевъ общества гораздо лучше знаютъ какихъ-нибудь злусовъ, чѣмъ своего русскаго мужичка, и лучше знаютъ Парижъ, Неаполь и Ниццу, чѣмъ Москву, Новгородъ и Казань, то, читая такіе отзывы о своемъ русскомъ духовенствѣ, невольно подумаютъ: «да что же это за народъ такой — это наше православное духовенство? Зачѣмъ терпятъ его? Почему не замѣняютъ его людьми умными, развитыми, свѣжими, чистыми отъ всякой плѣсени и грязи, нравственными, съ благороднымъ направленіемъ? людьми, имѣющими сильное вліяніе на все общество, пользующимися всеобщою любовью. людьми изъ другой, чистой

сферы, изъ свѣтскаго общества? Стоитъ ли возиться съ этою изгарью, когда въ запасѣ цѣлыя десятки милліоновъ силъ свѣжихъ, могущихъ и желающихъ, по первому знаку, замѣнить это отупѣлое племя? Что это за отупѣлое племя, которое, живя среди просвѣщеннаго, чистаго, благороднаго, высоконравственнаго общества, при всѣхъ усиліяхъ общества къ облагороженію его, коснѣеть въ своемъ невѣжествѣ и никакія мѣры не дѣйствуютъ на него?»

Явленіе это было бы и грустно и даже непонятно, еслибы духовенство было дѣйствительно такимъ, какой даетъ о немъ отзывъ наша литература. Читая такіе отзывы о духовенствѣ, я думалъ, что духовная наша литература скажетъ свое правдивое слово. Въ особенности я надѣялся, что она отвѣтитъ на тотъ отзывъ о духовенствѣ одного изъ уважаемыхъ и наиболѣе распространенныхъ журналовъ, изъ котораго я сейчасъ сдѣлала выписку; но ни въ одномъ изъ духовныхъ журналовъ отвѣта не было. А человѣку, встрѣчающему часто такіе отзывы о духовенствѣ въ свѣтской литературѣ и не встрѣчающему опроверженій со стороны литературы духовной, естественно должно придти убѣжденіе, что все, что ни пишется о духовенствѣ въ свѣтской литературѣ, есть неоспоримая и неотразимая истина. А отсюда неизбежны презрѣніе къ духовенству и холодность къ великому дѣлу его служенія.

Правда, въ «Церковно-общественномъ Вѣстникѣ», весьма почтенномъ изданіи А. П. Поповицкаго, очень часто помѣщаются небольшія статейки въ защиту духовенства; но изъ нихъ все-таки нельзя составить полнаго понятія ни о жизни духовенства въ самомъ себѣ, ни объ отношеніяхъ его къ обществу и ни объ отношеніяхъ самого общества къ духовенству.

На статью, изъ которой я дѣлаю небольшую выдержку, я долго ждалъ, какъ я уже сказалъ, отвѣта отъ духовной литературы; не дождался и, наконецъ, забылъ о ней самъ. Но недавно, случайно, она попалась мнѣ опять и мнѣ вздумалось отвѣтить на нее. При этомъ я нахожу не лишнимъ сказать, что я живу не въ столицѣ, гдѣ иногда пишутся идеальныя проекты для деревень людьми, не бывшими дальше какого-нибудь Парголова или Кушелевки и совершенно не знающими быта и жизни народа. Я и не фельетонистъ, зачастую описы-

вающій деревенскую жизнь, самъ не бывши нигдѣ, во весь свой вѣкъ, дальше какой-нибудь Коломяги. Я родился въ деревнѣ, выросъ въ деревнѣ, и живу въ деревнѣ священникомъ болѣе 30-ти лѣтъ. Кромѣ того, будучи сельскимъ священникомъ самъ, я имѣю особенные случаи всматриваться въ жизнь моихъ собратій, другихъ священниковъ. Имѣю нерѣдкія, и частныя и оффиціальныя, сношенія съ людьми свѣтскими всѣхъ сословій; имѣю честь быть знакомымъ лично со многими лицами такъ называемаго лучшаго общества нашего многолюднаго города; бывалъ въ городахъ и кромѣ своего. Могу сказать, поэтому, что людей я видывалъ, и потому смотрю на жизнь, какъ мнѣ кажется, такъ, какова она есть. безъ всякихъ предубѣжденій. и, слѣдовательно, могу сказать правдивое слово. Защищать духовенство я совсѣмъ не имѣю надобности.

Хроникёръ того же журнала, изъ котораго я привелъ выписку, говорить: «наше духовенство не удовлетворяетъ требованіямъ современнаго общества». Но при этомъ онъ не потрудился сказать: кого разумѣеть онъ подъ словомъ: «общество» и какія его требованія, чѣмъ сказать, однакожь, было бы необходимо. Вѣдь наша матушка Россія велика и общество — ея населеніе — слишкомъ разнообразно и по званію, и по состоянію, и по образованію, и по характеру, и по образу жизни, и даже по роду и племени. Какую массу вы встрѣтите тутъ разнообразнѣйшихъ вкусовъ и характеровъ, талантовъ и безталанности, труда и лѣности, простоты и чванства, прямодушія и подлости, разума и нелѣпости, мотовства и скряжничества, доброты и злости, горя и радости, довольства и нищеты, прогресса и отсталости, добродѣтели и порока, благородства и цинизма!... Чему тутъ прикажете подражать и чьимъ вкусамъ прикажете «удовлетворять»? Вѣдь все это присуще «современному обществу»! По нашему мнѣнію, дѣло было бы осмысленнѣе, если бы было сказано, что духовенство не удовлетворяетъ требованіямъ современнаго извѣстнаго класса людей, положимъ — дворянъ, вмѣсто того, чтобы говорить огуломъ: «общество». Дворяне-де и по образованію, и по нравственности, и по вліянію на остальныхъ членовъ общества, и пр., и пр., выше всѣхъ другихъ сословій. Оно всеми другими сословіями уважаемо и любимо; берите примѣръ съ него и старайтесь удовлетворять

его требованіямъ. Но такъ-ли это на самомъ дѣлѣ?... Много лицъ изъ дворянъ, предъ которыми, за ихъ благородство души, умъ, государственную и общественную дѣятельность, невольно съ благоговѣніемъ преклоняешь свою голову: но еще болѣе и такихъ, которые не стоятъ не только подражанія, но и никакого уваженія, по ихъ необразованности и непорядочности жизни. Значить, что дворяне, всѣмъ своимъ сословіемъ, не могутъ служить идеаломъ совершенства и быть образцомъ для духовенства. Слѣдовательно, духовенству и не слѣдуетъ стараться удовлетворять требованіямъ современнаго сословія дворянъ. Притомъ дворяне—не «общество»,—они только небольшая крупица въ нашемъ обширномъ государствѣ; за ними еще много милліоновъ лицъ другихъ сословій. Притомъ, никто и никогда не требовалъ и не потребуетъ, чтобы духовенство удовлетворяло требованіямъ только дворянъ.

Если дворяне не могутъ быть идеаломъ для духовенства, то можетъ быть—чиновники? Опуская многое-многое изъ ихъ быта, мы спросимъ бы г. хроникѣра: случалось-ли ему, какъ говорится, ходить по судамъ? Имѣлъ-ли онъ дѣла въ департаментахъ, окружныхъ судахъ, полицейскихъ управленіяхъ, консисторіяхъ?... Если онъ не имѣлъ къ нимъ лично соприкосновеній и близко не знаетъ ихъ, то мы скажемъ ему: отъ такихъ идеаловъ да сохранить Господь и вашихъ и нашихъ!

Можетъ быть—купцы? Но если взять газеты хоть только за послѣдніе три года, то и не перечестъ однихъ только злостныхъ банкротствъ, не говоря уже о другихъ добродѣтеляхъ.

Идеаль, стало быть, и здѣсь плохой и подражать имъ — дѣло неподходящее.

Можетъ быть, хроникѣръ представить намъ интеллигенцію своего круга — литераторовъ, журналистовъ, фельетонистовъ и прочіи мыслящій и пишущій людъ? Но на это мы скажемъ ему: если только десятая доля того вѣрна, что они другъ о другѣ пишутъ и печатаютъ во всеобщее свѣдѣніе, то согласитесь, что хорошъ-же этотъ кругъ и есть съ чего брать образецъ!

Послѣ этого укажите мнѣ на сословіе, которое бы, всѣмъ своимъ составомъ, удовлетворяло всѣмъ требованіямъ всего остающаго общества,—во всѣхъ концахъ Россіи. Укажите, что такое-то сословіе дошло до такого состоянія, что усовершенство-

ваній болѣе уже не требуетъ. Указать этого нельзя. Укажите хоть на одно лицо въ свѣтѣ, изъ временъ минувшихъ и настоящаго, которымъ были бы довольны всѣ. Не укажете и этого. Укажите, наконецъ, на два лица, которыя были бы довольны другъ другомъ во всемъ. Конечно, не укажете и этого. Если все это невозможно, то какъ же возможно то, чтобы нѣсколько десятковъ тысячъ личностей, разнообразныхъ и по образованію и по характеру, и по образу жизни, удовлетворяли требованіямъ милліоновъ людей, еще болѣе разнородныхъ и разнообразнѣйшихъ между собою и съ безчисленно разнообразнѣйшими ихъ требованіями!

Между тѣмъ, среди духовенства, лицъ высокообразованныхъ и высокоправственныхъ, по относительному количеству, несравненно больше, чѣмъ во всѣхъ другихъ сословіяхъ. Возьмите петербургское духовенство и сравните съ остальными гражданами столицы—низшій классъ оставьте даже въ покоѣ—и вы увидите, что перевѣсъ на сторонѣ духовенства. Возьмите въ любой губерніи духовенство, дворянъ, чиновниковъ и купцовъ и сравните, опять, конечно, по относительному ихъ количеству. Въ каждой губерніи вы непременно найдете человѣкъ 700 священниковъ и псаломщиковъ съ полнымъ образованіемъ средняго учебнаго заведенія, есть съ образованіемъ академическимъ, и изъ всего количества 40% окончившихъ полный курсъ среднихъ и высшихъ заведеній есть непременно. Переберите, потомъ, всѣхъ служащихъ чиновниковъ во всѣхъ переполненныхъ ими присутственныхъ мѣстахъ и вы увидите много-ли тамъ окончившихъ полный курсъ гимназій. А на служащихъ и неслужащихъ дворянъ и купцовъ придется, просто, рукой махнуть. Журналовъ и ученыхъ изслѣдованій у насъ, опять, разумѣется, сравнительно съ количествомъ лицъ, несравненно больше. Ученыя произведенія наши не уступаютъ любому произведенію свѣтскому. О нравственномъ же содержаніи всей духовной литературы и говорить нечего. У насъ нѣтъ ни ругательства, ни небрежанокъ, ни глупыхъ и едвали нравственныхъ романовъ и повѣстей, ни унижающихъ человѣческое достоинство пасквилей другъ на друга. Точно также, не въ упрекъ, а въ видахъ исторической правды, мы можемъ спросить: кѣмъ населены Сибирь, Сахалинъ? кто ихъ каторжники? кѣмъ переполнены тюремные

замки? чи ведутся процессы въ мировыхъ учрежденіяхъ, окружныхъ гражданскихъ и уголовныхъ судахъ? Участвовали ли хоть одинъ, не только что священникъ, но даже хоть послѣдній пономарь, въ государственныхъ преступленіяхъ?... Этого никогда не было, и можемъ ручаться головой за все православное духовенство Россіи, что никогда этого и не будетъ.

Въ статьѣ г. Минцлова, помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ «Юридическаго Вѣстника» за 1881 годъ находимъ слѣдующее, не лишнее интереса, при современныхъ толкахъ о духовенствѣ, свѣдѣніе: «по уголовно-статистическимъ свѣдѣніямъ, изданнымъ министерствомъ юстиціи, за 1873—77 гг. получается 36 осужденныхъ на 100,000 крестьянъ; между тѣмъ, другія сословія даютъ гораздо большія цифры; такъ дворяне осуждаются въ числѣ 910 на 100,000 дворянъ; почетные граждане и купцы даютъ 58 осужденныхъ на 100,000; мѣщане—110; отставные нижніе чины и ихъ семейства также 110; духовенство осуждается лишь въ размѣрѣ 1,71 (т.-е. менѣ двухъ человекъ) на 100,000 духовныхъ лицъ и относится къ крестьянамъ въ этомъ отношеніи приблизительно какъ крестьяне къ дворянамъ».

Я нимало не говорю, что духовенство свято. Въ консисторіяхъ нашихъ часто производятся дѣла о безпорядочной жизни кого-либо изъ причта. Но въ чемъ эта безпорядочность? Духовенство судится, почти исключительно, за нетрезвую жизнь. И это опять не потому, чтобы духовенство безобразничало по купечески, или какъ, въ былое время, провинціалы-дворяне, — нѣтъ, у насъ преслѣдуется и то малое, на что въ другихъ сословіяхъ не обращается и вниманія. При томъ, если вникнуть въ нашу сельскую жизнь и всю ея обстановку, то нужно еще удивляться, что пьянства такъ мало. Изъ того, что будетъ мною сказано ниже, я надѣюсь, что читатель ясно увидитъ, что сельскому духовному лицу нуженъ твердый-твердый характеръ, чтобъ не сдѣлаться пьяницей. Поэтому духовенство должно бы было пользоваться большимъ уваженіемъ и большими симпатіями общества, нежели какъ это есть на самомъ дѣлѣ.

Послѣ этого самъ собою слѣдуетъ вопросъ: почему же общество недовольно духовенствомъ, безпрестанно печатно осуж-

часть его и требуетъ, чтобы оно удовлетворяло всѣмъ требованіямъ его, не требуя этого отъ другихъ сословій?

Дѣло просто: общество раздѣляется на извѣстныя группы: дворянъ, военныхъ, чиновниковъ, купцовъ, крестьянъ и пр. Каждая группа поставлена въ извѣстныя, опредѣленныя рамки: того, что усвоила себѣ извѣстная группа, она уже не потребууетъ отъ другой; напримѣръ, никто не потребууетъ, чтобы дворянинъ самъ лично пахалъ, сѣялъ и проч.; отъ мужика никто не потребууетъ учености, чтобы онъ ходилъ во фракѣ, лайковыхъ перчаткахъ и под. Группы эти такъ опредѣлились, что всѣ онѣ живутъ своею, самостоятельную жизнью, съ собственными достоинствами и недостатками, не прикасаясь одна къ другой. Духовенство составляетъ тоже отдѣльную группу, но она стоитъ въ серединѣ этихъ разнороднѣйшихъ группъ. Не принадлежа ни къ одной, она, въ то же время, составляетъ со всѣми ими одно. Миссія духовенства: соединить разнороднѣйшія части общества въ одно цѣлое, вселить общее другъ къ другу довѣріе, любовь и быть руководителемъ въ любви къ Богу и ближнимъ. Поэтому оно ко всѣмъ группамъ должно соприкасаться въ одинаковой степени и на всѣ имѣть сильное вліяніе. Такъ — по идеѣ. Но на дѣлѣ — въ самой жизни — дѣлается наоборотъ: оно само находится подъ вліяніемъ общества. Всѣ его жизненныя силы, даже послѣдній кусокъ хлѣба, находятся въ рукахъ общества и общество производитъ на него такое сильное давленіе, что вліяніе на него духовенства остается едва замѣтнымъ. Вслѣдствіе такого неестественнаго положенія дѣла, каждый членъ общества считаетъ духовенство зависимымъ отъ него, а себя — въ правѣ не только желать, но даже требовать отъ духовенства всего, что присуще его характеру и направленію. Духовенство или, точнѣе, священника разрываютъ на части во всѣ стороны: всякій требуетъ своего, нисколько не обращая вниманія на то, кто онъ и чѣмъ онъ долженъ быть на самомъ дѣлѣ. Поэтому всѣ разнороднѣйшіе члены общества возлагаютъ на него такую массу обязанностей и требованій эти до того разнообразны и часто несовмѣстимы одни съ другими, и до того иногда нелѣпы и дикы, что выполнить ихъ нѣтъ никакой возможности. Эта масса требованій, эта несовмѣстимость ихъ однихъ съ другими и эта нелѣпость и дикость ихъ — и бывають

причиною такихъ безцеремонныхъ и безпощадныхъ порицаній, какимъ подвергается духовенство. Духовенство если и имѣетъ слабое вліяніе на общество, то оно проявляется только въ низшихъ слояхъ общества; но тамъ, что считаетъ себя хоть чѣмъ-нибудь выше мужика, и это слабое крайне сомнительно. Но за то тутъ претензій и требованій отъ священника несравненно больше, и требованія эти, большею частію, одно другаго нелѣпѣе.

Для ясности сказаннаго мною укажу на жизнь священника, у котораго большинство прихожанъ крестьяне, но гдѣ, тутъ же въ приходѣ, есть и дворяне, и одни изъ нихъ—вообще какъ господа сельскіе помѣщики; другіе—дворяне, что-нибудь читающіе; третьи—между которыми есть барыни старья и барыни молодья; есть люди ученые, чиновники, купцы, раскольники; гдѣ есть земская школа, врачъ и сельскія власти и, какъ типунъ на языкѣ, свой пьяный причтъ. Посмотрите на ихъ требованія отъ священника! Послѣ этого взгляните на жизнь священника за предѣлами его прихода: у него есть общее—государственное правительство, при которомъ, между прочимъ, какъ метеоры, блуждаютъ еще неопредѣлившіеся различные статистическіе комитеты; у него есть непосредственный начальникъ—епископъ, есть канцелярія. Взгляните и на ихъ требованія!!...

Я выставляю немногихъ, съ кѣмъ соприкасается священникъ, но посмотрите на массу и на разнообразіе ихъ требованій.

II.

Крестьяне лѣтомъ, большею частію, работаютъ и въ праздники. Но имъ желательно и въ церкви помолиться, и работы не опустить. Поэтому они желаютъ, чтобы обѣдни служились рано. Они любятъ священника, когда тотъ живетъ точно такъ же, какъ живутъ они сами,—чтобъ у священника былъ такой же простой домъ, какъ и у мужика; если мужикъ можетъ придти къ нему во всякое время; если священникъ не прогнѣвается, когда тотъ затопчетъ и загрязнитъ у него полы; часъ—два потолкуеть съ нимъ объ урожаѣ, скотинкѣ, недоимкахъ, рекрут-

чинѣ, и вмѣстѣ съ нимъ выплеть; если священникъ самъ потомъ пойдеть къ нему на крестины, свадьбу, поминки, и вмѣстѣ съ нимъ напѣтся тамъ пьянъ; надѣнетъ мужицкій кафтанъ и поѣдетъ вмѣстѣ пахать, косить, въ лѣсъ, и т. п. Про такихъ священниковъ, обыкновенно, крестьяне говорятъ: нашъ попъ—душа! Онъ настоящій нашъ братъ—мужикъ: работаетъ съ нами вмѣстѣ, даромъ что попъ; къ нему иди запросто за всякое время: онъ и самъ выплеть и тебѣ подшесеть». Такіе отзывы мнѣ не разъ приходилось слышать отъ крестьянъ о своихъ батюшкахъ. Значить: чтобы удовлетворять «требованіямъ современнаго общества»—крестьянъ, священникъ долженъ быть мужикомъ.

Но представьте, что въ этомъ же приходѣ живетъ баринъ. да, на бѣду, еще изъ «крушыхъ». Отъ священника онъ требуетъ совсѣмъ уже не того, что требуетъ мужикъ: до девяти часовъ баринъ, обыкновенно, выспаться не успѣваетъ; поэтому онъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, выразить непремѣнно сожалѣніе, что обѣдни служатся рано. Для него священникъ долженъ быть всегда чисто одѣтъ, а тѣмъ болѣе его семейные. Онъ желалъ бы, чтобы у священника былъ хорошій домъ, съ хорошею мебелью; чтобы у священника была всегда приличная закуска и сервировка; чтобы съ мужикомъ онъ не только не имѣлъ короткихъ сношеній, но чтобы и близко не подпускалъ къ себѣ этого, пропитаннаго дегтемъ и овчиной, хамскаго отродья; чтобы всѣ манеры въ обращеніи были самыя изысканныя, барскія, и сохрани Богъ, если отъ попа хоть чуточку пахнетъ мужицкимъ духомъ, словомъ: чтобы у священника все было по-барски,—чтобы для его барскаго достоинства не было унижительно, когда онъ осчастливить священника своимъ посѣщеніемъ,—зайдетъ къ нему, послѣ обѣдни, на стаканъ чаю и рюмку водки. Стало быть: чтобы удовлетворять «требованіямъ современнаго общества»—дворянъ, священникъ долженъ быть бариномъ.

Если баринъ что-нибудь читаетъ — хоть мѣстную газетку, или изъ столичныхъ газетъ ¹⁾, то не всегда высказываетъ мысли

---

¹⁾ Мнѣ лично коротко знакомы: одинъ землевладѣлецъ, имѣющій до 3.000 дес. и до 250,000 р. въ банкахъ, выписываетъ только мѣстную газетку;

свои положительно, безапелляционно. но иногда соглашается съ мнѣніями и другихъ. Вести бесѣду съ такимъ господиномъ еще сносно. Но всѣ разговоры съ гг. помѣщиками, обыкновенно, ведутся на одну тѣму: о лѣности мужиковъ, о стѣснительномъ состояніи помѣщиковъ-землевладельцевъ, о потворствѣ крестьянамъ мировыхъ судей и, къ концу-концовъ, разговоръ сойdetъ непремѣнно на карты и собакъ. Карты и собаки для множества помѣщиковъ составляютъ и теперь еще душу ихъ жизни. и снискать уваженіе и расположеніе къ себѣ у такихъ господъ можно только картами и собаками. Однажды мнѣ пришлося ѣхать въ одномъ вагонѣ съ господами помѣщиками, ѣхавшими на охоту. Я сидѣлъ на диванѣ въ углу и на меня, конечно, никто не обратилъ вниманія. Но въ разговорахъ ихъ я услышалъ. однажды, слово «понтеръ». Это меня заинтересовало и мнѣ вздумалось, отъ скуки, пошутить надъ ними и пощупать многоли у нихъ мозговъ. Я подѣлъ къ нимъ поближе. Господа толковали о собакахъ. Я вмѣшался въ ихъ разговоръ и постарался высказать имъ все свое собаководѣніе: я сталъ говорить имъ, что сетерь пмѣетъ такіа-то хорошія качества, а понтеръ такіа-то; что напрасно они въ эти мѣста взяли сетеровъ, а что гораздо лучше было бы взять понтеровъ и проч. И знаете ли? Я не могъ досыта налюбоваться съ какою жадностью они слушали меня и какъ вливались въ каждое мое слово! Въ какихъ-нибудь 20—30 минутъ мы сдѣлались искренними друзьями. При искреннихъ рукопожатіяхъ на прощаньи, я заслужилъ отъ всѣхъ аттестацію умнаго и образованнаго священника. какихъ имъ не приводилось еще встрѣчать въ жизни. А изъ этого и выходитъ, что священникъ, чтобы «удовлетворять требованіямъ современнаго общества» — его собесѣдниковъ-дворянъ. изъ пастыря церкви долженъ сдѣлаться псаремъ.

другой, имѣющій 1,000 дес. и до 200,000 руб. въ банкѣ, выпиcываетъ одинъ московскій журналъ, и всегда за прошлый годъ—подешевле; третій съ 30,000 р. годоваго дохода, не выпиcываетъ и не читаетъ ровно ничего; одинъ, занимавшій видное мѣсто по выборамъ, выпиcываетъ мѣстный листокъ: другой—занимаетъ теперь это видное мѣсто и выпиcываетъ мѣстный листокъ и каррикатурный листокъ изъ столицы. И это—изъ „крупныхъ“. А о мелочи и говорить нечего. Значить, то, что я говорю, не есть налѣченный, ложный отзывъ о сельскихъ помѣщикахъ.

Сельскій Священникъ.

Старая барыня будетъ чить своего приходскаго батюшку-священника выше святителя. если онъ зайдетъ иногда къ ней выпить чашечку кофейку съ цикоріемъ, поиграеть съ ней въ грань-пасьянсъ, посудить о легкости нравовъ нынѣшнихъ молодыхъ людей и будетъ имѣть терпѣніе слушать ея обиденныя сплетни. Стало быть: священникъ долженъ быть салонницей.

Молодая барыня будетъ занимать васъ разговоромъ о новомъ романѣ, который она только-что прочла или читаетъ; объ оперѣ и театрѣ, гдѣ вы никогда не бываете; о несостоявшемся бракѣ лицъ, которыхъ вы не знаете; въ сотый разъ выслушаете о необыкновенныхъ талантахъ ея птенцовъ, и т. под. Правда, бывають разговоры иногда о церковныхъ службахъ и о священникахъ, но какого рода? «Ахъ, — воскликнетъ иная барыня, — какой NN. славный и образованный священникъ! Какъ онъ хорошо служить, настоящій архіерей! И какъ онъ скоро служить! Да и къ чему морить народъ? Я всегда ѣзжу къ нему». Или: «Какой NN. славный священникъ! Онъ даже вовсе не похожъ на священника — настоящій свѣтскій! Съ нимъ всегда пріятно провести время». Но если и вы, при этомъ скажете, для потѣхи, какое направленіе дано, по послѣднему журналу, шиньону — вздернуть-ли онъ на макушку, или откинуть назадъ; какія въ модѣ нынѣ шляпки, дипломаты, ротонды и проч., то вы, во мнѣніи барыни, ужь непременно будете и достойнѣйшимъ, и современнымъ, и образованнымъ священникомъ. А изъ этого и слѣдуетъ: чтобы «удовлетворять требованіямъ современнаго общества» — барынь, священникъ долженъ быть модисткой.

Лицъ, служащихъ въ какомъ-нибудь присутственномъ мѣстѣ, вы расположите къ себѣ только тогда, когда вы выразите ваше сочувствіе, что окладъ жалованья слишкомъ недостаточенъ по ихъ трудамъ; когда вы знакомы хоть сколько-нибудь съ дѣлами ихъ службы; знаете немного общія чиновническія интриги и городскія новости; вѣрите, вмѣстѣ съ ними, всякимъ слухамъ: зайдете вечеркомъ къ этимъ «вѣчнымъ труженикамъ» выпить чаю съ коньячкомъ, а, пожалуй, тутъ же и поѣтъ. Значить: священникъ долженъ быть чиновникомъ.

Встрѣчаешься иногда съ человѣкомъ довольно много читаю-

щимъ. «Ахъ, вы читали?» — спрашиваетъ онъ. — Нѣтъ, не читать еще. — «Прочитайте непременно!» Или слышишь: какой NN. умный священникъ! Какъ онъ много читаетъ!» Значитъ: хоть бы для того, чтобъ не клеймили дуракомъ, священникъ долженъ много читать.

Есть семейства, для которыхъ карты составляютъ жизнь. Если священникъ не играетъ, то онъ никогда не будетъ пользоваться расположеніемъ этого семейства. Правда, въ глаза ему, изъ приличія, полебезятъ: но за то переберутъ его по косточкѣ, лишь только онъ переступитъ порогъ ихъ дома. Напротивъ, всѣ милости изливаются на того, кто способенъ жертвовать своею честью и совѣстью и бываетъ неразлучнымъ ихъ партнеромъ. Стало быть: священникъ долженъ быть картежникомъ.

Купцы — статья иная: они религіознѣе многихъ другихъ сословій, но при этомъ набожность ихъ до того перенутана съ барышничествомъ, что, вѣроятно, большинство изъ нихъ и сами не опредѣляютъ себѣ, кто они — плуты, или люди благочестивые. Употребляя всѣ способы и пользуясь всякимъ случаемъ къ наживѣ, они любятъ читать книги религіознаго содержанія. Не особенно заботясь о чистотѣ своей нравственности, они строго соблюдаютъ посты — по крайней мѣрѣ въ глазахъ другихъ. Вздвигши кого-нибудь при подрядѣ или продажѣ, на сколько хватило мочи, — они ставятъ въ церкви рублевые свѣчи. Иной воротило пуститъ по міру цѣлые десятки чужихъ сиротъ, но за то потомъ сольетъ большой колоколь, или построитъ высокую колокольню. Отъ священника они требуютъ солидности, точности въ церковной службѣ, строгаго соблюденія постовъ, словомъ — святости. Но дѣйствительно купца расположите къ себѣ только тогда, когда вы знаете хорошо биржевыя колебанія различныхъ акцій и облигацій; досконально знаете всѣ торговые обороты по его операци; кольнете, хоть слегка, его соперника и скажете, что у него дѣла идутъ не особенно бойко. Если же вы скажете, что такого-то купца или барина можно легко, по ихъ выраженію, обжечь на-чистую, то онъ готовъ вложить въ васъ всю свою душу. А слѣдовательно: священникъ долженъ быть торгашемъ.

Люди высокопоставленные, или считающіе себя высокопоставленными и богатыми, приглашаютъ, иногда, къ себѣ свя-

щенника, особенно послѣ домашнихъ требоисправленій, на закуску и даже на обѣдъ. Но немного, вѣроятно, и городское духовенство помнить въ своей жизни случаи, чтобы высокопоставленное лицо зашло къ священнику въ домъ, такъ себѣ, попросту—изъ расположенія къ нему, хотя между городскими священниками и протоіереями есть люди, бесспорно, достойные полного уваженія. Изъ этого естественное заключеніе, что на насъ смотреть свысока, считаютъ насъ ничтожествомъ, бывають у насъ считаютъ для себя унижительнымъ, а эти закуски и обѣды, которыми удостоиваютъ насъ, есть не болѣе, какъ подачки—изъ приличія, и онѣ, по моему мнѣнію, только унижаютъ насъ въ глазахъ общества. А слѣдовательно: священникъ долженъ считать себя недостойнымъ и нестоющимъ расположенія и даже уваженія лица, считающаго себя высокопоставленнымъ.

Раскольники требуютъ, чтобы священникъ велъ жизнь совершенно уединенную. Чтобы табаку онъ не только не курилъ самъ, но и не имѣлъ бы съ табачниками никакого общенія и не бывалъ бы въ ихъ обществахъ, дабы не вдыхать въ себя этого зелья; чтобы церковныя службы отиравлялись «истово»—не торопясь, точно,—и пѣлось и читалось безъ пропусковъ все—по уставу; чтобы священникъ читалъ книги исключительно духовнаго содержанія и древнія, «мірской» же книги не бралъ бы и въ руки; чтобы одежда, пища, образъ жизни и пр. и пр., все было «по древнему благочестію». Какъ бы ни были нелѣпы требованія раскольниковъ, но не обращать вниманія на ихъ требованія нельзя: раскольники живутъ среди народа: здѣсь ихъ и дѣти, и братья, и весь ихъ родъ, и всѣ они, болѣе или менѣе, люди состоятельные и потому имѣющіе большое вліяніе на обѣдняковъ. Высасывая послѣдніе соки изъ бѣднѣйшихъ и выставляя себя единственнымъ блюстителемъ «древняго благочестія», они наблюдаютъ за каждымъ шагомъ священника и, потому, малѣйшее отступленіе, по ихъ понятію, отъ «древняго благочестія» выставлется на показъ народу и ставится въ укоръ и священнику и самому православію. А изъ этого и слѣдуетъ, что священникъ долженъ строго держаться «древняго благочестія», церковную службу отиравлять продол-

жительно, не торопясь, — все пѣть и вычитывать по уставу церкви.

При известныхъ болѣзняхъ докторъ требуетъ, чтобы больной ѣлъ въ постъ скоромную пищу; больной не рѣшается и докторъ требуетъ подтвержденія своему опредѣленію отъ священника. Многіе православные желали бы, на сколько возможно, чаще бывать при богослуженіяхъ; но они не могутъ выносить продолжительности службы, а потому просятъ священника «служить поскорѣе». Въ сельскихъ церквахъ, зимою, холодъ и сырость страшны. Не только бѣдные и плохо одѣтые крестьяне, но даже мы, хорошо одѣтые, не можемъ выносить продолжительной службы. У меня, напримѣръ, не проходитъ ни одного Великаго поста, чтобы во время говѣнья не простудилось и не перехворало нѣсколько человекъ. Даже мой собственный сынъ, въ 1879 году, сдѣлался жертвою простуды и померъ послѣ говѣнья. (Слѣдовательно: священникъ долженъ служить скоро и быть нарушителемъ устава церкви.)

Въ тѣхъ особенно мѣстахъ, гдѣ земскіе врачи живутъ не между крестьянами, а въ городахъ, крестьяне не видятъ ихъ никогда и потому, въ совершенной своей безпомощности, безпрестанно обращаются за совѣтами къ своему батюшкѣ-священнику. Поэтому: священнику необходимо, на сколько это возможно, изучать медицину и имѣть маленькую аптечку, чтобы оказывать нуждающимся хоть какую-нибудь помощь.

Земцы, чтобы не выказаться передъ обществомъ ничего не дѣлающими для народа, ассигнуютъ небольшія суммы на народныя школы. Училищныя совѣты разрѣшаютъ открытіе школъ; болѣе дѣятельные члены совѣта по разу въ годъ бываютъ и въ самыхъ школахъ своего уѣзда; по разу года въ три бываютъ въ нихъ и инспекторы народныхъ училищъ; но ни одной школы никогда и нигдѣ не открывалось и не существовало безъ непосредственнаго и дѣятельнаго участія мѣстнаго священника. Священнику приходится убѣдить крестьянъ изъявить желаніе открыть школу; онъ долженъ найти помѣщеніе, пріискать средства на отопленіе, прислугу, учебныя пособія и содержаніе учителя; убѣдить отцовъ и матерей отпускать дѣтей своихъ въ школы, убѣдить самыхъ дѣтей — ходить въ нихъ; самъ долженъ

учить и наблюдать за преподаваніемъ другихъ, словомъ: онъ долженъ быть попечителемъ и учителемъ народной школы.

Между крестьянами, какъ и между другими сословіями, очень нерѣдки семейныя непріятности: то сынъ нагрубить своей матери, то отецъ выгнать изъ дому своего сына, то пьяница-мужъ искалѣчить свою жену... Гдѣ искать защиты и помощи несчастнымъ?! Единственное лицо — это мѣстный священникъ. Онъ непременно долженъ быть умиротворителемъ семейныхъ непріятностей.

Въ народѣ усиливаются пьянство, безправственность, азартныя игры, воровство; мѣстныя же власти всегда пьяны прежде другихъ. Единственное лицо — это приходскій священникъ, который есть и долженъ быть наставникомъ и блюстителемъ народной нравственности.

Иногда, въ приходѣ получается такое начальственное распоряженіе, что крестьяне считаютъ его притѣснительнымъ и обременительнымъ для себя; мѣстнымъ же своимъ властямъ они не всегда довѣряютъ, и потому недоумѣваютъ, что имъ дѣлать — исполнять его, или нѣтъ. И они идутъ къ своему батюшкѣ-священнику за безпристрастнымъ и справедливымъ словомъ. Стало быть: священникъ долженъ быть руководителемъ въ дѣлахъ общественныхъ.

Крестьяне крайне небрежны въ обращеніи съ огнемъ и не предпринимаютъ никакихъ предосторожностей противъ пожаровъ. Сельскія власти, изъ тѣхъ же крестьянъ, рожденные и воспитанные среди беззаботливаго, въ этомъ отношеніи, народа, относятся къ этому дѣлу такъ же небрежно, какъ и ихъ подчиненные. Поэтому, единственное лицо въ приходѣ, которое можетъ что-нибудь сдѣлать полезное, — это приходскій священникъ. И дѣйствительно, многіе священники приказываютъ, чтобъ при каждомъ домѣ были постоянно на-готовѣ кадки съ водой, осматриваютъ пожарные инструменты, велятъ чинить старые и покупать новые, и по нѣскольку разъ въ теченіе лѣта осматриваютъ всѣ дома по деревнямъ и всѣ пожарные сараи.

Во время падежа скота опять только одинъ священникъ можетъ повліять, чтобы были предпринимаемы необходимыя предосторожности и исполнялись предписанныя врачомъ мѣры.

Въ настоящее время, въ нашей губерніи устроилось нѣ-

сколько ссудосберегательныхъ кассъ по селеніямъ: но въ каждомъ такомъ учрежденіи главнымъ дѣятелемъ — опять непременно священникъ. Поэтому: священникъ есть блюститель благосостоянія народа.

Сколько въ народѣ различныхъ такъ называемыхъ колдуновъ, знахарей, ворожей, лекарей и лекарокъ; сколько различныхъ суевѣрій, вредныхъ для религіи, нравственности, благосостоянія и здоровья!.. На священникѣ лежитъ обязанность истреблять суевѣрія народа и быть охранителемъ народнаго благополучія.

Крестьянинъ днемъ, особенно лѣтомъ, занятъ работою и приглашать священника къ больному днемъ ему нѣтъ времени: поэтому онъ ѣдетъ за нимъ, большею частію, ночью, не обращая вниманія ни на какую погоду. А то, что выше мужика по какому бы то ни было отношенію, допекаетъ священника. Хотя и не тѣмъ, но еще больше. Тамъ не пошлютъ за вами въ полночь, но за то продержатъ васъ, ни за что, ни прочто, 3—4 часа, и вытянутъ всю вашу душу всевозможными привредничаньями: привезутъ васъ къ себѣ въ домъ, на примѣръ — крестить, а тамъ окажется, что то кумъ еще не пришелъ, то кума не пріѣхала, а вы сидите и ждите, хотя у васъ дорога, можетъ быть, каждая минута; но на это никто и не подумаетъ обратить вниманія; пять разъ опустятъ термометръ въ купель: пять разъ выразить опасенія, чтобы вы не утопили ребенка. чтобы не упали на него свѣчи, не помяли бы грудки, реберъ. не привить бы болѣзней отъ прежде крещенныхъ младенцевъ въ этой купели и... безъ конца. И священникъ долженъ попусту тратить дорогое время, сидѣть и слушать всякую глупость.

Вы простудились, вамъ нужно только вылежаться и вспотѣть. Но вы не можете употреблять никакихъ потогонныхъ средствъ, потому что вы хорошо знаете, что за вами могутъ пріѣхать изъ дальней деревни и вы должны рисковать тогда простудиться уже на-смерть.... Поэтому священникъ, во всякое время дня и ночи и во всякую погоду, долженъ быть готовымъ для требосиравленій, не смотря на собственную болѣзнь.

Требосиравленія по приходу, по-видимому, есть одна изъ самыхъ легкихъ обязанностей — работа чисто-механическая, но

на самомъ дѣлѣ, ни одна должность въ свѣтѣ, кромѣ развѣ докторской, не донимаетъ, такъ сказать, человѣка, какъ требованія, и именно чѣмъ?—своею безвременностію. Во всякой должности есть опредѣленный часъ труда и опредѣленный часъ отдыха. У священника этого опредѣленнаго часа нѣтъ. Иногда 5—10 разъ оторвутъ васъ, пока вы напишете какихъ-нибудь пол-листа; 20—30 разъ оторвутъ, пока вы прочтете какую-нибудь книгу. Вы не знаете покоя ни днемъ, ни ночью, ни въ какое время года и ни въ какую погоду. При безпрестанныхъ перерывахъ мысль совершенно теряется для всякой умственной работы и вы доходите, наконецъ, до апатіи ко всякому умственному труду.

Всѣ лица, состояція на государственной службѣ, пользуются канцуламъ—мѣсячными и двухмѣсячными отпусками: но священнику такихъ канкулъ не полагается,—онъ долженъ быть на мѣстѣ его службы неотлучно весь свой вѣкъ.

Чиновникъ можетъ числиться больнымъ четыре мѣсяца и получать полное свое жалованье; священникъ же, съ перваго дня его болѣзни, долженъ отдать половину своего содержанія исправляющему его должности. Стало бытъ: священнику и хворать не полагается.

Такимъ образомъ, священникъ, отъ начала своей жизни до гробовой доски есть полный рабъ общества: но общество не довольствуется этимъ: оно требуетъ, вдобавокъ ко всему, еще и совершенствъ чисто-ангельскихъ. Общество знать не хочетъ, что священникъ есть такой же человѣкъ, вышедшій изъ того же общества и живущій среди общества, гдѣ на каждомъ шагу онъ видитъ не только обыкновенныя слабости, но и самыя грубыя пороки; что священникъ имѣетъ тѣ же жизненныя потребности и, слѣдовательно, тѣ же слабости, и потому всякій маломало предосудительный поступокъ караетъ безпощадно. За священникомъ наблюдаютъ каждый его шагъ: что онъ ѣстъ, что пьетъ, сколько времени и даже на чемъ онъ спитъ, чѣмъ занимается, какъ живетъ съ семействомъ, кто у него прислуга—словомъ, въ его жизнь входятъ до мельчайшихъ подробностей. И все это служить тѣмою къ самымъ безпощаднымъ пересудамъ. То, что дѣлаютъ всѣ, общество никакъ не хочетъ допустить, чтобъ

это дѣлалъ и священникъ. Напримѣръ, очень многіе изъ православныхъ ѣдятъ въ постные дни скоромное; но попробуй ѣсть, хоть съ ними же только, священникъ, — и, Боже мой, сколько пойдетъ пересудовъ! Какъ будто не тотъ же церковный законъ лежитъ на каждомъ православномъ, какъ и на священникѣ. Нѣтъ, убѣждены всѣ: мнѣ можно, а попу нельзя. Или, мнѣ не очень давно пришлось быть въ обществѣ дворянъ, гдѣ былъ одинъ изъ предводителей дворянства. Предводитель началъ говорить объ одномъ господинѣ: «О! у него отличный выѣздъ, въ домѣ прекрасная мебель. красавица экономка, ну, вообще, онъ-живетъ, какъ порядочный члѣовѣкъ!» И это говоритъ предводитель дворянства — блюститель народной нравственности! Объ экономкѣ онъ говоритъ публично, нимало не стѣсняясь, хладнокровно, какъ будто онъ говорить, что у этого господина есть цилиндръ-шляпа или енотовая шуба. Держать у себя красавицу онъ считаетъ дѣломъ не только обыкновеннымъ, но и необходимымъ, чтобъ считаться порядочнымъ члѣовѣкомъ. Но впади въ несчастіе священникъ — овдовѣй и, Боже мой, сколько вдругъ посыплется на него со всѣхъ сторонъ всевозможныхъ сплетенъ!... Живи онъ хоть ангеломъ, но отъ гадостей и сплетенъ не уйти. Но если онъ еще къ тому найметъ кухарку, къ своему горю, не совсѣмъ уroda и не старую, то, просто, отъ сплетенъ зарывайся живымъ въ землю.

Но что всего страннѣе, чего понять даже нельзя, — такъ это то, что отъ священника требуютъ и святости и, пожалуй, порока въ одно и то же время. Приходить, напримѣръ, священникъ, въ постъ въ православный домъ и ему предлагаютъ закуску или обѣдъ вмѣстѣ съ собой и говорятъ: «Батюшка! просимъ покорно! Мы надѣмся что вы старыхъ предразсудковъ не держитесь, чтобъ не кушать нынѣ мяса. Вы члѣовѣкъ образованный, васъ нельзя сравнять съ другими». Если священникъ садится и ѣсть, то ясно можетъ замѣтить удовольствіе и радуніе на всѣхъ лицахъ. — священникъ дѣлается душою общества. И тутъ же начинаютъ рассказывать: «вотъ у насъ въ Петербургѣ были крестины постомъ; батюшка церкви N. обѣдалъ вмѣстѣ съ нами и такъ-то кушалъ, что любо, и забылъ, что постъ». И это говорятъ самымъ саркастическимъ тономъ, со всевозможными вымышленными прикрасами. И священникъ

церкви X. дѣлается предметомъ общаго разговора и самыхъ безпощадныхъ пересудовъ, хотя все это говорится, конечно, въ самыхъ приличныхъ формахъ. «А въ прошломъ году,—говоритъ хозяинъ,—къ намъ въ деревню пріѣхалъ архіерей; поваръ нашъ сварилъ сперва двѣ курицы, потомъ въ бульонъ пустилъ рыбки и владыка, ничего, кушалъ. Ужъ конечно, онъ видѣлъ, что это не рыбій супъ, а ѣлъ, потому что онъ умный человекъ, безъ старыхъ предразсудковъ. Да и къ чему?» Тутъ и пойдутъ перемывать всѣ косточки архіереевъ. Священника приглашаютъ играть въ карты. Если онъ сядетъ, то, видимо, бывають всѣ довольны. Но тутъ же переберуть по суставчику какого-нибудь священника, съ которымъ они до этого времени играли, конечно, съ такимъ же удовольствіемъ. И все въ этомъ родѣ въ жизни священника. Намъ кажется, что общество само не установило еще положительнаго, опредѣленнаго понятія о томъ, что ему нужно отъ священника. А изъ этого слѣдуетъ, что священникъ долженъ быть въ высшей степени строгъ къ себѣ, ни на минуту не забывать, что онъ священникъ, и не увлекаться добродушіемъ каждаго.

Вотъ требованія прихожанъ отъ своего священника! Но онъ имѣетъ сношенія не съ одними своими прихожанами,—съ меньшими требованіями къ нему относятся и изъ-за предѣловъ его прихода.

III.

Всевозможные статистическіе комитеты за свѣдѣніями всѣхъ возможныхъ родовъ непременно обращаются къ священнику. Такъ губернской статистическій комитетъ каждаго года требуетъ свѣдѣній о числѣ родившихся вообще, о родившихся по временамъ года, о числѣ незаконнорожденныхъ, двойней, тройней, уродовъ: о брачующихся холостыхъ съ дѣвицами, холостыхъ со вдовами и пр.; умершихъ по возрастамъ и временамъ года.

Другіе комитеты требуютъ свѣдѣній этнографическихъ, топографическихъ и метеорологическихъ,—о направленіи господствующихъ вѣтровъ, средней температуры зимы и лѣта, вре-

мени вскрытія рѣкъ, количества выпадающей влаги и пр.; священникъ долженъ, стало быть, имѣть и барометры, и термометры. и дождемѣры и пр.; наблюдать, вести журналы и сообщать свѣдѣнія.

Нерѣдко случается, что изъ столицы командируютъ какого-нибудь господина для собранія свѣдѣній по извѣстной отрасли науки. Самому ему потрудиться лѣнь, да и немного подѣлаеть онъ, не зная края, въ который отправленъ онъ; поэтому онъ благоразумно и разсудитъ, что для него гораздо легче собрать нужныя ему свѣдѣнія чрезъ мѣстныхъ поповъ. Но и съ попами связываться ему, великому барину, низко. Тогда онъ, не церемонясь много, высылаеть свою программу въ консисторію и проситъ, чтобы духовенство доставило нужныя ему свѣдѣнія. Консисторія, обыкновенно, безъ разсужденій: Приказали.... и дѣлу конецъ. Есть у васъ время, или нѣтъ, — кому до этого дѣло, — собирай свѣдѣнія и посылай, потому что тѣ, которые Приказали, сами лично никогда этого не писали и умѣютъ только приказывать.

А „Вольное Экономическое общество“ что дѣлаеть! Я боюсь даже утомить читателя только перечнемъ отнихъ тѣхъ свѣдѣній, какія оно требуетъ, — такая ихъ масса. Отъ священника оно требуетъ:

«Количество ревизскихъ душъ—мірскихъ или обладныхъ, наличныхъ по послѣднему семейному списку; число рабочихъ 50—60-ти лѣтъ; въ какомъ году кто отдѣлился; сколько имѣеть усадебной земли, сколько имѣеть земли казенной или надѣльной, наследственной или четвертной, купленной самимъ хозяиномъ, артелью, общиной; сколько земли занимаетъ пахатной, луговой, огородной; сколько за какую платитъ; сколько удобряеть земли и по сколько вывозитъ навозу на полевую землю; сколько продаетъ земли, т-е. отдаетъ въ наймы: съеть-ли ленъ, коноплю, табакъ и пр., сколько засѣваетъ этими растеніями и по сколько пудовъ на десятину высѣваетъ; сколько пудовъ получилъ въ прошломъ году хлѣба и какого съ десятины; сколько четвертей и какого хлѣба продалъ и на какую сумму; сколько скота: рабочихъ лошадей и воловъ, сколько молодыхъ и гулевыхъ, рогатаго скота, лошадей и коровъ, сколько овецъ и свиней, сколько держитъ скота на чужой землѣ и по какой цѣнѣ платитъ за каждую штуку; сколько пало скота отъ чумы; украдено лошадей въ 5 лѣтъ; сколько грамотныхъ и учащихся; какии промыслы занимаются—отхожимъ или кустарнымъ, сколько среднимъ числомъ зарабатывается въ годъ; сколько человекъ было изъ семьи въ заработкахъ—въ своей деревнѣ, на сторонѣ, сколько времени пробыли въ заработкахъ; сколько членовъ семьи кабалилось и на какіе сроки; сколько членовъ семьи нищенствовалъ; сколько платится на душу повинностей: выкупнаго платежа или оброч-

наго за землю сбора, подуш аго или госуда; ственнаго земскаго сбора, земскихъ сборовъ волостныхъ сборовъ, сельскихъ сборовъ за пастьбу скота, сторожамъ на школу, пожарные инструменты и под., всего сколько со двора; сколько недоимокъ; до какаго времени «хватно своего хлѣба на продовольствіе въ прошломъ году и проч., и проч., и проч.

Не правда-ли, что масса свѣдѣній страшная! Прошу, при этомъ, имѣть въ виду, что эти свѣдѣнія требуются по каждому дому отдѣльно. А у меня, напримѣръ въ приходѣ до 600 домовъ. Гдѣ собрать всё эти свѣдѣнія? Нужно разъ по пяти сходить: въ волостное правленіе, къ волостнымъ и сельскимъ писарямъ, старостамъ, сборщикамъ податей, объѣхать всё деревни и обойти всё дома. А тутъ: то того не застанешь дома, то другаго, то третьяго; въ иной деревнѣ и домъ побываешь 4—5 разъ и даже болѣе. Сколько тутъ нужно употребить труда, сколько написать листовъ цифръ и сколько потратить, можетъ быть, самаго дорогаго времени! Какъ ни мечись, а въ одинъ мѣсяць этой работы не сдѣлаешь.

Предполагается, напримѣръ, въ губерніи издать «Сборникъ матеріаловъ для описанія губерніи», въ который должны войти историческіе очерки городовъ, сель, деревень мѣстностей, отдѣльные историческіе эпизоды, біографіи замѣчательныхъ лицъ, документы, мемуары; описанія этнографическія: описанія народностей, разселенія, бытъ, нравы, обычаи, одежда, занятія, вѣрованія, и пр., и пр., географія, статистика, описанія, бібліографія и пр.. За всѣми свѣдѣніями обращаются—къ священникамъ.

Устраивается, напримѣръ, мѣстный городской музеумъ—священникамъ опять рассылаются циркуляры съ подробными наказами.

Есть извѣстное правило: «не дѣлай ничего самъ, что могутъ сдѣлать за тебя другіе». Гг. статистики и держатся крѣпко этого правила: вали на поповъ—сдѣлаютъ; не то—опять въ консисторію. А консисторіи суть такое учрежденіе, гдѣ, во многихъ изъ нихъ квіетизмъ развитъ до крайнихъ предѣловъ. По второму требованію консисторія предпишетъ «строжайше» и сдѣлаетъ выговоръ «за обрѣмененіе» епархіального начальства излишнею перепиской. Слѣдовательно: священникъ долженъ бросать всё свои служебныя и домашнія дѣла

и заниматься статистикой, этнографіей, исторіей, археологіей, и проч., и проч.

Все это, однакоже, мелочи: но есть дѣла и покрунѣе этихъ. Въ дѣлахъ напрімѣръ, государственныхъ первой важности—въ дѣлахъ, гдѣ правительство мощную свою силу сознаетъ какъ-бы несостоятельною и нуждается въ пособіи другой силы.—оно обращается къ содѣйствію священниковъ. Нѣкогда, напрімѣръ оспа свирѣпствовала ужасно и была страшнымъ бичомъ для народа; народу гибло множество. Оспопрививаніе и теперь многими считается дѣломъ богопротивнымъ и печатію антихриста, а въ то время— и совѣтъ дѣломъ даже страшнымъ. Священникамъ были выданы поученія и наставленія, которыя они должны были читать въ церквахъ и на базарахъ. Читаль-ли мой батюшка въ церкви—я этого не помню, но помню хорошо, какъ онъ читаль ихъ на своемъ сельскомъ базарѣ. Взберется, бывало, батюшка, къ какому-нибудь мужичку на телѣгу, да и начнетъ махать бумагой во всѣ сторны: «Эй, православные, эй, православные,—кричить, бывало,—идите сюда, слушайте что я читать буду!» На первый разъ къ нему сдвинулся чуть не весь базаръ; во второй разъ подошло ужъ очень мало, а на третій и четвертый—ни одной души. И батюшка пересталъ читать. «Воспа—насланіе Божіе,—говорили мужики батюшкѣ,—объ ней нечего вычитывать; а вотъ кабы ты вычиталь, чтобы господа у насъ дней не отымали, такъ за это мы тебѣ спасибо бы сказали».

Манифестъ объ объявленіи крымской войны читался священниками въ церквахъ. Самая война—была война жестокая: народу погибло множество, много легло тамъ и отцовъ, и братьевъ, и мужей, и дѣтей; новые рекрутскіе наборы были часты, налоги тяжелы; враги были сильны и многочисленны; лучшіе наши военачальники пали, флотъ уничтоженъ, войска наши гасли десятками тысячъ,—народъ пріунылъ. Возбудить надежду на Бога, поднять сильно упавшій духъ народа и усилить ненависть къ врагу—поручено было священникамъ. И они читали воззванія къ народу въ церквахъ, молились вмѣстѣ съ народомъ и употребляли всѣ способы возбудить нравственные силы народа къ перенесенію тяготы, вызванной войною.

Настала великая реформа—освобожденіе крестьянъ отъ крѣ-

постной зависимости.— манифестъ 19-го февраля 1861 года читался въ церквахъ священниками.

Заворошились славяне, потянулись въ Сербію наши голые добровольцы, понадобились всевозможныя пособія и имъ и тѣмъ, кого они защищать ушли. опять,—къ священникамъ, и они собирали пособія.

Объявляется новая турецкая война, — манифестъ о ней опять читался въ церквахъ священниками. Война и эта затянулась,—народъ упалъ духомъ. Поддержать вѣру въ промыслъ Божій, укрѣпить надежду на Его милосердіе.—съ полною любовію къ царю и отечеству. священники молились вмѣстѣ съ народомъ.

Явилась нужда въ добровольномъ флотѣ; потребовались пособія воинамъ,—священники и здѣсь были въ числѣ первыхъ жертвователей отъ себя лично и сборщиками жертвованій по приходамъ.

Въ послѣднее время министерство народнаго просвѣщенія пришло къ убѣжденію, что «усиѣхи народной школы, по самой задачѣ ея, состоящей въ утвержденіи религіозныхъ и нравственныхъ понятій среди народа. естественно обусловливаются степенью участія, какое въ веденіи ея принимаетъ наше православное духовенство». «Нѣтъ сомнѣнія,—говорится въ министерскомъ распоряженіи,—что сословіе сіе. призываемое на поприще народнаго образованія и долгомъ пастырства. и волею Монарха. и историческимъ значеніемъ православной церкви въ судьбахъ отечественнаго просвѣщенія. обязаннаго ей высокими заслугами. можетъ. по своему умственному развитію и по близости къ народу, при должномъ на него вліяніи. оказать въ семь отношеній большія заслуги». А если и волею Монарха, и распоряженіемъ министерства народнаго просвѣщенія религіозно-нравственное воспитаніе народа ввѣряется священникамъ. и они доказали уже пользу, приносимую ихъ трудами, и вновь призываются къ этому тяжелому труду. то, стало быть, государство возлагаетъ на нихъ большія надежды и увѣрено. что они могутъ принести большія заслуги государству.

Св. синодъ запретилъ преподаваніе закона Божія свѣтскими лицами въ учебныхъ заведеніяхъ и ввѣрилъ

преподаваніе его исключительно только священникамъ.

Наконецъ, въ срединѣ 1879 года «распространились лживые слухи и толки о предстоящемъ, будто-бы, общемъ передѣлѣ земель». Министръ внутреннихъ дѣлъ издалъ циркуляръ, гдѣ онъ объясняетъ, что «ни теперь, ни въ послѣдующее время, никакихъ дополнительныхъ нарѣзокъ къ крестьянскимъ участкамъ не будетъ и быть не можетъ». Дѣло это, кажется, чисто гражданское. Отъ дѣлежа имѣній уклонился и самъ Господь (Лук. XII, 14). Для этого есть и губернаторы, и полиція, и всѣ власти; но, однакоже, правительство нашло необходимымъ подтвердить это объявленіе авторитетомъ церкви и, конечно, при участіи священниковъ. Объявленіе министра читалось въ церквяхъ священниками. А это все значить, что представители и служители церкви, предъ правительствомъ и народомъ, имѣютъ великое значеніе въ дѣлахъ государственныхъ первой важности.

IV.

Не легко, какъ намъ кажется, священнику выполнить и тѣ «требованія общества», какія нами указаны; но все это ничто предъ тѣми обязанностями его, какія лежатъ на немъ — собственно какъ на священникѣ.

Кто такой священникъ, по ученію слова Божія, и какія его обязанности не по «требованію современнаго общества», а по требованію того же слова Божія?

Священниками мы дѣлаемся совсѣмъ не такъ, какъ чиновникъ изъ писца дѣлается столоначальникомъ. Между тѣми и другими большая разница, какъ въ отношеніи ихъ обязанностей, такъ и въ самомъ опредѣленіи на должность. Тамъ дѣло просто: начальникъ черкнулъ два слова, и сталъ писецъ столоначальникомъ, и сдѣлался Ванюшка—Иваномъ Иванычемъ. У него только немного повыпрямится горбъ, да на вершокъ поднимется подбородокъ; прежде онъ писалъ, а теперь сталъ подписывать, — вотъ и вся перемѣна. У насъ это не такъ; у насъ дѣло это совсѣмъ не шуточное. У насъ дѣло это со-

вершается не въ кабинетѣ и не за карточнымъ столомъ, а во св. храмѣ. При поставленіи во священника совершается особенный обрядъ и особое таинство рукоположенія. Готовящійся къ рукоположенію наканунѣ еще съ вечера исповѣдуется и читаетъ молитвы, положенныя предъ св. причащеніемъ. Утромъ читаетъ молитвы опять и готовится въ св. причащенію. Самъ епископъ, имѣющій рукоположить его, и вечеромъ и утромъ читаетъ молитвы и готовится къ св. причащенію. Утромъ, большею частію въ праздникъ, епископъ торжественно совершаетъ литургію. Въ срединѣ богослуженія рукополагаемаго торжественно, чрезъ царскія врата, вводятъ въ Святаѣ-Святыхъ — въ св. алтарь. Здѣсь послѣ извѣстныхъ обрядовъ, совершается таинство рукоположенія: рукополагаемый становится предъ престоломъ на колѣни, епископъ возлагаетъ на него руки и призываетъ на него благодать Св. Духа, которая осватила бы рукополагаемаго и дала ему силу и помощь къ достойному прохожденію великаго его служенія. Самъ епископъ молится о ниспосланіи благодати и громогласно призываетъ къ молитвѣ всѣхъ присутствующихъ во храмѣ.

Послѣ этого, рукоположенный, по слову Божію, есть: ангелъ Бога Вседержителя: ангелъ церквей; свѣтъ міра; сынъ земли; пастырь стада Христова; споспѣшникъ Божій; архитекторъ зданія Божія; другъ жениха Христа; земледѣлатель; жатель; воинъ; стражъ дому Господню.

Отъ него требуется, поэтому, чтобы самъ онъ былъ: непорочень, не дерзокъ, не гнѣвливъ, не пьяница, не бійца, не корыстолюбець, цѣломудрентъ, честентъ, страннолюбивъ, любящій добро, справедливъ, благочестивъ, воздержентъ, чадо имущъ въ послушаніи, свой домъ добрѣ правящъ, силенъ наставлять въ здоровомъ ученіи и противящихся обличать, держался правды, вѣры, мира и любви, словомъ—онъ долженъ вести себя такъ, чтобы другіе, видя его добрыя дѣла, прославляли Отца, иже есть на небесахъ.

Ему вручается часть стада Христова и говорится: проповѣдуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ. Стража дахъ ты дому... да слышиши слово отъ устъ моихъ и возвѣ-

стиши имъ отъ Мене. Когда реку грѣшнику: смертию умреша, ты же не возвѣстиши ему, ниже увѣщаеша, да обратится отъ пути своего лукаваго и живъ будетъ: грѣшникъ убо погибнетъ во грѣсѣ своемъ. крове же его отъ руки твоея взыщу. Будь внимателенъ къ себѣ самому и всему стаду, въ которомъ Духъ Святой поставилъ тебя блюстителемъ пасти церковь Господа Бога, которую Онъ пріобрѣлъ свою кровію.

Священникъ долженъ, поэтому, хорошо знать всѣхъ живущихъ въ его приходѣ — лично: домохозяевъ, ихъ семейства, прислугу, жильцовъ: долженъ со всѣми бесѣдовать, испытывать ихъ въ знаніи догматовъ вѣры и правилъ христіанской нравственности: долженъ знать и испытывать всѣхъ живущихъ въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ, относящихся къ его приходу; всѣхъ научать и наблюдать потомъ за каждымъ, точно-ли онъ блюдетъ догматы вѣры и исполняетъ правила христіанской нравственности. Заразившихся ересью, расколомъ, вольнодумствомъ, нерадивыхъ, холодныхъ и порочныхъ долженъ научить, обличить, умолять, потому что каждая душа дана ему на сохраненіе и онъ отвѣтитъ за каждую душу своею собственною душою.

Чтобы прихожане его имѣли возможность выполнить законъ Божій, священникъ долженъ убѣждать ихъ принимать св. таинства: крещеніе, муропомазаніе и пр. чрезъ которыя благодать Божія возрождаетъ и укрѣпляетъ къ жизни святой и непорочной, къ жизни вѣчной.

Чтобы Господь даровалъ силу къ достойному прохожденію этого труднаго служенія, укрѣпилъ его и пасомыхъ въ вѣрѣ и благочестивой жизни и простилъ прегрѣшенія, священникъ долженъ непрестанно молиться и одинъ, и вмѣстѣ съ пасомыми имъ.

Итакъ: вся жизнь священника, вся дѣятельность, всѣ помысленія, вся душа его — должны быть всецѣло посвящены религиозно-нравственному состоянію его прихожанъ.

Но приложите пастырскія обязанности священника къ нравственному состоянію «современнаго общества». При явной недобросовѣстности и безпорядочности кого-либо изъ прихожанъ, не легко дѣлать внушенія и простому мужику; однако же, все-таки возможно. Но попробуй священникъ дѣлать внушенія лицу

высокопоставленному!.. Мыслимое-ли дѣло, чтобы кто-нибудь допустилъ, чтобы священникъ дѣлалъ ему внушенія, хотя бы тотъ, кому необходимы эти внушенія, былъ отъявленный негодяй?! Допустить-ли это лицо даже самое степенное и понимающее пастырскія обязанности священника?! А между тѣмъ предъ Богомъ равны всѣ, и пастырскія обязанности простираются на всѣхъ одинаково: «грѣшникъ погибнетъ, крове же его отъ руки твоя взыщу»...

По слову Господню, священникъ долженъ увѣщевать сперва наединѣ; если согрѣшающій не послушаетъ, то взять съ собой двоихъ или троихъ и увѣщевать его при нихъ. Ну, и попробуй священникъ прійти съ троими къ кому бы то ни было: одинъ, просто, прогонитъ и отомститъ потомъ; а другой, безъ церемоній, отопретъ тебя къ мировому, а приведенныхъ тобою поставитъ свидѣтелями противъ тебя же въ взведенной на него клеветѣ. Все это какъ-бы шутка; но на самомъ дѣлѣ—все это такъ. Поэтому я, какъ священникъ, говорю, что крайне бываетъ иногда грустно и тяжело, когда видишь безобразія въ приходѣ... Особенно бываетъ всегда грустно при погребеніяхъ. Совершаешь обрядъ и думаешь: гдѣ же душа твоя, усопшій?! Не я ли виновенъ въ твоей гибели, если ты отверженъ Господомъ? Не я ли виновенъ, что я тебя не научилъ, не умолилъ, не обличилъ?!..

Епископство—учрежденіе божественное. Епископъ требуетъ отъ священниковъ, чтобы они были примѣромъ и руководителями для прихожанъ своихъ въ жизни христіанской; заботились о религіозно-нравственномъ состояніи прихожанъ и о благолѣпін храмовъ Божіихъ; часто и благоговѣнно совершали богослуженіе; неупустительно удовлетворяли духовнымъ нуждамъ прихожанъ въ требоисправленіяхъ; поучали народъ закону Божію; читали, какъ современные религіозно-нравственные сочиненія и журналы, такъ и древнія сочиненія, въ особенности тѣ, которыя служатъ основаніемъ сектаторамъ въ ихъ толкахъ; вели возможно-частыя бесѣды и съ своими православными прихожанами и съ сектаторами, излагали бесѣды свои на бумагѣ и представляли ихъ на разсмотрѣніе установленной цензуры.

Консисторія—это учрежденіе не божественное, но имѣетъ власть надъ пастырями Христовой церкви, если не по праву,

то въ дѣйствительности, болѣе епископской. Есть консисторіи, которыя, при прикосновеніи къ нимъ кого бы то ни было, — духовнаго или свѣтскаго лица, — смотреть не только на важность дѣла, но и на то, насколько это лицо состоятельно. Епископу въ нѣсколько разъ болѣе дѣла, чѣмъ всему ареопагу консисторіи и, между тѣмъ, ни въ одной епархіи, какія намъ извѣстны, не было примѣра, чтобы онъ выражалъ обремененіе дѣлами: при Божіей помощи, онъ трудится безропотно. Въ иныхъ же консисторіяхъ не проходитъ и дня, чтобы не было наложено нѣсколько штрафовъ и не было сдѣлано нѣсколько выговоровъ только «за обремененіе епархіальнаго начальства перепискою». Эти консисторіи съ духовенствомъ поступаютъ по отечески — по «Домострою»: онѣ «не бьютъ ни по уху, ни по лицу, ни кулакомъ подъ сердце, ни пинкомъ, ни посохомъ не колятъ, ни желѣзомъ, ни деревомъ не бьютъ, а только, сойма рубашку, вѣжливенько плетью съ наказаніемъ», — онѣ штрафуютъ за каждую бездѣлицу, и штрафуютъ рублей по 20—25-ти. Это опять, знаете, по «Домострою»: «и разумно, и больно, и страшно, и здорово».

Высшая духовная власть употребляетъ всѣ усилія, чтобы хотя сколько-нибудь улучшить матеріальный бытъ духовенства. Между прочимъ, она сдѣлала распоряженіе, чтобы епархіальная власть употребила всѣ силы на то, чтобы духовенство имѣло церковныя квартиры. Духовенство стало продавать въ церкви свои дома, разумѣется, по оцѣнкѣ постороннихъ лицъ. Но въ одной изъ извѣстныхъ намъ консисторій дѣло это шло такъ: церковь, на примѣръ, не имѣетъ никакой нужды въ ремонтировакѣ и имѣетъ въ банкахъ капиталъ настолько достаточный, что послѣ уплаты за дома у нея остался бы еще достаточный капиталъ. Чтобы совсѣмъ уже не обременять церкви, духовенство разлагало платежъ лѣтъ на десять. II консисторія отказывала. Другая церковь — совсѣмъ бѣдная: у нея не было наличнаго капитала — требовала сама ремонтировки и при покупкѣ должна была сдѣлать долги, по крайней мѣрѣ въ 8⁰/₁₀, — и консисторія разрѣшала. Вотъ тутъ и узнай ея механику!...

При ремонтировкахъ церквей, постройкахъ и починкахъ квартиръ причтовъ, отъ благочиннаго и мѣстнаго священника требуется смѣта, надзоръ за производствомъ работъ и точная

отчетность. Стало быть: священникъ долженъ быть инженеромъ, и техникомъ, и знать работы: каменные, плотничныя, столярныя, малярныя, и пр., и пр.

При межеваніи церковной земли или смежной съ нею, благочинный или ближайшій священникъ должны быть депутатами. Слѣдовательно: онъ долженъ быть и землемѣромъ.

Очень нерѣдко поручается священникамъ дѣлать дознанія или производить слѣдствія. Консисторіи, при этомъ, гг. слѣдователямъ спуска не даютъ и караютъ ихъ штрафами за самыя малый недосмотръ или недоразумѣніе. Стало быть: священникъ долженъ основательно изучить слѣдственную часть, чтобъ не остаться виновнымъ изъ-за чужаго дѣла, и вообще изучать законы.

Теперь покорнѣйше прошу: всѣ «требованія современнаго общества» и всѣ обязанности, лежація на священникѣ,—соединить вмѣстѣ и отнести ихъ къ одному лицу, хотя перечень мой далеко и далеко еще не полонъ. Общество требуетъ отъ священника слишкомъ многого и мы думаемъ, что нѣтъ въ свѣтѣ лица, отъ котораго требовалось бы такъ много. и такъ разнообразны были бы эти требованія.

Что же даетъ священнику само общество?

Нанимая прислугу, мы даемъ ей помѣщеніе, столъ, жалованье, требуемъ отъ нея только извѣстнаго, опредѣленнаго рода службы и даемъ ей всѣ средства выполнять этотъ родъ службы. Какія же средства къ выполненію всего даетъ священнику общество?

Я изложу мою собственную біографію,—и она будетъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ.

V.

По окончаніи семинарскаго курса, правленіе семинаріи опредѣлило послать меня въ академію; но врачебная управа нашла, что я, по слабости здоровья, продолжать дальнѣйшія науки не могу, почему преосвященный и далъ мнѣ священническое мѣсто въ селѣ N.

Женившись на сиротѣ, мнѣ, послѣ рукоположенія, нужно было отправиться въ приходъ, отстоящій отъ города верстъ на

150. Вдова, матушка-теща, могла дать мнѣ деньгами въ приданое за дочерью только тридцать руб. Но они, почти всё, разсорились по консисторіи, по протоіаконамъ, іподіаконамъ, пѣвчимъ и подобному люду, при посвященіи. Епархіальная власть не обезпечила, да и не могла обезпечить своего новаго іерея ни прогонами до прихода, ни квартирою тамъ, ни отопленіемъ, ни хлѣбомъ, ни прислугой,—она не дала ему ровно ничего. Ему дали приходъ, посвятили и сказали: ступай и живи, какъ знаешь, но только съ непремѣнною обязанностію возвышать религіозно-нравственное состояніе своихъ прихожанъ,—посланіе было апостольское: «Ни сапогъ, ни жезла, ни пиры въ путь»... Изъ полученныхъ мною отъ матушки денегъ у меня осталось всего три рубля. Съ этими тремя рублями мы должны были добратся до прихода и существовать тамъ первое время. Съ ведѣлю мы ходили съ матушкой по постояннымъ дворамъ, и искали попутчиковъ-мужиковъ. Наконецъ, мы нашли цѣлый обозъ мужиковъ, привозившихъ сѣно. На нѣсколькихъ дровняхъ мы уложили свое имущество, а на однихъ мы съ женой пристроились сами. Мнѣ было тогда 21 годъ, а женѣ 16. Жена моя, какъ ребенокъ, не видѣвшій деревни и не знавшій быта сельскаго священника, не понимала ничего и отъѣзжала безъ особеннаго горя; но за то матушка не могла скрыть горя, раздиравшаго ея душу.

Первая деревня, куда мы заѣхали отогрѣться и покормить лошадей, была деревня мордовская. Мы выбрали получше избу и заѣхали. Но оказалось, что изба устроена была, какъ называется у нихъ, «по черному». и въ это время топилась. Избы, которыя топятся «по черному», строятся не у однихъ мордвовъ, но и у многихъ русскихъ, въ захолустьяхъ. Избы эти устраиваются: изъ глины сбивается огромная печь, но безъ дымовой трубы, а потому весь дымъ, при топкѣ, идетъ въ избу. Не смотря на то, что дверь на это время отворяютъ, изба наполняется дымомъ до того, что чистаго мѣстечка остается всего четверти на двѣ отъ полу. Въ это время ни стоять, ни сидѣть и ни прилечь негдѣ,—нѣтъ дыму только у самаго пола, но такъ какъ дверь отворяется, то прилечь нельзя и тамъ отъ холода изъ отворенной двери. Отъ ежедневной копоти, съ потолка, палатей и полокъ висятъ сосульки, какъ сталактиты. Падающія

капли копоти образуютъ внизу всюду сталагмиты. Побывать въ такой избѣ и не выпачкаться до-нельзя нѣтъ никакой возможности. Половъ и лавокъ крестьяне эти не моютъ никогда и только разъ 5—10 въ годъ подчищаютъ скребками; самые даже столы грязны до невозможности. Сквозь густой дымъ людей едва видно, но между тѣмъ ребятишки лежатъ себѣ на палатахъ, свѣсивъ головы, и—ничего. Тутъ же подъ столомъ лежало нѣсколько собакъ, а въ углу теленокъ и свинья съ поросятами. Мы измучились, передрогли еще болѣе, чѣмъ въ дорогѣ, одежду всю перепачкали и не чаяли выбраться. Такъ тащились мы три дня; такихъ остановокъ у насъ было нѣсколько и мы пришли въ совершенное изнеможеніе. Наконецъ, приѣзжаемъ въ приходъ, въ свое село. О немъ я и не имѣлъ понятія. Куда же мы въѣдемъ? — спрашиваю. — Въѣзжая квартира есть здѣсь? — Нѣтъ. — Постоялые дворы? — Нѣтъ. — Гдѣ живетъ диаконъ? Мнѣ указали лачугу. — Дьячокъ, пономарь? Мнѣ указали лачуги еще хуже. Поѣдемъ въ церковную сторожку! Приѣзжаемъ и видимъ: небольшая каменная церковь облыняла, ограда развалилась; церковная сторожка—это маленькая, гнилая, покосившаяся, полураскрытая избенка. Мы вошли: полъ земляной, два полуаршинныхъ оконца покрылись слизью, стѣны мокрая, углы загнили и заросли плѣсенью. Что мы, — думаю, — будемъ тутъ дѣлать?! Сейчасъ разнеслась молва, что приѣхалъ молодой попъ, и сбѣжался народъ. Все, что было лучшаго, намъ внесли въ сторожку, другое внесли въ стѣны, а гардеробъ, комодъ, диванъ и стулья разставили по оградѣ. Къ намъ налѣзло зѣвакъ, — и бабъ, и ребятишекъ, со всевозможною своею атмосферою, — столько, что ни стоять, ни сидѣть и ни дышать не было возможности. Это были настоящіе дикари: одна молодая баба дотронется къ женѣ до шеи, другая пощупаетъ косу, третья чуть не уткнется носомъ въ лицо и выпялитъ свои буркалы, и тутъ же, вслухъ передаютъ одна другой свои замѣчанія: «ахъ, а ты глянь-ко, какая у ней коса-то, съ мою руку!» — А какая бѣлая-то! Она, мотри, набѣлена».... Пришелъ мой причтъ. Первымъ дѣломъ дьячокъ выгналъ всѣхъ, потомъ стали судить какъ и гдѣ намъ пристроиться. Посудили, порядили и порѣшили, — что въ сторожкѣ зиму не проживешь; что нужно искать избу у мужиковъ, но что во всемъ селѣ у мужиковъ свобод-

ныхъ избѣ нѣтъ; что если есть у нѣкоторыхъ по двѣ избы, черезъ сѣни, то эти семейства многолюдны и обѣ избы заняты; что нужно просить стариковъ, чтобы они согнали какую-нибудь подобную семью въ одну избу, а другую, на время, дали намъ. Такъ мы и покончили. Подошла ночь. у насъ запасной свѣчи не было, а въ селѣ лавочки не существовало. Сторожъ зажегъ, по обыкновенію, лучину и сѣлъ у «свѣтца» ковырять лапти. Въ избенкѣ набралось столько дыму, что и взглянуть было невозможно. Народъ натаскалъ на полъ снѣгу и патапталь грязи, по крайней мѣрѣ, на полвершка; стѣны были мокры, лавки узенькія, — и спать намъ совсѣмъ было негдѣ. Старикъ нашъ нашель гдѣ-то двѣ скамейки и мы пристроились, а старикъ, какъ котъ, забрался на печку. Утромъ я послалъ за старостой, и попросилъ его, чтобъ онъ отвелъ намъ уголокъ, гдѣ-нибудь у мужика. Нужно было позаботиться и обѣ обѣдѣ; но оказалось, что во всемъ селѣ, кромѣ чернаго хлѣба, котораго мы съ женой, къ слову сказать, не ѣли никогда и не ѣдимъ до сихъ поръ, — кислой капусты и гречневыхъ крупъ, нельзя было достать ничего. Прошелъ день, прошелъ и другой, а квартиры намъ нѣтъ да и нѣтъ. Я послалъ опять за старостой, но тотъ сказалъ моему старику: «скажи ему, что у меня съ похмѣлья его голова болитъ; коль хочеть, такъ, петрошь, самъ придетъ». Посланный мой тутъ же пояснилъ мнѣ, что староста обидѣлся, что я не угостилъ его винцомъ, что ко мнѣ онъ не пойдетъ и квартиры отводить мнѣ не будетъ. Я пошелъ къ нему. Долго онъ ломался надо мной! Я едва не плакалъ, едва не кланялся ему въ ноги; а онъ себѣ сидитъ, какъ пень, какъ и не слышитъ меня, и только: «ты міръ почитай, ты еще молодъ, не знаешь, какъ въ міру жить: у насъ были попы до тебя, да міръ не ломали. Поживешь зиму въ сторожкѣ, а лѣтомъ свой домъ поставишь, а то у старой попадьи купишь». Насилу онъ согласился собрать сходъ и пособить мнѣ — дать квартиру. Но все-таки и послѣ этого я ходилъ къ нему, изо дня въ день, цѣлыхъ двѣ недѣли.

Каждую недѣлю, по субботамъ, въ селѣ нашемъ былъ базаръ. Въ первую же субботу, съ ранняго утра до поздняго вечера, у насъ была сутолока невыносимая: то тотъ, то другой придетъ отогрѣться, а то ввалить и цѣлая толпа, просто — по-

зѣвать. Намъ наносили снѣгу, намяли грязи, сторожку наступили, — смерть, да и только! Утромъ пріѣхалъ народъ къ обѣднѣ. — и опять суетолока еще больше. Вдобавокъ къ этому, трое—четыре крестинъ; кумовья, кумы, ребятишки: говоръ, суетня, пискъ. визгъ, — ложись и умирай! И мы жили такъ двѣ недѣли. Жена моя не выдержала и захворала. На первый разъ ей нужно бы только: сухая и свѣтлая комната, покой, три—четыре ложки хорошаго супу и самая ничтожная медицинская помощь; а у насъ: сырость, гниль, холодъ, тѣснота, безпрестанно народъ. безпрестанно хлопають дверью, большую обдають вѣтромъ со двора; ей нѣтъ уголка—негдѣ ни прилечь, ни присѣсть: негдѣ и нѣтъ человѣка, который бы приготовилъ ей хоть что-нибудь поѣсть; во всей окрестности не было ни доктора, ни фельдшера, посылать же въ уѣздный городъ, за 40 верстъ, за кѣмъ-нибудь изъ нихъ—у меня не было ни копѣйки денегъ. Положеніе наше было страшное. Мы не знали, какъ вырваться оттуда.

Двѣ недѣли, изо дня въ день, я ходилъ къ старостѣ, чуть не каждый день сталъ ходить ко мнѣ и онъ, но уже не одинъ, а съ тремя—четырьмя мироѣдами. Придутъ ко мнѣ мои гости, разсядутся, я пою ихъ чаемъ, а они: «ты насъ уважай: ты знай только насъ; мы тебѣ все дадимъ. Будешь уважать насъ, и мы тебя во всемъ уважимъ; не будешь — такъ лучше уходи теперь же. Ты своей спины не жалѣй. Поклонишься міру, самому слюбится».... Послѣ множества просьбъ, поклоновъ и болѣзненныхъ униженій съ одной стороны; наставленій и ломанья—съ другой, чрезъ двѣ недѣли старики прислали за мной десятника звать меня на сходъ просить міръ о квартирѣ. Долго-долго мнѣ пришлось тутъ толковать съ ними и просить, почти каждаго поодионочкѣ, чтобы дали мнѣ какую-нибудь особую избѣнку. Наконецъ, всѣ согласились дать. Послѣ меня начались перекоры и ссоры между ими самими. Ссоры и крику и тутъ было немало; но дѣло уладилось и здѣсь, и мнѣ велѣно было перебраться къ одному мужику.

У этого крестьянина было двѣ избы, — одна въ улицу, другая во дворъ, съ общими сѣнями и подъ одной соломенной крышей. Въ семьѣ были: старикъ, старуха, три сына женатыхъ и съ дюжину ребятишекъ всѣхъ родовъ и сортовъ. Намъ отвели

переднюю. Вся семья перебралась въ залную, но старикъ и старуха остались съ нами. Изба эта лучше сторожки была немногимъ, но за то сухая. Въ ней кругомъ были лавки, а вверху полати; топилась «по бѣлому»; полъ дырявый и грязный-прегрязный, съ двумя оконцами въ улицу и однимъ во дворъ. Я спрашиваю: „Моете ли вы когда-нибудь полъ?“

— Какъ же, моемъ каждый годъ, къ Пасхѣ!

— Нельзя ли, дѣдушка, вынуть лавки и полати? Мы поставили бы стулья и диванъ.

— Когда вы вынесете изъ избы въ гробу меня, тогда выносите хоть все; а теперь, пока я живъ, не трошь.

Мы поставили все въ сѣни и подъ навѣсъ, а въ избу взяли только самое необходимое. Вечеромъ нужно было поставить самоваръ. У хозяевъ углей не было и я послать въ церковную сторожку. Но сторожь заворчалъ на моего посланнаго: «Двѣ недѣли попъ жегъ церковные угли, а теперь и съ фатеры будетъ жечь? На, да скажи ему, что больше не дамъ». Къ чаю пришелъ къ намъ дьячокъ, сильно выпившій, подошелъ подъ благословеніе и прямо дрюннулся—сѣлъ на постель. «Зачѣмъ,—говорю,—ты, Григорьичъ, сѣлъ тамъ, развѣ тебѣ нѣтъ мѣста на лавкѣ?»

— А почему же и не здѣсь? Почему же и не посидѣть на батюшкиной постелькѣ? Вишь, она какая мягкая! Вы, батюшка, нами не брезгуйте. Мы хоть и пономари, да такіе же люди. А со временемъ и сами пригодимся: пойдете по приходу собирать хлѣбцемъ, я лошадки дамъ. Мужикамъ нечего кланяться за всякимъ дѣломъ. Они—музланы, народъ необразованный. Да вотъ, къ примѣру, и матушка, какъ пойдетъ собирать шерстью, такъ съ ней и пойдетъ моя Федосѣевна. А одна-то она кого знаетъ?

— Зачѣмъ ты, Григорьичъ, вышилъ?

— Вы, батюшка, еще не обглядѣлись. Поживите, такъ хоть съ годокъ къ примѣру, такъ будете пить больше моего. Приходъ нашъ бѣдный, а главное—черный; рукъ приложить не къ чему; весь вѣкъ бѣшься, изо дня въ день, изъ-за куска хлѣба, съ ума сходишь, тоска заѣдаетъ. Ну, и выпьешь у добраго человека рюмочку, какъ будто все горе и забудешь. Ну, и вы, къ примѣру, чашечку чайку налейте.

Вечеромъ, послѣ чаю, мы сидѣли вдвоемъ въ переднемъ углу, а старикъ со старухой—противъ печки, въ другомъ. Жена вязала кружево, а я, какъ и въ сторожкѣ, сидѣлъ безъ всякаго дѣла: говорить съ женой—все переговорено; со стариками—не о чемъ; дѣлать нечего, читать нечего, писать не о чемъ. да и не на чемъ. Что же дѣлать? Да ничего,—сидѣть, да и только. Я думаю, что кто испыталъ въ жизни такое состояніе, тотъ согласится со мною, что самый тяжелый трудъ переносить легче чѣмъ продолжительное состояніе совершенной бездѣятельности. Тамъ можно изнечь, а здѣсь—сойти съ ума, тѣмъ болѣе, что я привыкъ читать.

Старики улеглись спать рано, но намъ спать еще не хотѣлось и мы сидѣли долго. Старуха легла на печкѣ, а старикъ на полатахъ, надъ намию постелью. Когда они захрапѣли, намъ съ женой стало какъ-то отраднѣе: мы почувствовали, что намъ и тепло, и сухо, и свободно,—какъ камень какой-то свалился съ души нашей. Старики рано легли, рано и выспались. Часа за три до свѣта они поднялись, стали топить печку и готовить завтракъ. Со стариками поднялась и вся семья,—и пошло шмыганье мимо насъ и хлопанье дверью. Къ намъ налѣзло ребятшекъ, поднялся визгъ, напустили холоду, крикъ, смѣхъ слезы, и то тотъ подойдетъ, посмотритъ на насъ, то другой; нужно было вставать и намъ, но вставать было нельзя, потому что полна изба была набита народомъ. Я едва могъ упросить, чтобы всѣ вышли, хоть на нѣсколько минутъ, пока мы одѣваемся. Просьбы моей никто не могъ и понять, потому что одѣваться и раздѣваться при всѣхъ никто не считалъ стыдомъ, точно также, какъ никто не считалъ тамъ за стыдъ идти всѣмъ кому понало вмѣстѣ въ баню. Неприлично быть одѣтымъ днемъ—стыдно; но идти всѣмъ, и своимъ и чужимъ, мужчинамъ и дѣвушкамъ, вмѣстѣ въ баню—дѣло обыкновенное.

Утромъ за мною приѣхали изъ деревни звать къ больной, верстъ за 18. Это была первая моя поѣздка въ жизни. Больная была мать крестьянина, старушка лѣтъ 80-ти. Послѣ причастія, пока я одѣвался, она вынула изъ подголовья тряпочку, завязанную цѣлымъ десяткомъ узелковъ, и морщинистыми и дрожащими руками стала развязывать ее. По тому вниманію, съ какимъ она держала тряпочку и развязывала узелки, видно

было, что тутъ хранилось все ея сокровище, все ея благосостояніе. Я видѣлъ, что она хочетъ заплатить мнѣ за мой трудъ. но мнѣ тяжело было разлучить ее съ ея сокровищемъ и я пошелъ—было изъ избы; но старушка уцѣпилась за меня и завопила: «батюшка, батюшка! Куда ты, кормилецъ? Вотъ возьми за труды себѣ». Я остановился и сталъ ждать, пока она возилась съ узелками. Оказалось, что въ узелкѣ было всего два гроша, ихъ-то—свое единственное сокровище—она и отдала мнѣ. Я взялъ ихъ, но мнѣ совѣстно было самого себя, мнѣ казалось, что я сдѣлалъ преступленіе. Съ этого момента я положилъ себѣ не брать больше никогда и ничего за такія требованія, и я держу свое обѣщаніе до сихъ поръ. Такъ памяты мнѣ эти два гроша! Лошаденочка была плохенькая. санишки плохенькія, я проѣздить цѣлый день и перемерзъ до смерти.

Черезъ три недѣли послѣ нашего приѣзда, мы раздѣлили братскую кружку; мнѣ досталось два рубля. Тутъ мы съ женой ожили: мы купили чайку, сахарку, корытце, кадочку, немного рису и четыре калача. Дѣла наши, значить, поправились. Пришелъ рождественскій праздникъ, въ церкви я сказалъ поученіе и, конечно, безъ книги и тетрадки. Послѣ обѣдни къ намъ заѣхалъ управляющій имѣніемъ Ж., съ женой, отставной солдатъ Агафоновъ, женатый на бывшей экономкѣ барина. Агафоновъ ходилъ уже не въ сермягѣ, а по барски, въ сюртукахъ. И онъ и жена его первымъ дѣломъ стали выговаривать намъ что мы горды,—что не были у нихъ до сихъ поръ и что мы заставили ихъ самихъ отыскивать насъ.

Въ одной изъ главъ моихъ Записокъ¹⁾ я говорилъ: «помѣщикъ Ж., въ имѣніи своемъ не жилъ, онъ приѣзжалъ туда только разъ въ годъ на нѣкоторое время. Къ его приѣзду управляющій составлялъ списокъ подростимъ дѣвкамъ и вручалъ ему, при первомъ своемъ представленіи». Этотъ-то управляющій и былъ теперь нашимъ гостемъ.

Писарь, изъ сельскихъ грамотѣевъ, староста и человекъ 10 стариковъ тоже пришли ко мнѣ поздравить съ праздникомъ. Писарь также сдѣлалъ внушеніе моей женѣ, что она не была

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г. т. XXVII. стр. 77.

ни разу у его жены; а староста и старики прямо потребовали водки. При этомъ всѣ мои гости, одинъ передъ другимъ наперерывъ, стали указывать на свою силу и мою отъ нихъ зависимость. Пришлось всѣхъ усадить, всѣхъ выслушивать, всѣхъ угощать и угощать изъ своихъ рукъ. А Агафоновъ выводилъ изъ терпѣнія своею наглостью.

Агафоновъ и писарь похвалили меня за проповѣдь, а старики потребовали настоятельно, чтобъ я такихъ поученій не говорилъ. «Наши прежніе попы читали намъ отъ Божьяго писанія, по большой книгѣ; а что говоришь ты — кто тебя знаетъ. Этакъ-то и всякій говорить умѣетъ, какъ ты говорилъ. А ты намъ читай!».

— Да развѣ вы не поняли, что говорилъ я? Я вамъ и говорилъ-то отъ Божьяго писанія, только что — не по книгѣ.

— Этакъ-то ты и теперь говоришь; такъ въ церкви не говорятъ, тамъ только читаютъ. Ты читай по книгѣ, мы и будемъ знать, что ты читаешь божественное; а то что? Говорить, не знай что, да глядитъ на людей.

— Изъ церковной книги вы ничего не поймете!

— Это все равно. Мы будемъ знать, что батюшка говоритъ намъ Божье писаніе.

Пришлось уступить; послѣ возьмешь, бывало, съ клироса какую-нибудь книгу, положишь на аналой, да и говоришь, что знаешь. И ничего, роптать перестали.

Тотчасъ послѣ обѣда я со всѣмъ причтомъ поѣхалъ съ крестомъ къ бывшему нашему гостю, управляющему Агафонову. За нами притащились дьяконица, дьячиха и пономарица. Хозяева, при первой же встрѣчѣ, задали мнѣ выговоръ, почему не пріѣхала молодая матушка, моя жена. Мнѣ выговаривали, какъ-бы отъ радушія, но собственно грозили, что гордостью своей я наживу только зло и не заслужу ихъ милостей. Тутъ мы пропировали долго, до полуночи. Уѣхать бы, — дожда чужая, дьячкова, а онъ не ѣдетъ да и хозяева не пускаютъ. Въ полуночи перепились всѣ. — и гости и хозяева. Не было мнѣ нравственной силы, чтобы выстоять въ инстинктивномъ отвращеніи! Это была настоящая пытка. Тутъ употребляли, въ дѣло все: и ласки, и просьбы, и обниманья, и цѣлованья, и угрозъ. И брань — словомъ, все, что можетъ дѣлать человекъ, когда во

что бы то ни стало хочеть заставить другаго исполнить его волю. Меня—только что не били. Но я поставилъ на своемъ, и выдержалъ. На прощаньи Агафоновъ далъ намъ, на всю честную братію, 40 к. мѣдью (11^{1/2}). На другой день къ утрени не пришелъ изъ причта никто. Я хотѣлъ-было отслужить хоть часы, но и къ часамъ не пришелъ никто.

Послѣ чаю я пошелъ по селу съ крестомъ славить. Пдти въ одномъ тепломъ кафтанѣ было холодно, а шуба моя была хотя и очень теплая, но страшно тяжелая. О теплыхъ же рясахъ, въ то время, никто изъ сельскихъ священниковъ и не думалъ,—ихъ не было тогда ни у кого. Впрочемъ, это есть одна изъ самыхъ неудобнѣйшихъ одеждъ, а встарину болѣе заботишсь объ удобствахъ. Я пошелъ въ шубѣ. Пришлось, изъ двора во дворъ, лазать по сугробамъ, мѣстами по колѣно. Я измаялся, шубу измочилъ, но къ вечеру все-таки прошелъ все село. Ходить было трудно, невыносимо; но не въ примѣръ тяжелойе того была та нравственная пытка, которую терпишь при этомъ. Приходишь въ домъ, помолишсь, пропоешь, дашь приложиться ко кресту и стоишь. Мужикъ-хозяинъ не торопясь полѣзеть въ карманъ, не торопясь вынетъ оттуда кожаный мѣшочекъ, бессмысленно посмотритъ на него, не торопясь начнетъ разсматривать и развязывать кожаный ремешокъ, засунетъ въ мѣшокъ руку, начнетъ перебирать тамъ деньги и, наконецъ, не торопясь вынетъ и подастъ грошъ. Что чувствуется въ то время, когда мужикъ возится съ своимъ мѣшкомъ, а ты стоишь, смотришь и ждешь,—такъ это непередаваемо. Чтобы понять это, нужно имѣть порядочное образованіе и то безвыходное и безнадежное состояніе, въ которое поставлены мы. Но до такого состоянія не дай Богъ дойти никому!... Въ этотъ день я набралъ около полутора рубля мѣдью (43 к.). Домой пришелъ я поздно вечеромъ, совершенно обезсилѣвшій, голодный, изломанный, мокрый и почти безъ памяти бросился на постель. Жена давно ждала меня съ чаемъ, и упростила поскорѣ выпить стаканъ. Я выпилъ и, дѣйствительно, освѣжилсь. Старуха выбила шубу и развѣсила сушить. Отдохнувши немного, я рѣшился не ходить по деревнямъ, а ихъ у меня было девять. Думаю: моя шуба стоитъ дороже того, что я могу собрать,—не пойду! Но, потому: да чѣмъ же мы съ женой будемъ существовать? Въдѣ

у насъ нѣтъ ни угла, ни хлѣба, ни соли, ни чашки, ни горшка — ровно ничего. А вѣдь все это надобно покупать, а на какія средства покупать? Люди мы брошенные совершенно на произволь судьбы.... Надобно идти! Но, можетъ быть, какъ-нибудь безъ всего этого можно будетъ пока обойтись? Чаю и хлѣба на недѣлю хватить; а тамъ, можетъ быть, случится какой-нибудь доходъ — побольше крестинъ, похороны.... Ну, а если не будетъ ничего, тогда что? Можетъ случиться и это. Надобно идти. Но у меня теперь деньги есть, полтора рубля; чрезъ недѣлю достанется изъ кружки рубля два и — какъ-нибудь обойдусь. Однако гораздо будетъ лучше, если я къ этимъ деньгамъ прибавлю еще. Тогда мы кушимъ мучки, жена сама испечеть, хлѣбъ будетъ и чще и вкуснѣе: купимъ сито и еще что-нибудь.... Лучше идти. Но въ то время, какъ я колебался, старуха, какъ нарочно, разбила нашу полоскательную чашку. И я тотчасъ порѣшилъ идти, и обойти весь приходъ, — всѣ деревни.

Утромъ я пошелъ къ своему нареченному благодѣтелю, Григорьичу, просить его съѣздить со мной въ деревню. На рождественскій праздникъ всѣ члены причтовъ ходятъ славить Христа порознь одинъ отъ другаго. Въ деревнѣ я пошелъ по одной сторонѣ, а Григорьичъ по другой. Когда же мы въ одномъ домѣ встрѣтились съ нимъ, то онъ былъ уже сильно выпивши.

— А вы, батюшка, не бойсь нигдѣ и не присѣли и кусочка не пропустили?

— Нѣтъ.

— Такъ ей Богу, нельзя. Вотъ я, по милости добрыхъ людей, и выпилъ и закусилъ. А такъ нельзя. Вы оставите свою молодую матушку сиротой. Пойдемте къ цѣловальнику, Ивану Федотычу. Предобрѣющій человекъ.

Я, конечно, не пошелъ, но за то не нашелъ потомъ и своего Григорьича, — онъ гдѣ-то пьяный совсѣмъ запропастился. Одинъ добрый мужичокъ довезъ меня до дому. Въ теченіе недѣли я обошелъ весь приходъ и собралъ одиннадцать съ чѣмъ-то рублей ассигн. (3 р. 15 к. сер.).

Наканунъ новаго года ко мнѣ пришелъ сельскій староста и сказалъ, что старики велѣли мнѣ созвать ихъ къ себѣ, послѣ обѣдни, на новоселье.

— Зачѣмъ? Я живу въ чужой избѣ, а не въ своемъ домѣ.

— Да вѣдь эту избу-то міръ же тебѣ далъ, за это и надо міръ угостить. Ты человѣкъ молодой и старыхъ порядковъ не рушь. Новоселье не тобой заведено, не тобой оно и рушится. А противъ міру идти неслѣдь. Коль міръ велить созывать, и зови.

— Ну, созову, что же міръ будетъ у меня дѣлать?

— Какъ что? Ты угости всѣхъ водочкой, и они тебѣ кто мучки, кто пшеница, кто баранинки, а кто и овечку. Ты сдѣлай имъ только честь, а они наградятъ тебя на столько, что самъ будешь сказывать спасибо. Я тебѣ и прежь говорилъ, скажу и теперь: спины своей не жалѣй, — слюбится.

— Сколько же человѣкъ придетъ?

— Человѣкъ тридцать придетъ, а можетъ—больше.

— Да у меня тутъ тридцати и встать негѣ!

— Ничаво. Пока однимъ подносишь, другіе подождутъ на дворѣ. А зови безпремѣнно.

— Ну, зови. Сколько же имъ нужно вина?

— Ведерко нужно.

Ведерко!—думаю. Это значить пропить все, что я собрала въ ведѣлю!

— На ведро-то у меня и денегъ нѣтъ.

— У попа денегъ нѣтъ! У кого же и деньги-то, коль не у попа! Ужъ не у мужика же! Нѣтъ, ты зови.

— Ну, зови.

Проводивши старосту, я задумался: что эта попойка будетъ значить? Я принялъ на себя обязанности пастыря Христова стада. Я долженъ быть руководителемъ ко спасенію прихожанъ моихъ. Мнѣ, пастырю, сказано: «когда реку грѣшнику: смертію умреши, ты же не возвѣстиши ему, ниже увѣщаеши да обратится отъ пути своего лукаваго и живъ будетъ: грѣшникъ убо погибнетъ во грѣсѣ своемъ, крове же его отъ руки твоея взыщу». Мнѣ, пастырю, сказано: «проповѣдуй слово, настоѣ благовременнѣ и безвременнѣ, обличь, запрети, умоли!» И что же? Я завтра гѣйствительно, буду кланяться, настаивать, умолять чадъ Божіихъ, души коихъ вручены моему попеченію; но въ чемъ умолять, Боже мой!... Не въ томъ, чтобы бросили пьянство и не прогнѣвляли Господа своимъ безобразіемъ, а въ томъ, чтобы пьянствовали и еще болѣе прогнѣвляли Господа. Я, пастырь, долженъ буду просить, чтобы врученные мнѣ христіане водку пили, пили у меня въ

домъ, изъ собственныхъ моихъ рукъ, купленную на послѣднія мои средства!... Нѣтъ, это невозможно! Мнѣ сказано: горе мнѣ, аще не благоувѣствую. Какъ же я могу преподавать имъ потомъ правила нравственности, какъ могу увѣщевать ихъ бросить пьянство, когда я завтра самъ же повлеку ихъ къ пьянству и безнравственности? Какъ скажу я Господу: се азъ и дѣти, когда я самъ добровольно отпадаю и влеку къ отпадению тѣхъ, для коихъ я долженъ быть руководителемъ ко спасенію?! Мнѣ, пастырю, сказано: образъ буди вѣрнымъ». Какой же я завтра подамъ образъ? Къ пьянству?... Но, Боже мой! Что же это такое?! И изъ-за чего все это? Изъ-за чего я гублю и себя и другихъ?... Изъ-за того, чтобъ мнѣ не сгнить заживо въ сторожкѣ и не умереть съ голоду... Но вѣдь это и глупо и несправедливо! Неужели мнѣ пришла, въ самомъ дѣлѣ, такая нужда, что я умираю съ голоду и неужели Господь не пропитаетъ меня, если я останусь честнымъ человекомъ, вѣрнымъ его рабомъ, и исполню свято долгъ мой? Слово Божіе говоритъ: «не можете искушиться паче еже можете понести», т.-е. Господь не посылаетъ искушеній выше нашихъ силъ. Стало быть, я нужду свою перенести могу. А если могу, то къ чему навлекать грѣхъ и на себя и на другихъ? Нужду терплю и страшную, это правда; но сколько есть людей на свѣтѣ, которые терпятъ много больше, чѣмъ я! Чѣмъ лучше ихъ я, почему же и мнѣ не терпѣть этой нужды! И неглупо ли, изъ-за куска хлѣба, жертвовать спасеніемъ и своимъ, и многихъ, — цѣлыхъ тысячъ! Я, пастырь, буду просить своихъ пасомыхъ пить вино... Вѣдь этимъ я разомъ и на всю жизнь отнимаю у себя право внушать имъ правила христіанской нравственности! Какъ скажу я имъ: не пей, когда буду поить самъ?! Да, я терплю крайнюю нужду... Но кто виноватъ въ этомъ?... Кто виновенъ въ томъ, что я буду склонять ко грѣху тѣхъ, кого долженъ отклонять отъ грѣха? Конечно, я самъ. Кто навязывалъ мнѣ эту нужду? Я принялъ ее добровольно, какъ добровольно принялъ на себя и тѣ страшныя обязанности, которыя лежатъ на мнѣ, какъ на священникѣ. Нѣтъ, не буду поить! Но... какъ же я выйду изъ моего крайняго положенія, — не могу же я весь вѣкъ таскаться по крестьянскимъ избамъ. И теперь хорошо, но что я буду дѣлать, когда мы съ женой пообносимся, когда пойдутъ у насъ дѣти? Во что бы то ни было, надобно пріобрѣтать свою избенку, хоть такую же, какъ

у дьячка. Какова бы она ни была, но все же намъ въ своей будеть лучше, чѣмъ жить среди мужицкой семьи. А этого можно достигнуть только благосклонностью прихожанъ и благоволеніе ихъ можно снискать только потворствомъ всѣмъ ихъ слабостямъ, или наглостью—драть за всѣ требы и съ богатаго и съ бѣднаго. Какой же буду тогда пастырѣ?! О, еслибъ я зналъ впередъ, что меня ожидаетъ въ жизни, я никогда не принялъ бы на себя этой страшной обязанности пастыря, безъ средствъ выполнить ее!.. Почему я не вникъ въ жизнь священника? зачѣмъ я не разспросилъ священниковъ: какъ и чѣмъ они существуютъ и возможно ли, при ихъ обстановкѣ, выполненіе пастырскихъ обязанностей? Теперь я вижу, что крайняя моя бѣдность и нужда вынуждаютъ меня пренебречь самыми существенными моими обязанностями,—изъ-за куска хлѣба я долженъ сдѣлаться не пастыремъ, а какимъ-то арестаторомъ.

Я дошелъ до отчаянія. Поить — думаю — или не поить?... Поить—значить поступить противъ долга и совѣсти; не поить — значить всѣхъ озлобить: вѣдь я велѣлъ уже придти. Велѣтъ придти и потомъ отказать—это нечестно и значить обидѣть. Что тогда будетъ съ нами, если мужики разсердятся и откажутъ мнѣ въ квартирѣ? Идти опять въ сторожку? Они и теперь смотрятъ на меня, какъ на работника и нищаго, а тогда будетъ еще хуже.... Надобно угостить. Да и погрѣшу ли я противъ долга и совѣсти? Меня поставили пастыремъ; но при этомъ не дали мнѣ ровно никакихъ средствъ къ моему существованію. Правда, мнѣ указали на добровольныя пожертвованія, но какъ они пріобрѣтаются? Почти исключительно цѣною пастырскаго служенія? Хорошо, такъ и быть, теперь я поднесу всѣмъ крестьянамъ, которые придутъ ко мнѣ, по стакану, по два, — только чтобы расположить ихъ къ себѣ, только ради, такъ сказать, дружбы. Но это, конечно, будетъ и первый и послѣдній разъ въ жизни. Теперь я получу ихъ довѣріе, любовь; а при любви они дадутъ мнѣ все необходимое, а водки просить постыдятся. Я разъясню имъ потомъ, какъ тяжело мнѣ было поить ихъ виномъ. Они это поймутъ,—человѣкъ не скотина. Лѣтомъ, можетъ быть, Господь пошлетъ преосвященнаго въ нашъ приходъ. Онъ разъяснитъ значеніе пастыря и подкрѣпитъ въ прихожанахъ моихъ уваженіе

и довѣріе ко мнѣ. Буду надѣяться на Господа Бога и архи-пастыря!...

На новый годъ, послѣ обѣдни, у меня было много требъ въ церкви; я долго не выходилъ. перемерзъ и усталъ; но мужики давно уже стояли у моей квартиры и ждали меня. Подхожу, они всѣ скинули шапки и закричали: «съ праздникомъ поздравляемъ тебя, батюшка, съ новымъ годомъ! Да ужъ и съ новосельемъ-то надо поздравить!» Я поблагодарилъ; мнѣ хотѣлось бы сперва отдохнуть, отогрѣться, выпить стаканъ чаю, и не пригласилъ къ себѣ никого; но они сами всѣ повалили за мной въ избу. Изба моя набилась полнехонька: одни разсѣлись по лавкамъ, другіе на нашу постель, а остальные стали среди избы плотною массою. Такая же куча стояла на дворѣ и въ сѣняхъ. Я далъ старостѣ денегъ, тотъ послалъ десятичника за водкой и велѣлъ принести отъ себя хлѣба и огурцовъ на закуску. Принесли водку, я подаль стаканъ и предложилъ пить. «Нѣтъ,—закричали всѣ въ одинъ голосъ,—мы пришли къ тебѣ въ гости, такъ ты самъ насъ и угощай. Ты прежде выпить долженъ самъ. а тамъ подавай изъ своихъ рукъ и намъ. Тогда мы и будемъ знать, что насъ угощаль молодой батюшка. Мы тебѣ дали домъ, вотъ живи, а ты и за это не хочешь уважить міръ. Нѣтъ, міръ уважай. Выпей сперва самъ, и самъ подноси намъ. Съ міромъ жить надо такъ».

— Я водки не пью и пить не буду.

— Не пьешь, такъ хоть пригубь (хоть къ губамъ приложи стаканъ). Не уважишь міръ, и міръ тебя не уважить: сейчасъ опять ступай въ свою сторожку; а на селѣ и за деньги тебя никто не пустить,—міръ не велить.

Послѣ долгихъ споровъ, я долженъ былъ глотокъ водки выпить, чтобы, этою жертвою моей совѣсти и здоровья, вымолить у этихъ простодушныхъ пьяницъ какое-нибудь пособіе въ моемъ безвыходномъ положеніи. Потомъ почерпнулъ стаканъ и подаль старостѣ. Онъ: «ты, батюшка, міру угождай; мы тебѣ всего дадимъ, что тебѣ надо. Вотъ пошъ Андрей такой казны увезъ отъ насъ, что Боже мой!»

— А ты считалъ его казню?

— Считать—не считалъ, а у него денегъ было много.

— Да почему же у него домишко-то былъ нищенскій?

— Въ такомъ-то теплѣй.

И староста пустился въ разсужденія. Толкуеть, размахиваетъ руками, а я стою передъ нимъ со стаканомъ. Раза три я сказалъ ему, что я стоять передъ нимъ не буду, что коль хочеть пить, то чтобъ пить, а онъ, знай-себѣ, толкуеть. Наконецъ, натѣшившись надо мной, выпить. Подношу другому, тотъ: «ты, батюшка, иди ко мнѣ завсегда. У меня своя drankа; много не дамъ, а на кашу крупокъ завсегда дамъ». Насилу дождался я пока и этотъ взялъ отъ меня стаканъ. Такъ я обошеть всѣхъ и по крайней мѣрѣ четверть изъ нихъ дѣлали мнѣ наставленія и обѣщанія, прежде чѣмъ принимали отъ меня водку. Я одурѣлъ совѣмъ. Когда выпили всѣ,—поднялся крикъ, говоръ, споръ, заговорили разомъ всѣ. Наконецъ, староста закричалъ: «молчать!» «Батюшка! Бери бумага, пиши, кто что дастъ тебѣ, а я буду спрашивать. Я тебѣ дамъ овцу». Я сталъ писать. Одинъ обѣщаль дать осенью ярку,—осенью, когда агнята народятся и выростутъ; другой пару гусей,—когда гусыни нанесуть яиць, выведутъ гусенятъ и они выростутъ; а тамъ: кто пудъ крупъ, кто тушку баранины, и т. п. Какъ только переписались всѣ, староста велѣлъ поднести еще по рюмкѣ всѣмъ, а ему двѣ; велѣлъ выходить всѣмъ, и прислать тѣхъ, которые ждали во дворѣ. Съ этими была почти такая же исторія. Голодный, измученный и физически и нравственно, я совѣмъ отупѣлъ. У меня разгорѣлась голова, разболѣлась грудь, заломили ноги. Я почти безъ чувствъ бросился на постель и заплакалъ когда ушелъ отъ меня послѣдній мужикъ.

На другой день ко мнѣ пришли четыре мужика. Одинъ принесъ тушку баранины, другой пару колотыхъ гусей, и двое по пуду муки. «Вотъ тебѣ, батюшка, за вчерашнюю хлѣбъ-соль! Да ужъ и опохмѣли. Вчера ты только раздразилъ; ну, староста и купилъ міру, на наши же мірскія, ведерко, а тутъ N. N. попался съ чужой рожью, — и его обмыли велеркомъ. Теперь вотъ голова-то и болитъ». Я послалъ за водкой и поднесъ по три рюмки, безъ всякихъ уже колебаній. Тѣхъ волненій, какія мучили меня третьягодня, не было и въ поминѣ. Теперь мнѣ не нравился только самый процессъ потчиванья, но и то не особенно,—мнѣ только не хотѣлось наливать и подносить. Но угостить находилъ необходимо-нужнымъ, какъ благопріятелей.

Послѣ нихъ пришелъ еще одинъ и тоже что-то принесъ.

Этотъ былъ застѣнчивѣе, и водки не просилъ. Этому я поднесъ уже самъ. Онъ понравился мнѣ своею скромностью, и я убѣдиль его выпить другую рюмку. Вечеромъ пришелъ ко мнѣ пьяный мужикъ, тотъ самый, который попался вчера съ краденною рожь, и принесъ мнѣ курицу. Я зналъ, что онъ укралъ рожь, поднесъ ему водки, но не сказалъ ему въ назиданіе ни о воровствѣ, и ни о пьянствѣ. Пить и молчать я находилъ уже нужнымъ. Нравственный переломъ, значитъ, уже совершился!..

На третій день я позвалъ причтъ и церковнаго старосту въ церковь повѣрить сумму. Староста отнял печати, отперъ замки, выдвинулъ ящикъ съ главною кассой и мгновенно пересыпалъ туда мѣсячную выручку.

— Что ты дѣлаешь?—говорю я ему.—Намъ нужно повѣрить валовую сумму и мѣсячную выручку,—нужно знать сколько выручено отъ продажи свѣчъ и сколько собрано по кружкамъ

— Вотъ считай, она вся тутъ.

— Но мы не можемъ узнать сколько какой суммы.

— Считай, тутъ вся она.

— Сколько продано свѣчъ? покажи свѣчи.

Свѣчъ оказалось больше, чѣмъ было ихъ при моемъ первомъ осмотрѣ.

— Откуда взялись лишнія свѣчи?

— Я купилъ.

— Почему ты не спросилъ меня?

— Зачѣмъ? Чай, не ты будешь продавать ихъ Я продаю я и покупаю. На то я и староста.

Дьяконъ: «батюшка! мы озябли. Староста! Дай-ко намъ на полуштофчикъ, погрѣться».

Староста тотчасъ всунулъ ему полтинникъ. Дьяконъ схватилъ его и съ дьячками пошелъ изъ церкви.

— Что вы дѣлаете, о. дьяконъ? Не уходите и отдайте назадъ полтинникъ старостѣ.

— Пишите, батюшка, книги какъ знаете, мы подпишемъ все, спорить съ вами не будемъ.—Махнулъ рукой и съ дьячками ушелъ изъ церкви.

— Ты меня хочешь учитывать?

— Учитывать.

— Ты, можетъ, еще не родился, а я ужъ быть старостой. Не тебѣ меня учитывать Я старостой 18 лѣтъ. Меня старостой поставилъ міръ, міру я и отчетъ дамъ, а не тебѣ. Мы хозяева, а ты чтѣ? Быть да и пошелъ. При мнѣ, въ 18 лѣтъ, васъ перебивало у насъ до тебя шестеро, а я все одинъ. Поди и жалуйся на меня куда знаешь, вотъ что!

Спорить было не изъ-за чего. Мы заперли деньги и пошли. На другой день пріѣхалъ благочинный для отобранія годичнаго отчета. Я пересказалъ все ему.

— Нѣтъ, у васъ староста хорошій старикъ, я его давно знаю; и причтъ хорошъ; немного только всѣ они выпиваютъ. Ну, да кто не пьетъ!

Мы свели по книгамъ итоги, сосчитали сколько нужно благочинному получить отъ нашей церкви казенныхъ денегъ и внесли въ вѣдомости. Благочинный вышелъ на дворъ и позвалъ старосту. Какимъ-то тамъ словомъ перекинулись они, и благочинный сію минуту возвратился. Минуть черезъ 20 пришелъ староста и подаль благочинному пачку бумажекъ. Благочинный отвернулся къ окну, пересчиталъ, положилъ въ карманъ и сказать старостѣ:

«Хорошо! Ступай домой!» Черезъ полчаса благочинный уѣхалъ. Я позвалъ старосту и спросилъ его, сколько онъ далъ благочинному всѣхъ денегъ?

— Это ужъ наше дѣло!

— Не ваше, а мое! Пойдемъ въ церковь, пересчитаемъ чтѣ тамъ осталось.

Дьяконъ въ церковь не пошелъ, отговариваясь тѣмъ, что деньги считаны вчера, что не каждый же день считать ихъ, а дьячки куда-то запропастились совсѣмъ. Я пошелъ одинъ. Оказалось, что денегъ не доставало много, но благочинному ли отдать ихъ староста, или взять себѣ—Господь ихъ вѣдаетъ.

Въ первую же обѣдню, по пріѣздѣ моемъ въ приходъ, во время пѣнія «херувимской», открылось много «порченныхъ», «кликушъ». Какъ только запѣли «херувимскую», я слышу: «и! и! а! а!» П — то тамъ хлопнется на полъ женщина, то въ другомъ мѣстѣ, — мѣстахъ въ десяти. Народъ засуетился, зашумѣлъ. Послѣ обѣдни, когда я вышелъ съ крестомъ, я ве-

лѣтъ подойти ко мнѣ всѣмъ «кликушамъ». Всѣ онѣ стояли до сихъ поръ смирно, но какъ только я велѣлъ подойти,—и пошли ломаться и визжать. Ведутъ какую-нибудь человѣкъ пять, а она-то мечется, падаетъ, плачетъ, визжитъ! Я приказываю бросить, не держать,—не слушаютъ: «она убьется, — отвѣчаютъ мнѣ,—упадетъ, а поль-то вѣдь каменный!» — Не убьется, оставьте,—говорю. Отойдутъ. Баба помотается-помотается во всѣ стороны, да и подойдетъ одна. Такъ всѣ и подошли. Я строго сталъ говорить имъ, чтобы онѣ впередъ кричать и безчинничать въ храмѣ Божиѣмъ не смѣли, и наговорилъ имъ цѣлыя кучи всякихъ страховъ: что я и въ острогъ посажу и въ Сибирь сошлю, словомъ — столько, что не могъ сдѣлать и сотой доли того, что наговорилъ я имъ. Потомъ велѣлъ имъ разъ по пяти перекреститься и даль приложиться ко кресту. Велѣлъ народу разступиться на двѣ стороны и всѣмъ кликушамъ, на глазахъ всѣхъ, идти домой. Я имѣлъ въ виду настрашать и пристыдить. Въ слѣдующій праздникъ закричали двѣ-три только. Я потолковалъ и съ ними. Такимъ образомъ къ Пасхѣ у меня перестали кричать совсѣмъ.

На Пасху, когда я ходилъ служить по дворамъ молебны, причтъ мой заранѣе сказывалъ мнѣ, въ которомъ домѣ были «порченныя». Во время молебна всѣ «порченныя» стояли смирно: но какъ только обернешься съ евангеліемъ къ народу, онѣ и начнутъ хлибать и биться. Я тотчасъ обернусь опять къ иконамъ и читаю,—уймутся и «порченныя». Я пересталъ оборачиваться съ евангеліемъ совсѣмъ,—и бабы молчатъ. Послѣ молебна я спрашиваю: «ты, я слышалъ,—порченная, что же ты не кричала?» — «Меня схватываетъ только, когда читаютъ евангеліе». — Вотъ ты и врешь,—говорю.—Евангеліе-то я читалъ, да ты не поняла, потому что я не оборачивался къ вамъ». Задашь ей ругань, да и семейнымъ накажешь, чтобы не ухаживали за ней, когда она примется кричать и биться. Прихожу разъ въ одинъ домъ, а баба бьется на постелѣ и кричитъ: «я самъ поповичъ, самъ поповичъ! Меня N. въ стаканѣ пива поднесъ: я съ пивцомъ вошелъ, я съ пивцомъ вошелъ, теперь на сердцѣ верхомъ сижу»... Родная ея мать и свекровь стоятъ надъ ней и на взрыдъ плачутъ. Я подошелъ къ ней, стукнулъ о полъ палкой и крикнуть: «молчи! Развѣ ты не видишь, что

въ домъ принесли св. иконы, я пришелъ?» Баба мгновенно примолкла. «Вставай! Я молодой попъ, ты меня не знаешь и если хоть чуть пикнешь, то»... Баба встала, утерла слезы и я поставилъ ее возлѣ себя. Евангеліе читалъ я, положивши его на ея голову,—молчитъ. Послѣ молебна я сдѣлалъ ей внушеніе и съ тѣхъ поръ порчи какъ не бывало.

Прихожу въ одинъ домъ,—тамъ квартировало семейство цыганъ. Во время чтенія евангелія, молодая сноха начала кричать и биться. Вся семья бросилась держать ее. Насилу я могъ заставить оставить ее и не держать. Баба и тутъ помоталась-помоталась во всѣ стороны, но не упала. Послѣ я, наединѣ, спрашиваю старика: по любви она выходила за твоего сына?—«Да признаться, не совсѣмъ. Вотъ этакъ, дорогой, схватить ее, упадетъ съ повозки и начнетъ биться. Ужъ чѣмъ мы ни лечили ее, нѣтъ, не даетъ Господь лучше». — Ну, ты вотъ что сдѣлай,—говорю ему: если она упадетъ когда съ повозки, то вы не обращайтесь вниманія и ступайте себѣ, куда ѣдете. Пусть ее останется одна въ полѣ. Она полежитъ-полежитъ, да и придетъ къ вамъ».

— А какъ умереть въ полѣ?

— Не бойся, не умереть.

Черезъ годъ я увидѣлъ цыгана опять. «Ну, что, — спрашиваю, —сноха?»

— Благодаримъ покорно, отецъ духовный! Мы разъ ѣхали въ село N.: ее схватило, хлопнулась она съ повозки и начала биться: а мы такъ и поѣхали, и не взглянули на нее. Боялись мы больно, чтобъ она не умерла; но, ничего, къ вечеру пришла къ намъ и съ тѣхъ поръ не схватывается,—прошло все. Теперь мы видимъ, что она просто озаровала.

Я не объясняю причинъ явленія «порченныхъ»; не говорю и того, хорошо ли я поступалъ съ ними, или нѣтъ. Я излагаю только факты и могу сказать, что къ концу года въ приходѣ моемъ не осталось ни одной «порченной». Теперь же о «порченныхъ» нѣтъ и помину. За то я тогда прослылъ самъ колдуномъ, да такимъ, что сильнѣе всѣхъ.

Пришло Крещенье; нужно было идти опять по приходу со св. водой и на этотъ разъ всѣмъ уже причтомъ вмѣстѣ. Мы пошли. Нужно было обойти все село въ одинъ день: но не

прошли мы и 30 дворовъ, какъ причеть мой перепился и сталъ отставать отъ меня одинъ по одному, такъ что къ половинѣ села я остался одинъ и одинъ окончилъ село. На другой день мы поѣхали въ одну изъ деревень. Причеть мой опять перепился и опять бросилъ меня одного. Думаю: когда же всё они пьютъ? Въдь мы нигдѣ не присаживаемся? Въ слѣдующей деревнѣ я сталъ настаивать, чтобъ никто не отставалъ отъ меня ни на шагъ, — приходилъ и уходилъ вмѣстѣ со мной. Никто, дѣйствительно, не отставалъ, но какими-то судьбами опять перепились всё до того, что въ службѣ пошло безобразіе и я по неволѣ долженъ былъ велѣть оставить меня одного, а имъ улечься спать. Въ слѣдующій день я положительно настоялъ, чтобы всё ходили кучкой и ни шагу отъ меня ни взадъ, ни впередъ. Выходя изъ одного дома, я отворилъ дверь и переступилъ одной ногой порогъ; но мнѣ показалось, что причеть мой выходить не торопясь. Я оглянулся и говорю: «пойдемте, братцы!» Дьячокъ Григорычъ съ улыбочкой подмигнулъ мнѣ и говорить: «ужь выпилъ — не досмотрѣли!» Мнѣ самому смѣшно стало. — «Какъ это ты ухитрился?»

— Вы стоите впереди, и не видите, что мы дѣлаемъ назади. Я подмигнулъ хозяину, онъ налилъ стаканъ да и поставилъ возлѣ меня на лавку. Послѣ молебна, какъ только вы прошли мимо меня къ двери, я залпомъ и хватилъ. Что же дѣлать-то? Вы нигдѣ не присаживаетесь, и сами не пьете, и намъ не даете: приходится обманывать.

Такимъ образомъ причеть мой ходилъ со мной полупьянымъ. На бѣду нашу поднялась страшная метель. Вьюга—свѣту Божьяго не видно,—а ты лѣзешь по колѣно по сугробамъ. Снѣгъ засыпается за сапоги, по поясъ въ снѣгу шуба; поднимаешь ее къ верху — вѣтеръ и снѣгъ бьютъ тебѣ въ грудь и за шею; опустишь—путаешься, мокнешь и падаешь. Идти нѣтъ силъ, но ты все-таки бьешься и идешь, потому что это есть средство къ твоему существованію. Пьяные мои сослуживцы: одинъ карабкается въ сугробѣ тамъ; другой на четверинкахъ черезъ горю сугроба перелазить тамъ; третій совсѣмъ потерялъ направленіе и прѣтъ назадъ,—и горе и смѣхъ! Входишь въ избу,—изба темная, мокрая, жаркая, полна народу, ягнить и телать; духота и атмосфера — что нѣтъ никакой возможности выдер-

жать и пяти минутъ. Входишь, — тебя разомъ обдаёт жаромъ и разомъ растаиваетъ на тебѣ весь снѣгъ и размокаетъ платье. Весь въ поту и мокромъ платѣ, выходишь снова на морозъ, и все опять мгновенно мерзнетъ на тебѣ и лѣпится новаго снѣгу. Въ слѣдующемъ домѣ опять мгновенно дѣлаешься мокрымъ.

А каково наше служеніе? Входишь въ избу, начинаешь пѣть, а штукъ 20 ягнать и примутся орать изо всей мочи! Со двора услышатъ овцы-матери, подбѣгутъ къ двери, — да и примутся драть глотки, еще пуще дѣтушекъ! Чтò тутъ бываетъ!.. И тогда и нынѣ я часто прислушиваюсь къ своимъ словамъ и голосу и не могу слышать никогда ни слова и ни даже звука. Должно быть, очень хорошъ нашъ концертъ, если послушать насъ со стороны. Мы между собой не сбиваемся только потому, что слишкомъ хорошо заучены размѣры каждой нотки. Кончимъ пѣть, оборотимся къ хозяевамъ, и ждемъ пока мужикъ возится съ своимъ мѣшкомъ. Мы уже молчимъ, смотримъ на мѣшокъ и ждемъ подачки, а ягнята валяютъ, овцы дерутъ! — Голова трещитъ!.. Долго мужикъ возится съ своей кисой, и — вытащить 3—4 гроша.

Оставить эту ходьбу священникъ уже не можетъ, потому что въ этомъ доходѣ участвуетъ весь причтъ, а онъ этого не допустить. Дорогою шуба замерзнетъ на тебѣ лубкомъ, самъ ты по поясъ мокрый, застывшій, продрогшій, изломанный и измученный, съ страшною головою болью, возвращаешься домой — и каждый разъ боишься, что вотъ-вотъ схватишь горячку. Дома тотчасъ перемѣнишь бѣлье и разъ 500 пробѣжишь по комнатѣ, чтобы размять свои окоченѣлые члены. Самъ я водки не пью и мнѣ противно смотрѣть на пьяный причтъ: но осуждать его строго за пьянство нельзя: такое состояніе, какое переносимъ мы, человекъ можетъ переносить только въ полусознательномъ состояніи. И изъ-за чего все это? Послѣ 10-тидневнаго мученія и опасности получить горячку, мнѣ досталось изъ кружки 12 р. мѣдью (3 р. 43 к. сер.).

Прошла крещенская ходьба и для меня настала совершеннѣйшая бездѣятельность. Сходишь по временамъ окрестишь, схоронишь, — и только. Почиталъ бы хоть что-нибудь, ну, хоть какого-нибудь Вову королевича, хоть что-нибудь. — нѣтъ ничего ровно. Въ церкви нѣтъ ни единой книжки. Съѣздилъ бы въ

городъ, накупилъ бы книгъ, выписалъ бы какой-нибудь журналъ, но денегъ едва достаетъ на дневное пропитаніе. Все, что получается, идетъ на продовольствіе и на домашнее обзаведеніе. Принялся бы учить крестьянскихъ дѣтей грамотѣ, пѣть; но у меня въ квартирѣ и безъ того повернуться негдѣ, въ церковной сторожкѣ еще тѣснѣе и сырѣе, нѣтъ подходящаго дома и у крестьянъ. И пошло мое время такъ: встанешь утромъ, попьешь чаю, да и начнешь шагать по своей саженой комнатѣ. Устанешь, посидишь немного, полежишь, да и опять ходишь. Надоѣстъ, — выйдешь на улицу, поглазѣешь на занесенныя снѣгомъ мужицкія избы, поклонишься проѣзжающему мимо тебя мужику, иногда спросишь его куда онъ ѣдетъ, — за соломой, или въ сосѣдную деревню, — и опять въ избу. И такъ протянется до обѣда. Послѣ обѣда сидишь себѣ, сложа руки, и ждешь — не дождешься вечера. Вечеромъ, напьешься чаю и сидишь противъ жены, которая, въ это время, что-нибудь вяжетъ. Цѣлый вечеръ ни звука, ни дѣла, ни движенія!.. Видимо и тупѣешь и дурѣешь. Сидишь и думаешь: къ чему и зачѣмъ насъ учили? Учили, да еще какъ учили-то! И психологіи, и философіи, и физикѣ, и химіи, и мицралогіи и, Богъ вѣсть, чему ни учили. И къ чему все это, когда сельскому священнику и нѣтъ и не будетъ никогда возможности приложить всего этого къ дѣлу?! Къ моему большому горю, какъ я говорилъ уже, въ семинаріи я развилъ въ себѣ потребность читать. Здѣсь же кромѣ требника и какой-нибудь церковной минеи, не было ровно ничего. Сколько разъ приходило мнѣ на умъ тогда: зачѣмъ и для чего лицу, которое должно быть послано въ сельскіе священники, даютъ такое образованіе? Вѣдь всякій необразованный пономарь живетъ несравненно счастливѣе образованнаго священника. Если образованный священникъ нуженъ для прихода, то зачѣмъ же губить самого-то священника? А всякій мало-мало образованный священникъ долженъ гибнуть почти неизбѣжно. Отчего у насъ и выходитъ теперь, что большинство духовенства живетъ совсѣмъ не такъ, какъ бы слѣдовало. Не отупѣть, не огрубѣть, не оставить своихъ чисто-пастырскихъ обязанностей и не сдѣлаться пьяницей — почти нѣтъ возможности. Представьте: молодой человекъ сидитъ въ крестьянской избѣнкѣ, среди крестьянской семьи и, противъ собственнаго желанія, ни-

чего не дѣлаетъ. Но сама природа требуетъ дѣятельности. требуетъ высказать кому-нибудь свои чувства и послушать другаго. Съ кѣмъ же онъ можетъ поговорить и кого послушать? Общество его—мужики, и больше никого. Предмѣстники его священники были такіе же горемыки, и не оставили ему въ церкви ни одной книги. Сосѣди-священники живутъ въ 15—20-ти верстахъ, да и у нихъ едва-ли есть что-нибудь, потому что и они такіе же бѣдняки. И вотъ молодой священникъ тоскуетъ отъ одиночества, нужды и бездѣлья. Но вотъ его зовутъ къ богатому, умному и почтенному мужику на крестины. Идти ему или нѣтъ? Не идти. Но это значить: 1) обидѣть честнаго, трудолюбиваго и всѣми уважаемаго человѣка, въ нравственномъ отношеніи стоящаго выше многихъ дворянъ и нисколько невиноваго въ томъ, что онъ не проходилъ семинарскаго курса и не слушалъ тамъ премудростей какого-нибудь доктора Пакасовскаго («Русская Старина» 1879 года, томъ XXVI, стр. 154); 2) обидѣть—и, значить, лишиться милостей и его и подобныхъ ему. А это кое-чего стоитъ. Будутъ крестьяне дѣлить луга,—тебѣ не дадутъ: будутъ дѣлить лѣсъ,—тебѣ не дадутъ; церковь требуетъ ремонтировки,—крестьяне отговариваются неурожаемъ и т. д., словомъ: если священникъ имѣетъ противъ себя вліятельныхъ крестьянъ, то доходу у него не будетъ и половины; бросятъ и церковь. Значить: на крестины нужно идти. Тамъ будетъ много и другихъ крестьянъ. О чемъ тамъ говорить? Объ урожаѣ, рекрутчинѣ и подобныхъ предметахъ, положимъ, самыхъ невинныхъ. Но вотъ бѣда: на первомъ планѣ непременно водка. Вотъ гдѣ погибель наша!.. Послѣ мужикъ этотъ придетъ къ вамъ. Вы не можете уже не посадить его у себя и не угостить, а съ этимъ вмѣстѣ и не выпить сами. Все это, мало-помалу обращается въ привычку и такимъ образомъ священникъ, самый благонамѣренный, честный и умный, грубѣетъ, мужичится и дѣлается, незамѣтно для себя самого, пьяницей. Будь у молодаго священника, тотчасъ по поступленіи его въ приходъ, отдѣльное и удобное помѣщеніе, и не находишь онъ въ такой безусловной и невыносимо-тяжелой зависимости отъ каждаго міроѣда въ средствахъ къ своему существованію,—я увѣренъ, это дознано мною собственнымъ опытомъ, что онъ останется тѣмъ, чѣмъ ему быть должно,—и не падетъ. Теперь

же состояніе священниковъ зависитъ отъ ихъ личнаго характера: съ твердымъ характеромъ беретъ онъ заобычїи то, что ему дадутъ; но за то и онъ и дѣти его терпятъ страшную нужду; или тѣснить прихожанъ своихъ, насколько возможно. Люди же съ характеромъ слабымъ... спиваются.

Но субботахъ у насъ, какъ говорилъ я, были базары. Это дало мнѣ возможность познакомиться съ ближайшими священниками, потому что всѣ, прїѣзжавшіе на базаръ, заходили ко мнѣ. Первымъ зашелъ ко мнѣ пѣкто о. Василій Тихомировъ. Послѣ долговременнаго отсутствїя, не болѣе какъ съ мѣсяць, онъ возвратился въ свой приходъ, и прїѣхалъ къ намъ на базаръ. Съ нимъ была такая исторїя: за нетрезвую жизнь онъ былъ назначенъ къ посылкѣ въ П. монастырь, на два мѣсяца, «на исправленіе». Чтобы быть принятымъ въ монастырь, для этого нужно получить указъ изъ консисторїи. Отправился о. Василій въ консисторїю. Мѣсяца два онъ терся около консисторскихъ дверей и—прожилъ лошадь, прожилъ упряжь, прожилъ рясу и насилу-насилу получилъ указъ, чтобъ отправиться въ монастырь. Проживши тамъ опредѣленный срокъ, онъ просить у настоятеля аттестаціи, но настоятель говоритъ ему: «ступай къ преосвященному и проси мѣсто, а аттестать я завтра же вышлю преосвященному по почтѣ». Явился Василій къ преосвященному, но тотъ говоритъ ему: «Я не имѣю аттестаціи отъ настоятеля, а потому и мѣста дать тебѣ не могу». Живеть Василій недѣлю, живеть другую, живеть и третью, — а аттестата нѣтъ да и нѣтъ. Идетъ Василій опять въ П. къ настоятелю; собрался совѣтъ и порѣшилъ, что Василію хорошій аттестать написать можно; но только нужно подмазать, чтобъ рука легче ходила, — нужно выпить. Купилъ о. Василій водки, — выпили; братїя и говорятъ: «Блажайся, Василій, настоятелю въ ноги; чтобъ онъ расхвалилъ тебя». Поклонился Василій настоятелю, а тотъ на волосы-то и наступилъ. Василій и такъ и сякъ, а встать-то нельзя. Онъ схватилъ настоятеля за ноги, да и баць о-земь. Братїя бросилась на Василія, до полусмерти измяла его, да и вытолкала за обитель. Послѣ этого настоятель прислалъ аттестацію самую дурную. И послали несчастнаго Василія въ другой монастырь, уже безсрочно,—до исправленїя. Здѣсь настоятелемъ былъ ректоръ семинаріи Спиридонъ, человекъ очень

добрый и строго преслѣдовавшій пьянство. При немъ братіи пришлось пускаться на фокусы. Налить, бывало, брать въ штофъ воды, закроеть пробкой, да и заставить чѣмъ-нибудь въ уложѣ, въ шкафчикѣ. На полъ же, возлѣ печки, положить три—четыре полѣнца дровъ, поставить ведро съ водой, горшечекъ и кувшины съ водкой. Все это прикроется кружочками. Входить настоятель въ келью, и прямо къ шкафу. «Э! пьяница, пьяница! Водка, водка!» Понюхаетъ, попробуетъ—вода. На тѣ же посудыны, что на полу, и не обратитъ вниманія. Изъ этого монастыря Василій выбрался скоро, благодаря ходатайству помѣщика, покойнаго Чекмарева. Изъ монастыря Василій пошелъ домой, продалъ тамъ другую лошадь и выручилъ на нее указъ на должность.

Въ это время съ Василюемъ было въ монастырѣ много дьяконовъ, дьячковъ и пономарей, челоуѣкъ до 100, на исправленіи въ поведеніи за нетрезвую жизнь. Незадолго предъ тѣмъ, архіерейскимъ домомъ была приобрѣтена дача для преосвященныхъ. Приобрѣтены были только фруктовый садъ и лѣсъ. Исправляемымъ и было велѣно днемъ работать на дачѣ, а почевать въ монастырѣ. Оказалось, что одни изъ исправляемыхъ были хорошими плотниками, другіе здоровыми землекопами. Въ нѣсколько мѣсяцевъ они нарыли прудовъ, надѣлали водопроводовъ, рыбныхъ садковъ, гротовъ, искусственныхъ родниковъ, бесѣдокъ, цвѣтниковъ, и пр., и пр., и дача стала на славу. Исправляемые днемъ обыкновенно въ саду — работали, а по ночамъ въ монастырѣ — безобразничали.

Однажды вечеромъ приходитъ ко мнѣ дьяконъ и говорить: «N. N. собирается женить сына. Онъ богатый, но скряга страшная. Нынѣ осенью я собиралъ хлѣбомъ, онъ вынесъ мнѣ всего только полрѣшетца; на праздникъ никогда и закусить не попросить, и рюмочки водочки не поднесетъ. Я пригрозилъ ему. Съ него надобно взять побольше, чѣмъ съ другихъ; теперь только и прижать его, чтобы онъ помнилъ».

— Сколько даютъ у васъ за свадьбы?

— Бѣдный даетъ рубль, а богатый три; а съ N. N. возьмемъ шесть.

— Такъ не годится. Мы положимъ со всѣхъ поровну, въ родѣ таксы, среднее число—2 рубля. Это вотъ почему: бѣдный

е дать и не дать никогда ничего, — за это мы ему рубль прибавимъ. Богатый даетъ и даетъ всегда, — за это мы ему рубль убавимъ. А накладывать на N. N. противъ другихъ 3 рубли—это безсовѣстно, я этого не сдѣлаю.

— Такъ вы хотите и съ N. N. взять только 2 рубля? Я не пойду и вѣнчать, не пойдутъ и дьячки.

— Какъ знаете.

Дня черезъ два приходитъ ко мнѣ дьяконъ, дьячокъ и пономарь и говорятъ, что N. N. за свадьбу даетъ уже 4 рубля, но что они просятъ 6, и чтобы я не уступалъ ни копѣйки. Вы одни,—говорятъ они, — и изъ всего дохода берете половину: что намъ троемъ, то вы берете одни. Васъ всего двое, а насъ съ женами и дѣтьми—18 человекъ. Вы—нашъ отецъ, должны заботиться и о насъ и о нашихъ дѣтихъ. N. N. десять ведеръ вина купить непремѣнно, — проплетъ въ десять разъ больше того, чѣмъ мы просимъ. Кто заботится о насъ? Никто, хоть сдохни съ голоду. Стало быть: что можемъ сорвать, то и наше. Вотъ и Z. хочетъ тоже сына женить. Съ него ужъ больше 1 рубля не возьмешь. Изъ этого рубля полтинникъ возьмете вы, а полтинникъ на насъ—18 человекъ. Нѣтъ, ужъ какъ хотите, а мы готовы кланяться вамъ въ ноги, пожалуйте насъ, не уступайте».

— Но, братцы, притѣснить, при требоисправленіяхъ въ особенности,—дѣло не христіанское.

— Это мы знаемъ сами очень хорошо. А смотрѣть на раздутыхъ, раздѣтыхъ дѣтей— дѣло христіанское? У меня, вы слышали, небойсь, два парнишка въ училищѣ. Вы посмотрѣли бы, въ чемъ они ходятъ! Они и домой на Рождество не пріѣзжали потому, что не въ чемъ пріѣхать. Кто опредѣлялъ—по сколько брать за требы? Мы думаемъ, что 6 рублей мало, а мужикъ думаетъ, что и 1 рубля много. Спроси мы 50 копѣекъ и онъ скажетъ: возьмите 20. Нѣтъ, батюшка, не уступайте.

Въ это время вошелъ N. N. и, ни слова не говоря, упалъ на колѣни и сталъ умолять взять 4 рубля за свадьбу. Насилу я уговорилъ его встать. Долго причтъ мой торговался съ мужикомъ. Мнѣ насилу удалось, наконецъ, уговорить ихъ, чтобы одни убавили рубль, а другой прибавилъ рубль. Такимъ образомъ дѣло уладилось на 5-ти рубляхъ.

Тяжело мнѣ было, когда я проводилъ всѣхъ. Кто же я теперь? думалось мнѣ. То я мужиковъ поилъ, а теперь вынудилъ дать мнѣ, можетъ быть непосильную плату за совершеніе таинства!... Я чувствовалъ себя какъ-бы преступникомъ.

Въ слѣдующее воскресенье я говорилъ поученіе. Я говорилъ, но уже чувствовалъ, что у меня нѣтъ той искренности, той сердечной теплоты, какая была вначалѣ... Я говорилъ, но мнѣ чудилось, что мнѣ какъ будто кто-то подсказывалъ: «А помнишь, какъ ты поилъ самъ мужиковъ? А помнишь, какъ мужикъ на колѣняхъ умаливалъ тебя, чтобы ты не тѣснилъ его?» Я говорилъ, но чувствовалъ себя какимъ-то надшимъ...

По принятому обычаю, каждую субботу мы дѣлили братскую кружку и каждый разъ мнѣ доставалось около рубля — иногда немного больше, иногда немного меньше. Тутъ мнѣ досталось много больше, когда мы взяли съ Н. Н. 5 рублей. Какъ только раздѣлимъ кружку, то и отправляемся — я или жена — на базаръ дѣлать закупки: возмешь чайку, сахарку по малой толикѣ, купишь чашечку, горшечекъ и еще что-нибудь въ этомъ родѣ, и такимъ образомъ мы заводились своимъ хозяйствомъ. Когда мы взяли съ Н. Н. 5 рублей и мнѣ досталось изъ кружки больше обыкновеннаго, то я былъ такъ радъ возможности купить себѣ что-нибудь въ домъ лишнее, что и забылъ о томъ, съ какимъ гнетомъ совѣсти доходъ этотъ добытъ мною.

VI

Пришелъ великій постъ. Всѣ семь недѣль я служилъ изодня въ день и могу только сказать, что я каждый день промерзалъ до костей и мозговъ. Церковь каменная, холодная, сырая, въ окна и двери дусть вѣтеръ, — а ты стоишь и застываешь до окоченѣнія, — такъ и слышишь, какъ бьется у тебя въ груди и стынетъ! Приходишь изъ церкви, — руки и ноги ломаютъ, голова горитъ, болитъ и самъ весь, какъ изломанный. Въ понедѣльникъ, вторникъ и среду, въ три раза — утреню, часы или обѣдню, и вечерню, — приходилось стоять часовъ по 6 въ день. Съ четверга начинали исповѣдываться и эти остальные дни не глѣли приходилось стоять на морозѣ и сквозномъ вѣтру ча-

совъ по 14. Тутъ приходилось стоять съ ранняго утра до поздней ночи неподвижно, и лишь только сбѣгаешь бывало домой закусить на нѣсколько минутъ. Стоя столько времени неподвижно, до того застываешь, что насилу, потомъ, сдвинешься съ мѣста. На 1-й и 2-й недѣляхъ исповѣдывалось человѣкъ 700—800; къ концу поста дошло до 100. Руки и ноги стынутъ, и вся кровь приливаетъ къ головѣ. Голова до того начинаетъ горѣть и болѣть, что силъ нѣтъ выносить. Единственное средство, которое, обыкновенно, употреблялъ я и употребляю теперь при этомъ,— это, какъ можно чаще прикладывать къ головѣ снѣгъ.

Очень нерѣдко случается, что ты стоишь въ церкви и мерзнешь, а тебя уже ожидаютъ ѣхать въ деревню къ больному, и иногда въ страшную бурю. Это уже окончательно убиваетъ и душу и тѣло. О томъ, чтобы напиться чаю, закусить, отогрѣться, отдохнуть,—нечего и думать. Случается иногда и такъ: вечеромъ, только что ты успокоился, отогрѣлся и думаешь отдохнуть ночку,—а тутъ: «батюшка, хозяйку причащать!» Да такъ до свѣту и проѣздишь. «Что ты, говоришь ему, не приѣзжалъ днемъ? Я вѣдь только, было, легъ отдохнуть!»— «Знамо, мы не дадимъ отдохнуть; ужъ ваше дѣло такое». Вотъ тутъ и толкуй съ нимъ.

Да, сельскаго священника всѣ умѣютъ только осуждать и печатно позорить; людей, сочувствующихъ ему,—очень, очень мало; но излишне было бы, хоть иногда, вникнуть въ жизнь его и безпристрастно. Хоть бы общественнымъ сочувствіемъ подкрѣпился, иногда, упавшій духъ!..

Постомъ вознагражденіе за труды бываетъ только нравственное—удовольствіе, что прихожане говѣютъ. Большинство женщинъ за исповѣдь, обыкновенно, не платятъ ничего; малолѣтки—уже непременно ничего; мужчины платятъ, всѣ, и, въ прежнее время, пятакъ (1½ к.), а нынѣ 2 или 3 к. с. Въ первый великій постъ я, за ежедневные семинедѣльные труды, какъ значится въ сохранившейся до сихъ поръ приходной моей тетрадкѣ, получилъ 9 р. 18 к. мѣдью (2 р. 62½ к. сереб.).

Пришла Пасха. Причтъ мой торопился, суетился, метался во всѣ стороны и къ дѣлу и безъ дѣла. И по движеніямъ и по лицамъ ясно было видно, что онъ несказанно радъ такъ долго ожидаемому празднику. Нѣтъ сомнѣнія, что радость эту воз-

буждало не христіанское чувство о воскресшемъ Спасителѣ міра, а то, что теперь открывалась возможность съ лихвою вознаграждать себя за всѣ лишенія, — и голодь и холодъ, — понесенныя имъ великимъ постомъ.

Въ селахъ на св. Пасху служатъ молебны во всѣхъ домахъ прихожанъ; при этомъ носятъ нѣсколько иконъ, большею частію пять; мужики, носящіе иконы, называются богоносцами. При крѣпостномъ правѣ иконы крестьяне носили «по общацію», — чтобъ Господь избавилъ, или за то, что избавилъ отъ какого-нибудь несчастія и болѣзни; а теперь, — когда стало возможно брать невѣсть, гдѣ угодно, — иконы носятъ, преимущественно, холостые парни, и высматриваютъ невѣсть.

Я зналъ и прежде, что при пасхальномъ хожденіи, кромѣ поющихъ, за иконами ходить много и припѣвающихъ; но не зналъ, сколько будетъ этихъ припѣвающихъ теперь, и какъ они будутъ вести себя; потому, не увидѣвши всего собственными глазами, не хотѣлъ нарушать порядка, освященнаго вѣками, и не сдѣлалъ никакого распоряженія. Въ первый же домъ мы явились: попъ, дьяконъ, дьячокъ, пономарь, пятеро богоносцевъ, церковный сторожь, дьяконица, дьячиха, пономарица, просвирия, четыре юнца — дѣтей дьякона и дьячка и шесть старухъ-богомолокъ, итого 25 человекъ, а сзади цѣлый обозъ телѣгъ. Крестьяне встрѣчаютъ священника съ хлѣбомъ-солью, у воротъ; хлѣбъ этотъ во время молебна лежитъ на столѣ, потомъ онъ отдается причту. Для этого и идетъ телѣга; на нее же кладутся и яйца, съ которыми христосуются члены семействъ съ причтомъ. А такъ какъ собираютъ и хлѣбомъ и яйцами и бабѣ, — дьяконица, дьячиха и пр., то и онѣ тащатъ одну, или двѣ телѣги. Такимъ образомъ на каждый домъ крестьянина дѣлается цѣлое шествіе.

Въ первый еще домъ всѣ явились уже навеселѣ и чувствовалась только суетня и тѣснота; но дворовъ черезъ 15 — 20, перепились всѣ и далѣе ходить не было уже никакой возможности. Богоносцы шли впереди меня и, по очереди, успѣвали вышты до меня; а хвостъ мой, на просторѣ, имѣлъ возможность пить, сколько угодно, такимъ образомъ скоро перепились всѣ до одинаго, кромѣ ребятишекъ и старухъ. Войдя въ домъ я начиналъ пѣть, за мной вваливала вся толпа, но вваливала

не затѣмъ, чтобы молиться, а всякій, наперерывъ одинъ передъ другимъ, старался поскорѣе съ хозяиномъ и хозяйкой похристосоваться, схватить яйцо, грошъ и малецкій, нарочито для этого случая испеченный, хлѣбецъ. Ввалить толпа,—и поидеть шумъ, гамъ, возня, ссора!.. Бѣда, если кто схватить что-нибудь не по чину,—пономарица, прежде дьяконицы, просвирни, прежде пономарицы, дьячковъ мальчишка, прежде дьяконова! Всякій старался только о томъ, чтобы поскорѣе схватить что-нибудь и не остаться безъ подачи, и больше не думалъ ни о чемъ; о благоговѣнномъ же служеніи тутъ не могло быть и рѣчи, даже между членами причта, а хвостъ, — такъ, просто, потѣха! Выносить напр. хозяйка хлѣбецъ, нужно бы, по чину, взять дьяконицѣ, а дьячиха, откуда ни возмись, да и схватить,—ну, и пошло писать! Тутъ помянутся всѣ прародители, да и съ дѣтками!.. Не скоро, вѣроятно, хозяева приходили въ себя, когда мы отваливали! Наконецъ я увидѣлъ, что одинъ членъ причта, тычасъ носомъ самъ, ведетъ подъ руку свою благовѣрную супружницу, тоже крѣпко клюнувшую. Я велѣлъ тотчасъ отнести иконы въ церковь, а самъ ушелъ домой. Причтъ мой былъ несказанно радъ, что я далъ отдохнуть ему и выспаться.

Поутру я призвалъ къ себѣ причтъ и сказалъ, чтобы ни жены, ни мальчишки, ни старушонки, — никто не ходилъ съ нами. Причтъ мой почелъ это и оскорбленіемъ и разореніемъ, и неслыханнымъ нововведеніемъ и началъ, было, горячо возражать мнѣ; но я рѣшительно сказалъ всѣмъ, что если они не сдѣлаютъ такъ, какъ я велю имъ, то я не пойду совсѣмъ и лишу ихъ послѣдняго дохода. Согласились; все бабѣ осталось дома, при насъ сталъ ходить только церковный староста для продажи свѣчъ; богоносцамъ же я пригрозилъ, что прогоню всѣхъ ту же минуту, какъ только замѣчу въ выпивкѣ. И мы стали ходить безъ всякаго гаму. Но вѣковая нужда укрѣпила и вѣковыя привычки: дьяконица не вытерпѣла и начала шмыгать по дворамъ, дворовъ на десять отъ насъ позади; за ней вышла другая, третья, ребятишки—и пошли, изъ двора во дворъ, цѣлымъ таборомъ. Утромъ нужно было ѣхать въ деревню и я объявилъ причту, что если чья-нибудь жена ихъ явится туда, то я сію же минуту уѣду изъ деревни. Не пріѣхала, дѣйстви-

тельно, ни одна; но за то причтъ мой отмѣтилъ мнѣ самымъ жестокииъ образомъ: дворѣ въ десятомъ всѣ трое были пьянехоньки. Я одинъ прошелъ три деревеньки, отстоящія одна отъ другой верстъ на 5. Распутица была страшная: нельзя было ѣхать ни въ телѣгѣ, ни въ саняхъ, ни даже верхомъ, и я долженъ былъ идти пѣшкомъ, проваливаясь въ мокрый снѣгъ и воду на каждомъ шагу; приходилось дѣлать огромные обходы. или переползати чрезъ овраги и рѣчки по сугробамъ и льдинамъ, подъ которыми вода клокотала. Такіе переходы, конечно. прямо угрожали жизни, но... нужда опасности не знаетъ.

На слѣдующее утро я объявилъ причту, что я тогда только поѣду въ деревни, если всѣ они дадутъ мнѣ честное слово, что они пить водки не будутъ ни одной капли. Слушая мои увѣщанія, дьячокъ задумался, улыбнулся и говорить: «я, пожалуй, не сталъ бы пить, да, право, батюшка, стыдно. Станутъ подносить, а я и скажу: «я не пью». И самому-то странно выговорить этакое слово, — «не пью», да и мужиковъ-то удивишь и никто не повѣритъ. Вѣдь, хоть разбожись, не повѣритъ. Григорычъ не пьетъ!.. Не то, что мужикъ, а я и самъ-то не повѣрю себѣ, если я выговорю этакое слово». Послѣ долгихъ колебаній и просьбъ, я все-таки получилъ обѣщаніе не пить, и дѣйствительно никто не выпилъ ни капли. Я радовался отъ всей души.

Заручившись обѣщаніемъ дьякона не пить, я поручилъ ему получать плату за молебны. Это много ускорило нашу ходьбу. Мужикъ, обыкновенно, дѣлаетъ не торопясь все, — съ охотой ли онъ дѣлаетъ что-нибудь или нехотя, — это все равно. Поэтому. пока онъ возится съ своимъ мѣшкомъ, я успѣвалъ отслужить въ слѣдующемъ дворѣ весь молебенъ, такъ что дьяконъ приходилъ только къ самому концу. При расплатахъ у дьякона, очень нерѣдко, бывалъ съ мужичкомъ и торгъ. Нѣсколько разъ я, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, нарочито останавливался послушать эту забавную и вмѣстѣ грустную сдѣлку. Такія сдѣлки бывали чуть не въ каждомъ домѣ. Мужикъ непременно дастъ три—четыре коп., дьяконъ: «что ты. Федоръ Ивановичъ, побойся Бога: за пасхальный молебенъ 3 коп.! Все ужъ надо гривенничекъ»!

— Э! о! дьяконъ, гривенничекъ! Больно много, жиренъ будешь!

— Ужь такъ съ твоего гривенника и разжирѣешь! Не бойсь, не разжирѣю! Прибавь, не скупись, прибавь!

Мужикъ вынимаетъ еще 5 коп.

— На, вытянулъ!

— Нѣтъ, ужь, не жалѣй, прибавь, тебѣ Богъ вѣку прибавить. Дотягивай до гривенника-то.

— Такъ вотъ, за то, что я тебѣ прибавлю, и вѣку Богъ прибавить! Будеть, больно жадець.

— А я тебѣ говорю, что прибавить. Не за гривенникъ, а за доброту твою Богъ вѣку прибавить. Добраго человѣка и Богъ любить.

— А ты, видно, не хочешь, чтобы тебѣ Богъ вѣку-то прибавилъ, выжимаешь гривенникъ-то? Будеть восемь коп., чего тебѣ еще?

— Да, вѣдь, восемь-то кабы мнѣ всѣ; а то вѣдь насъ четверо, изъ нихъ мнѣ только 2 коп. Пасха-то одна въ году-то, гривенникъ-то можно дать.

— Пасха! Чай не одна Пасха! А праздникъ, Рожество, Крещенье? Только и знай, что плати.

— Ну, доживи, сперва, тогда и говори.

— Будеть, будетъ, ты вѣдь цыгань!

Однажды мужикъ вынулъ изъ кармана мѣшокъ, запустилъ туда руку и сталь перебирать гроши. Дьячокъ мой, Григорьичъ, наклонилъ на сторону голову, глядитъ на мѣшокъ и пѣвучимъ, жалобнымъ голосомъ, пресерьѣзно, протянулъ: «Истощайте, истощайте до основанія его» (Псал. 136, 7)! Я не могъ удержаться отъ смѣху.

Такъ, почти, всегда бываетъ у насъ при молебнахъ. Видно, иногда, что мужичекъ молится съ полнымъ усердіемъ, радуешься, смотря на него и вдругъ это чувство умиленія обрѣжутъ торгомъ. Брать же то, что даютъ, — ходьба не будетъ стоить сапогъ. Городское духовенство дѣлаеть то же самое. Только разница въ томъ; у насъ торгъ оканчиваютъ гривенникомъ, а тамъ съ гривенника начинаютъ. Единственные люди, въ этомъ отношеніи, не унижающіе своего достоинства, — это священники при казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, получающіе жалованье. Они одни составляютъ исключеніе.

VII.

Въ селѣ нашемъ было два священническихъ домика, — одинъ, оставшійся послѣ предмѣстника моего, о. Андрея, о которомъ говорилъ мнѣ староста. что онъ много вывезъ казны: другой, оставшійся послѣ священника, умершаго года три тому назадъ. Первый былъ на $2\frac{1}{2}$ саженьхъ, состоящій изъ одной комнаты, съ кухнею черезъ сѣни, подъ общюю соломенную крышею, съ амбарчикомъ и плетневою огородкою; второй на 4 сажень, тоже съ соломенною крышею, но безъ всякой огородки и пристроекъ. Въ первомъ квартировалъ сапожникъ, во второмъ жила хозяйка — вдова, съ двумя малолѣтними дѣтьми, питаясь шитвомъ, подавнiемъ и получая пособiе отъ «попечительства о бѣдномъ духовенствѣ» по три рубля въ годъ на ребенка.

Съ недѣлю спустя послѣ Пасхи приходитъ ко мнѣ староста и говоритъ: «Батюшка! Тебѣ, чай, надоѣло жить въ мужицкой избѣ. да и «міру» тяжело держать тебя. Хоть бы другія деревни помогли, а то, — нѣтъ, все мы, да мы. Ты знаешь: «міръ» платитъ за тебя по рублю (ассигн.) въ мѣсяць, да ослобоняетъ хозяина отъ подводъ. Это «міру» не подъ силу. Покупай свой!»

— Денегъ нѣтъ, братецъ, покупать не на что.

— У васъ все денегъ нѣтъ. А какъ «міръ» откажетъ отъ квартиры, такъ и деньги найдешь. Хоть мы купимъ тебѣ у старой попадьи за шаль (за ничто)? Она живетъ на мірской землѣ. Сноси, да и только! Давай намъ землю! Хочеть-не хочеть, отдасть. Бери!

— Да на тебѣ иль креста-то нѣтъ. что ты хочешь сироту выгонять? Куда же она-то пойдетъ?

— Куда знаетъ: мы для тебя же.

— А я обижать и выгонять не буду.

— Ну, покупай Андреевъ.

— Хорошо, я напишу ему.

Черезъ нѣсколько дней ко мнѣ привалилъ весь уже «міръ» и потребовалъ отъ меня, уже настоятельно, чтобы я покупалъ свой домъ. Идя ко мнѣ «міръ» зашелъ ко вдовѣ и чуть уже не выгналъ ее изъ ея дома. Я сказалъ «міру», что притѣснять сироту и безбожно и безсовѣстно; отказался покупать ея домъ,

списался съ о. Андреемъ; онъ уступилъ мнѣ въ долгъ за 200 руб. ассиг. и, черезъ двѣ недѣли, мы жили съ женой уже «въ своемъ» домѣ. Очутившись на свободѣ, въ сухомъ и свѣтломъ домикѣ, мы съ женой почитали себя людьми счастливейшими въ мірѣ. Послѣ пятимѣсячныхъ страданій намъ не вѣрилось, что мы можемъ жить теперь свободно. На что, бывало, ни взглянешь, — все казалось намъ и уютнымъ, и удобнымъ, и сподручнымъ, — удовольствію не было предѣла!

Послѣ Пасхи весь мой причтъ, собственными своими горбами, принялся за пашню. Тутъ ужъ причтъ мой отличить отъ мужика нельзя было ничѣмъ: такая же плохенькая лошаденка, такой же кафганишко, сапожишки и пр.; единственное отличіе, — что изъ-подъ шляпенокъ выбивались прядями долгіе волосы. Вздумалось посѣять десятники четыре пшенички и мнѣ. Но опытъ показалъ мнѣ, что священнику заниматься хлѣбопашествомъ совсѣмъ неудобно: во-первыхъ, въ семинаріи мы много потратили и силы, и времени на изученіе сельскаго хозяйства; мы учили и о различныхъ удобреніяхъ, сѣвооборотахъ, земледѣльческихъ орудіяхъ всѣхъ родовъ, — чего-то мы не учили! Но на дѣлѣ все это оказалось пустымъ и неприложимымъ... Кромѣ плохой церковной земли и обкновенной крестьянской сохи, мы не имѣли и не могли имѣть ничего. Вся наша семинарская премудрость, какъ была въ головѣ, такъ тамъ и осталась. Во-вторыхъ, хлѣбопашество отвлекаетъ священника отъ существенныхъ его обязанностей: священникъ долженъ быть неотлучно дома, чтобы быть готовымъ явиться, для исполненія прямыхъ его обязанностей, по первому требованію. Съ хлѣбопашествомъ же это невозможно. Тутъ неизбежны опущенія или по должности, или по хозяйству. Въ жнитво у меня было человѣкъ 15 рабочихъ поденныхъ, я былъ въ полѣ, за мной и пріѣхали изъ деревни верстахъ въ 13-ти. Я проѣздилъ болѣе 4-хъ часовъ, безъ меня поденники мои не работали почти ничего. Стало быть я и заплатилъ, попусту, за 60 рабочихъ часовъ. Не ѣхать, тоже невозможно: больной могъ умереть. Поэтому, съ перваго года, — съ перваго опыта, — я не занимаюсь хлѣбопашествомъ весь свой вѣкъ. Кромѣ того, чтобы извлечь изъ земли капиталъ, для этого пужно сперва капиталъ вложить въ землю. А этого-то у насъ и недостаетъ.

Не успѣлъ причтъ мой окончить пашни, какъ пріѣхаль благочинный. съ повѣсткою, что на другой день пріѣдетъ къ намъ преосвященный и что впереди его ѣдутъ пѣвчіе. Благочинный осмотрѣлъ церковь, документы; все что нашелъ нужнымъ, велѣлъ исправить и уѣхаль. И поднялась у насъ суматоха!—Причтъ мой принялся, первымъ дѣломъ, отпариваться, отмываться и убирать все въ церкви. Я съ женой — закупать водки, мяса, куръ для пѣвчихъ; послали въ городъ купить, для пріема преосвященнаго, получше чайку, вина, рыбы, икры и т. д. Вездѣ и все убрали, вычистили, у воротъ и на дворѣ посыпали пескомъ,—и ждемъ. Видимъ, вдругъ, мчатся къ церкви четыре тройки съ народомъ неопредѣленнаго рода и вида. Весь этотъ таборъ помахаль, покричаль и направился къ моему дому. Это были пѣвчіе хора его преосвященства съ протодіакономъ и иподіаконами во главѣ. Вся компанія ввалила ко мнѣ, и кто въ чемъ... Одинъ въ кафтанѣ на распашку и въ измятой шляпенкѣ; другой—въ сюртукѣ и въ одномъ бѣльѣ; третій въ халатѣ, бѣльѣ, безъ фуражки и съ сапогами подъ мышкой, которые онъ натянулъ уже въ комнатѣ, словомъ: пестрота—на подборъ. Я уже по опыту зналъ, какъ принимать этихъ господъ: не говоря лишняго слова, я разостлалъ среди двора кофмы, поставилъ на средину четвертную, нѣсколько стакановъ, закуску и гости мои принялись кто за что! Мальчугановъ я позвалъ въ комнату, жена напоила ихъ чаемъ и накормила. Сельскаго старосту, между тѣмъ, я заранѣе памуштроваль, чтобы лошади были заложены тотчасъ • и всѣми силами торопилъ гостей моихъ ѣхать. Староста, мужичина грубый, дѣло свое сдѣлалъ, дѣйствительно, хорошо: гостей моихъ онъ донялъ такъ, что они были у меня менѣе часу. Прощаясь, я далъ протодіакону 2 руб., иподіаконамъ по 1 руб., регенту 3 руб. и маленькимъ пѣвчимъ 50 коп. на орѣхи.

Утромъ мы съ сельскимъ старостою выслали на дорогу двоихъ верховыхъ, потолоковѣе, чтобы извѣстить насъ о пріѣздѣ преосвященнаго, дабы заранѣе начать благовѣсть. При этомъ я крѣпко-накрѣпко наказаль, чтобы гонцы спросили кучера, кто это ѣдетъ, потому что я зналъ, что часто бывало: завидеть сторожъ съ колокольни экипажъ, да и начнетъ отжари-

вать «во вся»; а тамъ, послѣ, и окажется, что жарили-то для какой-нибудь мирно проѣзжавшей барыни.

Прискакали вѣстовые, — начался благовѣсть; завиднѣлась карета, — зазвонили во всѣ.

Преосвященный ѣздилъ необыкновенно шибко, такъ что благочинный съ исправникомъ, ѣхавшіе впереди, едва могли при скакать минуты за двѣ.

Послѣ обычной встрѣчи, преосвященный велѣлъ подать себѣ въ алтарѣ стулъ, позвать причтъ и стать экзаменовать; сопровождавшій же его о. протоіерей сталъ пересматривать церковные документы.

— Скажи-ко мнѣ, дьяконъ, сказалъ преосвященный: что это такое въ десятой заповѣди: «Не пожелай... ни села его, ни раба его»? Что такое: ни села?

— А... а... а... Чтобы мы не желали села.

— Что называется селомъ?

— А... гдѣ вотъ есть церковь, — это село; а гдѣ нѣтъ, — это деревня.

— Дуракъ, дуракъ, дуракъ! Ну-ко ты, дьячок!

Этотъ отвѣчаетъ безъ запинки:

— Если, къ примѣру, живутъ русскіе, то село; а коль хохлы, — такъ слобода.

— Дуракъ, дуракъ, дуракъ! Пономарь!

Пономарь мой былъ законникъ.

— Это, ваше преосвященство, при Моисеевомъ законѣ звали селомъ; а въ Новомъ Заветѣ, — при Иисусѣ Христѣ, — вѣсью: «Вниде Иисусъ въ нѣкую вѣсь, жена же нѣкая»...

— Ха, ха, ха! Моисеевъ законъ, жена нѣкая... П ты дуракъ! Всѣ вы дураки!

Преосвященный обращается ко мнѣ:

— Отчего они у тебя всѣ дураки?

Надобно замѣтить, что преосвященный говорилъ при отворенныхъ дверяхъ, на всю церковь; всѣ на насъ смотрѣли и слышали все до словечка.

— Еслибъ, ваше преосвященство, не изволили къ намъ нынѣ пріѣхать, то мы нынѣ всѣ нахали бы. Всѣ они бьются, изо-дня въ день, изъ-за куска хлѣба. О книгѣ-то некогда и подумать.

— Дураки, дураки! Ну, пашуть... Ложатся же отдыхать? Отъ нечего дѣлать, чѣмъ такъ валяться, — и взялъ хоть кати-хизисъ. Дураки! Ну, а ты самъ-то не забылъ еще. не излѣ-нился?

— Кажется, что еще не забытъ. Но здѣсь можно забыть все скоро.

Преосвященный помоталъ головой: дураки, дураки!

Преосвященный вышелъ на амвонъ и спрашиваетъ:

— Каковъ у васъ прпчть? Хорошъ-ли, довольны-ли вы имъ?

— Всѣ духовники хороши, ваше просвещенство. мы всѣми довольны. — грянулъ весь народъ.

— Пьянствуютъ они у васъ?

— Нѣтъ, ваше просвещенство, и въ ротъ не берутъ!

— Не хороши. такъ я сейчасъ всѣхъ вонъ выгоню, гово-рите правду!

— Хороши, ваше просвещенство, хороши!

— Они всѣ дураки!

— Нѣтъ, ваше просвещенство, хороши! Лучше и не надъ-те!

— А молодой священникъ хорошъ, довольны вы имъ?

— Хорошъ, ваше просвещенство, довольны!

Преосвященный обращается ко мнѣ: живи, смотри. не ссорься. А то, знаешь?!

При этомъ онъ погрозился мнѣ пальцемъ.

Преосвященный пошелъ изъ церкви, народъ бросился при-нимать благословеніе. Я съ отцемъ протоіереемъ пошелъ по-зади. Отецъ протоіерей и говоритъ: «У васъ въ метрикахъ есть помарки. Слѣдовало бы занести это въ журналъ. но»... Въ это: «но», я сунулъ ему въ руку 3 р. «Но... по вашей молодости, я не внесу, а то. непременно, оштрафуютъ». Тот-часъ подвернулся и архіерейскій служка: «поздравляю васъ, батюшка, съ благополучнымъ пріѣздомъ владыки!» Я сунулъ и ему полтинникъ.

На крыльцѣ я попросилъ преосвященнаго къ себѣ въ домъ отдохнуть и откупать стаканъ чаю.

— Гдѣ ты живешь, далеко отсюда?

Я указалъ.

— Это маленькая избенка-то? Да у тебя тамъ и повер-нуться-то негдѣ!

Въ это мгновеніе, откуда ни возьмись пріятель мой Агафоновъ: «Ваше преосвященство! Осчастливьте вашимъ посѣщеніемъ домъ моего довѣрителя, помѣщика Я. Мы съ женой готовились, и она ждетъ васъ. Я отпишу довѣрителю моему въ Москву, что вы осчастливили домъ его своимъ посѣщеніемъ.

— Здѣсь, въ селѣ?

— Нѣтъ, но недалеко, ваше преосвященство, всего версты три-четыре, только.

— По дорогѣ намъ?

— Хотя немного, и не по дорогѣ, но я прикажу заложить своихъ лошадей, такъ что времени, ваше преосвященство, не потеряете.

— У васъ здѣсь свои лошади?

— Да, свои.

— Въ такомъ случаѣ отецъ протоіерей поѣдетъ на вашихъ лошадяхъ, а вы укажете намъ дорогу, поѣдемте со мной.

Итакъ: благочинный съ исправникомъ испросили благословеніе ѣхать въ слѣдующее село, отецъ протоіерей сѣлъ въ Агафоновскій экипажъ, Агафоновъ полѣзъ въ карету, а я, повѣся голову, пошелъ домой...

На другой день пріѣхалъ ко мнѣ Агафоновъ ликующимъ. Онъ нашель, что преосвященный очень умный и образованный человѣкъ; что онъ просилъ Агафопова бывать у него всегда, когда только бываетъ тотъ въ городѣ; что онъ, Агафоновъ вызвался позаботиться объ оштукатуркѣ церкви, о поповленіи иконостаса и о поправкѣ ограды: что преосвященный благословилъ его быть попечителемъ, а мнѣ приказалъ убѣдить прихожанъ къ сбору необходимой суммы.

— Это дѣло нужно, батюшка, дѣлать скорѣе. Довѣритель мой Я. скоро пріѣдетъ, мѣсяца на полтора сюда. Я долженъ ѣхать въ городъ для закупокъ къ его пріѣзду; буду, конечно, у преосвященнаго: что я скажу ему, если мы не устроимъ этого дѣла? Вся вина падеть тогда на васъ.

— Вы вызвались быть попечителемъ, — ну, и пекитесь; а я-то что сдѣлаю?

— Мое дѣло нанять рабочихъ и смотрѣть за работой; а убѣждать прихожанъ, собирать деньги,—это дѣло священника.

Немного мы поспорили, а все-таки порѣшили созвать, чрезъ недѣлю, всѣхъ прихожанъ.

Дня черезъ три—четыре я купилъ себѣ коня за 80 р. асс. 40 р. я заплатилъ, а другіе 40 мнѣ повѣрили на 5 мѣсяцевъ. Съ лошадыю я обзавелся и упряжью и тѣлужкой.

VIII.

Имѣя свою лошаду, мнѣ вздумалось повидѣться съ другомъ моимъ по семинаріи, Егоромъ Ѳедоровичемъ Б. Онъ былъ отъ меня въ 18-ти верстахъ. Мнѣ давно хотѣлось повидѣться съ нимъ, но никакъ не удавалось сдѣлать этого. Егоръ Ѳедоровичъ былъ славный, добрый, кроткій, умный товарищъ и одинъ изъ лучшихъ учениковъ семинаріи.

Вхожу на дворъ и вижу: мой добрѣйшій Егоръ Ѳедоровичъ, въ одной сорочкѣ, разувшись, засучивши выше колѣна брюки, мнетъ ногами кучу мокраго навоза. Молодая и красива жена его лопатою подгребааетъ ему навозъ и носить воду.

— Что это ты, сосѣдь, дѣлаешь, закричалъ я ему?

— Видишь, дружище! насъ въ семинаріи обучали всякимъ премудростямъ, но не учили, какъ дѣлать кизикки. Вотъ я съ женой теперь и практикуюсь.

Егоръ Ѳедоровичъ сейчасъ обмылся, умылся и одѣлся; я, въ это время, убралъ лошаду и мы вошли въ избу. Квартира его была простая мужицкая изба.

— Неужто тебѣ,—спрашиваю я,—не на что купить дровъ и даже не на что нанять рабочихъ дѣлать кизикъ?

— Хоть убей,—ни гроша. Вотъ тебѣ, братецъ, и ученье! Сидѣли-сидѣли въ семинаріи лѣтъ по 10—12, да и высидѣли. Тамъ намъ все толковали: пастырь, пастырь,—а выходитъ, что слово это нужно прикладывать къ намъ въ русскомъ переводѣ. Что я теперь? Я живу хуже всякаго пастуха. Тебѣ вотъ хорошо,—ты слышь, купилъ свои палаты дровъ у васъ много, дасть всякій. Пожилъ бы ты вотъ тутъ! Я уже почти рѣшилъ примѣнять къ жизни арифметическое правило: «Чѣмъ больше, тѣмъ меньше; чѣмъ меньше, тѣмъ больше», т-е. чѣмъ больше будетъ у меня совѣсти,—тѣмъ меньше буду имѣть доходу; чѣмъ

меньше совѣсти, — тѣмъ больше доходу. Я почти рѣшился драть за каждую потребу; но какъ-то не совладѣю съ собой, — стыдно, жалко! А когда пойдутъ дѣти, тогда что дѣлать-то? Теперь вотъ хотѣлось бы почитать что-нибудь, но нѣтъ ни единой книжки во всемъ околоткѣ. Вѣдь у меня въ приходѣ восемь помѣщиковъ и два кунца-хлѣботорговца. Собакъ они надаютъ сколько угодно, и какихъ угодно, пожалуй и водкой напоютъ; но книги, — не взыщите. Хотѣлось бы и пописать что-нибудь, чтобъ не разучиться писать; а тутъ говорятъ: «ступай-ко, надѣлай сперва на зиму кизиковъ!»

— Ничего, хорошъ приходъ и у меня, — я только что не дѣлаю кизиковъ.

Егоръ Федоровичъ захохоталъ звонкимъ, но болѣзненнымъ смѣхомъ:

— Хорошъ, плохой! Мы, пастыри, раздѣляемъ свою паству на хорошую и плохую; но въ какомъ смыслѣ. — въ нравственномъ ли, какъ бы слѣдовало? Никто и никогда дѣлитъ ихъ такъ и не думалъ. Много даетъ доходу, — значить хорошъ приходъ; мало, — значить плохъ. А будь все прихожане, хоть ноголовно, Стеньки Разины, — все равно. При оцѣнкѣ прихода, никто не беретъ во вниманіе нравственное его состояніе. А отчего это? Оттого, что намъ даются приходы безъ всякаго обезпеченія насъ въ нашемъ существованіи. Пріѣзжаешь, вотъ какъ я сюда, и видишь, что стараться-то приходится не о томъ, чтобы утвердить въ народѣ ев. вѣру; а о томъ, чтобы самому не подохнуть съ голоду и не замерзнуть зимой безъ кизиковъ; думаешь не о народной нравственности, а о томъ, чтобы отъ нужды, сраму и горя самому не слѣтаться пьяницей.

Я почевалъ у Егора Федоровича, и мы проговорили съ нимъ всю ночь. Онъ изъявилъ желаніе проводить меня до с. Ек. и вмѣстѣ заѣхать познакомиться съ о. Фаворскимъ, извѣстнымъ въ тѣхъ мѣстахъ хозяиномъ чтобы поучиться у него житейской мудрости.

Домъ о. Фаворскаго не отличался барскою роскошью, но онъ не уступалъ хорошему купеческому деревенскому дому: тутъ были и амбары и амбарчики, и конюшни и конюшенки, и курятники и гусятники, и подвалы, и — всякая всячина, словомъ: домъ его былъ полная чаша. Самого хозяина мы нашли

на гумнѣ. Хозяинъ подалъ намъ руку, но не сошелъ съ мѣста и зорко стѣдиль за рабочими. На гумнѣ молотили на двѣ кучи. Въ одной—человѣкъ 10 мужиковъ, въ другой столько-же парней и дѣвокъ. Мы постояли, посмотрѣли и спрашиваемъ: для чего молодые работаютъ отдѣльно отъ старыхъ?

— Это, други мои милые, женихи и невѣсты. У меня, кто задумаетъ жениться, говори заранѣе и день отпаша мнѣ, день откоси, день жни и день молоти. Безъ этого я и вѣнчать не стану. Деньгами что съ нихъ возьмешь, пять — шесть рублей только? А жить надо. Невѣсты: день сгребай сѣно, день жни и день молоти. Это ужъ ты тамъ какъ знаешь, а работать иди. Порядокъ этотъ для всѣхъ у меня. А чтобы я видѣлъ, что они работаютъ, а не жируютъ,—вотъ я отдѣльно ихъ и ставлю отъ наемныхъ.

О. Фаворскій послалъ одну дѣвку за сынишкомъ, лѣтъ 12-ти, велѣлъ ему стоять и смотрѣть за рабочими, а насъ позвалъ къ себѣ въ домъ. Принялъ онъ насъ очень радушно и сейчасъ весь столъ былъ заставленъ и винами, и наливками, и закуской.

— Какъ вы, други мои милые, устроились, обзавелись-ли вы своимъ гнѣздышкомъ?

— Плохо, говорю я. Я-то купилъ себѣ въ долгъ избенку, да такую, что преосвященный даже и не пошелъ въ нее; а вотъ Егоръ Федоровичъ до сихъ поръ живетъ въ крестьянской избѣ. Вчера я, знаете ли, за какимъ дѣломъ засталъ его? Они, вдвоемъ съ матушкой, сами мяли навозъ для кизиковъ.

— Какъ? Сами дѣлаютъ кизики? Да вы, видно, оба съ своею матушкой съ ума сошли? Сами дѣлаете кизики!..

— Денегъ нѣтъ. нанять не на что.

— Ты мнѣ скажи: кого же ты хочешь удивить этимъ? Ну, послушай; придетъ къ тебѣ прихожанинъ звать крестить, хоронить—звать въ церковь,—а ты весь въ навозѣ? Ты этимъ, другъ мой милый, теряешь всякое уваженіе не только къ себѣ, но и къ своему сану.

— Да денегъ нѣтъ, говорю я вамъ!

— Ты трудишься,—крестишь, хоронишь.—это дѣло твое. За это возьми плату. Найми мять кизикъ мужика, — это дѣло его. За это заплати ему ты. Ты думаешь, что кто-нибудь оцѣ-

нить твое безкорыстіе? Ничуть! Никто и ничего дѣлать даромъ тебѣ не будетъ. Зачѣмъ же ты для всѣхъ будешь дѣлать даромъ? Вѣдь никто же не пошелъ къ тебѣ безъ платы дѣлать кизикъ? Кого, вообще, у насъ уважаютъ, чьего голоса слушаютъ? Бѣдняковъ, безкорыстныхъ? Нѣтъ! Есть состояніе, — ну, и почетъ, и вліяніе; нѣтъ состоянія, — нѣтъ и вліянія. Ну, вотъ вы, я вижу, оба люди безкорыстные; и можете похвалиться, что васъ слушаются мужики, уважаютъ васъ? Да, я думаю, мужики-то на васъ и глядѣть-то не хотятъ. Посмотрите-ко у меня! Я и представить не могу себѣ, чтобы мужикъ не послушалъ меня въ чемъ-нибудь. Я тружусь и день и ночь; — мужикъ это видитъ. Зовутъ меня, напр., крестить, хоронить, — мужикъ видитъ, что онъ отрываетъ меня отъ дѣла, — за это и плати мнѣ. Позову его къ себѣ на работу я, — заплачу ему и я. Постомъ исповѣдуются: я тружусь, служу тебѣ недѣлю, стою и исповѣдую — 5 к. На пасху: я хожу по поясъ въ водѣ и грязи, служу — 20 к. На всякую потребу у насъ положена такса, торгу не бываетъ. Вы сдѣлать этого не можете, на васъ будутъ роптать, потому что вашихъ трудовъ никто оцѣнить не можетъ. Придетъ мужикъ къ вамъ, видитъ, что вы читаете, — ну, и значить, что вы не дѣлаете ничего, — онъ не пойметъ, что отрываетъ васъ отъ дѣла; а стало быть и трудъ вашъ ничтоженъ и платить вамъ не за что. А если еще вы будете надѣяться на его доброту и брать только то, что дастъ онъ вамъ самъ, то вы и будете весь свой вѣкъ мять кизики. Безпрестаннымъ трудомъ и достаточною оплатою за требоисправленія, я нажилъ себѣ настолько достаточное состояніе, что я не завищу ни отъ кого, никто мной не помыкаетъ, никто не посмѣетъ въ глаза мнѣ смѣяться надо-мной, а напротивъ я повелѣваю приходомъ. Я выписываю, неугодно-ли взглянуть, много книгъ, содержу двоихъ сыновей въ семинаріи и одного въ университетѣ. А вы, съ своей простотою, и сами будете весь вѣкъ нищими, если, еще къ тому, не сопьетесь; и приходъ уважать васъ не будетъ, и дѣтей не воспитаете. Значить: вы погубите и себя и дѣтей.

— Что вы дѣлаете, если вы съ рабочими въ полѣ, и за нами пріѣдутъ звать васъ къ больному?

— Что? Сейчасъ поѣду. Но вѣдь я работу знаю. Я и на-

значу сколько они безъ меня должны сдѣлать. и назначу безобидно, по всей правдѣ. И рабочіе знаютъ, что меня не обманешь. Сдѣлали. — хорошо, не сдѣлали, пробаклушничали. — не взыщи, — вычетъ.

— Но что же мнѣ-то дѣлать теперь? На зиму нужно готовить отопленіе, а у меня нѣтъ ни копѣйки денегъ. Приходится по неволѣ работать самому.

— Найми. Я тебѣ дамъ денегъ, а самъ не срами ни себя. ни насъ всѣхъ. Купи себѣ хоть небольшой домишко. Я безъ процентовъ дамъ тебѣ денегъ, чтобъ ты и не клаялся мужику. да и самъ немного поободрился. Но только непремѣнно установи таксу за всякую потребу, объяви объ этомъ всѣмъ, и трудись, какъ я. Какъ только ты выйдешь изъ зависимости отъ своихъ псарей-дворянъ и мужиковъ, то посмотри, что всѣ они совсѣмъ не такъ будутъ смотрѣть на тебѣ. Вы, конечно, смотрите на меня, какъ на торгаша, какъ на кулака; а я понимаю себя не такъ: я думаю, что я понимаю свои пастырскія обязанности не хуже вашего. Зачѣмъ я хочу дать тебѣ денегъ и купить тебѣ домъ? Затѣмъ, что я вижу, что ты слабаго характера и можешь погибнуть. Отъ нужды и горя много погибло хорошихъ людей изъ нашего брата. Вотъ я и хочу поддержать тебя на первое время. Понялъ? Впрочемъ, завтра мы потолкуемъ съ тобой. Завтра я самъ пріѣду къ тебѣ и устройю тебя.

Часа четыре мы пробыли у о. Фаворскаго и уѣхали, напутствуемые благожеланіями.

IX.

Въ слѣдующее воскресенье собрались изъ всѣхъ деревень прихожане, явились и вызванные Агафоновымъ изъ уѣзднаго нашего города подрядчики и начались толки о поправкѣ иконостаса и ограды и о штукатуркѣ церкви. Долго спорили и толковали и, наконецъ, порѣшили церковь оштукатурить. но съ срочкою уплаты денегъ на два года: прочую же работу отложили до урожайныхъ годовъ. Написали приговоръ. Всѣ прихожане попечителемъ назначили меня, а Агафоновскіе крестьяне — его.

Агафонову нужно было ѣхать въ губернской городъ за покупками къ прїѣзду барина. Онъ ужасно былъ радъ случаю съѣздить въ городъ, чтобы побывать почетнымъ гостемъ у преосвященнаго и выказать передъ нимъ свое усердіе къ благолѣпію храма Господня, и мы поѣхали съ нимъ подавать прошеніе преосвященному о разрѣшеніи на починку церкви.

Приходимъ въ архіерейскій домъ. Въ передней онъ сунуль что-то лакею и попросилъ его доложить преосвященному. Черезъ минуту лакей попросилъ его въ гостиную, а я остался въ лакейской.

Съ часъ Агафоновъ пробылъ у преосвященнаго. Въ это время прошелъ къ преосвященному, мимо меня, одинъ извѣстный мнѣ купецъ: прїѣхала всѣмъ извѣстная мироносица Е. А. Н. *). Прогрелъ одинъ бульварный левъ, тоже всѣмъ извѣстный фатъ И. С. Г. Наконецъ вышелъ и преосвященный, провожая Агафонову, и сталъ въ дверяхъ изъ залы въ переднюю. Я поклонился ему въ ноги и принялъ благословеніе. Преосвященный сказалъ мнѣ, что починка церкви имъ разрѣшена, что онъ просилъ Александра Алексѣевича (Агафонову) принять на себя трудъ наблюденія за работами и приказалъ мнѣ не вмѣшиваться въ это дѣло и не мѣшать ему. Я поклонился въ ноги опять и преосвященный ушелъ.

Вскорѣ по прїѣздѣ нашемъ изъ города прїѣхалъ въ имѣніе свое и г. Жел., у котораго солдатъ Агафоновъ былъ управляющимъ. Я отправился къ нему съ визитомъ. Вхожу, лакей загроживаетъ мнѣ дорогу въ залу, говоря, что баринъ изволитъ завтракать, и предлагаетъ мнѣ подождать въ передней. Я настоятельно потребовалъ, чтобы онъ доложилъ обо мнѣ и прошелъ въ залу, когда тотъ ушелъ къ барину. Лакей возвратился и сказалъ мнѣ, что баринъ изволили приказать мнѣ подождать. Я сидѣлъ болѣе получаса. Наконецъ, отворяется дверь и ко мнѣ выходитъ господинъ немолодыхъ уже лѣтъ, красноносый, почти безволосый, въ халатѣ съ растегнутой грудью, въ туфляхъ на босую ногу и длиннѣйшимъ чубукомъ въ зубахъ.

*) Мироносицами у насъ зовутъ, обыкновенно, старыхъ дѣвъ и вдовъ — барынь, трущихъ своими подолами архіерейскіе пороги Сельсж. Уважш.

— А, молодой священникъ! Молодь, молодь! Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать два.

— Молодь, молодь! Напрасно такихъ молодыхъ ставятъ въ поны. Въ приходяхъ, по деревнямъ, имъ много соблазну... Знаете? Не знаю, какъ мы будемъ жить съ вами, съ прежними попами я все ссорился. Помилуйте! За свадьбы они брали по рублю! Да развѣ это можно? Гдѣ мужику взять рубль? мужикъ рубли не выработаетъ и въ недѣлю, а вы вѣнчаете въ какихъ-нибудь десять минутъ и за десять минутъ работы берете по рублю. Нѣтъ, вы такъ не дѣлайте, а то я и съ вами буду ссориться. А архіерей, говорятъ, нынѣ у васъ строгій!..

— Нѣтъ, не строгій, а очень умный, и на пустыя жалобы не обращаетъ даже вниманія. Вы какъ бы хотѣли, — чтобы по-скольку мы брали за свадьбу?

— Да самое большее, по 50 к.

— Чтобы намъ съ вами не ссориться, такъ я думаю, что много и этого. Вѣдь, по вашимъ словамъ, мужикъ рубля не зарабатываетъ и въ недѣлю, нашей же работы всего 10 минутъ. Стало бытъ намъ позволительно брать только 1 или 1½ к. за 10 минутъ дѣла!

— Ха, ха, ха! Я васъ понялъ. И и прежде слышалъ объ васъ. Берите по рублю, что съ вами дѣлать! Вы, батюшка, имѣете привычку спать послѣ завтрака?

— Нѣтъ, я не сплю и послѣ обѣда.

— А я такъ, грѣшный человекъ, люблю часокъ-другой соснуть.

И всталъ и раскланялся. Отъ барина я пошелъ къ управляющему его, Агафонову, попросить дровъ.

— Эхъ, батюшка, до дровъ ли вашихъ намъ теперь! Вотъ проводимъ барина, мѣсяца черезъ полтора, тогда и присылайте, я вамъ хворосту воза два дамъ. Да, чай, въ приходѣ-то не мы одни, что вы такъ ужъ непременно къ намъ!

Отъ Агафопова я поѣхалъ къ другому помещику, Чек—ву, пріѣхавшему изъ Петербурга въ деревню поохотиться, также какъ и Жел—въ, за деревенскою дичью... Чек—въ вышелъ ко мнѣ раскрашланный, раздушенный, — настоящая парижская модная картинка. Съ нимъ я былъ уже знакомъ, — до этого я

ему уже дѣлалъ визитъ. Къ себѣ его я, конечно, и не ждалъ, потому что это было бы изъ порядка вонъ, чтобы баринъ отиладилъ визитъ попу. Чекъ—въ восторгался красотами природы, деревенскою тишиною, чистотою воздуха, ароматомъ южныхъ полей, дугами, лѣсами, простотою нравовъ и находилъ, что я въ тысячу разъ счастливѣе его, живущаго весь свой вѣкъ въ столичной толкотнѣ, гдѣ театры, клубы, вечера рѣшительно не даютъ ему покою ни днемъ, ни ночью. Баринъ былъ необыкновенно любезенъ, предупредителенъ; но какъ только я занулся о дровахъ, то по лицу его мгновенно пробѣжала дымка; однако, онъ совладѣлъ съ собою и, въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ, наговорилъ мнѣ цѣлыя горы любезностей; онъ сказалъ мнѣ, что онъ тотчасъ дастъ приказаніе управляющему, дать мнѣ дровъ столько, сколько мнѣ будетъ нужно на весь годъ; что изъ 2,000 дес. лѣсу, дать на двѣ печи, ему не значитъ ровно ничего; что, напротивъ, сдѣлать мнѣ эту ничтожную помощь для него будетъ истиннымъ удовольствіемъ. При этомъ онъ просилъ меня обращаться къ нему за всѣмъ, чѣмъ только онъ можетъ служить мнѣ.

На другой день, я увидѣлся съ управляющимъ его и передалъ ему обѣщаніе его барина. Тотъ, съ улыбкой, помоталъ головой: «вѣрите вы ему! У него и отецъ былъ такой же: наговорить, наобѣщаетъ съ три короба, а на дѣлѣ сущій цыганъ. Ужъ если бы хотѣлъ дать вамъ, такъ онъ вчера же и сказалъ бы мнѣ, а то ни слова. Вотъ я спрошу его».

Недѣли черезъ двѣ управляющій, послѣ обѣдни, зашелъ ко мнѣ.

— Говорилъ я, батюшка, барину о вашихъ дровахъ; а онъ отвернулся отъ меня, засвисталъ и пошелъ, не сказавши ни слова. Я говорилъ вамъ, что онъ цыганъ сущій. Вотъ какъ уѣдетъ такъ я пришло вамъ, сколько вамъ угодно. У насъ не то, чтобъ рубить, а бурей поломасть каждый годъ столько, что не токмо вашъ флигелекъ, все село отопишь.

— Служить гдѣ-нибудь онъ?

— Нѣтъ, въ отставкѣ прапорщикомъ. Хочетъ, говорить, опять поступить на службу, да куда ужъ ему! Не то теперь у него въ головѣ. Имѣнье-то давно ужъ заложить.

Осенью, дѣйствительно, управляющій Чекъ—ва прислалъ мнѣ дровъ на цѣлый годъ.

X.

Предмѣстники мои священники, всегда послѣ обѣдни, давали просфоры или сами, или высылали съ дьякономъ: Агафонову, управляющему Чек—ва, цѣловальнику и писарю. Я, считая, что въ храмѣ Божіемъ всѣ равны, не сталъ дѣлать преимущества никому и просфоръ не давать самъ и ни высылать не сталъ.

Однажды, лѣтомъ приходитъ ко мнѣ сельскій писарь и говоритъ: «вчера, батюшка, мужики дѣлили луга. Вамъ отвели они? Своихъ луговъ у васъ нѣтъ; нужно было просить, а вы просили?»

— Нѣтъ не просилъ, и не знаю отвели ли.

— Нѣтъ, не отвели, да хоть и просили бы. такъ они не отвели бы.

— Почему?

— Вотъ почему: до васъ у насъ священниковъ было много, и всѣ они были много постарше васъ: — много постарше, а почетныхъ людей уважали и отличку отъ другихъ имъ дѣлали завсегда. Бывало, какъ отойдетъ обѣдня, то дьяконъ и подноситъ на блюдѣ просфору писарю. Гдѣ бы онъ ни сталъ, нарочно, иногда, станешь въ углу у двери, — вездѣ отыщеть. А въ большіе праздники дьяконъ станеть возлѣ священника на амвоуѣ, съ просфорой на тарелкѣ, и ждетъ писаря. Подойдетъ писарь, а ему самъ священникъ на блюдѣ и подастъ просфору. И видить всякій, что писарь не простой мужикъ, что и помъ отъ всего міру отличаетъ его. А вы нынѣ писаря сравнили съ простымъ мужикомъ. Вотъ вамъ и сѣнцо!

— Такъ это ты сдѣлалъ, что мнѣ не отвели луговъ?

— Я.

— И тебѣ не стыдно такъ говорить?

— Нѣтъ, не стыдно. Мнѣ стыднѣе, когда вы припровняли меня къ простому мужику. У васъ нѣтъ еще ни усовъ, ни бороды, а меня и старики уважали. Надо мной теперь смѣется весь міръ. Ужъ легче бы было, кабы этаку срамоту переносить отъ старика.

— Такъ ты вышелъ негодный человѣкъ, и съ такими людьми я не хочу и говорить. Съ Богомъ!

Вечеромъ я позвалъ къ себѣ четверыхъ вліятельныхъ мужиковъ, наполнилъ чаемъ, поднесъ водочки и попросилъ травы. Черезъ недѣлю крестные стали дѣлить другую половину луговъ и мнѣ отвели вдвое больше, чѣмъ давали моимъ предмѣстникамъ.

Жел—нъ сначала, по приѣздѣ въ деревню, ѣздилъ къ обѣднѣ каждый праздникъ. На долгія дроги посадить съ собою дѣвокъ шесть, приѣдетъ къ обѣднѣ и станетъ со всей своей свитой предъ амвономъ. Однажды онъ и присылаетъ ко мнѣ въ алтарь своего Агафонова съ приказаніемъ, чтобъ я подалъ ему просфору. «Передайте, говорю, вашему барину: когда онъ будетъ ѣздить молиться Богу безъ дѣвокъ, тогда я подамъ ему просфору». Съ этого времени Жел—нъ не былъ въ церкви ни разу, такъ и уѣхалъ, и я больше не видѣлъ его.

При первомъ свиданіи Агафоновъ грозилъ мнѣ чуть не Сибирью. «Барину, говорилъ онъ, стоитъ только доѣхать до архіерея, ну, и смотрите, что вамъ будетъ». Я вполовину не вѣрилъ, но вполовину и вѣрилъ, что Жел—нъ дѣйствительно можетъ сдѣлать мнѣ зла много. Съ моимъ батюшкой, однажды, былъ такой случай: помѣщикъ Н. Б. имѣлъ обыкновеніе назначать невѣсть женщамъ, по собственному его усмотрѣнію, ни мало не обращая вниманія на желаніе или нежеланіе котораго-нибудь изъ нихъ. При этомъ онъ всегда дѣлалъ такъ: дѣвушку изъ состоятельнаго дома онъ непременно назначалъ бѣдняку, а иногда и прямо нищему, — какому-нибудь бездомовному пастуху, «для уравненія состоянія», какъ говаривалъ онъ. Какую-нибудь лошаденку, телушенку и пару овецъ мужикъ для дочери все уже дастъ. Иначе онъ въ вѣкъ не наживетъ ничего, разсуждалъ баринъ. Красиваго парня женить тоже, непременно, на уродѣ, или красавицу выдавалъ, наоборотъ, за урода. «Это непременно такъ надо, говаривалъ онъ, для улучшенія племени. Какія выдутъ дѣти, когда женится уродъ на уродѣ!» Предъ свадьбой онъ, бывало, на восьмушкѣ листа пишетъ батюшкѣ: «священнику Н. Н. Прошу вѣнчать Н. Н. съ З. З. Имѣю честь быть Н. Б.» Является, однажды, такая пара въ церковь. Батюшка мой спрашиваетъ жениха и потомъ невѣсту: «по собственному ли своему согласію вступаютъ они въ бракъ». Невѣста заплакала, зарыдала и рѣшительно заявила, что она или

утопится, или удавится, если ее повѣнчаютъ съ этимъ женихомъ. Батюшка ~~ней~~ вѣнчать не стала. Невѣсту, прямо изъ церкви, повезли на барскій дворъ. и страшно изсѣкли! Черезъ нѣсколько дней эту пару привозятъ опять. Невѣста опять зарыдала и опять сказала, что «пусть засѣкутъ ее до смерти, но она не пойдетъ за этого жениха». Повезли опять на барскій дворъ и сѣкли тамъ уже до того, что ее полумертвою стащили съ мѣста. Спустя нѣкоторое время староста привозитъ ихъ въ церковь въ третій разъ, и говоритъ, что невѣста вѣнчаться теперь согласна. Батюшка спросилъ ее и она проговорила: «иду, батюшка, вѣнчайте! Батюшка повѣнчалъ. Спустя мѣсяца два-три преосвященный Іаковъ (Вечерковъ) сдаетъ такую резолюцію: «по жалобѣ любителя церкви, помѣщика Н. Б., священника Н. Н. послать въ каѳедральный соборъ на двѣ недѣли на усмотрѣніе». За что, про что? Господь его вѣдаетъ. Поѣхать въ городъ, выправить въ консисторіи, выражаясь по консисторски, указъ на службу въ соборъ, двѣ недѣли служить тамъ, дать каѳедральному протоіерею за хорошую аттестацію, потомъ опять указъ на мѣсто, — недѣлю тереться на крыльцѣ консисторіи до службы въ соборъ, двѣ недѣли служить, да недѣли полторы-двѣ биться въ консисторіи изъ указа опять на мѣсто, — батюшкѣ и стоило двухъ коровъ. Изъ трехъ своихъ коровъ онъ продалъ двухъ, и этого ему едва достало на всѣ расходы. Я былъ въ то время въ среднемъ отдѣленіи семинаріи. Тяжело намъ было перенести это и разореніе и оскорбленіе! И изъ-за чего?.. «По жалобѣ!»! Конечно могъ сдѣлать это и со мной Жел—нъ, потому что, въ то время у насъ былъ «судъ скорый», хотя и неособенно «милостивый».

Лѣтомъ мы поѣхали съ женой повидѣться съ моими родителями и съ матушкой жены моей. У батюшки моего въ семинаріи содержалось еще два сына, моихъ меньшихъ братья, и потому онъ терпѣлъ крайнюю нужду. Видѣть отца и мать нуждающимися въ самомъ необходимомъ, и не имѣть возможности помочь имъ, — переносить это нелегко!.. Отъ моихъ родителей мы поѣхали къ матушкѣ жены моей.

Въ городѣ однажды я встрѣтился съ другомъ моимъ, по семинаріи товарищемъ, нѣкіемъ Иваномъ Сокольскимъ. Вѣ

семинаріи онъ былъ юноша видный, необыкновенно веселаго характера и острякъ. Теперь же онъ былъ худъ, блѣденъ. мнѣ показался даже закоптѣвшимъ. ряса плохенькая, а шляпенка и совѣтъ не была нигуда годна: на все окружавшее онъ смотрѣлъ, какъ будто, безучастно и скорѣе похожъ былъ на сумасшедшаго, чѣмъ на обыкновеннаго человѣка!

— Какъ, братъ Ваня, твой дѣла, спрашиваю я?

— Ничего, братецъ, торгуюмъ.

— Чѣмъ?

— Собственнымъ товаромъ. Теперь пріѣхалъ сюда записаться въ гильдію.

— Въ самомъ дѣлѣ: какъ ты поживаешь?

— Говорятъ тебѣ: торгую! Да, братъ, вотъ въ этакій понапись приходъ, такъ, поневолѣ, сдѣлается купцомъ всякій. У меня мордва за всѣ требы платятъ лаптями: отслужилъ, на Пасху, молебень,—пару лаптей, а богатый и двѣ пары; свадьба,—полтинникъ и 10 паръ лаптей. Послѣ Пасхи мнѣ досталось огромныхъ два воза лаптей. Ну, теперь понялъ, что мы купцы?

— Куда вы ихъ дѣваете?

— Отвозимъ въ Кузнецкъ на базаръ!

— Насколько же ты ихъ продалъ?

— Рублей на 20 асс. пасхальныхъ, да руб. на 2 за другія требы.

— Почему вы продаете ихъ?

— Хорошіе копѣйки по 3 сер., похуже — 2 коп. Теперь пріѣхалъ сюда поискать получше мѣстечко. Пошелъ вчера въ консисторію, а тамъ: давай три цѣлковыхъ, такъ покажемъ празными мѣста. Просилъ—просилъ, нѣтъ, Іуды, не уступаютъ. Повелъ троиухъ анаѰемовъ въ трактиръ. проповль 2 р.; показали мѣста четыре, да все дрянъ,—не стоитъ ломаться. Есть, говорятъ, и хорошія, да меньше пятишники показать ихъ нельзя. 5 р. отдай, а дастъ ли его преосвященный,—это на небоѣ писано. Вотъ я и хожу по городу да смотрю, не найду ли гдѣ пятишники.

Дня черезъ три я опять встрѣтился съ П. Сокольскимъ.— Ну, что, спрашиваю, нашель мѣсто. подаль прошеніе?

— Вчера подаль въ N, тоже дрянъ, да ужъ, небойсь, все

не хуже моего. Нынѣ прошеніе сошло, да просятъ цѣлковый показывать резолюцію.

Я сказалъ ему, гдѣ я живу, и попросилъ его заходить ко мнѣ, пока я живу въ городѣ. На другой день онъ, дѣйствительно, зашелъ.

— Какъ твои дѣла, спрашиваю?

— «Справку». На прошеніи резолюція: «представить справку». За эту справку и просятъ теперь пять цѣлковыхъ. Я говорю: давайте я самъ напишу ее; а столоначальникъ: дѣло тутъ, святой отецъ, не въ письмѣ, а въ деньгахъ. Дашь 5 руб. и пиши, коль есть охота писать; не дашь, такъ недѣли три и походишь.

— Написать о тебѣ справку нужно всего 10 минутъ?

— Написать мой формулярный списокъ,—и все тутъ.

— Да въц твой формуляръ въ трехъ словахъ?

— Приказные такъ и говорятъ, что дѣло не въ письмѣ. Деньги-то опять отдашь, а еще неизвѣстно, дасть или нѣтъ архіерей мѣсто-то! А сколько будетъ мытарства, если и дасть-то! Чего будетъ стоить, чтобы показали резолюцію на справкѣ! А тамъ указъ: написать, подписать столоначальнику, члену, секретарю, регистратору, чтобъ ввелъ въ исходящую и поставилъ №, сторожамъ—каждому все дай. А тамъ привалить на квартиру, человекъ 15, поздравлять... И Господи, тиранства и конца нѣтъ! Придется продать тестеву-то лошадь. Да ужъ такъ бы и быть, куда ни шло, лишь бы не пропало все даромъ!

Больше я съ о. Сокольскимъ не видѣлся. Въ день отъѣзда изъ города, мнѣ попался на улицѣ другой знакомый мнѣ священникъ. По одному особенному случаю, онъ получилъ мѣсто возлѣ самаго города, въ верстахъ 10—12-ти. Приходъ довольно достаточный, но не изъ богатыхъ. Священникъ этотъ былъ очень неслухій, но до самозабвенія увлекающійся всѣмъ, выходящимъ изъ ряда вонъ и потому крайне неразсчитливый въ экономическомъ отношеніи. Онъ съ восторгомъ рассказывалъ мнѣ, что онъ знакомъ со множествомъ дворянъ города, со всѣми членами консисторіи и съ секретаремъ. Онъ рассказывалъ, что на святкахъ, масляной и два раза постѣ Пасхи, у него были два члена консисторіи, секретарь и столоначальникъ. Въ первый разъ, говоритъ, они пріѣхали ко мнѣ нечаянно и у

меня не было ничего, только и могъ угостить я ихъ хорошей стерлядью; была одна бутылка рому въ 1 р. 50 к., да секретарь сказалъ, что онъ пьетъ только бѣлый въ 4 р. Но за то потомъ каждый разъ, какъ прїѣдутъ, сами привезутъ съ собою всего: и рому въ 4 р., и винъ разныхъ, и закуски и... всякой всячины! конечно, все это въ мой счетъ. А вотъ, какъ были въ послѣдній разъ, столоначальникъ и говоритъ мнѣ: мы отъ скуки на дорогу взяли орѣшковъ 2 фунтика, такъ припишите ужъ и ихъ къ счету. Ну, разумѣется изъ этихъ пустяковъ и говорить не стоить. Дорого только берутъ съ нихъ извозчики. Въ послѣдний разъ я заплатилъ только за одинъ конецъ, да и прогналъ ихъ; и отвезти отъ себя нанялъ уже у себя въ селѣ.

— А тебя просили они къ себѣ.

— Ты вздумаешь! Теперь прїѣхалъ взять въ консисторію новую приходо-расходную книгу для церкви.

— Ужъ, разумѣется, тебѣ, по дружбѣ, выдадутъ безъ взятокъ?

— Нѣтъ, еслибъ не былъ знакомъ, то всякому далъ бы поменьше, — понемногу; а теперь знакомому-то мало-то дать и стыдно. Рублей 25 это дѣло стоило мнѣ.

— Съ такой дружбой тебя можно поздравить. У тебя, кажется, въ приходѣ пронасть дворянъ?

— Больше 20 домовъ. По зимамъ все они живутъ въ городѣ, а лѣтомъ у насъ по садамъ. Кромѣ того, у насъ много теперь дачниковъ изъ города. Каждый праздникъ, послѣ обѣдни, ужъ непременно, человекъ 5—6 зайдетъ ко мнѣ и съ женами и съ дѣтишками напиться чаю и закусить.

— А тебя просятъ они къ себѣ?

— Недавно у Мац—на была именинница жена, приглашали служить молебень, и я обѣдалъ тамъ.

— Стало быть, все эти господа ходятъ къ тебѣ не изъ расположенія къ тебѣ, а только отдохнуть, послѣ обѣдни, да и подкрѣпиться? Можно поздравить тебя и съ дворянской дружбой!

— А недавно, такъ вице-губернаторъ Н—ковъ прислалъ разсылнаго сказать мнѣ, что онъ, на завтра, прїѣдетъ къ обѣдни, чтобъ я подождать его служить. У меня, на обѣду, ничего не было для закуски. Сейчасъ, въ ночь, въ городѣ!.. Утромъ подождать съ часъ служить. Къ 10 часамъ прїѣхалъ онъ и съ

женой, и съ дочерью. Послѣ обѣдни прямо ко мнѣ. Пока я въ церкви исправлялъ другія требы, — жена напоила ихъ чаемъ. Я пришелъ, — началъ закуску. Предобрые люди! Дочь у нихъ уже невѣста, все разговаривала съ моею женой. Опъ и выпивалъ и закусывалъ безъ церемоніи. Славные, простые люди!

— А тебя они просили къ себѣ?

— Ты выдумашь!

— Значитъ тебя можно поздравить съ дружбой даже вице-губернатора!

Священникъ этотъ недавно померъ въ крайней бѣдности, оставивши огромные долги (конечно по состоянію священниковъ). Семейство его теперь въ самомъ жалкомъ состояніи, — это хуже всякихъ нищихъ. Когда жена его обратилась къ дворянамъ-прихожанамъ за помощью для погребенія, то никто не далъ ей ровно ничего; одни наобѣщали, а другіе такъ или прямо отказали или запретили прислугѣ говорить, что они дома. Единственное лицо, которое оказало ей самую человѣколюбивую, христіанскую помощь — такъ это преосвященный. Онъ такъ много помогъ ей, какъ не помогъ бы, по всей вѣроятности, ни одинъ преосвященный.

XI.

На возвратномъ пути изъ города домой, намъ пришлось проѣзжать въ одномъ мѣстѣ, поздно вечеромъ, черезъ лѣсъ. Мѣсто это на границахъ двухъ уѣздовъ. Лѣсу была небольшая куртина, но лѣсъ круной. Въѣзжаемъ мы въ лѣсъ, и вдругъ изъ кустовъ выскакиваютъ четыре человѣка съ дубинами и кошками.

— «Стой!» закричали всѣ разомъ, — и одинъ бросился держать лошадей, а другой ухватился за кучера. Мы испугались до безпамятства.

— Вишо есть у васъ? Кто вы?

— Я священникъ, говорю я, вина у меня нѣтъ.

— Попы пьютъ больше нашего. Слѣзай!

— Жена моя, не помня себя, уцѣпилась за меня. Они начали хозяйничать: все перешибряли, перемяли, искололи «щуч-

нами», перепортили нашу одежду, — все, что было при насъ, и сказали: «вина нѣтъ, ступайте!»!

Оказалось, что это были кордоновые, какъ ихъ звали тогда. Это значило, что въ слѣдующемъ уѣздѣ былъ другой винный откупъ, а это были стражники, чтобы изъ того откупа, гдѣ вино дешевле, не перевозили въ другой.

Вспоминая этотъ случай, всегда говорю я: дай Господи многая лѣта батюшкѣ-Государю, уничтожившему этотъ откупленный разбой!

Въ сентябрѣ мы опять получили отъ благочиннаго повѣстку явиться всеѣмъ причтомъ, съ церковными документами, въ д. Ивановку, въ имѣніе Е. А. И. для представленія его преосвященству. Оказалось, что туда собрано было изъ шестнадцати селъ все духовенство. Насъ собралось тамъ 18 священниковъ, 16 діаконѣвъ и 38 причетниковъ, — цѣлый полкъ. Мы собрались за два дня до пріѣзда преосвященнаго. Преосвященный пріѣхалъ къ И — ой, какъ хорошій знакомый, отдохнуть на недѣлку отъ дѣлъ. Сюда же съѣхалось много помѣщиковъ, а еще болѣе барынь, изъ ближайшихъ селеній. Тутъ же былъ и пріятель мой Агафоновъ. Въ первый день по пріѣздѣ, преосвященный не принималъ насъ и потому мы топтались у барскихъ воротъ недолго. На другой день, намъ было велѣно явиться въ 10 часовъ. Мы, конечно, явились; но на этотъ разъ пришлось потолпиться у воротъ подольше. Въ 12 часовъ уже преосвященный, иди съ хозяйкой дома и гостями изъ саду мимо насъ, велѣлъ явиться намъ въ 10 часовъ на завтра. Мы, разумѣется, стояли безъ шляпъ, но никто изъ сопровождавшихъ преосвященнаго не снялъ фуражки и не кивнулъ намъ. Являемся на завтра: ввалили семьдесятъ человекъ и грянули, разомъ, въ ноги преосвященному. Мы заняли собой больше половины залы. Преосвященный, въ великолѣпной сѣрой атласной рясѣ и голубой камилавкѣ, сидѣлъ на диванѣ, хозяйка и гости — вдоль стѣны. При нашемъ входѣ не привсталъ никто и никто не кивнулъ намъ головой, какъ будто пришло, просто, стадо барановъ. Мы всѣ, обыкновеннымъ, заведеннымъ порядкомъ, стали принимать благословеніе по одиночкѣ: подойдешь, поклонись въ ноги, примешь благословеніе, опять поклонись въ ноги и

отойдешь. Преосвященный, сидя, по одиночкѣ благословилъ насъ и потомъ спрашиваетъ благочиннаго: кто изъ нихъ у тебя пьяница?

— У меня пьяницъ нѣтъ, ваше преосвященство!

Сидѣвшая тутъ барыня-мироносица, старуха К—ва:

— «Нѣтъ, ваше преосвященство! благочинный покрываетъ ихъ. Нашъ священникъ Н. Н. совсѣмъ спился! Вмѣсто того, чтобы созывать мужиковъ въ церковь, по воскресеньямъ, онъ созываетъ къ себѣ на помощь, и поитъ ихъ виномъ. Мнѣ не надо его, возьмите его отъ меня, куда хотите! Не надо мнѣ его, не надо, не надо»!..

П замахала руками.

— Я, ваше преосвященство, дѣйствительно, прошлое воскресенье помочь собиралъ, но обѣдня у меня была. Я человекъ бѣдный; нанять работать мнѣ не начто, я и попросилъ добрыхъ людей. Я...

— Молчать! Отъ этого мѣста я тебя отрѣшаю. Иди другой приходъ! пьяница! Какъ же ты, благочинный говоришь, что у тебя нѣтъ пьяницъ? Ты съ ними вмѣстѣ пьянствуешь!

— Дѣйствительно, справедливо изволите сказать, ваше преосвященство, благочинный съ ними вмѣстѣ пьянствуетъ.

— Я ни водки, и даже никакого вина не пью совсѣмъ, ваше преосвященство.

— Молчать! Чтожъ ты думаешь, что я больше повѣрю тебѣ!

Егоръ Федоровичъ шепчетъ мнѣ: «коль не вѣрить никому, такъ ужъ и сдѣлалъ бы К—ву благочинникой надъ нами». Н. Н. подошелъ къ преосвященному, сталъ на колѣни: «ваше преосвященство! Помилуйте! У меня тутъ домъ»...

— Молчать, дуракъ! Вонъ пошелъ!

— Ваше преосвященство (не вставая во все время съ колѣнъ), я человекъ бѣдный, у меня два сына въ семинаріи, я разорюсь совсѣмъ, долженъ буду исключить дѣтей, они погибнутъ...

— Благочинный, отведи его прочь! Вы, господа, довольны своимъ причтомъ? Говорите. Если нѣтъ, такъ...

Всѣ, въ томъ числѣ и мой Агафоновъ, пристали: «довольны, ваше преосвященство, очень довольны»!

Н. Н. «Ваше преосвященство»!.. Но К—ва: «Завтра же ве-

лю твой домъ снести съ моей земли! По бревешку велю раскидать. Преосвященнѣйшій владыка отказать уже изволили тебѣ отъ нашего прихода; ты теперь уже не нашъ. Завтра же, чтобъ и духу твоего не было въ моемъ селѣ».

— Ваше преосвященство, помилуйте!

— Пошелъ вонъ! Священникъ села Р. К.—ій! Сюда!

К.—ій подошелъ къ столу, поклонился въ ноги и сталъ.

— Скажи: какія обязанности священника?

— Научать народъ вѣрѣ...

К.—ва: «Ну, ужъ нашъ попъ научить! Самъ мужиковъ поить виномъ по праздникамъ».

Тутъ его преосвященство перебралъ насъ всѣхъ, кромѣ, впрочемъ, меня, Егора Федоровича и благочиннаго. Сколько «дураковъ» мы получили тутъ отъ щедротъ его преосвященства, что не перечесть и по пальцамъ! Что ни слово, то: «ну, дуракъ, дуракъ, дуракъ! И по рожѣ-то видно, что дуракъ!» Каждый подойдетъ къ столу, поклонится въ ноги, 5—10 получить «дураковъ», поклонится въ ноги за милостивое слово опять и отойдетъ. Начальникъ же нашъ благочинный, получалъ по нѣсколько «дураковъ», послѣ каждаго, на загладочку: «дуракъ, дуракъ! И благочинный дуракъ, что даетъ тебѣ (въ формулярѣ) отмѣтку хорошую,—дуракъ и онъ». И это послѣ каждаго спрошеннаго. Такимъ образомъ если мы, 70 человекъ, получили по 7 «дураковъ», то нашъ о. благочинный удостоился получить ихъ семьдесятъ разъ седмерицею.

Послѣ испытанія въ знаніяхъ догматовъ вѣры и правилахъ христіанской нравственности, преосвященный сталъ заставлятъ, опять всѣхъ по одиночкѣ, пѣть по октоиху. И опять: поклонъ, дуракъ, поклонъ и—вонъ: Тутъ ужъ непременно на каждую нотку сѣло по «дураку»!

— «Удивительно, какъ они всѣ глупѣютъ на должностяхъ! Вѣдь дуракъ на дуракѣ! Ступайте!»

Священникъ N. N. опять хотѣлъ было просить преосвященнаго, но онъ велѣлъ благочинному вывести его. Священникъ этотъ былъ крайне бѣдный и совершенно трезвый. Но чѣмъ-то, къ его горю, не угодилъ этой мирносошцѣ,—и пропалъ. Переводъ въ другой приходъ разорилъ его въ копецъ.

Дома его барыня хотя и не раскидала, но онъ. все равно проданъ за ничто.

Когда мы вышли, то къ намъ вышелъ помѣщикъ Владыкинъ. Онъ, смѣясь, похлопалъ по плечу своего священника и говоритъ: «а я, Н. Н. хотѣлъ, было, сказать владыкѣ и про тебя, что ты много пьешь».

— Ну, хорошо: меня архіерей вывелъ бы; — съ кѣмъ же ты-то сталь-бы пить-то тогда?

— Ха, ха, ха! Заѣзжай ко мнѣ. Я сейчасъ ѣду домой.

Преосвященный нашъ, вообще, безпорядковъ не терпѣлъ. Кафедральный соборъ нашъ имѣетъ высокое входное крыльцо, и такой же, въ самомъ храмѣ, высокій амвонъ. Однажды, осенью, была изморозь и все покрылось ледяной корой. Въ одинъ изъ такихъ дней, преосвященный долженъ былъ служить литургію въ соборѣ. Ледъ на входномъ крыльцѣ, хотя и былъ счищенъ, но падающій постоянно дождь мерзъ и покрывалъ все новымъ слоемъ льда. Сторожа, не знаю почему, — можетъ быть потому, что поздно спохватились и поздно уже было бѣжать къ себѣ за пескомъ, а можетъ быть, просто, почитая, что все равно, чѣмъ ни посыпъ, — но только и посыпъ ступеньки золой. Преосвященный вошелъ въ соборъ и тотчасъ же поставилъ ключаря на амвонѣ, предъ иконою Спасителя, въ виду всего народа, на колѣни.

Въ другой разъ, преосвященный награждалъ одного священника набедренникомъ. Во время накладыванія у набедренника и оторвись лента. Преосвященный: «ключарь! Это что! Пошелъ на колѣни»!

И ключарь пошелъ опять на знакомое мѣстечко...

Ключарь былъ, — по лѣтамъ, старше преосвященнаго, изъ окончившихъ курсъ академіи, протоіерей и членъ консисторіи.

Я могъ бы представить десятки подобныхъ случаевъ, и — много-много покрупнѣе этихъ, но думаю, что для характеристики того времени довольно и этого немногаго. Вообще же этотъ періодъ епархіального управленія есть одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, въ этомъ родѣ, въ нашемъ краѣ; но ввести на страницы исторіи событія того времени, предоставляю моему потомству. Безслѣднымъ же для исторіи этотъ періодъ остаться не долженъ.

XII.

Въ концѣ сентябрия я, по обыкновенію всего сельскаго духовенства, пошелъ по приходу собирать хлѣбомъ. Церковный сторожъ заложилъ мнѣ лошадь, растянулъ по всей телѣгѣ пологъ, положилъ нѣсколько мѣшковъ, и мы отправились. Вхожу въ первый дворъ; встрѣчаю хозяина и говорю: «не уродилъ ли Богъ хлѣбца какого и на мою долю»? Мужикъ скинулъ шапку, нехоти поглядѣлъ на меня; поглядѣвъ себѣ подъ ноги, надѣлъ шапку, сдѣлалъ шага два къ амбару, опять взглянулъ на меня и, нехоти, проговорилъ:

— Ты чѣмъ побираешься?

— Все равно, что есть.

— Можя ржи, ай овса?

— Все равно, что есть.

— То-то!

Я поблагодарилъ его и ушелъ. Безъ меня онъ вынесъ мнѣ полумѣрокъ ржи. Иду въ слѣдующій домъ. Вся семья сидитъ за столомъ. Я спрашиваю:

— Не уродилось ли хлѣбца какого-нибудь и на мою долю?

Мужикъ положилъ ложку, рукавомъ утерся, почесалъ у себя за воротомъ, и спросилъ: ты рожью побираешься, ай еще чѣмъ?

— Что дашь, за то и спасибо; мнѣ все равно.

— А посуда своя, ай въ нашу?

— Я своей не ношу.

— Поди, хозяйка, дай ему!

Та пошла впереди меня, въ амбарѣ зачерпнула ковшъ ржи и вынесла. Въ третьемъ домѣ мужикъ заранѣе насыпалъ мѣру пшеницы, вынесъ за ворота и ждалъ меня. Мнѣ пришлось только благодарить его. Въ четвертомъ домѣ мужикъ что-то рубилъ. Я подошелъ и спросилъ: не уродилъ ли Богъ какого хлѣбца и на мою долю? Мужикъ поклонился. «Тебѣ хлѣбца? Новинки»? И опять сталъ рубить. Онъ рубить, а я стою. Отрубилъ, посмотрѣлъ на топоръ, поворочалъ его, воткнулъ въ отрубокъ и опять спросилъ: «тебѣ новинки штоль? Ты побираешься?»

— Побираюсь.

— Чего же тебѣ: ржи, аль еще чего?

— Все равно, чего-нибудь, только, коль ужъ дашь, такъ поскорѣе, не мори.

— Да молоченнаго-то нѣтъ. Въ друго время приди, какъ помолотимся.

Иду дальше, спрашиваю.

— Хлѣбушка-то мало у самого-то. Тѣмъ всѣмъ, и дякону, и пономарю, и дячку отказаль. У самого семья, чай знаешь, малъ-мала меньше, а вѣдь все всѣмъ надо хлѣба. А работникъ-то я вотъ весь тутъ. А осенью пастухъ упустилъ табунъ, послѣднее-то потравилъ. Теперь вотъ тутъ и живи, какъ знаешь.

— Коль у тебя самого мало, такъ и не нужно.

— Ну, ненужно! Не дать нельзя. Это я тѣмъ отказаль, у тѣхъ шей-то, какъ у быковъ, толсты: а тебѣ надо дать, — не дать нельзя, только на большемъ не взыщи. Одинъ дастъ немного, другой немного, — вотъ и прокормишься. Миръ — великъ человекъ. И въ писаніи сказано: съ міру по нитѣ, голому рубашка. Курочка по немножку клюетъ, да сыта живетъ. Не дать нельзя. Много не дадимъ, а немного все ужъ дадимъ.

Я, обыкновенно, благодарилъ, и уходилъ прежде, чѣмъ мужикъ успѣвалъ выносить; но видѣлъ, что онъ вынесъ полрѣшета.

Въ слѣдующемъ дворѣ мужикъ позвалъ меня въ амбаръ. «Вотъ, батюшка, смотри, сколько у меня всего хлѣбца-то!» Смотрю: въ углу насыпано всего мѣры три ржи и 5—6 мѣшковъ, — и только.

— Ну, Господь съ тобой, зачѣмъ же я буду брать у тебя послѣднее. Я не зналъ, что у тебя нѣтъ, а то я не зашелъ бы къ тебѣ.

— Нѣтъ, кормилецъ, не дать нельзя. Не взыщи, что мало, а не дать нельзя. Твоимъ лоткомъ я ужъ не разживусь. Господь даетъ на всѣхъ: вы наши молитвенники.

И вынесъ мнѣ въ рѣшетцѣ ржи. Одна старуха вынесла мнѣ фунта два «для матушки» гороху; другая — фунта два, тоже «матушкѣ» крупъ.

Съ пятого двора со мной стали ходить, откуда-то взявшиеся, двое нищихъ. Придешь въ домъ, я спрошу себѣ, а они затянутъ: «Гос-по-ди Иису-се Хрис-те»... Мужикъ пойдетъ въ

амбаръ, зацѣпить лотокъ ржи, перекрестится и всыплетъ въ суму: потомъ вздохнетъ и начнетъ въ свое рѣпето насыпать мнѣ. Сколько я ни просилъ своихъ спутницъ идти или впереди меня, или назади, но онѣ: «всѣ, кормилецъ, именемъ Христовымъ живемъ: подадутъ и намъ, подадутъ и тебѣ. Мы твоего не возьмемъ». Я парочито постою, подожду чтобы онѣ прошли впередь, а онѣ увидятъ, что остановился, и сами остановятся. Вѣроятно ходить со мной имъ было выгоднѣе. А въ одной деревнѣ ко мнѣ пришла цыганка. Изъ двора во дворъ, нога-въ ногу, такъ-таки и прошла со мной всю деревню. Я оборочусь къ ней: да отстань ты, сдѣлай милость, или иди впереди!

— Эхъ, отецъ духовный! Всѣ на мірской шеѣ сидимъ! Наши отцы и дѣды не работали, и намъ не велѣли; да и ваши тоже! Православные прокормить всѣхъ. Для цыганки мужичекъ въ амбаръ не пойдетъ; дастъ кусочекъ да и только; а съ вами-то я и пшеница ребенку выпрошу, и мучки на лапшницу.

Такъ-таки и не отстала.

Входишь, иногда, въ домъ зажиточнаго крестьянина: спросишь, по обыкновенію: онъ, не тороясь, спроситъ чѣмъ я побираюсь, поидеть въ избу за ключемъ, минутъ пять пропадаетъ тамъ, подойдетъ къ бочкѣ напиться, слазитъ на навѣсъ за сѣномъ и отнесетъ въ конюшню и потомъ поидеть въ дальній за деревню амбаръ. Онъ ушелъ, а ты стоишь и томишься отъ грусти и досады и не знаешь, куда дѣваться. Стоишь иногда 15—20 минутъ, — сердце ноетъ, ждешь—не дождешься конца этой тоски, теряется всякое терпѣніе и, наконецъ, видишь, что тебѣ несутъ полрѣшетца ржицы... Увидишь это и отъ досады, кажется, провалился бы. Нехотя поклонись, и поидешь въ слѣдующій дворъ. Но здѣсь, иногда, мужичекъ, несравненно бѣднѣйшій, давно уже припасъ тебѣ большое лукошко или мѣру пшеницы и ждетъ тебя. Предъ этимъ крестьяниномъ, наоборотъ, становится какъ-то уже неловко, стыдно и ты не находишь словъ благодарить его; 5—6 разъ скажешь ему спасибо и 5—6 разъ поклонись ему.

Таковъ былъ мой сборъ хлѣбомъ на первый годъ моего священства, таковъ онъ и до сего дне, 1880-го года, у каждаго сельскаго священника.

Надобно быть сельскимъ священникомъ, надобно испытать,

чтобы понять то невыносимо-тяжелое, то убивающее душу состояние, ту тоску, ту горечь, то унижение, то леденящая кровь и жгущее сердце отчаяние, ту одуряющую злобу, какія испытывает собирающій хлѣбомъ священникъ! Человѣкъ, не испытавшій этого на себѣ, понять этого не можетъ. Даже я, — видѣвшій сборы хлѣбомъ моего отца, дѣда и другихъ, — не понималъ этого вполне. И понималъ ихъ вотъ только тутъ, — когда пришлось собирать самому. Много разъ я видѣлъ глубокіе вздохи моего родителя, какъ только зайдетъ рѣчь о сборахъ. «Охъ ужъ эти сборы», говаривалъ, бывало, мой батюшка и при этомъ тяжело, всею грудью, вздохнетъ, покойный; но я не понималъ этихъ вздоховъ. Теперь эти вздохи я понимаю. Теперь я понимаю какихъ нравственныхъ жертвъ стоило ему наше воспитаніе!..

Всякому нищему его нищенство должно быть несравненно сноснѣе, чѣмъ намъ наше нищенство, — сборы хлѣбомъ. потому что между нами и нищими, и въ умственномъ и въ нравственномъ состояніяхъ, лежитъ цѣлая пропасть. Я давно священникомъ, уже состарѣлся, давно бы пора, кажется, съ нищенствомъ свыкнуться; но, однакоже, за всѣмъ тѣмъ, — не дней, а нѣсколько мѣсяцевъ пужно бываетъ всегда, чтобы изгладить то гнетущее чувство, которое ложится тяжелымъ камнемъ на мою душу послѣ сбора.

Но если эти средства къ нашему существованію невыносимы намъ, — намъ, видѣвшимъ примѣры въ отцахъ и дѣдахъ нашихъ, и во всемъ родѣ нашемъ, и свыкшимся съ пасмѣшками, униженіемъ и нуждой отъ колыбели; то какъ стали бы переносить это все тѣ, которые поступили бы въ нашу среду изъ свѣтскихъ сословій, — я не могу даже и представить.

Люди, не испытавшіе на себѣ нашего состоянія, люди свѣтскіе, вполне не поймутъ насъ, — это неопровержимо. И если они и знаютъ наше состояніе, то знаютъ одну только небольшую его частицу. Но и эта небольшая его частица настолько, вѣроятно, красива, что изъ свѣтскихъ сословій въ духовное званіе нейдетъ никто. При всѣхъ льготахъ и преимуществахъ, данныхъ ученикамъ гимназій предъ учениками семинаріи, — въ духовныя академіи нейдетъ никто изъ гимназистовъ. Мало того, даже изъ собственной-то среды нашей всѣ лучшія

молодыя силы бѣгутъ отъ насъ. Свѣтскія учебныя заведенія переполнены и безпрестанно открываются повья: наги же пустѣютъ и закрываются. Лучшія наши силы идутъ въ гимназіи и университеты, — въ семинаріи же идутъ худшія, или тѣ, у которыхъ уже рѣшительно цѣтъ средствъ пробить себѣ дорогу. Это не случайность!..

Иногда, послѣ тасканія по дворамъ на Рождество, Крещенье и Пасху, и послѣ сбора хлѣбомъ, ходишь, какъ безумный: чувствуешь себя совершенно, и нравственно и физически, убитымъ, какимъ-то уничтоженнымъ: а тутъ—одинъ кричитъ: нашъ попъ глупъ, совсѣмъ читаетъ мало; баринъ глубокомысленно подтверждаетъ, что попъ дѣйствительно глупъ, что не можетъ даже различить крѣмки отъ псовой породы и что отъ него, вообще, пахнетъ мужикомъ; барыня восклицаетъ, что попъ необразованъ, что онъ не имѣетъ и понятія о дамскихъ уборахъ; статистики и вообще сборщики «свѣдѣній» изъ столицъ или губернскаго города печатно пеносятъ, что духовенство отстало, не интересуется наукой и не дѣлаетъ наблюденій; конепсторія неустанно, по обыкновенію, дѣлаетъ выговоры за недоставленіе статистическихъ и другихъ свѣдѣній. Смѣхъ и горе разбираетъ, смотря на всѣ такія требованія. и думаешь: эхъ, други наши милы! Посадили бы васъ, хоть только на полгода туда, гдѣ мы, такъ изъ васъ не осталось бы вполонину и того, что мы теперь! Мы увѣрены, что только упругая, до крайности выносливая натура, выросшая въ преданіяхъ многихъ поколѣній, можетъ выносить ту нужду и тѣ униженія, какія выносимъ мы.

ХШ.

Если такъ неприглядна жизнь сельскаго священника, то какова же должна быть жизнь псаломщика. т.-е. молодаго чело-вѣка, окончившаго курсъ въ семинаріи и поступившаго въ псаломщичество, или попросту, въ пономари?! Прихожане священника, отчасти, уважаютъ, а отчасти и боятся, а поэтому, хоть на первый разъ, какую-нибудь квартиру ему все-таки дадутъ; псаломщику же нигдѣ и никто квартиры не дастъ. Будь онъ хоть магистръ академіи, а для прихожанъ, онъ есть, все-таки, тотъ же пономарь.

Одинъ изъ преосвященныхъ имѣлъ обыкновеніе, при обзорѣніи епархіи, брать съ собою одного изъ иподіаконовъ и сажалъ его съ собою въ карету. Иподіаконъ этотъ, теперь уже давно священникъ, былъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, окончившихъ курсъ семинаріи, молодець собой, скромный, очень умный и солидный мужчина. Въ одну изъ поѣздокъ по епархіи, преосвященный заѣхалъ въ деревню къ своему хорошему знакомому, предводителю дворянства. Сюда же пріѣхалъ, какъ благочинный, и тоже, какъ хорошій знакомый хозяину, и я. У предводителя жилъ въ это время, какъ на дачѣ, его знакомый, одинъ изъ мельчайшихъ чиновниковъ съ женой и дѣвицей своячениной. Мы всѣ—хозяинъ, преосвященный, приказный, его жена, свояченина и я,—сидѣли въ залѣ и гостиной, а иподіаконъ въ передней; мы сѣли обѣдать, а его попросили въ особый флигель; вечеромъ мы пили чай въ гостиной, а ему подали въ переднюю. Иподіаконъ обидѣлся, ушелъ въ архіерейскую карету и два дня, пока былъ тутъ преосвященный, не выходилъ оттуда, продовольствуясь своимъ дорожнымъ запасомъ. Такъ смотрятъ не на псаломщика, но даже на иподіакона, представители дворянства! Чего ждать хорошаго отъ мужика? Въ приходѣ псаломщику не дадутъ ровно никакого пособия, на него даже и не обратятъ вниманія. И этотъ несчастный юноша долженъ будетъ пріютиться въ мужицкой семьѣ и жить съ нею въ одной избѣ. Онъ, холостой и одинокій, долженъ будетъ жить въ семьѣ, гдѣ, можетъ быть, и даже навѣрное, пьяница мужикъ, дурнаго поведенія его жена, а еще хуже того, остальные члены семьи. А почему я говорю: «навѣрное»,—такъ это мнѣ хорошо извѣстно, что скромные и трудолюбивые крестьяне не любятъ, чтобъ въ ихъ домахъ жили посторонніе люди. Въ той же избѣ будутъ, неизбѣжно, телята, ипята, свиньи, по колѣно солома и грязь и невыразимо тяжелый воздухъ; ему негдѣ ни сѣсть, ни прилечь; ни книжки, чтобъ отвести душу, ни человекъ, чтобы промолвить словечко! Остальные члены причта, если они только есть, можетъ быть будутъ, и что всего вѣроятнѣе, нетрезвой жизни, или поглощенные житейскими и самыми мелочными заботами о средствахъ къ своему существованію. А при такой обстановкѣ достаточно, кажется, какого-нибудь только полугода, чтобъ сгнѣнуть на вѣкъ. Счастье его, если священникъ

самъ будетъ человѣкъ хорошій: а если нѣтъ?! Если священникъ будетъ таскать его съ собою всюду и вредно вліять на него своимъ примѣромъ. — тогда что?.. Молодой человѣкъ пропалъ невозвратно. Жениться онъ не можетъ, — у него нѣтъ средствъ къ жизни; завести свой домишко не можетъ, какъ по неимѣнію къ тому средствъ, такъ и потому, что въ приходѣ онъ человѣкъ временный, только и думающій о томъ, какъ бы поскорѣе выбраться изъ этой тины. Читать и пѣть громко, на всю церковь, безъ отдыху два-три часа, зимою на сквозномъ вѣтрѣ и морозѣ, — нужна грудь крѣпкая, и именно пономарская, физически развитая и не надорванная школьными занятіями. Грудь же «учснаго псаломщика» для такой работы уже не годится. Мнѣ лично извѣстны два псаломщика въ губернскихъ городахъ, которые читаютъ и поютъ безостановочно въ утреню и обѣдню изъ всѣхъ своихъ силъ, надрываютъ свою грудь и, послѣ каждой службы, чувствуютъ совершенное изнуреніе силъ; службы же въ постъ не выдерживаютъ совсѣмъ ни тотъ, ни другой и болѣютъ подолгу. И по причинѣ болѣзни напимаютъ отъ себя кого случится. Сельскаго же псаломщика средства таковы, что онъ, придя изъ церкви зимою въ свою вонючую конуру, не можетъ отогрѣть своихъ передрогшихъ внутренностей и стаканомъ чаю.

Причетника, когда состоитъ онъ на службѣ, никто не считаетъ и человѣкомъ. Это парія, которымъ подать руку всякій, считающій себя порядочнымъ человѣкомъ, находитъ для себя унижительнымъ. Что отбросъ общества, это народъ, презираемый всѣми. Его значеніе для церкви и общества, его труды даже само правительство цѣнить всего въ 2 р. въ мѣсяцъ, т.-е. въ десять разъ менѣе, чѣмъ значеніе и трудъ послѣдняго сторожа въ любомъ присутственномъ мѣстѣ. Отдавши церкви и обществу лучшіе годы жизни, какъ только, за дряхлостью и болѣзнію, выходитъ онъ за штатъ, то его бросаютъ всѣ: бросаетъ общество, бросаетъ правительство, — ему никто не дастъ ровно уже ничего, — и хочеть онъ, — умирай съ голоду, или мерзни, хочеть — душись, хочеть — въ омутъ лѣзь, — онъ для всѣхъ чужой. Ему не возвратятъ даже его собственности, — не дадутъ грошовой даже пенсіи, на которую онъ имѣетъ полное право, на образованіе которой весь его вѣкъ дѣлали вычетъ изъ его двухруб-

леваго его мѣсячнаго жалованья. А между тѣмъ должность причетника, для христіанина — должность высокая. Это единственный чтець пѣвецъ при нашемъ богослуженіи; это единственный руководитель ума и сердца нашего при общественной нашей молитвѣ. Мало того: это приходскій нотаріусъ, утверждающій дѣйствительность и время событій рожденія, брака и смерти цѣлыхъ тысячъ прихожанъ и отъ исправности и неисправности котораго можетъ зависѣть многое, — онъ есть писмоводитель церковныхъ актовъ.

Не смотря, однако же, на важное значеніе для церкви, государства и общества, съ прискорбіемъ случается, иногда, видѣть, что люди, считающіе себя и высокопоставленными, и умными и христіанами, причетника считаютъ хуже собаки. Да, это такъ! Обратите вниманіе: приходитъ священникъ съ крестомъ въ домъ барина: мнѣ подають руку, а пономарю нѣтъ и, въ то же время, глядятъ, ласкають собаку, и иногда, даже цѣлуютъ ее; садимся закусывать, собака тутъ же возлѣ ногъ хозяина, а причетника отсылають въ лакейскую; свою тарелку хозяинъ отдастъ собакѣ, причетнику же относятъ обѣдки отъ барскаго стола; о собакахъ часто говорятъ съ увлеченіемъ, приписываютъ имъ вышечеловѣческія достоинства, — о пономаряхъ — всегда съ гримасой на лицѣ и презрѣніемъ; о собакахъ заботятся всѣ, о пономаряхъ никто. Даже у нѣкоторыхъ священниковъ достаетъ совѣсти отнимать и утаивать часть ихъ доходовъ, тѣснить ихъ и дѣлать доносы. А если взять общественное мнѣніе — то это уже не люди.

И послѣ этого хотять, чтобы мы дѣтей своихъ, послѣ того, какъ они утѣшали насъ трудомъ своимъ и успѣхами въ семинаріяхъ, посылали ихъ въ пономари? Нѣтъ ужъ, благодаримъ покорно!

Вслѣдствіе такого положенія псаломщиковъ и вышло то, что какъ только получилось распоряженіе, чтобы ученики, окончившіе курсъ въ семинаріяхъ, поступали въ псаломщики и были тамъ до тридцатилѣтняго возраста, то многіе священники тотчасъ взяли дѣтей своихъ изъ семинарій и помѣстили ихъ въ свѣтскія заведенія. Священники эти горькимъ опытомъ дознали, что дѣтямъ ихъ лучше идти въ солдаты, чѣмъ въ пономари и не пустили ихъ. Священниковъ этихъ нельзя никакъ обви-

нять въ маловѣрїи или безразличномъ отношенїи къ интересамъ вѣры; нѣтъ, они, можетъ быть, болѣе даже религіозны, чѣмъ тѣ, у коихъ дѣти и теперь обучаются въ семинаріяхъ. На явленіе это нельзя не обратить вниманїи; сельскіе священники, для которыхъ невыносимо таскаться по дворамъ и вымалывать себѣ и дѣтямъ пропитаніе, — дѣтей своихъ помѣстили въ гимназіи; благочинные, — преимущественно — въ гимназіи; городскіе священники, — безъ исключенїя почти — въ гимназіи; ректоръ саратовской семинаріи — сынъ въ гимназіи; кладезь духовнаго просвѣщенїя, с. п. б. академія, — сынъ о. ректора обучился въ институтѣ инженеровъ путей сообщенїя. Все это что-нибудь да значить... Нѣтъ сомнѣнїя, что отъ свѣтскаго званїя они не ожидаютъ для дѣтей своихъ непремѣнно хорошаго; нѣтъ, они предпочитаютъ чужое, неизвѣстное — своему, слишкомъ хорошо извѣстному и — тяжелому.

Въ самомъ дѣлѣ: самая обыкновенная у насъ кухарка, ничего несмыслящая деревенская баба, получаетъ 3—4 р. въ мѣсяць жалованья, имѣетъ при этомъ помѣщенїе, столъ, чай, кофе и праздничные подарки; самый послѣдній мужикъ-работникъ получаетъ 80 — 90 р. въ лѣто, и опять имѣетъ помѣщенїе, столъ и водочныя потачки. Псаломщикъ же пономарь получаетъ 2 р. въ мѣсяць жалованья ¹⁾, и пуценъ ва произволь судьбы: жить гдѣ примутъ и ѣсть, что соберетъ по міру... Слово это выговаривается легко; но попробуй выполнить его! Возьми суму и иди... Пономарю подаютъ часто лотками, запрягать лошади. иногда, нѣтъ и надобности, и не стоитъ, и онъ, дѣйствительно, возьметъ мѣшокъ и идетъ. Подали лотокъ — два, всыпалъ, взвалилъ на плечо и дальше. То, однакожь, что подаютъ лотками, — еще сносно: но невыносимо униженїе: ходить съ мѣшкомъ на плечѣ, просить и стоять передъ каждымъ мужикомъ и бабой, и получить лотокъ. При этомъ дѣло очень обыкновенное, что часто и въ лоткѣ-то отказываютъ. И опять необходимо замѣтить, что пономарю подается хлѣбъ самый худшїй, и часто, просто, ухвостье. Я не говорю, что всѣ приходы, именно, таковы; напротивъ, есть приходы, гдѣ ^{1/4} дво-

¹⁾ Изъ этихъ 2 р. удерживается 2 к. въ пенсіонный капиталъ, но пенсіи псаломщикамъ не полагаются. **Сельскїй Священникъ.**

ровъ подасть и по мѣрѣ, по большинство все-таки таково, и значить походи да покланяйся. Тутъ, батюшка вы мой, всякіе стойки и всякіе Муціи повѣсятъ голову и не помогутъ вамъ никакой классицизмъ, какъ бы вы въ семинаріи ни долбили его!

Я предпочитаю, что многіе изъ моихъ читателей осуждаютъ меня за рѣзкость выраженій и заподозрятъ меня въ желаніи отвратить отъ постушенія въ духовное званіе. Отвращать отъ духовнаго званія я совѣмъ не имѣю намѣренія. Я самъ священникъ и всей душой люблю свое званіе, и именно потому, что въ немъ есть стороны незамѣнимыя въ мірѣ: частая молитва и служеніе литургіи. Это, и именно только это, поддерживаетъ унашій духъ и надежду на милость Божію. Я выставляю на видъ только матеріальныя средства къ содержанію и отношеніе духовенства къ обществу. Осуждаютъ за рѣзкость выраженій? Но я не сказалъ еще и сотой доли того, что есть на самомъ дѣлѣ и ничего вѣтъ легче, какъ осуждать и судить... Но думаю при этомъ, что осудить меня только тотъ, кто не имѣетъ и понятія ни о холодѣ, ни о голодѣ и тѣмъ менѣе объ униженіяхъ. Мы попросили бы такихъ господъ прежде испытать то, что тернимъ мы, тогда уже и осуждать...

Но вѣдь есть же священники, которые живутъ не только безбѣдно, но имѣютъ и достаточные капиталы въ банкахъ? Есть. Я представлю три-четыре примѣра обращика лицъ, очень коротко мнѣ лично извѣстныхъ, по нимъ можно будетъ судить и объ остальныхъ.

Покойный о. протоіерей города К. былъ миссіонеромъ. Для собесѣдованія съ раскольниками онъ разъѣзжалъ всегда лѣтомъ въ рабочую пору. Однажды пріѣзжаетъ онъ съ исправникомъ въ одно большое раскольничье село и созываетъ всѣхъ крестьянъ для собесѣдованій. Въѣзжіи домъ, гдѣ они остановились, состоялъ изъ двухъ избъ, раздѣленныхъ общими сѣнями. Въ передней помѣстился исправникъ, а въ задней о. протоіерей. Каждаго мужика и каждую бабу и дѣвушку призываетъ къ себѣ исправникъ и начинаетъ пороть. Натѣшившись досыта, онъ посылаетъ къ о. протоіерею на увѣщанія. О протоіерей: «тебя, кажется, другъ мой, оскорбили? Жаль мнѣ тебя, другъ мой. жаль! Ты подпишись, что желаешь быть православнымъ, а тамъ Господь съ тобой, живи, какъ знаешь, а начальство оскорблять

тебя не будетъ. А за то, что я защищу тебя, дай мнѣ руб-
лишко». Такъ, и другой, и третій и сотый, и восьмисотый...
Раскольники не спорили ни изъ-за подписокъ, ни изъ-за руб-
лишекъ. Послѣ исправникъ, своимъ порядкомъ, взялъ по 3 р.
съ рыла. И гг. миссіонеры отправились дальше.

Мѣстный священникъ доноситъ потомъ, что его раскольники
и не думали быть православными, — что они живутъ такъ, какъ
жили прежде.

Пріѣзжаетъ къ священнику о. протоіерей: «я въ трое су-
токъ успѣлъ внушить раскольникамъ объ ихъ заблужденіяхъ; а
ты, отецъ, живешь здѣсь весь свой вѣкъ и не умѣешь вести
дѣла. Я донесу преосвященному, что ты вреденъ здѣсь, чтобъ
онъ перевелъ тебя въ худшій приходъ».

И несчастный священникъ даетъ о. миссіонеру цѣлые десят-
ки рублей, чтобы только, по доносу его, не сдѣлаться нищимъ.

Черезъ годъ о. протоіерей пріѣзжаетъ снова съ исправни-
комъ и обращается съ крестьянами, не какъ уже съ расколъ-
никами, а какъ съ православными, отпадшими въ расколъ, и
передрали и ободрали ихъ несчастныхъ еще безсовѣстнѣе.

Случился, однакожь, одинъ казусъ и съ о. протоіереемъ, —
и секретарь его преосвященства слупилъ съ него 4,000 р. По
смерти о. протоіерея осталось, говорили тогда, до 80 т.

О. протоіерей города N былъ тоже миссіонеромъ и спуску
ни раскольникамъ и ни священникамъ не давалъ. Человѣкъ вдо-
вый и одинокій жилъ онъ не только чернѣ, но и грязно. Это
своего рода Плюшкинъ. Ълъ, непременно, каждый день только
рѣдьку и панихидные бублики. Сохрани Богъ, если дьячокъ об-
дѣлитъ его хоть полбулочкой, — заѣсть! Онъ имѣлъ въ банкѣ
до 56 т., только въ одномъ, но предполагають, что есть день-
ги и еще гдѣ-нибудь.

Третій о. протоіерей, членъ консисторіи и миссіонеръ. Онъ
хотя былъ и съ академическимъ образованіемъ, но съ сектан-
тами не могъ сказать и десяти словъ. За то онъ хорошо зналъ
статью закона, по которой сектанты обяваны были, по требо-
ванію полиціи, являться въ консисторію на увѣщанія. Явятся
и молокане, и поповцы, и безпоповцы, и хлысты и всякій по-
добный людъ, и усядутся на улицѣ, около консисторіи, по стѣн-
камъ, по ступенькамъ уличнаго крыльца, на дворѣ консисторіи,

въ передней,—и сидятъ день, два, недѣлю, другую, третью,—сидятъ, а на увѣщанія въ консисторію не зовутъ. Сидятъ. и имъ, какъ страдальцамъ за вѣру, приношенія отъ ихъ едино-вѣрцевъ со всѣхъ сторонъ. Въ толпѣ этой можно было видѣть и просто мужиковъ, и бабъ, и лицъ съ весьма прилипчивою наружностью. На эту толпу неподвижно сидящаго народа, изодня въ день, нельзя было не обратить вниманія всякому—всякому бросались они въ глаза невольно. Спросите любого изъ толпы этой, что это за народъ, кто они, и вамъ отвѣтятъ: «Страдаемъ за вѣру. Сидимъ вотъ здѣсь уже недѣлю а въ полѣ, чай, выбило вѣтромъ послѣдній хлѣбишко!» Сидятъ, наконецъ, выйдутъ изъ терѣбнїя, пойдутъ къ о. миссіонеру, поклонятся, и онъ отпуститъ ихъ.

Иногда дѣло это дѣлалось проще: всѣ увѣщаемые посылались на берега Волги на поценницу. И полягутся у стѣнокъ заборовъ, посядутся по тумбочкамъ взвоза (почему-то ихъ часто можно было видѣть тамъ, гдѣ семинарская больница),—и сидятъ цѣлый день. Одновѣрцы принесутъ имъ поценную плату, вечеромъ отнесутъ ее о. миссіонеру, а на утро опять полягутся у заборовъ. Всякому проходящему объяснили они, что они: «стра-да-ютъ за вѣ-ру». Нѣкоторые просили милостыню, протягивали руки и вопили: «стра-даль-цамъ за вѣ-ру Хрис-то-ву по-дай-те!»

Этотъ же о. протоіерей былъ и экзаменаторомъ дьячковъ, предъ посвященіемъ въ стихарь. Въ дьячки и пономари поступали ученики, большею частію, по лѣности, неспособности и за дурное поведеніе исключенные изъ училищъ. Ихъ назначали въ приходъ; въ теченіе года они должны были выучиться хорошо читать по славянски, пѣть на гласы и по нотамъ и выучить краткій хатихизисъ. Носить стихарь они не имѣли права; для этого они чрезъ годъ должны были явиться къ преосвященному и подать прошеніе о посвященіи ихъ въ стихарь. Преосвященный, обыкновенно, на прошеніи надписывалъ: «Къ экзаменатору». Получившій хорошую отмѣтку экзаменатора посвящался въ стихарь; получившій же неудовлетворительную посылался въ приходъ на годъ снова. Какъ понудительная мѣра къ изученію требуемыхъ предметовъ, непосвященнымъ въ стихарь не дозволялось жениться. Иной въ приходѣ только и знаетъ, что

шляется по кабакамъ, да по крестинамъ, рожа расплзется, какъ у быка; другой изо-дня въ день гнетъ спину надъ сохой, да съ цѣпомъ, и ни тому, ни другому катихизисъ-во весь годъ не придетъ и въ голову. И ѣздятъ такіе къ преосвященному лѣтъ пять-шесть, и ѣздить бы имъ весь вѣкъ, еслибъ не жалѣлъ ихъ о. экзаменаторъ! Не ѣздить же нельзя, и указъ давался только на одинъ годъ, да и не дозволялось жениться. Пріѣзжаетъ однажды, изъ-за Волги, пономарь с. Большой Глушицы, верстъ изъ-за 400, Ѳедоръ Ирғизовъ, приходитъ къ экзаменатору. тотъ спросилъ что-то, и говоритъ: плохо, плохо! поучи и явись черезъ годъ». Ирғизовъ вынимаетъ серебряный рубль и кладетъ на столъ. О. экзаменаторъ, не глядя, взялъ его, тутъ же подсунулъ подъ салфетку и пошелъ въ другую комнату, бормоча: «Еще, еще надо поучить, еще плохо!» Ушелъ, давая возможность Ирғизову вынуть изъ кошелька еще рублишко. Ирғизовъ на пальчикахъ подбѣжалъ къ столу и вытащилъ изъ-подъ салфетки свой рубль. Входитъ экзаменаторъ Ирғизовъ: «ваше высокопреподобіе! Сдѣлайте милость!» И кладетъ на столъ рубль. Экзаменаторъ опять, не глядя, взялъ, положилъ подъ салфетку и пошелъ: «еще надо поучить, плохо, плохо!» Ирғизовъ стянулъ рубль опять. Входитъ о. экзаменаторъ, онъ кладетъ его опять. «Ну, давай дѣло! Жаль тебя, далеко ѣздить-то тебѣ». И далъ хорошую отмѣтку.

Такъ наживали деньги люди должностные.

XIV.

Въ предъидущей главѣ я указалъ на два—три примѣра того, какъ наживали деньги, въ блаженное старое время, должностныя лица изъ духовенства; теперь укажу на нѣсколько примѣровъ изъ быта духовенства сельскаго.

Одинъ священникъ, короткій мой знакомый, поступилъ во священники, по окончаніи семинарскаго курса, на мѣсто тестя,— въ старинный, полный домъ. Тотчасъ онъ сошелся со старикомъ-помѣщикомъ, и льстилъ ему, елико возможно. Баринъ честь любилъ, и жилъ, какъ и подобало жить барину прежнихъ временъ,—ѣлъ, пилъ, спалъ и лишь раза три—четыре въ день

ткнегъ въ рыло лакею, больше же этого по хозяйству не дѣлать ничего. Священникъ сдѣлался докладчикомъ и совѣтникомъ по всѣмъ его дѣламъ: нужно-ли снять у барина въ аренду мельницу, — попросить сперва батюшку; купить-ли лѣсу, — сперва толкнутся къ батюшкѣ; провинился-ли мужикъ, — за защитой къ батюшкѣ; освободить-ли сына отъ солдатчины, — за ходатайствомъ къ батюшкѣ. И такъ во всемъ... Священникъ цѣну себѣ понять скоро: кто больше дастъ, того и дѣло право. Барскаго лѣсу самъ онъ могъ рубить, даже для продажи, сколько угодно; земли барской могъ брать, сколько угодно; крестьяне обрабатывали его поля; вся домашняя прислуга была отъ барина и притомъ дѣло это велось такъ: нянька, кухарка, кучеръ и работникъ живутъ и служатъ у священника; но завтракать, обѣдать и ужинать ходять къ себѣ домой. Такимъ образомъ онъ получалъ, навѣрное, развѣ только непогимъ меньше самого барина.

Въ приходѣ: вынь да положи, за каждую потребу, впередъ. Пришелъ крестьянинъ, постомъ, исповѣдываться, — впередъ положи гривну; нѣтъ, — ступай прочь ¹⁾. Пришелъ крестить младенца, — деньги впередъ; нѣтъ, или мало, — ступай домой. Каждый женихъ долженъ пахать непремѣнно три дня, каждая невѣста — три дня жать или молотить. Безъ этого и вѣнчать не будетъ. Станетъ собирать хлѣбомъ, — мужикъ хоть тресни, а поново лукошко насыпай полно. Мужикъ въ амбаръ и батюшка за нимъ. Мужикъ насыпаетъ, а батюшка смотритъ и понукаетъ: «а — ну, сыпь, сыпь, не скупись!»

— Да у тебя, батюшка, лукошко-то больно велико, туда полѣзетъ ползакрома.

— Велико! Чай не я его дѣлалъ. Ну, еще немножко: ну, еще лоточекъ; да не скупись же!

Мужикъ мнется, а батюшка настаиваетъ: «насыпай N. N., насыпай! Пригодится и пользѣ когда-нибудь. Сына-то, не бойсь, женить будешь скоро!» Какъ мужичекъ ни бьется, а батюшка, все-таки, своего добьется. — лукошко батюшкино полно. Иногда дѣло это велось у него еще проще: мужичекъ мнется, задѣ-

---

) Последствіемъ этого было то, что три деревни, почти поголовно, отпали-было въ расколъ. Священникъ пересталъ требовать платы, сталъ брать, что дадутъ, — и крестьяне, почти всѣ, стали опять ходить въ церковь.

ваетъ по поллоточку, — батюшка выходитъ изъ терпѣнія, и какъ-бы шутя: «Эхъ ты, N. N. Ты не умѣешь и насыпать! Ты вотъ какъ!» Возьметъ у него изъ рукъ лотокъ, да и насыпаетъ полно лукошко.

Приспѣла свадьба, — тутъ мужичку, просто, въ смерть: приноси и гуся, и коровай хлѣба, и водки, и возокъ сѣнца привези. и сдѣлай какую-нибудь услугу, въ родѣ чистки двора, подводы въ городъ и тому под. А деньги деньгами, — это, конечно, само собой. Назначить батюшка 10 р., а мужикъ даетъ 3 р. И пойдеть торгъ, Боже мой, дня три ходить мужикъ вымалывать, и каждый разъ долженъ принести что-нибудь. Мужикъ встанеть на колѣни, — молчить, чуть не плачетъ; а батюшка сидитъ себѣ, и знать ничего не хочеть: «давай, что сказано, и баста!»

За пасхальные и праздничные молебны батюшка опредѣлилъ брать, положимъ, 20 к. Мужикъ даетъ 15 к. Вынь да положь еще 5 к.! Иначе и служить не станеть.

Я, однажды, спрашиваю его: зачѣмъ вы просите денегъ до совершенія требы? Вѣдь это слишкомъ неблаговидно!

— Неблаговиднаго тутъ ровно нѣтъ ничего. Я беру за свой трудъ. Но наше, поповское, дѣло, — не купеческое. Тамъ купишь, не понравился товаръ и купецъ всегда согласится возвратить деньги и принять товаръ обратно. А мы: отслужимъ молебенъ; мужикъ не дастъ ничего или дастъ 2—3 к., что же тогда? Вѣдь молебна назадъ не возьмешь. И ссорься съ нимъ! У меня дѣло на честность — отдашь деньги, — я служу, не отдашь, — не буду. Ссоры у насъ и быть не можеть, и не надуетъ никто. А то вотъ видите, что бываетъ: недавно меня просила барыня Ольга Федоровна 3 — нѣ служить всенощную; послѣ всенощной, я отслужилъ молебенъ съ водоосвященіемъ, потомъ молебенъ Ольгѣ и наконецъ панихиду. Послѣ чего она и даетъ мнѣ два двугривенныхъ. Я раскланялся, сказалъ, что, изъ уваженія къ ней, служилъ ей даромъ и положилъ на столъ передъ нею ея двугривенные. А она... хоть бы моргнула. Вотъ за этимъ-то я и беру за все впередъ.

Въ домѣ экономія была во всемъ страшная; для кухни онъ выдавалъ все самъ, или, по крайней мѣрѣ, все показывалось ему, что бралось изъ амбаровъ или погребовъ. Выдастъ, напримѣръ, муки, уравниетъ въ ларѣ или закромѣ дощечкой и на-

ложить ладонь. Приходить выдавать въ слѣдующій день, видѣть, что отпечатокъ ладони его, — и выдать. Ъль онъ Богъ вѣсть что! что погнило и попрѣло — Ъль онъ; все же хорошее продавалось.

Въ домѣ у него было очень чисто; и самъ онъ и семейные его одѣвались, тоже, очень чисто, хотя все изъ самага дешеваго. Читалъ очень много и самъ выписывалъ одну газету мѣстную, одну Петербургскую, два журнала духовныхъ и три свѣтскихъ. Хлѣба засѣвалъ очень помпогу и на всѣхъ работахъ неотлучно отъ зори до зори. Въ полѣ и на гумнѣ онъ постоянно ходилъ, сидѣлъ, смотрѣлъ за работой и, въ то же время, читалъ. Дѣти всѣ воспитывались хорошо.

И я хорошо знаю, что деньги у него были.

Въ Самарской губерніи былъ, и, кажется, живъ и до сего дня, нѣкто отецъ Онисимъ. Въ то время, когда населялся за-волжскій край, онъ изъ дячковъ поступилъ въ одно изъ отдаленныхъ, новостроившихся сель во священники. Человѣкъ онъ былъ малограмотный, но практичный въ высшей степени. Земли свободной, казенной было множество, земля плодородная, отдавалась въ аренду по 10 к. за десятину, — и отецъ Онисимъ принялся за пшеницу. Вскорѣ онъ расширилъ свои посѣвы до 100 сошельниковъ (400 д.). Прихожане его, народъ, собранный изъ разныхъ внутреннихъ губерній, народъ вначалѣ былъ бѣдный. От. Онисимъ устроилъ двѣ вѣтряныя мельницы, поставилъ кузницы и открылъ торговлю всѣмъ, что нужно крестьянину. Тамъ были: сита, корыта, лопаты, топоры, деготь. словомъ все, до послѣдней мелочи, и сдѣлался настоящимъ торгашемъ-кулакомъ. Благочиннымъ былъ у него нѣкто, здравствующій и теперь, Н. Ѳ. П., человѣкъ очень ловкій. Я обоихъ зналъ ихъ, какъ нельзя лучше. Какъ только, бывало, Онисимъ сотворить какую-нибудь плутню и ханеть, — благочинный и тутъ, какъ изъ земли выскочить, накроетъ Онисима, не дастъ и денегъ припрятать. Онисимъ былъ кулакъ, но трусъ, а благочинный дѣлецъ. Ханеть Онисимъ, а благочинный и на дворъ. И Онисиму приходится и ханчину отдать, да и своихъ прибавить малую толку. Однажды, случилось благочинному у Онисима ночевать. Ночью стучатся въ окно къ Онисиму: «Батюшка! Встань, вѣтерокъ потянулъ, смели мѣшочекъ!» Благочинный: «Ч-т-о? Смо-

ло-ть? О-ни-симь! Да развѣ ты мельникъ? Я думалъ, что я прїѣхалъ къ священнику, а выходитъ, что къ мельнику. Дьяконъ! (благочинный ѣздилъ всегда съ своимъ дьякономъ). Встань и сейчасъ запечатай мельницу». У дьякона кусокъ тесьмы былъ привезенъ изъ дому. Сейчасъ пошелъ, опуталъ крылья у мельницы тесьмой и припечаталъ къ столбу. По утру, Онисимъ далъ его высокопреподобію сотнягу, да дьякону на кафтанишко, — и мельница завертѣлась опять.

Церкви въ селѣ у Онисима не было долго. Какъ только, бывало, зайдетъ съ Онисимомъ рѣчь о благочинномъ, Онисимъ крикнетъ: «да я двѣ церкви выстроилъ-бы, сколько я передавалъ благочинному».

Въ селѣ В. Б—цѣ былъ волостнымъ головою нѣкто Иванъ Андреевичъ, мужикъ очень умный, засѣвавшій пшеницы по нѣскольку сотъ десятинъ, съ купеческимъ капиталомъ и, вдобавокъ, богачей-мужиковъ обиравшій безошадно. Однажды, жена его Мавра Алексѣевна прїѣхала къ обѣднѣ и, какъ-то, съ ней въ церковь вѣжала ея собаченка. Чутье у благочиннаго было необыкновенное: сейчасъ учуялъ онъ, откуда пахнетъ деньгами. Онъ прискакалъ на другой же день и запечаталъ церковь. И... Иванъ Андреевичъ сотню отгацилъ ему.

Это было въ 1840-хъ годахъ. Въ то время, въ этомъ селеніи, церковь была еще одна, деревянная, внутри оклеенная холстомъ и, конечно, окрашена. Какъ-то, однажды, и отклеился лоскутокъ холста вверху на четверть. Благочинный сейчасъ въ Г—цу и запечаталъ церковь. Прихожане этого огромнаго селенія въ то время были богачи, большинство изъ нихъ по сѣвы свои считали сотнями десятинъ, поэтому собрать какую-нибудь сотню рублей имъ не стоило ничего и, дѣйствительно, пока благочинный у священника закусывалъ, прихожане собрали и поднесли ему 100 р. и двери церкви отворились.

Когда прїѣзжалъ онъ въ какое-нибудь село, то у тараптаса его стояли, по-очередно, и день и ночь дьячокъ съ пономаремъ, какъ-бы для охраненія дѣловыхъ бумагъ и казенныхъ денегъ. ѣздилъ онъ всегда пятерикомъ.

Нѣкто о. Сердобовъ, тоже благочинный, также хорошо зналъ въ которомъ омутѣ лучше ловится рыба, и спуску никому не давалъ. Но главная профессія его была перекулка

хлѣба, — проса и пшеницы. Село, гдѣ онъ жилъ, было недалеко отъ Волги и онъ цѣлмя бѣляны грузилъ своимъ хлѣбомъ и отправлялъ въ Астрахань. (Пароходовъ, въ то время, еще не было, а бѣляна то же, что баржа, только болѣе грубой работы).

Заволжскіе крестьяне, въ началѣ заселенія этого края, жили необыкновенно богато; очень богато жило и духовенство. Но, не смотря на это, оно выказывало необыкновенную способность на изобрѣтеніе способовъ обогащенія. Бывшій, въ 1830-хъ и въ началѣ 1840-хъ годовъ, священникомъ въ с. Пестравкѣ, Самарской губерніи, и благочиннымъ, Хрисанфъ Яковлевичъ Рождественскій, переведенный потомъ въ г. Новоузенскъ протоіереемъ, говорилъ мнѣ однажды, когда я самъ уже былъ благочиннымъ: «Эхъ-хе-хе! что Новоузенскъ? Деревня: то ли дѣло Пестравка! Я тамъ собиралъ даже брагой (домашнее пиво). Передъ масляной велишь работникамъ поставить на двое саней по бочкѣ, да пойдешь по дворамъ собирать брагой. Выходить кто-нибудь изъ хозяевъ: «Эхъ, батюшка, ужъ какая брага, что твой медь!» — «Ну, лей сюда». Другой хозяинъ говорить: «не удалась, батюшка, наша бражка, плоха вышла». — «Эту лей сюда». И такимъ образомъ наберу двѣ сорокоуши браги».

— Куда же вы дѣвали ее?

— А вотъ куда: приходитъ масляница, почти всѣ, и мужики и женщины, передъ постомъ, идутъ ко мнѣ прощаться¹⁾. Мужики идутъ ко мнѣ, а жены ихъ къ моей женѣ на кухню. Мужикъ несетъ мѣшокъ пшеницы, или тушку баранины, а бабы — колотаго гуся, индѣйку или полтушки баранины. Этой-то брагой мы и угощаемъ ихъ. И мужики и бабы такъ ужъ и знаютъ, что они будутъ пить у насъ свою брагу. Дѣло тутъ не въ брагѣ, а въ томъ, что ихъ угощаютъ батюшка съ матушкой.

— Сколько же давалъ вамъ доходу этотъ фокусъ?

— Пшеницы пудовъ 500, да мяса и птицы пудовъ 50. Посолимъ и птицу и мясо, да и кормимъ лѣтомъ рабочиыхъ. Хлѣба я сѣялъ помногу, покушнымъ кормить дорого стоило бы.

---

¹⁾ Въ этомъ селѣ я бывалъ много разъ. Очень богатое, въ то время, село и, вѣроятно, около 3,000 жителей мужескаго пола.

Нѣтъ сомнѣнiя, что я взялъ крайности, что я взялъ въ примѣръ людей, выдающихся притязательностью; но духовенство вообще, находится въ такомъ положенiи, что люди и самые честные, и самые благородные, или, по крайней мѣрѣ, люди застѣнчивые, не могутъ не настаивать или, по крайней мѣрѣ, не приращивать при полученiи платы за нѣкоторыя требоисправленiя, какъ бы ни было больно это ихъ сердцу.

Сельское духовенство имѣетъ жалованья: настоятель 140 р., помощникъ его 108 р., псаломщикъ-дьячекъ 36 р., псаломщикъ - пономарь 24 р. въ годъ. При назначенiи жалованья было Высочайше повелѣно: не брать ни за какiя обязательныя требы, какъ-то: крещенiе, исповѣдь, бракъ, елеосвященiе, причащенiе, и погребенiе, и дозволено брать только добровольныя подаянiя за требы необязательныя: молебны, панихиды и литурги.

Не смотря на Высочайшее повелѣнiе и жалованье, брать за обязательныя требоисправленiя духовенство не переставало. Поэтому, чрезъ нѣкоторое время, послѣдовало вновь Высочайшее повелѣнiе: за обязательныя требы не брать. Духовенство осталось на жалованья и на добровольныхъ платахъ за добровольныя требоисправленiя. Но что значить добровольная плата? Значить дать, по моей доброй волѣ, — что мнѣ вздумается. Священники же и причтъ его должны быть довольны этою добровольной платою. Одинъ, напримѣръ, крестьянинъ даетъ за молебенъ, положимъ, 30 к.—священникъ беретъ и благодаритъ; другой даетъ 10,—священникъ благодаритъ; третiй даетъ 3 к.,—священникъ благодаритъ и этого. Всякому совершенно естественно платить, за что бы то ни было, насколько возможно, дешевле. Зачѣмъ, напримѣръ, я буду платить за фунтъ хлѣба 30 к., когда хлѣбникъ будетъ доволенъ, если я дамъ ему 3 к.? Молва о томъ, что попъ беретъ за молебны и по 3 к. разнесется по приходу мгновенно. И священникъ не успеетъ пройти и четверти деревни, какъ всѣ крестьяне будутъ платить ему за молебны 3 или 5 к. Такъ и было со мной, когда я, въ первую Пасху, получалъ плату за молебны самъ и не приращивалъ ничего; такъ у меня бываетъ и нынѣ при молебнахъ и панихидахъ въ церкви,—обыкновенная плата 1 или 3 к. Тутъ только и наверстываетъ тѣмъ, что служившъ многимъ вмѣстѣ:

если же служишь и для одного, — плата та же 1 или 3 к. Мною уже испытано, что, въ полномъ смыслѣ слова, добровольная плата не дастъ дохода на весь причтъ 50 р. въ годъ, въ приходѣ въ 1,800 душъ мужескаго пола. Поэтому, при казенномъ жалованьи и добровольныхъ пожертвованіяхъ, духовенство хотя и «облагорожено», но средства къ содержанію его намного уменьшились. Этихъ оставшихся средствъ оказалось рѣшительно недостаточно къ его существованію. Поэтому крайняя нужда и увѣковѣченная привычка брать за всѣ требоисправленія дѣлаютъ насъ преступниками Высочайшей воли: духовенство беретъ и нынѣ за всѣ требоисправленія. Правда, консисторіи нашли возможность обойти и этотъ законъ — не брать за обязательныя требы: онѣ разрѣшили брать за запись требъ, т.-е. за крещеніе, напримѣръ, не брать, но за запись крещенія въ метрику, — брать; за совершеніе таинства брака не брать; но за запись брака брать можно. Такъ пишется у насъ и въ братскихъ нашихъ доходныхъ книгахъ. Сколько же брать за запись, — этого не опредѣлено. Это опять добровольно. На чьей сторонѣ должна быть эта добрая воля, — этого опять не сказано. А поэтому она и бываетъ всегда на сторонѣ того, кто болѣе настойчивъ. Берется за писмоводство. При бракѣ письма столько же, что и при крещеніи, — пять строкъ; однако же за запись крещенія берется 10 к. и за запись брака 10 р. (я беру среднее число). И это мы должны назвать дѣломъ справедливымъ, честнымъ?! Въ такія ложныя отношенія къ приходамъ поставлено сельское духовенство!..

Но городское духовенство имѣетъ право брать за всѣ требоисправленія безъ стѣсненія совѣсти, на законномъ основаніи: городскому духовенству жалованья не положено и оно оставлено жить доходами отъ требоисправленій. Чтобы уяснить себѣ положеніе священника при такихъ условіяхъ жизни, я кратко покажу, кѣмъ пастырь долженъ быть при совершеніи таинствъ и молитвословіи, по ученію Слова Божія, и какъ дѣло это практикуется, по установленнымъ обычаямъ, утвержденнымъ закономъ.

Священникъ есть посланникъ Божій, вѣстникъ Его Святой воли, руководитель людей въ любви къ Богу и ближнимъ и, слѣдо-

вательно, умиротворитель вражды всякаго рода. Всѣ силы души его всецѣло должны быть посвящены тому, чтобы между людьми былъ полный миръ, согласіе и братская любовь; любовь же между имъ самимъ и тѣми, которыхъ онъ руководить къ любви, тѣмъ болѣе, должна быть самая безкорыстная, безупречная, чистая и полная. Словомъ: пастырь и пасомые должны быть взаимно любящіе другъ друга, отецъ и дѣти. Всякая радость и горе пасомаго должны быть также близки сердцу пастыря, какъ близки и отцу радость и горе дѣтей его.

Родился новый членъ семейства, — священникъ чрезъ таинства крещенія и миропомазанія освящаетъ его и радуется, вмѣстѣ съ родителями и воспріемниками, и какъ новому члену семейства, и какъ новому члену Христовой церкви.

Чрезъ 40 дней послѣ рожденія, мать приноситъ младенца въ храмъ, — и священникъ молится вмѣстѣ съ ними о здравіи и спасеніи ихъ обоихъ и на глазахъ всѣхъ присутствующихъ въ храмъ воцерковляетъ его и предъявляетъ всѣмъ, что принесенный въ храмъ есть такой же членъ Христовой церкви, какъ и всѣ они, и радуется со всѣми новому сочлену.

Прихожанинъ благодаритъ Господа за ниспосланную ему особенную Его милость, — священникъ совершаетъ благодарственное молитвословіе и, вмѣстѣ съ духовнымъ сыномъ своимъ, благодаритъ Господа за ниспосланную милость Его и сорадуется радости сыновней.

Прихожанинъ имѣетъ нужду въ особенной помощи Божіей и проситъ своего пастыря помолиться съ нимъ вмѣстѣ, чтобъ Господь услышалъ ихъ общую молитву, — и пастырь, какъ отецъ, сочувствующій нуждѣ сыновней, молится о ниспосланіи милости Господней.

Пасомый возчувствовалъ свое грѣховное состояніе и желаетъ излить свою душу предъ Богомъ и духовнымъ отцемъ своимъ, — и пастырь пріемлетъ его исповѣдь утѣшаетъ, вразумляетъ и именемъ Божіимъ объявляетъ ему прощеніе его согрѣшеній и преподаетъ ему Тѣло и Кровь Господню.

Прихожане желаютъ вступить въ бракъ, — священникъ вводитъ ихъ во храмъ Господень, молится вмѣстѣ съ ними и освящаетъ этотъ союзъ.

Постигло народное бѣдствіе, — засуха, и грозитъ общимъ

голодомъ,—священникъ молится, вмѣстѣ съ духовными дѣтьми своими, объ отвращеніи этой страшной смерти.

Человѣкъ чувствуетъ себя тяжело больнымъ,—священникъ помазуетъ его освященнымъ елеемъ и, вмѣстѣ съ домашними и ближними, молится объ исцѣленіи его отъ болѣзни и прощеніи его согрѣшеній.

Пришелъ день воспоминанія пришествія на землю во плоти Спасителя міра,—и священникъ, какъ ангель, какъ вѣстникъ Божій, возвѣщаетъ эту всемірную радость въ жилищахъ его паствы,—славить родившагося Христа.

Въ день крещенія Господня пастыръ освященною водою, изображающею, какъ-бы, ту воду, въ которой погружался Господь при крещеніи, опять ходитъ по домамъ паствы его и кропитъ и пасомыхъ и ихъ жилища.

Въ первый день Св. Четыредесятницы священникъ молится съ пасомыми о ниспосланіи помощи Божіей въ трудномъ подвигѣ поста, сердечнаго сокрушенія и покаянія во грѣхахъ, яко да сподобится въ чистой совѣсти причаститься неосужденно Божественному Тѣлу и животворящей Крови, изліянной за весь міръ, во оставленіе грѣховъ.

Въ день воскресенія Христова, православные христіане выражаютъ радость свою общими поздравленіями и лобызаніями,—и первое поздравленіе и лобызаніе несутъ къ своему пастырю. Пастыръ въ храмѣ благословляетъ ихъ яства и идетъ въ дома ихъ прославить воскреснаго Спасителя міра и тѣмъ увеличиваетъ ихъ радость.

Пасомый чувствуетъ приближеніе смерти,—и пастыръ напутствуетъ его въ жизнь вѣчную надеждою на милосердіе Божіе и преподаетъ ему Тѣло и Кровь Господню, дарующую животъ вѣчный.

Болѣвшій помираетъ,—священникъ сопровождаетъ прахъ его въ храмъ Господень и молится, вмѣстѣ съ его родными и ближними, о упокоеніи души его; приноситъ безкровную жертву о здравіи и спасеніи живыхъ и усопшихъ.

Словомъ: священникъ есть постоянный и неразлучный спутникъ пасомыхъ имъ христіанъ со дня рожденія ихъ до могилы, и молитвенникъ о нихъ по смерти. Вся жизнь его всецѣло должна быть посвящена его паствѣ. И—святая, богоугодная

жизнь прихожанъ, и сыновнее довѣріе, преданность и любовь къ нему паствы должны быть ему наградою.

Но священникъ не безплотный ангелъ небесный. Ему нужны помѣщеніе, пища, одежда, книги; ему нужны средства содержать свое семейство и доставлять содержаніе его помощникамъ,—причту. Гдѣ же эти средства? Ему и сказано, бери съ своихъ духовныхъ дѣтей деньги за все, что ты дѣлаешь для нихъ, и этими деньгами содержишься и ты самъ, и семья твоя, и причтъ твой.

Имѣя въ виду исключительно только эти средства къ своему существованію, новопоставленный пастыръ отправляется къ своей паствѣ.

Въ приходѣ приносятъ къ нему младенца для совершенія надъ нимъ таинствъ крещенія и муропомазанія,—для освященія и усвоенія крещенымъ даровъ Св. Духа.

— За это, кумъ, заплати. Этимъ долженъ существовать и я самъ, и семья моя, и причтъ мой.

Черезъ 40 дней послѣ рожденія, мать приходитъ съ младенцемъ въ храмъ для воцерковленія младенца.

— Заплати! Хоть гривну, а давай.

Получить пасомый милость Божію, хочеть излить предъ Господомъ чувства своей предъ Нимъ благодарности и просить своего пастыря поблагодарить за Его милосердіе и порадоваться вмѣстѣ съ нимъ его благополучію.

— А что заплатишь за это?

Постигло человѣка несчастіе; онъ обращается съ молитвою къ Господу, Его Пресвятой Матери и св. угодникамъ и просить своего отца духовнаго помолиться о немъ.

— Хорошо! Но только за это заплати.

Возчувствовалъ христіанинъ свою грѣховность предъ Господомъ, желаетъ излить предъ Нимъ свою сокрушенную душу, просить священника принять его исповѣдь,—утѣшить, вразумить, укрѣпить болящую душу его; властію, данною ему Господомъ, дать ему отпущеніе согрѣшеній его и преподать ему Тѣло и Кровь Господню.

— Дѣло это, безспорно, прекрасное; но все-таки, другъ мой, за это ты долженъ мнѣ заплатить.

Прихожане желаютъ вступить въ бракъ и просятъ своего пастыря освятить ихъ союзъ и помолиться о нихъ.

— А что дадите за это?

Тутъ идетъ уже торгъ, и торгъ, у многихъ, самый позорный, самый унижительный. Тутъ принимаются все старыя недозлаты, недосыпки хлѣба съ одной стороны, и обѣды и угощенія, — съ другой. Выйдутъ тутъ на сцену и гуси, и индѣйки, и бараны, и водка. Тутъ пойдутъ и ссоры, и мировая, и выпивка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, надбавка: одинъ полтинникъ прибавить, другой четвертакъ прибавить. И, Боже мой, что тутъ творится!...

Постигаетъ народное бѣдствіе—засуха, и грозитъ обшимъ голодомъ. Но религіозное чувство въ народѣ сильно, вѣра въ милосердіе Божіе полная, — и прихожане просятъ своего священника помолиться съ ними вмѣстѣ и обойти съ иконами ихъ посѣвы.

— Молиться я готовъ; но нужно же за это мнѣ и заплатить, иначе я умру съ голоду прежде васъ всѣхъ.

Одинъ членъ семейства страшно боленъ, и боленъ давно. Все имѣющіяся подъ руками медицинскія средства были употреблены, а помощи нѣтъ. Одна теперь надежда на помощь Божію. «Батюшка! Помолись о немъ, соверши надъ нимъ таинство елеосвященія», говорятъ ближніе.

— Изволь, я сдѣлаю это съ удовольствіемъ, — помолюсь; но только заплати.

Пришли дни Рождества Христова и Богоявленія. Хочешь ли ты, чтобъ я пришелъ къ тебѣ съ крестомъ и Св. водою, не хочешь-ли, — это мнѣ все равно, я все-таки приду, и хоть грошъ, а заплати. Мнѣ самому невыносимо больно быть наиплывымъ; но чтожь я буду дѣлать, когда мнѣ не дано никакихъ другихъ средствъ къ моему существованію? Я брошенъ въ міръ безъ дома, безъ хлѣба, безъ денегъ. Крайняя нужда заставляетъ меня быть наиплывымъ. Я знаю, что ты осудишь меня. Но не осуждай, не знаяши дѣла!

Пришелъ великій постъ, — и батюшка шлепаетъ по приходу, съ первой недѣли до послѣдней, съ молитвою «въ началѣ поста св. Четырдесятницы», собирая зерномъ, курами, и кусками сала.

Пришла св. Пасха; православные христіане, въ восторгѣ радости, поздравляютъ своего пастыря съ великимъ праздникомъ и желаютъ цѣлованіемъ съ нимъ, какъ дѣти съ отцомъ, выразить свою радость.

— За то, что я поцѣлуюсь съ вами. давай љццо!

Прихожане просятъ прославить воскресшаго изъ мертвыхъ Спасителя, въ домахъ ихъ, и съ благоговѣніемъ встрѣчаютъ св. иконы, предъ своими домами, съ хлѣбомъ-солью.

— Хлѣбъ-то ты отдай мнѣ, а соль ссыпь просфорнѣ; заплати мнѣ и за то, что я буду прославлять Спасителя въ твоёмъ домѣ. Да давай по љццу съ каждаго семьянина за то, что я буду цѣловаться съ вами.

Прихожанинъ чувствуетъ приближеніе смерти и желаетъ напутствованія въ жизнь вѣчную.

— Дѣло христіанское, святое; но... заплатить мнѣ за это, все-таки, надо. Ты боленъ тѣломъ, но у меня болитъ душа. можетъ быть, болѣе твоего, требуя платы за то дѣло, которое я долженъ сдѣлать. Но куда же мнѣ дѣваться, когда такъ устроено дѣло моего служенія!...

Умираетъ больной, ближніе его утѣшны. Все желаніе ихъ теперь, чтобъ Господь сподобилъ его вѣчнаго упокоенія. Надежда на милосердіе Божіе есть единственное утѣшеніе въ скорби,—и они, со слезами на глазахъ, просятъ священника помолиться о немъ.

— Молитва объ усопшемъ, — дѣло великое, святое и, вмѣстѣ, это есть знакъ безкорыстной любви нашей къ усопшему. Молиться я буду; но только за то, что я помолюсь о немъ въ вашемъ домѣ, предъ выносомъ въ храмъ,—плата; за то, что я пройду при гробѣ отъ дому до храма,—другая; за молитву въ храмѣ,—третья; за проводы отъ храма до могилы,—четвертая; за то, что я выну часть изъ просфоры при литургіи,—пятая: за самую литургію,—шестая; за запись на вѣчное поминовеніе,—седьмая.

Да что же, наконецъ, все это такое, скажите ради Бога!... И это называется естественнымъ, нормальнымъ состояніемъ? И это такъ должно быть? И это не считается позоромъ для религіи? И эта плата, убивающая святое, благоговѣйное настрое-

ніе и въ пастыряхъ и въ насомыхъ, служить средствомъ къ жизни пастырямъ? И все это узаконено?!...

— Да.

— Значить все это хорошо, все это такъ и быть должно?

— Пначе и не узаконилось бы.

Мы можемъ, однако же, положительно быть увѣренными, что все это, наконецъ, измѣнится. Если не доживемъ мы, такъ увидать это наши ближайшіе потомки. Въ это наша крѣпкая вѣра.

— Сколько же давать за все, скажите по крайней мѣрѣ?

— Ну, въ этомъ мы поторгуемся!... Съ бѣднаго можно взять поменьше, а состоятельнаго можно и поприжать.

Пастырю, вѣстнику воли Божіей—«поприжать»!... Какую тоску наводитъ это слово!...

Кромѣ того, что пастырю совсѣмъ не слѣдовало бы «поприжать»—мужичка есть кому «поприжать» и безъ него, особенно если онъ сидитъ на знаменитомъ Гагаринскомъ надѣлѣ. Отцы-благодѣтели «выручать его изъ пужды», дадутъ ему зимой возокъ соломки, да и выговорятъ за него десятинку спяхать, сборонить, посѣять, сжать, смолотить, провѣять и къ благодѣтелю въ амбаръ свезти. А если понадобится не одинъ возокъ, а 5—6, и хворосту возокъ-другой, да и водицы папиться ¹⁾, то благодѣтельская-то контора и залапитъ его, чуть не на круглый годъ. Кромѣ того мужичку нужно снять землицы подъ яровой хлѣбъ, купить лѣску, снять подъ покось,—за все это съ него возьмутъ безбожныя цѣны. Ему нужно, можетъ быть, купить лошадку, коровку, овечку, снять у благодѣтеля выгонъ, отдать пастухамъ, уплатить подати государственныя, земскія, налоги волостныя, сельскіе, гарантію желѣзной дороги;

---

¹⁾ Въ с. X—къ крестьянскіе дворы раскинуты такъ, что между ними находятся большіе пустыри и гуменники. Въ срединѣ села большой оврагъ съ рѣчкой, плотиной и мельницей. Крестьянъ, почти силою, заставили принять по 1 десятинѣ. Десятины эти вышли всё въ срединѣ села, въ пустыряхъ и гуменникахъ, а рѣчка съ прудомъ и мельницей, хотя въ срединѣ села, вырѣзана къ барину. Вокругъ самаго села обшла граница барской земли, а за то, чтобъ крестьяне имѣли право пить воду, они обязались платить полтину ежегодно. Баринъ,—въ чинѣ генерала и предводитель дворянства.

нужно ѣсть и одѣться, обуться, самому, семьѣ; купить упряжь, соху и пр. и пр. Ему дорога каждая копѣйка. Невыносимо тяжела была жизнь крестьянина во время его рабства; но многимъ не легка она и теперь. Тогда били кнутомъ, а теперь рублемъ. Теперь, когда явились Гагаринцы-благодѣтели, поясочками, платочками и медовыми рѣчками сбившіе съ толку крестьянъ и заставившіе ихъ принять по одной десятинѣ, и новые землевладѣльцы-купцы, — то многимъ крестьянамъ пришлось слишкомъ тяжело. Землевладѣльцы-купцы высасываютъ послѣдніе соки и изъ мужика, и изъ самой земли. У этихъ новыхъ землевладѣльцевъ единственная мысль, — барышъ, нажива. На истощеніе земли не обращается вниманія, тѣснить мужика до послѣдней возможности. Булаки эти, чтобы совсѣмъ забрать мужика въ свои загребистыя лапы, употребляютъ всѣ способы, всѣ плутни, чтобы снимать въ аренды всѣ свободныя казенныя земли. Снять землю кулакъ, — и тогда мужичку не двинуться ни взадъ, ни впередъ, — вѣчный рабъ, вѣчная кабала, безисходное нищенство... Только тогда несчастный мужичокъ и вздохнетъ свободно, когда ему удастся снять самому казенный участокъ. Но это удастся имъ крайне рѣдко. Дорога, повторяю, мужичку копѣйка! Но она дорога и духовенству еще болѣе. Потребностей, нуждъ и требованій отъ него несравненно больше чѣмъ отъ мужика. Поэтому, при столкновеніи двухъ нуждающихся сторонъ, неизбѣженъ торгъ. И торгъ этотъ, дѣйствительно, существуетъ во всей своей силѣ.

Послѣ каждой торга остается, неизбѣжно, глубокой слѣдъ въ обоихъ торгующихся: крестьянинъ видитъ въ своемъ пастырѣ такого же отца-благодѣтеля, какъ и землевладѣлецъ, спустившій его на одну десятинку, или арендаторъ, готовый стащить съ него послѣднюю шкуру. О расположеніи, довѣршіи, любви, — тутъ не можетъ быть и рѣчи. Прихожане смотрятъ на священника, какъ на существо пришлое, чуждое имъ, живущее ихъ трудомъ, высасывающее ихъ соки, — стараются подавить его своимъ влияніемъ на него, отнять у него всякое значеніе и поставить его въ полную отъ себя зависимость. Для этого употребляютъ ими всѣ способы притѣсненій. Тамъ же, гдѣ не беретъ сила, они стараются вліять на него и сбить съ толку подпаиваньемъ. И, дѣйствительно, слабохарактерные священники

спиваются. Насколько прихожане считают священника для себя чуждымъ, а все достояніе его своимъ собственнымъ, такъ на это составилась даже поговорка: «у попа, да у барина украсть никогда не грѣхъ».

Съ своей стороны духовенство смотритъ на приходъ, какъ на арендную статью: отчего и образовалось раздѣленіе приходо-въ на «хорошіе» и «плохіе», и употребляетъ тѣ же самыя усилія и тѣ же самыя средства къ подчиненію себѣ прихожанъ, какія употребляютъ прихожане къ подчиненію себѣ духовенства: духовенство тѣснитъ ихъ, когда есть къ тому возможность; въ нуждѣ поитъ, когда не беретъ сила, и молчитъ, видя ихъ пороки. Перевѣсь той или другой стороны зависить отъ личнаго состава сторонъ.

И изъ-за чего эта неприязнь?... Изъ-за нѣсколькихъ копѣекъ?...

Я сказала, что духовенство смотритъ на приходы свои, какъ на арендную статью и тѣлитъ ихъ на «хорошіе» и «плохіе». Говорить такъ, для кого-бы-то ни было, неприлично, а для меня, священника, недостойно. Да мнѣ, дѣйствительно, и не хотѣлось-бы такъ говорить. Но какъ вы назовете фактъ закрытія множества церквей и сокращенія приходо-въ?!... Что имѣлось здѣсь въ виду? Исключительно улучшение матеріальнаго состоянія духовенства. На обыкновенныхъ вѣсахъ перевѣсь одной стороны неизбѣжно долженъ быть на счетъ другой, если пѣтъ посторонней тяжести. Въ чей ущербъ сдѣлано улучшение матеріальнаго быта духовенства? Въ ущербъ религіозно-нравственнаго состоянія прихожанъ и вліянія на нихъ духовенства!... Вотъ и доказательство:

Сельскіе приходы состоятъ очень часто изъ множества деревень, въ нашей же многоземельной мѣстности они раскинуты на огромныя пространства. Есть деревни, которыя отстоятъ отъ своихъ приходскихъ церквей болѣе чѣмъ на 20 верстъ. За этими деревнями идутъ другія деревни, отстоящія отъ своихъ церквей на такія же разстоянія; за селеніями (по прямому направленію) опять деревни. И эта вторая церковь закрыта и приходъ приписанъ къ первой. Когда же, спрашивается, жители этой послѣдней, отдаленной деревни побываютъ въ своемъ храмѣ, когда побываютъ ихъ дѣти, когда прихожане увидятъ

своего священника и услышать от него слово назиданія?!... Они оставлены дичать, коснѣть въ своемъ невѣжествѣ и суетвѣрїяхъ и открываютъ собою широкое поле для пропаганды раскола всякаго рода. И самые священники лишены возможности слѣдить за религіозно-правственнымъ состояніемъ своихъ прихожанъ. По нашему мнѣнію, изъ-за какой-нибудь сотни рублей въ пользу одного, жертвовать религіозно-правственнымъ состояніемъ многихъ сотенъ людей, — несправедливо.

XV.

Условія, въ какія поставлено духовенство въ матеріальномъ отношеніи его, унижаютъ и самое великое дѣло его служенія. Мнѣ не разъ приводилось слышать, что молитвы на разные случаи: «во еже благословити брашна мяса», молитва «на приращеніе гроздія», «на основаніе дому», «хотящему отъйти въ путь», и под. есть изобрѣтеніе поповъ для сбора денегъ. Совершеніе даже самыхъ таинствъ не можетъ, иногда, назваться чистымъ, безупречнымъ при такихъ отношеніяхъ пастырей къ паствѣ, и теряетъ свое должное значеніе. Какъ можетъ, на примѣръ, прихожанинъ, держа священника въ полной отъ себя зависимости, тѣснить его всѣми способами и дѣлая безпрестанную ему непрїятности, приступить къ таинству покаянія, раскрыть предъ нимъ свою душу и съ дѣтскою любовью и благоговѣніемъ внимать его внушеніямъ и принять разрѣшеніе во грѣхахъ? Отъ этого и выходитъ часто то, что люди съ нечистою совѣстію бѣгутъ исповѣдываться къ чужому пастырю, оставаясь со злобою въ душѣ къ своему. А чрезъ это теряется, конечно, всякое значеніе исповѣди и выполняется одна лишь ея форма. Другіе не исполняютъ этого великаго таинства даже совѣмъ. Можетъ-ли и священникъ бесѣдовать съ отеческою любовью, если и у него нечиста совѣсть въ отношеніи къ кающемуся, — если онъ, когда-нибудь, самъ тѣснилъ его и вымогалъ платы, самъ угощалъ его, чтобы задобрить его къ себѣ; льстилъ ему и снисходилъ его порокамъ и, вообще, подалъ ему поводъ ко грѣху?

Въ моемъ вѣдомствѣ есть два селенія, гдѣ плата за требоисправленія служила предлогомъ даже къ отпаденію въ расколъ.

Приходы эти заражены расколомъ давно; хотя отдѣлившись отъ церкви совсѣмъ было не много, но прежнія, притѣснительныя мѣры озлобили народъ, онъ сталъ искать способы и предлоги къ явному отдѣленію. Съ такою предвзятою мыслию приходятъ крестьянинъ къ священнику и спрашиваетъ, чтѣ возьметъ онъ за повѣнчаніе сына? Тотъ, зная мужика, скажетъ ему самую ничтожную плату.

— «Э! Батюшка, больно много! Торговаться съ тобою мнѣ не приходится, такъ ужъ лучше мы обойдемся безъ тебя, пусть самъ Христосъ повѣнчаетъ». Послѣ этого дѣлайте, что вамъ угодно, вѣнчайте ему даромъ,—онъ уйдетъ, и слушать не будетъ. Послѣ многихъ такихъ случаевъ священники перестали назначать плату и стали брать то, что дадутъ имъ, не спрашивали, если и совсѣмъ не давали имъ ничего,—и крестьяне, съ своей стороны, стали снова крестить, вѣнчать и хоронить въ церкви. Но за то, какъ живутъ причты этихъ приходовъ, это нужно видѣть,—бѣдность крайняя, нужда во всемъ вопіющая!..

XVI.

Жизнь течетъ, и все измѣняется. Очень даже нерѣдко случается, что то, что считается хорошимъ нынѣ, дѣлается совершенно негоднымъ и даже смѣшнымъ — завтра. Такъ и наши поборы при требоисправленіяхъ, въ прежнее время были не только возможны, но были даже въ порядкѣ вещей; но только это было очень давно. Было время, когда грамотность была достояніемъ очень немногихъ. Книжнымъ дѣломъ занимались только очень немногіе изъ дворянъ и духовенства, большинство же общества совсѣмъ не имѣло научнаго образованія, а равно и духовенство. Духовенство не отличалось отъ мужика ничѣмъ,—ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ и ни въ матеріальномъ отношеніяхъ: та же изба, та же одежда, тѣ же лапти, та же соха, тѣ же суевѣрія и тѣ же понятія обо всемъ и отличалось развѣ только бѣльшимъ пьянствомъ и безобразіемъ. Во священники посвящали, часто, не только что мало-грамотныхъ, но и совсѣмъ безграмотныхъ («Русская Старина» изд. 1879 г., томъ XXIV (январь) стр. 160); а иногда и прямо изъ-за сохи мужика. Въ слободѣ Мачихѣ, донской епархіи, я зналъ двоихъ

хохловъ, еще не старыхъ, поповскихъ дѣтей (они старше меня, вѣроятно, лѣтъ на 6 — 10). Отецъ ихъ былъ крѣпостной мужикъ Сидорко, хохолъ, какъ и всѣ хохлы; любить пѣть и всегда пѣвалъ на клиросѣ. Померъ въ селѣ священникъ, и баринъ послалъ Сидорку съ письмомъ къ преосвященному (кажется, въ Воронежъ) просить, чтобы Сидорку поставили въ попы. Поставили, — и сталъ Сидорка попъ. Дѣтей его, родившихся до поставленія въ попы и послѣ поставленія, баринъ гонялъ на барщину, какъ и всѣхъ другихъ своихъ хохловъ. Послѣ него, священникомъ былъ тамъ мой дядя и уже въ сороковыхъ годахъ выхлопоталъ имъ волю. Сидорко какъ до поповства ходилъ въ кожухъ и свиткъ, ѣлъ сало, цыбулю, да голушки, такъ и попомъ остался тѣмъ же Сидоркою, только больше сталъ къ шинкарю навѣдываться. Точно также и родовое духовенство ничѣмъ не отличалось отъ мужика: дѣти росли при отцахъ, вмѣстѣ съ ними работали, на содержаніе ихъ не требовалось ничего: рубаха своя, кафтанъ и тулупъ свои, лапти и, по праздникамъ, сапоги свои, живутъ и ѣдятъ вмѣстѣ съ семьей. Отецъ не только не тратилъ на воспитаніе сына ничего, но, напротивъ, сынъ помогалъ ему во всѣхъ работахъ, домашнія же потребности были просты и скромны. Въ свободное отъ работъ время парня учили читать, кое-какъ писать и пѣть на клиросѣ. Сынъ помогалъ отцу при богослуженіяхъ и, вмѣстѣ съ нимъ, таскался по дворахъ мужиковъ за дѣломъ и безъ дѣла. При первой возможности такой дѣтина поступалъ въ пономари и доходилъ до поповства. И такого попа одинаково пороль, какъ епископъ, такъ и баринъ. Мужикъ былъ для него другомъ дѣтства; съ нимъ онъ велъ совѣты по хозяйству, вмѣстѣ съ нимъ пахалъ и вмѣстѣ съ нимъ бразничалъ на всѣхъ праздникахъ, крестинахъ, свадьбахъ и похоронахъ... Конечно, такой священникъ, безъ стѣсненія совѣсти, шелъ къ пріятелю своему за всѣмъ, чего недоставало дома, и собиралось всѣмъ: зерномъ, мукой пшеничной, гречневой (надобно замѣтить, что для всего опредѣлялось особое время года), пшеномъ, сметаной, творогомъ, яйцами, шерстью, льномъ, пенькой и пирогами. При такомъ порядкѣ у духовенства составила даже пословица: «въ міру жить, и тѣстомъ брать».

Возьму въ примѣръ своихъ предковъ. Прадѣдъ мой былъ

священникомъ изъ нигдѣ-необучавшихся пономарей. Дѣдъ мой и братъ его росли при отцѣ, выучились читать, писать, пѣть и звонить; но, вмѣстѣ съ отцомъ, и пахали, и сѣяли и молотили. При первой возможности дѣдъ мой опредѣлился въ пономари въ то же село къ отцу, а братъ его въ сосѣднее. Въ пономаряхъ онъ велъ совѣты съ мужиками. когда выѣзжать пахать, косить, жать и пр. и вмѣстѣ съ ними работаль. Мужикъ былъ неразлучнымъ спутникомъ его во всѣхъ обстоятельствахъ его жизни. Житейскія потребности его были тѣ же самыя, что и у мужика; такая же изба, одежда, пища и проч. Не только на него — пономаря, но даже и на отца его — священника, смотрѣли всѣ, какъ мужики, такъ и господа, какъ на мужиковъ. Придетъ, бывало, весь причтъ къ господамъ служить, по какому-нибудь случаю, молебень, отслужить, — и лакей ведетъ его въ людскую обѣдать. Отобѣдаетъ, и еще похваливается, что мы-де нынѣ у барина обѣдали!

Изъ пономарей дѣдъ мой поступилъ во дьяконы, въ то же село, потомъ, по смерти отца, во священники и былъ 16 лѣтъ благочиннымъ. Я помню его, когда онъ былъ уже благочиннымъ. Онъ былъ очень любознателенъ, много читаль, по тому времени. не пьющій и въ высшей степени аккуратный старичокъ. Домикъ его былъ простая крестьянская изба, съ лавками и полатыми, но все въ ней было необыкновенно чисто. Вообще же это была выдающаяся личность своею скромностію, солидностію и любовью къ чтенію. А какъ у мѣстнаго помѣщика богача. аристократа, нельзя было найти никакихъ книгъ, то дѣдъ мой много покуналъ ихъ самъ и все, что можно было достать, бралъ у сосѣдей-священниковъ. Онъ лично самъ работаль до глубокой старости, бывши даже благочиннымъ. Батюшка мой обучался уже въ семинаріи; хлѣбопашествомъ хотя и занимался, но самъ лично уже не работаль. Выпрашивать, притѣснять прихожанъ онъ не могъ, по его крайне кроткому характеру, какъ и дѣдъ мой, и потому жилъ въ страшной бѣдности. Я же не нашель для себя возможнымъ работаль и наемнымъ трудомъ. Взглядъ мой на общество совѣмъ не тотъ, какой имѣли мои дѣдъ и отецъ; взглядъ самого общества на духовенство измѣнился, можетъ быть, еще болѣе. Теперь не то воспитаніе, не та обстановка, не тѣ потребности, — не та

жизнь, что была при моихъ родителяхъ. Даже у меня самого не та жизнь и потребности теперь, что были въ началѣ моего поступленія во священники. Время идетъ, измѣнилось все. Но средства къ нашему существованію остались тѣ же, что были 50, 100, 150 лѣтъ назадъ. Естественно, что такая жизнь бросается въ глаза обществу и тяжела для самого духовенства. Мы уже воспитаны такъ и живемъ при такой обстановкѣ, что ни я, ни мои сверстники, а тѣмъ болѣе младшіе насъ, не можемъ уже лично заниматься хлѣбопашествомъ, т.-е. сами лично пахать, косить и пр. и этимъ трудомъ приобрѣтать себѣ содержаніе. Я, напримѣръ, во весь свой вѣкъ, не бралъ въ руки ни сохи, ни косы, ни цѣпа. Слѣдовательно, поступивши въ приходъ, мы неминуемо должны лечь на него всю свою тяжестью,—намъ отъ приходоу нужно не подспорье къ своему хозяйству, какъ это было нужно нашимъ предкамъ, а все полное содержаніе. Въ добавокъ къ этому, время увеличило потребности духовенства, а тѣмъ болѣе потребности нашихъ дѣтей. Измѣнился въ образѣ жизни и самый народъ: нѣтъ уже той простоты жизни и нравовъ, какъ было прежде,—нѣтъ въ нашемъ краѣ ни лаптей, ни онучъ, ни синихъ самотканыхъ кафтаповъ, ни посконныхъ набойчатыхъ рубахъ; но, напротивъ, видѣть на дѣвушкѣ драповый кафтанъ, въ 4 — 5 руб. полусапожки,—дѣло обыкновенное; самовары имѣются уже очень во многихъ домахъ; а между тѣмъ земля дорога, другихъ средствъ, кромѣ земледѣлія, нѣтъ.—недостатокъ во всемъ. Слѣдовательно, содержать насъ нашимъ прихожанамъ несравненно тяжелѣе, чѣмъ это было для ихъ предковъ. Чтобы удовлетворить своимъ самымъ необходимымъ потребностямъ жизни, мы должны, какъ нищіе, таскаться по дворамъ и выпрашивать лотки хлѣба и вымогать плату за требоисправленія,—непремѣнно; со стороны же крестьянъ неизбѣжно отстаиванье всѣми силами трудовой своей копѣйки. Обоюдное неудовольствіе есть прямое слѣдствіе такого положенія. Больно сердцу каждаго священника такое положеніе!..

Мы могли-бы усыплять свою совѣсть тѣмъ, что намъ не дано другихъ средствъ къ жизни, кромѣ нищенства и платы за требоисправленія. Но каково нищенствовать, и чѣмъ же виновать прихожанамъ?

Мы могли-бы усыплять свою совѣсть тѣмъ, что мы удовлетворяемъ духовнымъ нуждамъ прихожанъ, существуемъ именно для прихожанъ, слѣдовательно и должны жить на ихъ средства, — жить на счетъ тѣхъ, для кого мы существуемъ? Но плата за каждый шагъ охлаждаетъ религіозное чувство прихожанъ и умаляетъ значеніе великаго дѣла. Какіе же мы пастыри послѣ этого?!

Мы могли-бы усыплять свою совѣсть тѣмъ, что мы беремъ не за таинства и молитвословія, а за трудъ, за записку? Но какое названіе поводу къ неприятнымъ столкновеніямъ ни давайте, все-таки эти столкновенія и есть и будутъ, — неизбежно.

Мы могли-бы усыплять свою совѣсть тѣмъ, что прихожане привыкли къ нашимъ поборамъ и на припрашиванья и даже вымогательства наши, въ большинствѣ случаевъ, относятся не особенно строго и смотрятъ на это, какъ на дѣло уже обыкновенное? Но это значитъ, что мы потеряли въ ихъ глазахъ должное свое значеніе. — на насъ смотрятъ, какъ на поденщика, съ которымъ нужно торговаться. Русскій народъ привыкъ къ тому, что съ нимъ торгуются при требоисправленіяхъ; но, однакожъ, мнѣ хорошо извѣстно, какая огромная разница въ отношеніяхъ прихожанъ къ тѣмъ священникамъ, которые вымогаютъ, и къ тѣмъ, которые довольствуются тѣмъ, что даютъ имъ, — разница огромная!

Наконецъ, мы могли-бы усыпить свою совѣсть тѣмъ, что за совершеніе своихъ религіозныхъ обрядовъ берутъ служители всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій. Но, въ такомъ случаѣ, намъ и хотѣлось-бы сказать: «оставимъ же мертвыхъ погребсти свои мертвецы!» Если всѣ берутъ, такъ и пусть ихъ берутъ; но намъ, имѣющимъ счастье быть православными, хотѣлось-бы поддержать честь православія, дабы инославные, видя нашу взаимную любовь пастырей съ пасомыми, прославили Отца нашего, Иже есть на небесѣхъ.

Если-жъ намъ суждено жить на счетъ нашихъ приходовъ, и нѣтъ другого исхода къ нашему существованію, то неужели мы не стоимъ того, чтобъ сравнять насъ съ ксендзами, пасторами, муллами? Въ русскомъ царствѣ съ избыткомъ обезпечена жизнь римско-католическихъ ксендзовъ, евангелическихъ пасторовъ и татарскихъ муллъ; православный же русскій священникъ

брошенъ на произволь судьбы, бѣденъ, униженъ, обезславленъ. И ксендзь, и пасторъ, и мулла (ихъ въ нашей губерніи много) берутъ съ прихожанъ своихъ несравненно больше, чѣмъ русскій священникъ; но берутъ безъ униженія и собственнаго ихъ достоинства и достоинства ихъ вѣроисповѣданій. Не было примѣра, чтобы ксендзь, пасторъ и мулла ходили по приходамъ съ мѣшкомъ и лукошкомъ въ рукахъ и выпрашивали себѣ пропитаніе; для насъ же это дѣло неизбѣжное. Русскій крестьянинъ, въ большинствѣ, бѣденъ, подаетъ намъ по-малу,—и мы вынуждены собирать по приходу не одинъ разъ; за требы платить 2—3 копѣйки,—и нужда заставляетъ насъ припрашивать, торговаться. Отъ этого насъ, даже печатно, клеймятъ и жадными, и невѣждами. И жадныхъ, и невѣждъ во всѣхъ сословіяхъ много, и несравненно больше, чѣмъ въ нашемъ; но общество всегда къ людямъ бѣднымъ и зависимымъ отъ него относится несравненно строже и, вслѣдствіе права сильнаго, про насъ пишутъ, что мы «и туны, и глуны, и даже безнравственны».

Но наша пѣсня пропѣта, а дѣти наши?.. Они обречены быть поденичками, пролетаріями. Въ училищахъ нашихъ сокращены ученическіе штаты, въ высшія же заведенія путь закрытъ имъ совсѣмъ. Мужикъ, мѣщанинъ, нѣмецъ-колонистъ, татаринъ, жидъ могутъ поступить въ университетъ; сынъ же православнаго русскаго священника, если съ младенчества не отрекся отъ духовнаго учебнаго заведенія, — семинаріи, — не имѣетъ права. Безъ образованія, безъ состоянія, безъ земли онъ обреченъ на вѣчную гибель. Чтобы исполнѣ понять это, нужно быть русскимъ священникомъ и отцемъ, какъ я!...

Что же такое, послѣ этого, русскій православный священникъ?!

Продолжу мою біографію, и она будетъ отвѣтомъ.

XVII.

Давая мнѣ мѣсто, по окончаніи курса, въ селѣ Е. преосвященный сказалъ мнѣ: «я даю тебѣ мѣсто въ Е., но я не забуду тебя». Дѣйствительно, чрезъ девять мѣсяцевъ я былъ переведенъ въ Маріинскую колонію питомцевъ Московскаго Воспитатель-

наго дома. Здѣсь всё крестьяне имѣли казенные дома, имѣлось свое особое управленіе, и порядки, во многомъ, были арагчеевскіе. Косятъ напр.. крестьяне всякій себѣ сѣна, но стога должны ставить въ одну линію. По окончаніи покосовъ, даютъ знать управляющему, тотъ приѣзжаетъ и видитъ, что нѣсколько стоговъ выдѣлись на аршинъ, или около этого, изъ линіи. Сейчасъ хозяину порку, а стога велитъ переставитъ на свое мѣсто,—въ линію. Послѣ осмотра и порки, хозяева могли возить сѣно на свои гумна. Но на гумнахъ линіи соблюдались еще строже. Точно также, въ одну линію, на всѣхъ гумнахъ, должны быть поставлены всѣ копны и клады хлѣба. Тоже (расчищенное мѣсто, гдѣ молотятъ хлѣбъ) долженъ быть одной мѣры въ одинаковомъ разстояніи отъ хлѣба и въ одной и той же сторонѣ отъ него. Если, хотя на аршинъ не такъ,—лупка. Поэтому вы съ конца деревни могли опредѣлить сколько имѣется у крестьянъ ржи, сколько пшеницы, проса и пр., потому что каждому сорту хлѣба была своя линія и въ каждой кладѣ известное число сноповъ. Непремѣнно разъ въ недѣлю приходилъ къ хозяйкѣ дома брантъ-мейстеръ-солдатъ, и палкою швырялъ въ дымовой трубѣ. Если, хоть чуточку, сыпалась сажа, то часто эту палку онъ ломалъ о хозяйку дома.

При вѣздѣ моемъ въ новый приходъ, меня обрадовала хорошая, правильная постройка крестьянскихъ домовъ, хорошіе дома чиновниковъ и управляющаго и, въ особенности, прекрасная и огромная церковь. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я увидѣлъ на площади, около церкви, человекъ 10 мужиковъ съ тачками, лопатами и метлами въ рукахъ и съ огромными, толстыми деревянными колодами на ногахъ и желѣзными ошейниками, «рогатками». «Рогатка», какъ звали этотъ ошейникъ, была большое, толстое, желѣзное кольцо, съ шалверомъ въ серединѣ и съ висячимъ замкомъ напередѣ, обтянутое толстымъ сукномъ. Отъ кольца шли во всѣ стороны восемь зубьевъ въ полвершка толщины и въ четверть длины. Рабочіе,—это были провинившіеся крестьяне, мои настоящіе прихожане, предъ управляющимъ. Послѣ я узналъ, что въ такомъ положеніи нѣкоторые бывали дня по-два и по-три, а нѣкоторые и по нѣсколькимъ недѣлямъ. Съ «рогаткой» на шеѣ спать, обыкновеннымъ порядкомъ, не было возможности, поэтому наказуемые, ложась спать, прилаживали се-

бѣ подѣ голову или ведро, или толстое полѣно. Болѣе провинившихся сажали въ «трубной», — пожарномъ сараѣ, — верхомъ на ступицу колеса пожарной телѣги, ноги подѣ ступицей сковывались, а шея съ «рогаткой» привязывалась къ ободу колеса. Въ такомъ положеніи виновные просиживали по нѣсколькѣ сутокъ. Несчастнѣй долженъ былъ такъ сидѣть и день и ночь. въ такомъ положеніи онъ долженъ былъ ѣсть и въ такомъ же спать. Его отковывали только по неотложной нуждѣ. Сидитъ — сидитъ иной несчастнѣй, да вдругъ, иногда, и хлопнется, — и повиснетъ на своей рогаткѣ. Сторожъ бывалъ тутъ неотлучно. Сейчасъ отвяжетъ, спрыснетъ, обольетъ холодной водой, дастъ отдохнуть, — и опять на колесо. Такъ наказывались «товарищи» хозяевъ и «малолѣтки», — мальчики лѣтъ отъ 10, преимущественно за непослушаніе и грубость своимъ пьяницамъ хозяевамъ. За воровство, хотя бы курицы, управляющіе, особенно Хрущевъ, наказывали такъ: онъ велитъ собрать въ селѣ, поголовно, весь народъ и при всѣхъ задастъ 100 розогъ самыхъ горячихъ. Изъ села онъ повезетъ виновнаго въ ближайшую деревню и тамъ, тоже при всемъ народѣ, задастъ 100. Изъ этой поѣдетъ въ другую, третью, четвертую. А такъ какъ иттомское поселеніе состоитъ изъ села и четырехъ деревень, то каждый воръ получалъ 500 розогъ самыхъ безпощадныхъ. Послѣ этого виновному надѣвали «рогатку» и отпускали домой. Тамъ онъ носилъ ее столько недѣль, сколько назначалъ управляющій. Сѣкъ всегда одинъ, нѣкто солдатъ Григорьевъ, брантъ-meisterъ с. Николаевскаго. А такъ какъ «товаришей» и «малолѣтковъ» сѣкли безпрестанно, и сѣкли жестоко, то у Григорьева развилась страсть сѣчь до безумія. Сѣкъ онъ всегда изъ всѣхъ силъ. Но когда ему долго не приводилось никого сѣчь, то онъ бѣсился. бросалъ свою шапку вверхъ и на лету подхватывалъ ее розгою. Сынишку своего, мальчишку лѣтъ 15-ти, за каждую малость онъ сѣкъ чуть не до смерти. Григорьевъ изъ Москвы былъ взятъ съ иттомцами въ Смоленскую губернію; оттуда вмѣстѣ съ ними переведенъ въ Саратовскую и при мнѣ жилъ еще лѣтъ 10. Обязанностью его было, во все это долгое время, смотрѣть за пожарными инструментами, чистотою иттомскихъ домовъ и сѣчь.

Приходъ мой я описывалъ. Это мои статьи, подѣ загла-

віемъ: «Питомцы Московскаго Воспитательнаго Дома», помѣщенный въ «Русской Старинѣ» изд. 1879 г. Но для болѣе полнаго описанія его я не имѣлъ тогда свободнаго времени, и потому опущено тогда мною очень многое. Описывать же его теперь,—нейдетъ къ моей программѣ, и я, пользуясь случаемъ, вношу только нѣсколько строкъ, какъ первое впечатлѣніе при вѣздѣ въ новый приходъ.

Въ новомъ приходѣ я имѣлъ помѣстительный для себя казенный домъ, съ казеннымъ отопленіемъ п водою. Здѣсь было нѣсколько чиновниковъ, докторъ, фельдшеръ, аптека, порядочная казенная бібліотека, сельско-хозяйственное учебное заведеніе,—ферма, приходская школа, хорошиі хоръ пѣвчихъ. Прихожане-питомцы были народъ состоятельный п въ высшей степени простой и добрый, хотя п любили всегда выпить. Обученіе въ школѣ было обязательное, точно также были обязательно и говѣнне въ великій постъ. Я занялъ должность законоучителя въ учебной фермѣ и должность учителя п законоучителя въ приходской школѣ. Здѣсь я ожилъ: у меня были и общество, и книги, и дѣло, и покойная квартира. Я считалъ свое мѣсто лучше всѣхъ мѣстъ губернскаго нашего города. Оно дѣйствительно такимъ п было.

Первою же весною къ намъ пріѣхалъ преосвященный Афанасій (Дроздовъ) и остановился въ домѣ управляющаго Ремлингена. Ремлингенъ былъ истый остзейскій пѣмецъ,—высокій, дебелый и гордый господинъ. Въ это время къ нему, какъ нарочито, наѣхало много гостей-пѣмцевъ. Преосвященный пріѣхалъ въ сопровожденіи ректора семинаріи, архимандрита Спиридона и градскаго благочиннаго, протоіерея Гавріила Чернышевскаго. Къ намъ же вызвано было духовенство села Идолги п Стѣпцевки. Мы представились преосвященному. Преосвященный сидѣлъ въ гостинной на диванѣ, въ сторонѣ сидѣли архимандритъ п протоіерей, вдоль же всѣхъ стѣнъ—пѣмцы. Мы вѣшли, поклонились въ ноги, приняли благословеніе, опять поклонились и встали къ двери. Преосвященный, по одиночкѣ, сталъ всѣхъ экзаменовать. Онъ спрашивалъ, болѣею частію, по катехизису о таинствахъ п заставлялъ пѣть по октоиху. Изъ всѣхъ онъ не спросилъ опять только меня. Дураковъ наполучали всѣ отъ щедротъ владыки,—безъ числа. Слово «дуракъ»

у него было, как поговорка, его нельзя было считать и бранью; оно говорилось у него так себѣ, мимолетно, незамѣтно и для него самого. Каждый экзаменуемый подходилъ къ столу, кланялся въ ноги, отвѣчалъ, опять кланялся и отходилъ въ сторону. Надъ ректоромъ Спиридономъ онъ прямо издѣвался. Онъ отдалъ ему провѣрить наши церковныя приходо-расходныя книги. Спиридонъ же ихъ съ роду и не видывалъ. Спросивши человека два—три изъ насъ, преосвященный обращается къ ректору: «ну, что, вѣрно?» Тотъ замялся. Преосвященный захоталъ: «я понимаешь ты самъ-то, въ чемъ можетъ быть невѣрность?» Тотъ покраснѣлъ, — и ни слова. Преосвященный спросилъ еще человека два, потомъ: «ректоръ! Спроси его о чемъ-нибудь», указывая на дьякона. Спиридонъ опять замялся. — «Скажи мнѣ о благодати!» Преосвященный: ха, ха, ха! О благодати! А ты спроси, знаетъ ли онъ 10 заповѣдей!»

Протоіерей Чернышевскій нашелъ, что одна статья метрику у благочиннаго написана не по формѣ. И Боже мой, что тутъ было!.. И дуракъ, и скотина, словомъ, преосвященный вышелъ изъ себя. Изъ всѣхъ только съ однимъ мной онъ обошелся необыкновенно ласково: онъ спросилъ меня, доволенъ ли я новымъ приходомъ, какъ живу, что дѣлаю и сказалъ: «я не забуду тебя». Дѣйствительно не забылъ: тотчасъ по приѣздѣ преподалъ мнѣ архипастырское благословеніе, а чрезъ полтора года далъ мнѣ должность благочиннаго. Преосвященный отпустилъ насъ, мы поклонились и ушли. Такой порядокъ поклоновъ былъ у насъ вездѣ.

По отъѣздѣ преосвященнаго, Ремлинггенъ прислалъ за мной и говорить, что преосвященный очень доволенъ мной, что спрашивалъ его обо мнѣ, и что онъ—Ремлинггенъ,—съ своей стороны, похвалилъ меня. Но за то другіе пѣмцы, его гости, съ которыми я былъ уже хорошо знакомъ, задали мнѣ: одни представляли, какъ дьячки и дьякона пѣли, другіе, — какъ мы кланялись, третьи, — какъ мы ползли на четверенькахъ чрезъ всѣ комнаты; очинъ сѣлъ на диванъ и представлялъ преосвященнаго, другой—дьячка. На нашъ счетъ потѣшались всѣ, и на всѣ лады. Какъ ни были непріятны мнѣ эти дружескія шутки, по я, по неволѣ, долженъ былъ терпѣть и отшучиваться, по-

тому что я зналъ хорошо, что пожалуйся на меня Ремлингенъ, — и я опять въ своей богохранимой Е.

Жить въ этомъ приходѣ можно было безъ горя; но злоупотребленія властію управляющаго, безолаберщина въ управленіи и жестокость возмущали душу. Ъдешь, бывало, въ деревню къ больному, сидишь — молчишь, а кучерь-мужикъ и поеть тебѣ всю дорогу, и взадъ и впередъ, про свои порядки, — что управляющій двойныя беретъ подати, заставляетъ на себя работать, безвинно сѣчетъ и т. под. Идешь по улицѣ или въ церковь, а тебя останавливаетъ мужикъ или мальчикъ съ рогаткой или колодкой, плачетъ, показываетъ, какъ натерла ему шею рогатка или ногу колодка, и проситъ заступничества. Въ чужое дѣло я никогда не вступался, но иногда пойдешь къ управляющему посидѣть вечеркомъ и, въ разговорѣ, слегка скажешь, какъ трудны эти рогатки и колодки, что онѣ до мяса протираютъ кожу. Но онъ: «русскій мужикъ, — какъ быкъ. Съ нимъ можно обращаться только такъ. Натеръ шею, ногу, — ну, чтожъ? Натеръ быкъ ярмомъ шею, — поболить да и заживетъ. Вы еще молоды, мужика не знаете, вотъ и жалѣете».

— А мальчики? имъ рогатки перетираютъ шею!

— Будетъ умнѣй. Слушайся хозяйна съ хозяйкой. Имъ хозяева вмѣсто родныхъ отца-матери.

Однажды одинъ крестьянинъ остановилъ меня на улицѣ, показалъ мнѣ свою, обтертую колодкой, ногу и просилъ моего заступничества. Вечеромъ я пошелъ къ Ремлингену и просилъ его смиловаться надъ несчастнымъ. Ремлингенъ далъ мнѣ обѣщаніе освободить и, дѣйствительно, утромъ освободилъ, но предъ этимъ, за то, что онъ жаловался, Григорьевъ задалъ ему горячую баню. Съ этихъ поръ я пересталъ ходатайствовать.

Неудовольствіе крестьянъ своимъ положеніемъ росло съ каждымъ днемъ и, наконецъ, чрезъ годъ, разразилось открытымъ «бунтомъ» [см. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXV].

Въ статьяхъ моихъ «Питомцы Московскаго Воспитательнаго Дома» я довольно подробно описалъ «бунтъ» ихъ. О священникѣ я говорилъ тамъ въ третьемъ лицѣ. Но все, что говорилъ я тамъ о немъ, я говорилъ это о себѣ. Въ бунтъ этотъ я подвергался опасности не только быть сосланнымъ въ Сибирь, но даже было много случаевъ, когда каждое мгновеніе я ждалъ,

что вотъ—вотъ убьютъ меня, или разорвутъ на части. Бунтъ этотъ четыре года тинулъ мою душу, измаялъ меня до болѣзни и кончился тѣмъ, что прихожанъ моихъ, почти всѣхъ поголовно, сослали въ Сибирь. Я остался почти безъ прихода. сельская школа закрылась и я сдѣлался почти нищимъ...

Оставшіеся крестьяне и вновь поселенные изъ вѣдомства Опекунскаго Совѣта поступили въ вѣдомство министерства государственныхъ имуществъ; бывшіе при питомцахъ управляющихъ и другіе чиновники остались исключительно для учебнаго заведенія. Во время еще бунта Ремлингень померъ.

Послѣ Ремлингена начальникомъ учебнаго заведенія сдѣлался его помощникъ А. З. Марковскій. Это былъ умный и въ высшей степени дѣятельный начальникъ. Учебная и хозяйственная части при немъ были въ лучшемъ порядкѣ. Много памятниковъ его дѣятельности сохранилось и до сего времени. Не опуская самъ ни одного богослуженія, онъ строго слѣдилъ за нравственностію и учениковъ. Управленіе Марковскаго было лучшее время для заведенія, въ нравственномъ отношеніи, по настоящій день. Но, къ сожалѣнію, Марковскій померъ черезъ четыре года.

Намѣстникъ Марковскаго ..... Но пріостановлюсь, дабы гусей не раздражить. Нѣтъ ничего хорошаго вспомнить: а все что довелось бы вспоминать, было такъ недавно, лица эти всѣ еще живы... Въ 1864 году ферма преобразована въ земледѣльческое училище, кругъ предметовъ расширенъ, введены естественныя науки, на меня возложено преподаваніе закона Божія и исторіи Россіи... Всѣмъ наставникамъ было положено жалованья по 600 р. За преподаваніе же закона Божія и исторіи Россіи 150 р. За непробытіемъ полнаго числа наставниковъ, я два съ половиною года преподавалъ, кромѣ своихъ предметовъ, русскій языкъ, литературу, географію и арифметику. За два съ половиною года мнѣ выдано 70 р. Годы черезъ два учителямъ увеличено жалованье до 800 р. Законоучителю, при русской исторіи, положено 300 руб.

Мало-по-малу прибыли учителя, но, увы, семья не безъ урода: нашлись между ними и тѣ, слава Богу, выводящіеся уже дешевенькіе «вольнодумцы», которые не стыдились пошлыхъ выходовъ противъ библіи, противъ религіи. Довелось мнѣ горячо

и рѣзко говорить противъ неосмысленныхъ болтуновъ, — не стѣснявшихся даже въ педагогическомъ совѣтѣ...

Каждый годъ прїѣзжалъ къ намъ инспекторъ Н. Н. Скв. Живеть, бывало, недѣли три, ночи играеть въ карты, днемъ спить, — и больше ничего. Наканунѣ отъѣзда велить собрать учениковъ въ одинъ классъ, сдѣлаеть легонькій экзамень, — и уѣдетъ.

Въ одинъ изъ обычныхъ его прїѣздовъ я прихожу, однажды, въ классъ, и вижу, что нѣтъ иконы. Я спрашиваю: гдѣ икона, и мнѣ отвѣчаютъ, что директоръ велѣлъ вынести иконы изъ всѣхъ классовъ. Постѣ класса я спрашиваю директора Горбика (нынѣ покойный), что значитъ, что иконы вынесены изъ всѣхъ классовъ?

— Это сдѣлано по приказанію Николая Николаевича. Скв. Знаете: учителя могутъ дѣлать гримасы. Чтобы не оскорблять святыни и не дать повода и ученикамъ небрежно относиться къ иконамъ, онъ и приказалъ убрать ихъ. Притомъ въ классъ ходить не молиться, а учиться: иконы тутъ и не нужны. Для молитвы есть церковь.

— Изъ класса нужно вышвырнуть не икону изъ-за гримасы, а того, кто осмѣлился бы дѣлать гримасы. Потрудитесь приказать поставить иконы опять на свое мѣсто. Если же онѣ не будутъ поставлены, то я не буду ходить и въ классъ. Потрудитесь передать это тому, кто приказалъ вынести иконы.

Въ тотъ же день управляющій поѣхалъ въ Саратовъ, купилъ новыя иконы и на другой день, до классовъ, онѣ уже были поставлены. Стало быть иконы были вынесены какъ-бы затѣмъ, чтобъ замѣнить ихъ новыми. Но для меня это было безразлично. Маскируйся, думаю, какъ знаешь, а мое дѣло сдѣлано.

Иконы внесены, но это горько отозвалось и на мнѣ, и на моихъ дѣтяхъ на всю жизнь, черезъ два года!..

XVIII.

Время шло. У меня родились дѣти, стали подростать и подошла пора учить ихъ. Учить, — но оказалось, что многого не зналъ я и прежде, а къ этому времени позабылъ и то, что зналъ когда-то. Пришлось учиться снова самому, и учиться

серьёзно, — чтобы учить. Я накупилъ всевозможныхъ учебниковъ, и всевозможныхъ къ нимъ пособій. Днёмъ я занимался съ дѣтьми, а ночи просиживалъ, приготавливалъ самъ. Мнѣ пришлось снова учить латинскія и греческія склоненія и спряженія, всеобщую исторію и др. То, что необходимо было заучивать, — дѣти учили; остальное все у насъ шло устными бесѣдами. По части географіи, этнографіи, исторіи дѣти мои перечитали, кажется, всевозможныя путешествія и описанія. Для того, чтобы заохотить ихъ къ чтенію, я покупалъ въ своемъ городѣ и выписывалъ дѣтскія книги и дѣтскіе журналы, на собственное имя каждаго изъ нихъ, отдѣльно. Приносится, бывало, почта, дѣти мои бросятся за своими журналами, а моему родительскому сердцу это и любо! .Любовь къ чтенію я развилъ въ нихъ до высшей степени, такъ что впоследствии, когда они подросли и стали пріѣзжать домой на каникулы, то стали уже доносить меня: только и слышишь, бывало: «папаша, читать нечего! Папаша, читать нечего!» Пойдешь въ бібліотеку, заберешь тамъ все, подходящее имъ; а они, дня черезъ три, опять: «папаша, читать нечего!»

Старшая изъ дѣтей моихъ была дочь. Въ то время въ городѣ нашемъ не было ни пансіоновъ, ни гимназій и ничего подобнаго. И мнѣ пришлось заниматься съ ней самому. Я прошелъ съ ней весь гимназическій курсъ, такъ что въ занятіяхъ съ мальчиками по русскому языку, географіи, ариѳметикѣ, священнои и всеобщей исторіи она помогала мнѣ. Но мнѣ хотѣлось, во что бы то ни стало, обучить ее и музыкѣ. Музыка, въ то время, — вещь небывалая въ духовенствѣ. Игры на роялѣ дочь моя и не слыхивала. Къ нашему счастью одинъ изъ учителей игралъ, но своего рояля не имѣлъ. Я купилъ въ 150 р. фортепіано и нанялъ учителя. Купилъ школу, кажется, Черни. Учитель занимался съ ней по три часа въ недѣлю. Во время занятій его съ ней, я внимательно слѣдилъ за каждымъ его словомъ и потому повторялъ съ ней. Но послѣ 15-ти уроковъ, по причинамъ, независящимъ отъ насъ, уроки съ учителемъ прекратились. Дѣло наше казалось пронацимъ. Но я когда-то былъ въ архіерейскихъ пѣвчихъ и теорію музыки зналъ. Поэтому сталъ заниматься музыкою съ дочерью самъ. Дѣло вышло и глупое и смѣшное: не умѣя играть, я сталъ учить

играть. Дочери моей было, въ то время, 12 лѣтъ. Начнетъ бывало, дочь играть, я смотрю въ ноты, и слышу что она взяла не ту нотку, какую нужно. Стой, говорю, вотъ какъ нужно сыграть это, и проую ей. Отъицетъ дочь нужную нотку, — и пойдетъ дѣло. По правдѣ сказать, много труда положила она съ такимъ учителемъ, дорого досталась ей музыка! Но мы оба занимались съ любовію, и поэтому дѣло поняла она скоро. Когда она стала играть уже порядочно, тогда я купилъ ей рояль. Охоты прибавилось, — и дѣло пошло хорошо. Послѣ выйти замужъ ей пришлось за свѣтское лицо, артистически играющее на скрипкѣ, и я нынѣ, слушая ихъ игру, радуюсь, что труды наши съ ней не пропали и что дочь моя имѣетъ возможность доставлять себѣ это невинное и благородное удовольствіе. Дѣло наше съ музыкою показало, что многое можетъ человѣкъ сдѣлать, если есть любовь къ дѣлу и не жалѣетъ своихъ трудовъ и что неприятное дѣло можетъ, иногда, приносить пользу. Сколько, напримѣръ, горя перенесъ, сколько пролилъ слезъ я, бывши въ пѣвчихъ! «Пѣвческая» на весь вѣкъ подорвала мое здоровье; но, благодаря тому, что я былъ въ пѣвчихъ, дочь моя хорошо играетъ на роялѣ.

Когда я увидѣлъ, что старшіе мои два сына подготовлены уже достаточно, то я помѣстилъ ихъ въ 4-й классъ духовнаго училища, и нашель имъ лучшую, по моимъ силамъ, квартиру. За квартиру я всегда платилъ по 18—20 р. въ мѣсяць за мальчика—дѣна, въ то время, неслыханно высокая. Квартиры были всегда отдѣльныя, чистыя, свѣтлыя, просторныя и сухія и, кромѣ хозяевъ, въ домахъ не было никого. Держать дѣтей на такихъ квартирахъ было непремѣнное наше съ женой правило. А такъ какъ мальчики наши подготовлены были достаточно и въ училищѣ имъ, почти, нечего было дѣлать, то чтобы не скучали о домѣ и не пріучались болтаться безъ дѣла, я написалъ имъ и туда по журналу. Чтобы пріучить ихъ къ наблюдательности и умѣть излагать свои наблюденія на бумагѣ, они дома вели свои дневники, а я велѣлъ вести ихъ и тамъ. Черезъ годъ они перешли въ семинарію. Старшему изъ нихъ было 13 лѣтъ, а младшему 11.

Черезъ годъ вышло преобразование семинарій. Вышло и распоряженіе, что окончившіе полный курсъ семинаріи должны

идти въ пономари до тридцатилѣтняго возраста. Стало быть, моему меньшому сыну пришлось бы быть пономаремъ слишкомъ 12 лѣтъ! Думаемъ съ женой: нѣтъ, это дѣло намъ не подходящее! Если я, — я священникъ. — при несравненно бѣднѣйшемъ въ семинаріи воспитаніи, не могъ переносить своей нужды и униженій въ Е. то дѣти наши, при лучшемъ воспитаніи, при пономарскомъ доходѣ (пономарь получаетъ ¹/₄ часть дохода противъ священника) и полнѣйшемъ презрѣніи общества, переносить этого не могутъ. Теперь они чисто одѣты, обуты, въ хорошей квартирѣ, въ хорошемъ семействѣ, имѣютъ занятія, книги, трудятся. не спятъ ночи, — и вдругъ, за многолѣтніе труды, они должны будутъ забиться куда-нибудь въ глушь, въ деревню, таскаться по крестьянскимъ избамъ, жить за одно семейство съ мужиками. въ тѣхъ же темныхъ, вонючихъ, грязныхъ и гнилыхъ избахъ, вмѣстѣ съ ихъ ягнятами, телятами, гдѣ, — какъ мнѣ извѣстно по опыту, — нѣтъ рѣшительно возможности дышать и пяти минутъ. Они привыкли читать. А въ пономаряхъ гдѣ возьмутъ они книгъ и гдѣ читать ихъ будутъ? Теперь сынъ мой сытъ, одѣтъ и независимъ. Какъ же пойдетъ онъ, съ мѣшкомъ на плечахъ, — будучи пономаремъ, — кланяться и вымаливать у послѣдняго мужика и бабы себѣ пропитаніе, чтобы не умереть съ голоду?! Такая жизнь хуже каторги. Каторжника, по крайней мѣрѣ, одѣваютъ, кормятъ и даютъ помѣщеніе; псаломщику же не даютъ ничего ровно. И онъ долженъ будетъ вести такую жизнь цѣлыхъ 10—12 лѣтъ! Что выйдетъ изъ него черезъ 10—12 лѣтъ! Куда онъ будетъ годенъ? Жизнь для моего сына въ пономаряхъ была бы даже много хуже жизни каторжника: но если въ каторгу ссылаютъ на 10—12 лѣтъ, только за самыя важныя преступленія, то за что же мой сынъ, честный труженикъ науки, будетъ терпѣть это наказаніе?!... Нѣтъ, думаю. дѣтубійцею я не былъ и не буду! Въ каникулы я разъяснилъ дѣтямъ то, что ожидаетъ ихъ по окончаніи курса; дѣти мои. въ одинъ голосъ, сказали мнѣ, что они будутъ готовиться въ инженеры.

Да, если нашъ вѣкъ гордится замѣчательными изобрѣтеніями: желѣзными дорогами, телеграфами, телефонами и под. то православное духовенство наше по справедливости можетъ считать замѣчательнымъ изобрѣтеніемъ псаломщичество, какъ

вѣрнѣйшее средство къ отвлеченію лучшихъ его силъ отъ поступленія въ духовное званіе и къ погибелн тѣхъ, которыхъ крайняя нужда заставляетъ поступать туда...

Очень можетъ быть, что меня заподозрятъ въ преувеличеніи и скажутъ, что жизнь сельскаго псаломщика не такъ несчастна и гибельна, какъ говорю я; но у меня нѣтъ псаломщиками ни дѣтей и ни родственниковъ, и преувеличивать мнѣ, поэтому, рѣшительно нѣтъ надобности. Я—сельскій священникъ, и благочиннымъ, почти, весь свой вѣкъ; быть сельскаго духовенства не знать, во всей его полнотѣ, стало быть, не могу; и я знаю его вполне, во всѣхъ отношеніяхъ, и повторяю: молодые люди, окончившіе курсъ семинаріи и идущіе въ псаломщики или сельскіе учителя, идутъ прямо на нравственную гибель. Духовенство наше понимаетъ это хорошо. доказательствъ на лицо: учебныя заведенія наши пустѣютъ.

До положенія о пономарствѣ я и не думалъ о свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Обучая дѣтей своихъ, я имѣлъ въ виду просто только образованіе; но съ положеніемъ о псаломщикахъ пришлось подумать, а подумать было о чемъ: содержать въ свѣтскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ было не по моимъ силамъ. Да и поступить туда было не легко, особенно туда, куда хотѣлось поступить моимъ дѣтямъ. Но дѣти мои, не оставляя классныхъ занятій, стали усиленно заниматься математикою и физикою; мнѣ же оставалось только доставлять имъ всевозможные къ тому способы. По окончаніи четвертаго класса, я взялъ ихъ изъ семинаріи и отвезъ въ Петербургъ, гдѣ они поступили: одинъ—въ институтъ горныхъ инженеровъ, другой—въ институтъ инженеровъ путей сообщенія. Послѣднихъ двоихъ сыновей своихъ уже я прямо помѣстилъ въ классическую гимназію, изъ которыхъ старшій обучается теперь въ С.-Петербургѣ, а младшій, бывшій уже въ пятомъ классѣ,—померъ. Будь, хоть малость, сносите жизнь сельскаго священника, и главное, не будь положенія о пономарствѣ,—мои дѣти всѣ были бы священниками. Теперь же изъ всѣхъ,—ни одного.

Итакъ, я сказалъ бы теперь г. хроникеру того достоуважаемаго журнала. изъ котораго я сдѣлалъ маленькую выписку въ началѣ одной изъ предыдущихъ главъ моихъ записокъ: не «грязное, отупѣлое и безнравственное состояніе наше» застав-

ляеть дѣтей нашихъ выходить въ свѣтское званіе, а та бѣдность, то униженное состояніе, въ которое мы поставлены обществомъ, и мы — отцы — направляемъ ихъ туда сами, не желая подвергать ихъ тому что терпимъ мы. Надѣюсь, что нельзя укорять насъ и въ томъ, чтобы мы не употребляли всѣхъ средствъ и усилій къ ихъ образованію. Нѣтъ, при нашихъ ничтожныхъ матеріальныхъ средствахъ, мы даемъ имъ такое образованіе, какое дать не многимъ удается и людямъ несравненно съ большими къ тому средствами. Примѣромъ тому, если угодно, я сама, а подобныхъ мнѣ множество. Хвалиться и лгать я не могу даже и потому, что то, что пишу я, я знаю, будутъ читать тѣ, кто знаетъ хорошо меня лично, и будутъ читать мои дѣти. И я говорю то, что дѣйствительно есть.

Собираясь отвезти дѣтей въ Петербургъ, я много задолжалъ. По прїѣздѣ оттуда я отвезъ третьяго сына въ Саратовъ и помѣстилъ его въ третій классъ классической гимназіи. Расходу и на этого сына пужно было не мало. Вся надежда моя была на жалованье отъ учебнаго заведенія, при которомъ состоялъ я законоучителемъ и учителемъ исторіи Россіи, тѣмъ болѣе, что года три я получалъ уже по 800 р.

Но вдругъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, я получаю отъ управляющаго заведеніемъ увѣдомленіе директора Горбика, что я удаленъ отъ должности законоучителя. Что значить? За что? Почему? Понять не могу. Классовъ я не опускалъ, на экзаменахъ ученики, по моему предмету, отвѣчали всегда хорошо; за мои предметы никто и никогда не бывалъ оставляемъ въ томъ же классѣ. Что же значить это? Частно пишу въ Петербургъ, и мнѣ отвѣчаютъ, что инспекторъ училищъ Н. Н. Скв., донесъ начальству, то у меня много должностей, и что поэтому Законъ Божій не можетъ быть преподаваемъ мною успѣшно. Э, думаю, это старая пѣсня: это иконы!... Дѣло, значить, непоправимое. На мое мѣсто, тотчасъ же, опредѣлено свѣтское лицо. Такъ какъ дѣло это было и нечестное, и нечистое, то Н..... съ директоромъ постарались сдѣлать это для меня, нечаянно, вдругъ, чтобы поворотъ назадъ былъ невозможенъ.

Всякій честный хозяинъ, если видитъ неисправность при-слуги, предупреждаетъ ее и говоритъ: «дѣлай такъ, какъ мнѣ нужно; иначе держать тебя я не могу». Такъ слѣдовало бы поступить и со мной, еслибъ я дѣйствительно былъ неисправнымъ. Но предупреждать меня было нечѣмъ, дѣло свое я исполнялъ добросовѣстно. Самая поспѣшность и скрытность доказываетъ уже, что дѣло это нечисто. И меня уволили.

Примѣръ мой да будетъ урокомъ священникамъ, находящимся законоучителями въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ!..

Разсказывать ли какъ затѣмъ начальство, спуская къ моему 24-хлѣ-лѣтней службѣ по учебной части, выдало мнѣ въ единовременное пособіе на воспитаніе моихъ дѣтей сто пятьдесятъ рублей! Разсказывать какъ это пособіе состоялось — не буду, слишкомъ больно вспоминать, но упоминаю объ этомъ, чтобы показать, какъ иногда гражданскія власти смотрятъ на попа.

Удаленіе меня отъ должности показываетъ, что, какъ священникъ добросовѣстно ни исполняй свои обязанности, но онъ (зачастую) въ глазахъ гражданскаго начальства, все-таки, не болѣе, какъ — человекъ, не стоящій вниманія; его выгонять по первому капризу, особенно, если, къ тому, онъ будетъ еще умничать, противиться приказаніямъ начальства, хотя приказанія эти были бы въ родѣ приказанія вынесенія иконъ изъ классовъ.

Если же такъ зачастую смотреть на насъ лица, стоящія во главѣ администраціи, — тѣ, на обязанности коихъ лежитъ поддерживать насъ, — тѣ, кои въ самыхъ важныхъ государственныхъ случаяхъ обращаются къ намъ за содѣйствіемъ и содѣйствовать коимъ мы употребляемъ всѣ наши силы, то чего лучшаго можемъ ожидать мы отъ низшихъ членовъ общества?! Мы и можемъ ожидать только того, что есть теперъ на самомъ дѣлѣ: мы весьма часто вполне унижены.

При такомъ воспитаніи, какое дѣтямъ своимъ давалъ я, денегъ нажить я не могъ. Въ годъ же моего увольненія особенно я сдѣлалъ долги и, поэтому, терпѣлъ крайнюю нужду. Отъ однихъ сельскихъ доходовъ, жалованья по должности благочиннаго и жалованья отъ казны (144 р въ годъ) содержаться самому, содержать двоихъ сыновей въ Петербургѣ и одного въ Саратовѣ для меня было невыносимо тяжело. Я едва не сошелъ съ

ума. А такая жестокость, такая вопиющая несправедливость въ удаленіи меня и въ назначеніи пособія на воспитаніе дѣтей 150 р. одновременно, глубоко оскорбляли меня. Будь у меня въ то время, хоть только 200 р. въ запасѣ,—я эти 150 р., пожертвованныхъ мнѣ, попросилъ бы отослать обратно. Но крайняя нужда заставила меня взять ихъ.

Послѣ одинъ господинъ, изъ лицъ высокопоставленныхъ, говорилъ мнѣ, что у министерства «нѣтъ сумъ». Что для духовенства «нѣтъ сумъ» не только въ одномъ министерствѣ, но и вообще. въ нашемъ государствѣ,—это извѣстно не только всему духовенству, но и всей Россіи, даже всему свѣту. Сколько у насъ, въ послѣднее время, открыто новыхъ учрежденій и должностей, начиная, хотя, съ судебныхъ палатъ и кончая урядникомъ,—и для всѣхъ ихъ найдены «суммы». Во всѣхъ старыхъ присутственныхъ мѣстахъ служащимъ увеличено содержаніе и только единственно намъ,—попамъ,—«нѣтъ сумъ».

Вальтеръ-Скоттъ говоритъ: «упреки тѣхъ, у которыхъ нѣтъ другаго облегченія въ страданіяхъ, кромѣ плачевнаго о нихъ разказа, рѣдко доходятъ до ушей вельможъ, которые были причиною этихъ страданій». Въ то время и я вѣрилъ въ справедливость тогдашняго министра государственныхъ имуществъ, разъяснялъ ему дѣло, подавалъ прошеніе о вспоможеніи на воспитаніе дѣтей; въ бытность у насъ въ селеніи, тѣмъ же лѣтомъ, онъ лично выразилъ мнѣ полное участіе,—и назначилъ 150 р. одновременно. Единственное утѣшеніе теперь мнѣ, именно разказать о бывшемъ со мною несчастіи.

Въ настоящее время, во всякомъ учрежденіи, которое найдено полезнымъ государству, сдѣланы и дѣлаются постоянныя улучшенія и измѣненія, сообразно требованіямъ времени. Правительство старается привлечь туда лучшія силы; обезпечиваетъ ихъ матеріальный бытъ и доставляетъ имъ всѣ способы къ возполненію ими ихъ обязанностей; но ни для религіозно-нравственнаго состоянія общества, ни для религіи и ни для служителей ея не сдѣлано ничего подобнаго.

XIX.

Что сдѣлано для религіозно-нравственнаго состоянія общества?

Во многихъ мѣстахъ по нѣскольку приходоѡ соединено вмѣстѣ, — въ одинъ приходъ. Въ религіозно-нравственномъ отношеніи для народа это есть прямое зло...

Въ послѣднее время довольно много устроено сельскихъ школъ, но въ нихъ обученіе Закону Божію поставлено не-удовлетворительно.

Въ этомъ опять, по обыкновенію, вина въ поповъ. Попы «тупы, глупы, безнравственны! Они не сочувствуютъ народному образованію, не учатъ въ школахъ», кричатъ всѣ. И духовныя и гражданскія власти преподаваніе Закона Божія въ школахъ считаютъ прямою обязанностію священниковъ, какъ совершеніе таинствъ и молитвословій. Гражданскія власти жалуется епископамъ на священниковъ какъ на перадивыхъ, не исполняющихъ своего долга; нѣкоторые епископы, какъ приводилось мнѣ слышать, по первой же жалобѣ, подвергаютъ священниковъ конечному разоренію, — переводятъ ихъ въ бѣднѣйшіе приходы.

Но на какомъ основаніи всѣ эти требованія?

Духовныя власти, управляющія нами, въ дѣйствіяхъ своихъ должны имѣть руководствомъ слово Божіе и соборныя постановленія. Гдѣ же въ словѣ Божіемъ и постановленіяхъ церкви возложена на пастыря обязанность учить въ школахъ? Въ первые времена христіанства, когда организовалась церковь, соби- рались соборы и писались отеческія правила, — школы были, и были не хуже нашихъ земскихъ; были и достойныя, и ученые пастыри церкви, болѣе насъ ревновавшіе о религіозно-нрав- ственномъ состояніи христіанъ; однако же никто изъ нихъ не возлагалъ на священника обязанности учить въ школахъ; и тѣ изъ архипастырей, которые сами писали руководства для дру- гихъ пастырей, — объ обученіи дѣтей въ школахъ не сказали ни полуслова.

Мы не отрицаемъ, что поучать народъ Закону Божію мы должны; но поучать должны въ школахъ не сельскихъ, а въ своихъ, — въ храмахъ Божіихъ, что мы всѣ, по своимъ силамъ, и дѣлаемъ. Мы поучаемъ народъ и въ храмахъ и, при каж-

домъ удобномъ случаѣ, внѣ храмовъ; стараемся, по мѣрѣ силъ своихъ, поучать его и примѣромъ труженнической жизни и перенесенія обидъ и поношеній. Слово Божіе говоритъ намъ: научи, обличи,—но не говоритъ: въ школахъ учи! Обязанность эту мы положительно отвергаемъ.

Если же обученія въ школахъ требуютъ отъ насъ власти гражданскія, то пусть платятъ намъ за это. Пусть платятъ намъ: 1) какъ, вообще, за трудъ, а всякій трудъ долженъ быть оплаченъ. Хотя ничего нѣтъ легче въ жизни, какъ предписывать и приказывать, однако тѣ, которые приказываютъ намъ.— только за то, что приказываютъ,—получаютъ плату, жалованье: намъ же, трудящимся, не хотятъ дать ничего. Можетъ ли быть, напримѣръ, что-нибудь тунеяднѣе инспектора народныхъ школъ? Онъ, въ три года, побываетъ не болѣе одного раза въ школъ; но взгляните, что онъ продѣлываетъ тамъ: какъ онъ издѣвается надъ священникомъ, какъ онъ позоритъ предъ дѣтьми, въ самой школъ, учителя, какіе онъ строчитъ доносы! Пользы же школъ ни на іоту. А между тѣмъ посмотрите на его жалованье! Оно таково, что могло бы принести большую и существенную пользу школамъ всего того района, которымъ завѣдываетъ онъ, обративши его на покупку книгъ. Если инспектора существуютъ у насъ, какъ жандармы, то въ теченіе трехъ лѣтъ,—отъ одного прїѣзда его до другого,—утечетъ воды много: не имъ усмотрѣть, если бы что-нибудь и случилось! Но случится и нечему, мы народъ знаемъ хорошо. Отъ пришлого же народа оберегать не инспекторамъ. 2) Намъ должны платить за то, что занятія въ школахъ отнимаютъ у насъ время и средства къ нашему существованію. Мнѣ лично извѣстны многіе священники, которые, по крайней бѣдности своей, весь свой вѣкъ не имѣютъ у себя работниковъ и, потому, вездѣ и все дѣлаютъ сами: сами убираютъ на дворѣ,—чистятъ навозъ, подметають, сами ухаживаютъ за скотомъ, рубятъ дрова, дѣлають кизикъ, ѣздятъ на рѣчку съ бочкой за водой, въ лѣсъ; сами косятъ, пашутъ и пр. пр. Онъ несчастный,—бѣдный труженникъ весь свой вѣкъ. И отъ него требуютъ, чтобы онъ занимался въ школъ! Кто же сталъ бы дѣлать за него все то, что дѣлаетъ онъ? Дайте ему возможность замѣнить себя въ домашнихъ трудахъ,—нанять работника, проще: дайте ему жало-

ванье, — и онъ съ охотою перемѣнить соху на школу. Безъ этого же требовать отъ него школьныхъ занятій значить отнимать у него послѣднія средства къ его существованію, — требовать незаконнаго.

Саратовское уѣздное земское собраніе законоучителямъ сперва не назначило жалованья совсѣмъ; но потомъ назначило по двѣнадцати р. въ годъ, съ обязательствомъ, чтобы священники занимались не менѣе 5-ти классовъ въ недѣлю. Кто здѣсь, во мнѣніи земскаго собранія, оцѣненъ по достоинству: предметъ, или преподаватель? Священники въ школахъ, изрѣдка, занимались, но отъ жалованья отказались. Въ настоящее время собраніемъ назначено по 50 р. въ годъ. Но и это жалованье выдается по усмотрѣнію членовъ училищнаго совѣта: однимъ священникамъ выдается сполна, другимъ только половина, а третьимъ не дается ничего. Сами же члены бывають разъ, много два въ годъ, а нѣкто Шаб... во все свое трехлѣтіе, не былъ ни разу ни въ одной школѣ; однако же жалованья получаютъ по 600 р. въ годъ. Сравните же труды священника и члена училищнаго совѣта и оцѣнку трудовъ ихъ. Такъ у насъ и во всемъ: гдѣ священникъ, — тамъ и «суммъ нѣтъ».

Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Законъ Божій преподается хорошо и ученики занимаются имъ усердно; но изъ поступающихъ туда едва ли оканчиваетъ курсъ и 10^{0/100}. Остальные всѣ исключаются въ теченіи курса. И эти недочетки — горе себѣ и родителямъ, бремя церкви и обществу.

Студенты высшихъ учебныхъ заведеній на классы Закона Божія не ходятъ совсѣмъ. На лекціяхъ по Закону Божію бываетъ обыкновенно два—три студента; не болѣе. Законоучители не имѣють средствъ заставить студентовъ слушать ихъ лекціи и только потому, чтобы самимъ держаться на своихъ мѣстахъ, вынуждены давать студентамъ на экзаменахъ удовлетворительные баллы. Намъ извѣстенъ одинъ примѣръ изъ практики петербургскихъ законоучителей: въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній студенты, по обыкновенію, лекцій по Закону Божію не посѣщали; на экзаменахъ, конечно, ничего не знали и не отвѣчали; законоучитель и началъ-было давать баллы по достоинству. Но ему сказали: «если студенты вашихъ лекцій не посѣщали, и теперь ничего не знаютъ, то это зна-

читать, что вы не умѣли заинтересовать ихъ, неудовлетворительно читали и тѣмъ роняете предъ начальствомъ и обществомъ заведеніе. Поэтому, или вы сами должны оставить заведеніе, или давать удовлетворительные баллы. Не можемъ же мы изъ-за вашего предмета оставлять студента на томъ же курсѣ; здѣсь не духовная академія». П. о. законоучитель долженъ былъ поставить удовлетворительные баллы. Этотъ случай, вѣроятно, извѣстенъ всѣмъ петербургскимъ законоучителямъ. Потому теперь всѣ они, какъ люди умные, ставятъ всѣмъ баллы удовлетворительные, хотя лекцій ихъ ничто не слушаетъ.

Молодые люди, видя послабленіе со стороны начальства, и то, что законоучителей заставляютъ давать удовлетворительные баллы на экзаменахъ, считаютъ Законъ Божій пестующимъ труда, и не занимаются имъ, — не изучаютъ его.

Не получивши основательныхъ познаній въ религіи, въ учебномъ заведеніи, не получивши не только навыку, но даже и расположенія къ чтенію книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, и въ то же время, читая зачастую безнравственные переводные романы, молодые люди дѣлаются, бблыпеею частію, одни — холодными къ религіи, а другіе, даже прямо, враждебными ей. Такими они поступаютъ въ жизнь и такое направленіе вносятъ въ семейство и общество. Вслѣдствіе такого воспитанія вы не встрѣтите теперь ни въ одномъ, такъ называемомъ порядочномъ, домѣ ни одного духовнаго журнала и ни одной религіозно-нравственной книги. Послушайте разговоры въ любомъ порядочномъ домѣ, — о религіи никогда ни слова. Посмотрите на жизнь общества, — вы встрѣчаете безнравственность на каждомъ шагѣ. Я отнюдь не говорю, чтобы въ обществѣ безнравственность была круговая; много встрѣчается людей, достойныхъ и уваженія, и подражанія, по ихъ религіозно-нравственному состоянію; но на сторонѣ противной, все-таки остается огромное большинство. Мнѣ не разъ приводилось бывать, въ особенности въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, на общественныхъ гуляньяхъ, слушать музыку, смотрѣть фейерверки, быть въ эрмитажѣ, зоологическомъ саду и т. п., все это переполнено народомъ; но храмы Божіи, не смотря на то, что ихъ тамъ мало, — пусты.

Мнѣ случилось быть однажды въ большой придворной церк-

ви, въ храмовой день, 1-го августа. Литургію служилъ В. Б. Бажановъ; на обоихъ клиросахъ пѣли придворные пѣвчіе. Въ этотъ день въ эту церковь допускаются всѣ, кому угодно (въ другіе дни входъ постороннимъ воспрещается, кромѣ священниковъ, которымъ дозволяется бывать всегда); однако же, можно сказать, что церковь была пуста, хотя она неособенно и велика. А между тѣмъ сходить туда и отстоять обѣдню и молебенъ, хотя только изъ-за того, чтобы послушать пѣвчихъ, стоитъ. Пѣвчіе пѣли восхитительно. Но какъ были пропѣты два раза запѣвы при молебнѣ: «Слава Тебѣ Боже нашъ, слава Тебѣ», — такъ этого пѣть возможности выразить: слушая это пѣніе вы умиляетесь, таете, уничтожаетесь... Вы, именно, не помните, гдѣ вы стоите, — «на небѣ или на землѣ»? Это верхъ совершенства! Потомъ я былъ, 30-го августа въ соборѣ Александро-Невской лавры. Служилъ высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ съ четырьмя архіепископами. На одномъ клиросѣ пѣли пѣвчіе придворные, на другомъ митрополичьи. Пѣніе было чудно хорошее; но концертъ: «въ память вѣчную будетъ праведникъ», — неподражасмъ! Для души тутъ вложено все, что можетъ человѣкъ вложить. Да, для эстетическаго чувства нища есть! Но, не смотря на это, храмъ былъ пустъ въ половицу... Вечеромъ, по улицамъ, была такая давка, что не было возможности ходить. Это была толкучка, въ полномъ смыслѣ слова. Вскорѣ, потомъ, мнѣ пришлось ѣхать къ брату на дачу въ Павловскъ. Въ этотъ день тамъ была Страусовская музыка. Музыка была самая обыкновенная; но народу была тьма-тьмуца.

И такъ у насъ бываетъ всегда: увеселительныя мѣста переполнены, а храмы Божіи пусты...

«Священники, — укоряютъ насъ, — не проповѣдуютъ. Живая проповѣдь повела бы за собою перевоспитаніе народа; со стороны же духовенства проповѣди нѣтъ и не было. Будь она, — не такъ бы и народъ. Если священники и говорятъ когда-то но казенному, точно на заказъ, безъ всякаго одушевленія. Въ проповѣдяхъ ихъ нѣтъ энергическаго обличенія общественныхъ недуговъ, смѣлаго пастырскаго наставленія. Есть-ли теперь у насъ на Руси, хоть одинъ, истинный проповѣдникъ, который увлекъ бы наше, скучающее въ храмѣ, общество своей

одушевленной и горячей проповѣдью, огненное слово котораго могло бы отрезвить заблудившихся?»?

Подобныя жалобы мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу. Читая ихъ, невольно приходитъ на умъ Гоголевскій Плюшкинъ: «приказные такіе безсовѣстные!... такое сребролюбіе! Я не знаю, какъ никто другой не обратитъ на это вниманіе. Ну, сказалъ бы ему, какъ-нибудь, душеспасительное слово! Вѣдь словомъ хоть кого проймешь. Кто что ни говори, а противъ душеспасительнаго слова не устоишь».

Хорошо зная, къ какому роду принадлежать эти ревнители общественной нравственности, мы съ полною увѣренностію можемъ отвѣтить имъ словами Чичикова: «ну, ты устоишь! вась-то, други мои милые, навѣрное, не пройметъ и самое огненное душеспасительное слово», если вамъ скучно бывать въ храмѣ Божіемъ. Вы желаете огненнаго слова, и въ то же время вамъ скучно въ храмѣ. Знаете ли: да вѣдь тамъ, что ни слово, то цѣлая проповѣдь! Вникали ли вы, когда-нибудь, въ обыкновенныя, повидимому, слова: «миромъ Господу помолимся»? Вникните, вдумайтесь! Это цѣлая проповѣдь, да такая, которая должна бы измѣнить всю нашу жизнь, если бы мы приняли ее всею душою. Или возьмите слова молитвы Господней, которые поются и читаются въ храмѣ: «Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ, да святится имя Твое»,—только это, не больше. Вдумались ли вы когда-нибудь въ смыслъ этихъ словъ? Потрудитесь. Вдумайтесь! Это цѣлое догматическое и нравственное богословіе! Изъ этихъ словъ вы могли бы почерпнуть вѣру въ бытіе Божіе, Его промыслъ и любовь къ роду человѣческому; слова эти научаютъ насъ любви къ Богу и ближнему; поучаютъ насъ бросить порочную жизнь нашу,—бросить и карты, и всю суету пустой и пошлой жизни, словомъ: они научаютъ насъ совершенно измѣнить настоящую жизнь нашу, бросить все дурныя наши привычки,—научаютъ насъ, чтобы мы всею душою нашею любили Бога и ближнихъ; чтобы жизнь наша всецѣло была посвящена Богу; чтобы мы служили Ему и прославляли Его всѣмъ существомъ нашимъ; чтобы были примѣромъ благочестивой жизни для нашихъ собратій,—другихъ людей; чтобы и они, видя нашу святую жизнь, подражали намъ и прославляли Господа... И слова эти—не обыкновеннаго проповѣдника, отъ кото-

раго вы желаете огненного слова, а самого Господа, который вмѣстѣ съ тѣмъ, предупреждаетъ насъ, что будетъ «огнь вѣчный» невнемлющимъ ученію Его. И вамъ скучно слушать то, что говоритъ Онъ! Послѣ этого кто же вы? Если скучно слушать слова Господа, то какое огненное слово обыкновеннаго проповѣдника въ состояніи разбудить васъ?

Насъ, поповъ, укоряютъ, что слова наши безжизненны, что проповѣди наши «казенщина». Но что сказали бы вы, если бы проповѣдникъ взшелъ на кафедру и сказалъ вамъ: «покайтесь и вѣруйте во евангеліе»? Вы, навѣрное, сказали бы, что тутъ нѣтъ жизни и казенщины такой не стали бы и слушать. Дѣйствительно, ничего нельзя сказать проще этого. Но слова эти не обыкновеннаго проповѣдника, а самого Господа, жизненнѣе же Его не сказать ни мнѣ и ни вамъ. Слова эти просты по формѣ, но въ нихъ глубина премудрости и разума! И такъ они современны, — такъ идутъ къ состоянію нынѣшняго общества, какъ болѣе и желать невозможно. Покайтесь и вѣруйте. Именно недостатокъ-то вѣры и добрыхъ дѣлъ и видѣнъ нынѣ всюду въ обществѣ! Но скажи проповѣдникъ: «покайтесь и вѣруйте во евангеліе», произнеси онъ именно эти слова, — да его за такую «казенщину» разнесутъ по косточкѣ...

«Въ проповѣдяхъ нашихъ нѣтъ энергическаго обличенія общественныхъ недуговъ, смѣлаго пастырскаго наставленія; будь оно, не таковъ былъ бы народъ».

Въ отвѣтъ на это укажу на два случая, которыхъ я былъ свидѣтелемъ. Въ одинъ изъ приѣздовъ моихъ въ Петербургъ въ 1872 году, я былъ, однажды, не помню въ какой праздникъ, въ Исаакіевскомъ соборѣ; служилъ высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Сидоръ; я стоялъ въ толпѣ. Проповѣдь вышелъ говорить о. протоіерей Палисадовъ. Какъ только о. протоіерей вошелъ на кафедру, всѣ зашептали: «Палисадовъ, Палисадовъ!»! Одинъ господинъ, стоявшій позади меня, спрашиваетъ своего сосѣда: «который это, — старый или молодой?»

— Молодой.

— А старый гдѣ?

— Онъ, братецъ, получилъ пенсію и уѣхалъ теперь на родину.

И начали пересказывать одинъ другому анекдоты про стараго о. Паллсадова. Чего-то тутъ не было наговорено! Между тѣмъ проповѣдникъ говорилъ. Всѣмъ извѣстно, какъ говорить о. протоіерей Паллсадовъ, и всѣмъ извѣстно обличительное его слово. Говорено было отчетливо, рѣзко и увлекательно. Каждое слово его дышало любовію и, въ то же время, пороки современнаго общества карало безощадно. Не слушать и не принять къ сердцу этого слова было невозможно. Сосѣди мои на минутку притихли.

— Какой у него обработанный языкъ?

— Да, говорить хорошо.

— Но ужъ и мастеръ своего дѣла! Знаешь: у него нѣтъ ни слова въ тетрадкѣ того, что говоритъ онъ. Поди, привлѣчись къ нему, обидься, скажи ему: какъ вы, батюшка, смѣете такъ относиться объ обществѣ? Я, скажетъ, этого не говорилъ; вотъ и тетрадка моя, смотри!

— Онъ всегда говоритъ то, чего у него нѣтъ въ тетрадкѣ?

— Конечно! Развѣ цензоръ допустилъ бы такъ позорить общество. Это невозможно.

— Поѣдемъ нынѣ въ Павловскъ!

— Ну, что тамъ дѣлать! Нынѣ хорошій фейерверкъ на Каменномъ. Поѣдемъ лучше туда.

— Нѣтъ, я не могу, я далъ слово Аннѣ N...

— А я обѣщался заѣхать къ N. N.

— Ну, языкъ, братецъ вы мой! Бритва!

— Я не понимаю, какъ дозволяютъ это ему. Но, вѣроятно, скажутъ же митрополиту, чтобы онъ запретилъ. На что это похоже!

Въ этомъ родѣ была бесѣда у моихъ сосѣдей во все время проповѣди. Точно также не отличалась большимъ вниманіемъ, по крайней мѣрѣ, треть присутствовавшихъ.

Въ другой разъ мнѣ пришлось быть въ Казанскомъ соборѣ. при проповѣди одного о. протоіерей, фамиліи котораго теперь я не припомню. Проповѣдь была чудно хороша, прочувствованна, но и не длинна. Я стоялъ въ толпѣ, позади меня стояли мужчина и дама, уже не молодые. Сосѣди мои, во все время, хотя и шептались, но слушать мнѣ не мѣшали; но потомъ

мужчина сказалъ довольно громко: «ну, батька, затянуть! Пора бы и перестать».

— А Лизокъ нашъ, чай: гдѣ мамѣ, гдѣ мамѣ? И для чего это проповѣди? Мнѣ, право, гораздо пріятнѣе было бы послушать пѣвчихъ».

Очень можетъ быть, что эти же господа, придя домой, накатаютъ цѣлыя статьи о безжизненности проповѣди, что у насъ нѣтъ «огненнаго слова»... А мама будетъ говорить своей Лизокъ, что ее задержалъ попъ проповѣдью, что попъ лишилъ ея удовольствія послушать пѣвчихъ.

Такъ слушаются проповѣди въ столицѣ. Но наши провинціалы съ проповѣдями дѣлаютъ еще проще: какъ только выйти проповѣдникъ, то половина народа сейчасъ бросается къ дверямъ. У нихъ недостаетъ терпѣнія прислушать самаго краткаго поученія. Проповѣдь, — это такое, значить, для нихъ бремя, которое и 10 минутъ выносить они не могутъ. Кто-же виноватъ въ томъ, что поученій нашихъ не слушаютъ? Кто виновень, вообще, въ упадкѣ религіозно-нравственнаго состоянія общества, который видитъ даже само общество? Мы, съ своей стороны, стараемся дѣлать, для поддержанія вѣры и нравственности общества, все; но мы ничего не можемъ сдѣлать: насъ не слушаютъ, потому что мы унижены, придавлены; мы брошены на произволь судьбы; изъ-за куска хлѣба мы вынуждены торговаться даже предъ совершеніемъ св. Таинствъ и тѣмъ унижать и себя, и дѣло нашего служенія; мы должны обличать пороки тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ вся наша участь; въ защиту религіи намъ не даютъ возвысить нашего голоса, — насъ уничтожаютъ. Этотъ крестъ несутъ на себѣ я...

Намъ приводилось слышать сужденія такого рода: для изученія Закона Божія существуютъ спеціальныя учебныя заведенія — семинаріи и академіи; для свѣтскихъ же учебныхъ заведеній достаточно познаній и самыхъ общихъ, легкихъ или, точнѣе сказать, поверхностныхъ, такъ какъ каждое изъ нихъ имѣетъ свое, спеціальное, назначеніе, и учащимся не доставало бы времени на изученіе ихъ спеціальности, если бы они на изученіе Закона Божія употребляли времени болѣе того, сколько употребляется ими теперь.

На это мы скажемъ, что предметъ Закона Божія на столько важенъ самъ по себѣ, что одно предпочтеніе ему какого бы то ни было предмета есть уже преступленіе. Это первое. Второе: всякій ученый, прежде чѣмъ онъ сдѣлается физикомъ или химикомъ и под. — есть христіанинъ, — онъ при крещеніи еще принялъ на себя обязанности изучать Законъ Божій и исполнять его. Слѣдовательно, долженъ дѣлать это, даже просто, какъ честный человѣкъ, принявшій на себя извѣстнаго рода обязательство. Недостанетъ времени на занятія Закономъ Божиимъ? Но есть пословица, что «самый глухой человѣкъ въ мірѣ тотъ, который не хочетъ слушать». Такъ и здѣсь: времени всегда найдется, если только захочешь. Притомъ, если наука готовить человѣка для жизни; то ученый, и съ тѣмъ вмѣстѣ, хорошій христіанинъ, есть всегда и хорошій семьянинъ, и хорошій гражданинъ. Стало быть жизнь его была бы полнѣе, благороднѣе. Мы думаемъ, что при должныхъ занятіяхъ Закономъ Божиимъ въ высшихъ заведеніяхъ, многое измѣнилось бы въ жизни общества къ лучшему. Мы думаемъ, что тогда не было бы нужды въ такомъ множествѣ судебныхъ палатъ, окружныхъ судовъ и под., которые теперь не болѣе, какъ пластыри на больномъ тѣлѣ, не излечивающіе болѣзненнаго состоянія организма. Мы думаемъ, что молодые люди, получивши сами основательное религиозно-нравственное воспитаніе, со временемъ принялись бы съ большимъ рвеніемъ за религиозно-нравственное воспитаніе и народа. Мы увѣрены, что и духовенство было бы поставлено въ болѣе естественныя отношенія къ обществу, и избавилось бы отъ незаслуженныхъ имъ нареканій.

XX.

Извѣстно, что нѣтъ въ мірѣ ни цѣлаго сословія, вообще, ни одного человѣка, въ частности, со всѣми совершенствами; равно какъ и нѣтъ ни одного негодяя, въ которомъ не было бы хорошихъ сторонъ. Во всякомъ мы найдемъ и хорошія, и дурныя стороны, только съ нѣкоторымъ перевѣсомъ той или другой стороны. И только одно духовенство, во мнѣніи большинства общества, составляетъ въ этомъ исключеніе. У него во

всемъ видятъ только дурное. Свѣтская литература много говорить о немъ, но въ нашу защиту не сказала еще ни слова, какъ будто, дѣйствительно, въ духовенствѣ ничего хорошаго и нѣтъ, и быть не можетъ. Все что вы ни дѣлаете, все перетолковывается въ дурную сторону: молчите вы, — осуждаютъ; говорите, — опять осуждаютъ. Со мной однажды, дѣйствительно, былъ такой случай: однажды, на дорогѣ въ Москву, со мной сидѣлъ какой-то господинъ. У насъ зашла рѣчь объ одномъ предметѣ. Дѣло хорошо было извѣстно ему и очень интересовавшее меня. Онъ говорилъ, а я со вниманіемъ слушалъ. Въ вагонѣ насъ было всего четверо. Мы сидѣли въ одномъ углу, а въ другомъ углу сидѣли два купца. Купцы долго смотрѣли на насъ и потомъ одинъ другому говорить: «смотри-ко: тотъ говорить, а попъ все молчить, все молчить, а глазами такъ и ѣсть».

— Они этакі! Онъ пошелъ молчать.

Потомъ зашла рѣчь о чемъ-то, хорошо извѣстномъ мнѣ и интересовавшемъ моего собесѣдника. Я сталъ рассказывать, а тотъ слушать.

— Смотри-ко, попъ-то разошелся! Все молчалъ да и принялся!

— Они все такъ! Молчить—молчить, да ужъ какъ примется, такъ ужъ держись.

— Онъ сперва все высматривалъ, каковъ тотъ. Высмотрѣлъ да и говорить чай: нѣтъ, ты меня послушай-ко!

Я замѣтилъ своему собесѣднику:—слышите, какъ меня пробираютъ?

— Еслибъ у нихъ побольше было совѣсти, такъ меньше осуждали бы васъ. У насъ священниковъ осуждаютъ всѣ и за все. Посмотрѣлъ бы лучше всякій на себя: онъ-то кто каковъ, много ли въ немъ-то самомъ святости-то? На этихъ людей, батюшка, не стоитъ обращать вниманія.

И въ литературѣ нашей, день ото-дня, все чаще и чаще стали появляться статьи о духовенствѣ. Писать о духовенствѣ теперь вошло, кажется, въ моду, какъ вошло въ моду строить памятники и печь юбилейные пироги. Это наша русская слабость: коль скоро примутся за что-нибудь, такъ уже до приторности. Теперь: гдѣ бы что ни случилось,—во всемъ виновато духовенство. «Явились нигилисты. кричатъ газеты, и духовен-

ство наше просмотрѣло!»! Въ Пепзенской губерніи крестьяне убили колдунью Чиндейкину и въ одной изъ газетъ писалось: «почему же бездѣйствуетъ духовенство? Почему оно не станетъ между обездоливаемыми и обездоливающими со словомъ любви и примиренія и просвѣтительной христіанской проповѣди?»

«Какъ на обстоятельство, уменьшающее, будто-бы, вину духовенства въ бездѣятельности, указываютъ обыкновенно на матеріальную необезпеченность духовенства, на зависимость его въ матеріальномъ отношеніи отъ паствы. Но кто же виновать въ этомъ, прежде всего, какъ не само духовенство и духовныя управленія? Почему центральныя и мѣстныя духовныя управленія не разработаютъ вопроса о переводѣ поборовъ духовенства деньгами, хлѣбомъ и т. д. на постоянное жалованье? Почему само духовенство, независимо отъ центральныхъ и мѣстныхъ духовныхъ учрежденій, не входитъ въ соглашенія, съ помощію земства, думъ, городскихъ и крестьянскихъ присутствій, съ населеніемъ о прекращеніи поборовъ и замѣны ихъ опредѣленнымъ жалованьемъ?»

«Нѣтъ, суть дѣла вовсе не въ матеріальномъ положеніи духовенства, а въ маломъ образованіи лицъ духовнаго званія и въ кастовомъ ихъ духѣ, поддерживаемомъ нынѣшнею постановкою спеціальнаго духовнаго образованія».

«Этотъ кастовый духъ нашего духовенства будетъ жить до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать спеціальныя учебныя заведенія для дѣтей духовнаго званія. Не говоря о недостаткахъ программъ этихъ учебныхъ заведеній въ общеобразовательномъ отношеніи, каждое изъ названныхъ заведеній заключаетъ въ себѣ особенную специфическую атмосферу, обращающую пастырское служеніе въ ремесло, непременно наслѣдуемое отъ праотцевъ, мертвящую доброе, чистое, религіозное чувство и дѣло. Вся атмосфера этихъ учебныхъ заведеній проникнута мелочнымъ торгашествомъ, чиновничьимъ отношеніемъ къ дѣлу, бумажнымъ формализмомъ, крючкотворствомъ и подьячествомъ и т. д.»

«До тѣхъ поръ будетъ жить кастовая особенность духовенства, пока не народится у насъ общеобразовательная школа для всѣхъ сословій и классовъ, со спеціальнымъ богословскимъ отдѣленіемъ для лицъ, желающихъ посвятить себя пастырскому служенію, высшее образованіе для всѣхъ сословій и званій—

университетъ, съ спеціальнымъ богословскимъ факультетомъ для лицъ, желающихъ получить высшее духовное образованіе».

Обвиненіе сильное; но разберемъ его насколько оно практично.

«Почему духовенство не станетъ между обездоленными и обездоливающими?»

Въ Россіи, какъ и всюду, столько «обездоленныхъ и обездоливающихъ», что не достало бы и поповъ, еслибы они захотѣли становиться между всѣми ими. Притомъ: мы можемъ говорить только «обездоливаемымъ», а «обездоливающимъ-то» не угодно ли говорить вамъ самимъ, г. репортеръ, если у васъ есть ревность къ проповѣдничеству. Гарантируйте нашу жизнь и службу отъ ихъ мщеній, и вы увидите, что за «словомъ любви» дѣло не станетъ. Но пока мы находимся въ полной, крѣпостной зависимости отъ общества, то, во-1-хъ, на это рѣшимости достанетъ не у многихъ и во-2-хъ, говорить-то не дозволять!..

«Почему духовенство бездѣйствуетъ?»

Но мы положительно утверждаемъ, что мы всѣ силы наши употребляемъ къ искорененію предрасудковъ; но искоренить ихъ не такъ легко, какъ кажется. И въ людяхъ образованныхъ, понимающихъ дѣло, предрасудковъ ничуть не меньше, чѣмъ въ простомъ народѣ, только предрасудки эти другаго, конечно, рода, и они крѣпко держатся ихъ. Что-жъ тутъ подѣлаемъ мы? Что, напр., значить носить по усопшемъ трауръ, везти гробъ на катафалкѣ, одѣвать и прислугу и лошадей какими-то уродами, какъ не имѣющій никакого смысла предрасудокъ? Христіанинъ долженъ вѣровать, что усопшій отъ жизни, переполненной огорченіями всякаго рода и болѣзнями, переходитъ въ жизнь вѣчную, гдѣ нѣтъ «ни болѣзни, ни печали, ни воздыханій»,—въ жизнь, гдѣ онъ будетъ зрѣть самого Творца вселенной и красоту всего міра,—въ жизнь, переполненную спокойствіемъ, радости, восторга, блаженства,—онъ долженъ сорадоваться счастію усопшаго; но онъ плачетъ, носить трауръ и окружаетъ прахъ его какими-то страшилищами. Потрудитесь уничтожить предрасудокъ носить трауръ, убѣдите, что катафалки и пугалы при нихъ не имѣютъ смысла,—и мы примемъ на себя ваше обвиненіе въ нашей бездѣятельности. Потруди-

тесъ вразумить нашу, такъ называемую, интеллигенцію, въ особености барынь, что встрѣча съ священникомъ не приноситъ несчастій. Что можетъ быть нелѣпѣ этого? А между тѣмъ предрасудокъ этотъ крѣпко укоренился во многихъ людяхъ образованныхъ и высокопоставленныхъ. Къ намъ въ село, однажды, прїѣзжаетъ изъ Москвы для осмотра поселенія питомцевъ Московскаго Воспитательнаго Дома почетный опекунъ Арсеньевъ и рассказываетъ, что онъ недѣлю раньше выѣхалъ—было къ намъ; «но только что, говорить, выѣхалъ изъ воротъ, какъ встрѣчается мнѣ попъ. Я велѣлъ, говорить, объѣхать кварталъ, воротился домой и прожилъ дома еще недѣлю, чтобы изгладить это неприятное впечатлѣніе». Это было давно, это правда, но Арсеньевы попадаютъ и нынѣ на каждомъ шагу. Я всегда наблюдаю за встрѣчающимися со мной и вижу не рѣдко презабавныя вещи. Что же намъ дѣлать тутъ? И кричать съ церковной кафедры: не ахайте и не плюйте въ сторону, когда встрѣчаетесь съ нами; не корчите рожь и не гримасничайте; не отворачивайтесь; не сворачивайте въ сторону; не ворочайтесь назадъ; не вкладывайте булавочки въ лифъ вашего платья, въ лѣвую полу вашего сюртука; не переставайте дышать, когда проходите мимо насъ; не держите себя за лѣвое ухо; не креститесь, не подходите подъ благословеніе! Попробуйте искорепить этотъ предрасудокъ, если вы сами не держитесь его. Противъ предрасудковъ мы, съ своей стороны, говоримъ; но вѣковые обычаи и предрасудки вѣками и уничтожаются. Если предрасудковъ такъ крѣпко держатся люди образованные, то къ необразованнымъ нужно быть еще снисходительнѣе. А слѣдовательно и духовенство винить нельзя.

«Кто виноватъ въ томъ, прежде всего, что духовенство не обезпечено въ содержаніи, какъ не само духовенство и духовныя управленія? Почему центральныя и мѣстныя духовныя управленія не разработаютъ вопроса о переводѣ поборовъ духовенства деньгами, хлѣбомъ и т. д. на постоянное жалованье?»

Вопросъ этотъ разработанъ очень—очень давно. Когда я былъ еще въ семинаріи, то, въ 1845 году, ректоръ семинаріи давалъ мнѣ переписывать для кого-то проектъ объ улучшеніи быта духовенства. Мнѣ лично, стало быть; извѣстно, что объ этомъ дѣлѣ толкуютъ 35 лѣтъ. До того времени, какъ я пере-

писываль, толковали, можетъ быть, прежде не одинъ десятокъ лѣтъ. И все-таки ничего не натолковали. Слѣдовательно дѣло не въ разработкѣ, а въ выполненіи разработаннаго. А это завписать уже не отъ насъ.

Въ 1879 году нашъ преосвященный просилъ начальника губерніи, чтобы тотъ оказалъ свое содѣйствіе и употребилъ свое вліяніе, чтобы прихожане назначили духовенству опредѣленное жалованье или опредѣлили извѣстную таксу за требоисправленія. Преосвященнымъ указана была норма, которой прихожане держались бы приблизительно при опредѣленіи жалованья и таксы. Начальникъ губерніи сдѣлалъ распоряженіе по волостнымъ правленіямъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предписалъ уѣзднымъ исправникамъ наблюдать за ходомъ дѣла и содѣйствовать въ обезпеченіи духовенства. Но такъ какъ дѣло это отдавалось, однако же, на «добрую волю» прихожанъ, то они и положили, почти всѣ: за нареченіе имени младенцу и за крещеніе по 3 к., за исповѣдь 2 к., молебенъ 2 к., свадьбу 50 к., погребеніе младенца 5 к., взрослого 20 к., съ выносомъ отъ дому до церкви и отъ церкви до кладбища 40 к., за обѣдную по усомнемъ 30 к. и т. под., такъ что священнику при 1500 д. м. пола въ приходѣ, не приходилось получить и 80 р. въ годъ. Нѣкоторые приходы положили жалованье 100—150 р. въ годъ на весь причтъ. Нѣкоторые же приходы положили: «быть по старому». Тутъ уже вліяло само духовенство. Такія постановленія — «быть по старому» — были, бѣльшею частію, въ приходахъ многолюдныхъ и состоятельныхъ, гдѣ духовенство видѣло, что съ жалованьемъ въ 150 р. и таксой 2—5 к. оно получило бы въ десять разъ менѣе того, что получаетъ оно теперь. «Присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ» приговоръ нѣкоторыхъ обществъ возвратило имъ назадъ. Въ волостныхъ правленіяхъ получили эти приговоры, но другихъ схбдовъ не собиралось, — такъ дѣло и заглохло.

Мои прихожане — народъ не богатый, но до крайности добрый и почтительный ко мнѣ. Могу похвалиться, что такихъ хорошихъ отношеній прихожанъ къ своимъ священникамъ я не встрѣчалъ нигдѣ. За всѣ требоисправленія у насъ установилась такса, и такса самая небольшая. Поэтому никакихъ торговъ и споровъ у насъ не бываетъ, почти, никогда. Но и эту,

безъ всякаго торга, плату я лично никакъ не могу брать. Я положительно стѣсняюсь брать плату за требоисправленія. Душа моя не можетъ выносить того, чтобы отслужить и протянуть руку. Однако же нужно жить отъ требоисправленій. Я отдалъ дѣло это дякону-псаломщику. Онъ и беретъ у меня за все. Въ домѣ, напр., я отслужу молебень и сію минуту ухожу. Дьяконъ безъ меня получить плату. Въ церкви отслужу молебны, панихиды, похороны, окрещу,—и ухожу тотчасъ. При свадьбѣ: я пересмотрю документы, и велю дякону написать обыскъ. Потомъ, въ свое время, иду и вѣнчаю. Взялъ ли дьяконъ за свадьбу, сколько онъ взялъ, все ли опустилъ въ кружку,—не спрашиваю этого. Дьяконъ можетъ красть у меня на половину. Но, при полномъ моемъ къ нему довѣрїи, я увѣренъ, что онъ дѣло ведетъ честно, такъ какъ, вообще, онъ прекроткій и предобрый человекъ.

Самъ я совершенно не могу брать за требы, но все-таки желаю брать, потому что этимъ нужно жить, и поручаю брать другому, въ мою же, главное, пользу. Что же это значитъ? Это означаетъ ненормальное отношеніе наше къ приходамъ. Мое же личное состояніе, просто, смѣшное: самъ не беру, а брать другому, для себя, велю. Когда дьяконъ беретъ за требы, особенно, когда бываетъ много свадебъ, то мнѣ часто приходитъ на умъ одинъ анекдотъ: въ крѣпостничество крестьяне двухъ разныхъ барщинъ вздумали убить своихъ господъ. Собрались, долго толковали: какъ и гдѣ убить и, наконецъ, порѣшили убить. Порѣшили, но только одни и говорятъ: «убить-то убить, да господа-то наши хороши». — «А наши еще лучше вашихъ», говорятъ другіе. — Такъ какъ же быть?—А вотъ какъ: вы убейте вашихъ, а мы вашихъ. Значитъ и дѣло сдѣлано, и совѣсть чиста. Такъ выходитъ дѣло и у меня съ приходомъ. У меня лично недостаетъ совѣсти брать, не брать же совѣмъ,— не могу: жить нужно и мнѣ, и причту. И я велю брать другому. И въ самомъ дѣлѣ, если самъ не берешь, то, какъ будто, легче на душѣ. Да, брать за требы и при этомъ торговаться,—выносить не всякій можетъ, это я знаю по себѣ.

Въ приходѣ, въ 1600 д. м. п. и при 66 дес. земли, я получаю около 300 р. въ годъ; иногда 10 — 15 р. больше, иногда 10—15 р. меньше.

Въ то время, когда было предложено прихожанамъ положить духовенству жалованье или установить опредѣленную таксу, прихожане мои приходятъ ко мнѣ и говорятъ: батюшка! мы на сходѣ положили давать вамъ жалованье: вамъ 600 р., а дьякону 200 рублей. Землей владѣйте, какъ владѣете. (Сами прихожане владѣютъ 37—42 дес. на дворѣ). Довольны ли вы этимъ? Я, конечно, былъ очень доволенъ, поблагодарилъ ихъ и спросилъ при этомъ:

— Казенныя недоимки за вами есть?

— Малость есть.

— Но если Богъ пошлетъ пожаръ, голодъ, то тогда чѣмъ будете вы платить казенныя подати?

— Коли нечѣмъ будетъ платить, то, конечно, и платить не будемъ до тѣхъ поръ, пока не поправимся.

— А намъ чѣмъ будете платить тогда?

— Коли нечѣмъ будетъ платить казенныхъ податей, то, извѣстное дѣло, и вамъ нечѣмъ будетъ платить.

— Чѣмъ же мы будемъ жить тогда?

— Да мы ужъ не знай, какъ быть тогда.

— Теперь, — когда все благополучно, — казенныя подати всѣ у васъ вносятъ добровольно, безъ всякаго понужденія?

— Гдѣ безъ понужденія! Развѣ это возможно! Народъ всякій: у много и есть, а онъ не отдаетъ. И староста, и старшина, и становой съ инымъ бьются—бьются, насилу выколотятъ.

— А наше жалованье кто съ этакихъ будетъ выколачивать? Добровольно вѣдь, тоже, не всѣ отдадутъ?

— Не всѣ; а выколачивать кому тутъ.

— Стало бытъ я полного жалованья не получу никогда? Нельзя ли наше жалованье внести въ общую смету?

— Можно. Только въ волостной сперва отберутъ то, что надо имъ; а вамъ дадутъ, что останется. А, пожалуй, тамъ иногда и ничего не останется.

— Какъ же тогда?

— Мы не знаемъ.

Мы потолковали—потолковали, да съ тѣмъ же и разошлись. Мнѣ пришлось только поблагодарить ихъ за ихъ расположеніе.

Такимъ образомъ, опыты показали, что никакія сдѣлки съ прихожанами безъ содѣйствія власти невозможны.

И проекты, и законы писать легко; но для того, чтобы вышло что-нибудь, дѣйствительно, дѣльное изъ проектируемаго, нужно пожить среди того народа, для котораго пишутся эти законы и проекты. Намъ и начальство наше обвиняетъ въ нестараніи, въ небрежности о самихъ себѣ. Но кто самъ себѣ врагъ? Еслибъ можно было сдѣлать что-нибудь, то давнымъ бы давно было сдѣлано. Если же не сдѣлано, то это значить, что мы ничего сдѣлать не можемъ.

XXI.

«Почему духовенство не входитъ въ соглашеніе съ прихожанами съ помощію земства?»

Объ отношеніяхъ земства къ духовенству скажу то, чему я былъ свидѣтелемъ, и въ чемъ я самъ принималъ непосредственное участіе; скажу тоже фактъ.

Какъ только получило распоряженіе о земскихъ учрежденіяхъ и когда никто еще не былъ знакомъ съ земскими положеніями, я получилъ, по эстафетѣ, отъ преосвященнаго предписаніе немедленно явиться къ нему для личныхъ объясненій. Будучи сельскимъ священникомъ и благочиннымъ, и имѣя въ порученіи, въ то время, слѣдственные дѣла, я подумалъ, что преосвященный желаетъ дать мнѣ какое-нибудь новое порученіе, и тотчасъ отправился къ нему. Но преосвященный сказалъ мнѣ: «учреждаются земскія собранія, въ нихъ должны участвовать члены и отъ духовенства. Постарайтесь быть гласнымъ. Я нарочно призвалъ васъ, чтобы вы успѣли ознакомиться съ земскими положеніями». Черезъ нѣсколько недѣль я вызываюсь въ собраніе мелкихъ землевладѣльцевъ для избранія уполномоченныхъ. Здѣсь я былъ избранъ и со мною было избрано и еще священниковъ 10. На другой день насъ попросили въ домъ городской думы, чтобы, совмѣстно съ крупными землевладѣльцами, избрать гласныхъ въ земское уѣздное собраніе. Между крупными, на половину, были со мной болѣе или менѣе знакомы. По мѣрѣ того, какъ собирались уполномоченные и «крупные», стали образовываться группы. Группы эти расходились, изъ нихъ образовывались новыя, опять расходились и такимъ образомъ прошло часа два-три. Наконецъ ко мнѣ подходитъ одинъ мой

хорошій знакомый «изъ крупныхъ» и говорить: «васъ выберутъ». — Хорошо, говорю. Чрезъ нѣсколько времени онъ подходитъ ко мнѣ опять и говоритъ: «откажитесь отъ выбора, васъ не выберутъ». Нѣтъ, говорю, этого сдѣлать я не могу. Преосвященный желаетъ, чтобъ я былъ избранъ. — «А! преосвященный! Это другое дѣло». И ушелъ. Образовалась кучка чловѣкъ въ 20, уже изъ однихъ тузовъ. Мой знакомый былъ тутъ же. Долго всѣ о чемъ-то толковали, потомъ машутъ мнѣ «Z. Z! пожалуйста къ намъ!» Мы, говорятъ, положили избрать одного священника въ гласные. Кого изъ васъ избрать: васъ, или М. С. В—ва?

— Конечно М. С—ча, если ужъ такъ! М. С. В—въ есть первенствующее лицо послѣ преосвященнаго, — онъ кафедральный протоіерей, членъ консисторіи, мой начальникъ, и я не хочу быть предпочтеннымъ ему.

— Ну, такъ ужъ извините! мы выберемъ его.

Начались выборы. Я забаллотированъ, М. С. В—въ избранъ. Выборы производились очень долго. Приходилось, по неволѣ, дѣлать нѣсколько перерывовъ. Всѣ метались, суетились, — какъ будто приступомъ города брали! Въ минуты отдыха большинство отправлялось въ буфетъ, въ особенности крупные. Къ полуночи всѣ казались сильно уставшими, такъ что забыли и объ опредѣленіи своемъ: избрать одного только священника, и избрали еще одного, А. П. Дроздова. А. П. Дроздовъ, какъ и я, былъ знакомъ съ большинствомъ «крупныхъ». Какъ только сосчитали его шары, то одинъ изъ «крупныхъ» закричалъ изо всѣхъ силъ: «честь и слава с—му дворянству, двоихъ поповъ выбрали!»

На второе трехлѣтіе Дроздовъ былъ избранъ членомъ училищнаго совѣта и служилъ съ честію; до него, въ первое трехлѣтіе, училищъ отъ земства не было, и 1,000 р., ассигнованные земствомъ на училища, возвращались обратно. Съ поступленіемъ же Дроздова открыты были школы почти во всѣхъ селахъ и во многихъ деревняхъ, и не 1,000 р. уже, а 6,000 р. оказалось недостаточнымъ для пособія школамъ и на жалованье ихъ наставникамъ. Это было явное доказательство того, что священникъ А. П. Дроздовъ не былъ бездѣйтельнымъ членомъ земства. Два трехлѣтія былъ, потомъ, гласнымъ и я. Мое мнѣ-

ніе было уважено собраніемъ, по которому были приглашены въ уѣздъ двѣ акушерки.

Законъ Божій въ школахъ священники преподавали безмездно. Но, однажды зашла рѣчь о томъ, что законоучителямъ было бы справедливо давать жалованье. Какъ только сказали это, то Ш., крупный землевладѣлецъ, закричалъ на все собраніе «о Боже мой! До чего мы дожили; законъ Божій сталъ продаваться!» Не задолго предъ этимъ, Ш. былъ самъ мировымъ судьей и, однако-же, жалованье свое, въ тридцать разъ большее того, что просили положить законоучителямъ, не считалъ продажею правосудія.

Черезъ годъ опять зашла рѣчь о жалованьяхъ законоучителямъ. Тутъ И. П. Б., тоже крупный землевладѣлецъ, нигдѣ не учившійся, закричалъ: «Чему попы учить-то будутъ? они сами-то всѣ дураки!» И ни одинъ изъ гласныхъ не отозвался въ защиту такъ безцеремонно оскорбляемаго духовенства! Ни Дроздова, ни меня въ собраніи въ этотъ день не было. Мы, конечно, постояли бы за честь духовенства.

Въ 1875 году выборъ гласныхъ особенно былъ замѣчательнъ. Образовались двѣ партіи «изъ крупныхъ», предводители которыхъ, до пожей, не могли терпѣть другъ друга, о чемъ извѣстно даже оффиціально. Всѣ размѣстились на двѣ стороны, и только составили отдѣльную маленькую группу, въ шесть человекъ, священники, другую, человекъ въ 10, купцы, и третью, человекъ 7, крестьяне. Начались споры изъ-за правъ на выборы. Чего-то тутъ не было высказано! Не обошлось дѣло и безъ личныхъ оскорбленій. Долго крупные спорили и перебирали другъ друга, наконецъ, дошло дѣло и до правъ духовенства. Одинъ изъ насъ былъ съ довѣренностію отъ своей церкви, имѣющей достаточное для ценза количество земли, а мы, остальные, были уполномоченными отъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Болѣе двухъ часовъ спорили о томъ, имѣетъ ли право церковь выслать отъ себя уполномоченнымъ своего священника. Изъ всего собранія, человекъ въ 80, одинъ только кн. Щ. отстаивалъ права священника. Надоѣли, казалось, споры всѣмъ. Купецъ К. подходитъ къ священнику и говорить «батюшка! рѣшите нашъ споръ, возьмите вашу довѣренность, да и идите домой». «Нѣтъ, говоритъ священникъ, откажите, и я уйду безъ

спора». Наконецъ, рѣшили допустить его до баллотировки, и принялись за насъ. Тутъ уже не два, а цѣлыхъ четыре часа спорили о насъ! И опять, почти всѣ, кромѣ того же кн. Щ., спорили и доказывали, что допускать насъ къ баллотировкѣ не слѣдуетъ. Находились добрые люди, которые указывали даже на статьи закона (о земск. полож.) въ нашу пользу. Но за то, когда они умолкали, — цѣлые бурные потоки, уже не воды, а лавы лились на нихъ! Основаніемъ къ удаленію насъ полагалось то, что въ положеніяхъ о земскихъ учрежденіяхъ ничего не говорится ни о церквахъ, ни о духовенствѣ. «Если и есть указъ св. синода, копія котораго сообщена была консисторіею въ земскую управу и находилась здѣсь въ собраніи, то распоряженіе св. синода, говорилось собраніемъ, для насъ не обязательно, что синодъ только для «поповъ». Если указъ этотъ послѣдовалъ и вслѣдствіе сношеній оберъ-прокурора св. синода съ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, то и тогда онъ необязателенъ. Это частная переписка, не проходившая чрезъ прав. сенатъ законодательнымъ порядкомъ. Намъ законъ только то, что прошло чрезъ сенатъ. Исполняя распоряженіе министра, т.-е. то, чего нѣтъ въ законѣ, хотя бы это было поясненіемъ и дополненіемъ его, мы дѣлаемся преступниками закона. И на эту тѣму, повторяю, толковалось цѣлыхъ четыре часа!

Кн. Щ. — въ доказывалъ собранію, что распоряженіе министра вышло послѣ изданія положенія о земскихъ учрежденіяхъ; что оно не успѣло еще пройти чрезъ прав. сенатъ, но что оно имѣетъ для собранія обязательную силу. Замѣтно было, что и противная сторона не совсѣмъ несогласна была съ его мнѣніемъ, но уступить не хотѣла.

Во время преній, С., «крупный» землевладѣлецъ, не разъ ходилъ между купцами и крестьянами, сидѣвшими отдѣльными кучками безмолвно, и толковать имъ, что «синодъ существуетъ только для «поповъ» и распоряженія его обязаны исполнять только «попы». Изъ купцовъ П. былъ молоканъ. Г. расколникъ, богатые крестьяне Р. и С. расколники, которымъ внушеніе С. — а было, конечно, по душѣ. С. рассчитывалъ, что когда дѣло дойдетъ до баллотировки вопроса, о чемъ заговаривалось уже нѣсколько разъ, то купцы и крестьяне будутъ на его сторонѣ — и вопросъ не пройдетъ. Наконецъ, порѣшили, но такъ,

что, по русской пословицѣ, и овцы цѣлы и волки сыты; гласно рѣшили: «допустить», а негласно: «забаллотировать». Допустили,—и всѣхъ забаллотировали, кромѣ одного, имѣвшаго довѣренность отъ своей церкви, и то потому, что онъ былъ законоучителемъ дѣтей предсѣдателя.

Баллотировалось разомъ на шести ящикахъ. и господинъ, сидѣвшій у ящика, если у него баллотировался священникъ, то, давая шаръ, говорилъ: баллотировается священникъ, не называя по фамилии,—понимай-де! Въ то время, когда считали мои шары, ко мнѣ подходить кучка человѣкъ въ шесть и спрашиваетъ: «что, хорошій человѣкъ Z. Z.»?—Да, очень хорошій, потому что Z. Z.—я.—«Ахъ, извините!» Хороши же, значить, избиратели, когда узнаютъ о человѣкѣ тогда уже, когда положили шары!

Священниковъ въ гласные не выбрали, чѣмъ явво доказалось нерасположеніе къ намъ. Судите сами теперь, можно ли, хоть сколько-нибудь, надѣяться послѣ этого на содѣйствіе земства въ дѣлѣ улучшенія матеріальнаго быта духовенства?!

XXII.

«Нѣтъ, суть дѣла вовсе не въ матеріальномъ положеніи духовенства, а въ маломъ образованіи лицъ духовнаго званія».

Противъ того, что мы мало образованы, мы не споримъ. Большинство изъ насъ, священниковъ, прошли курсъ только средняго учебнаго заведенія. Но почему же неидетъ никто на наши мѣста съ академическимъ и университетскимъ образованіемъ? Дорога не загорожена; мѣсть свободныхъ вездѣ много. Чѣмъ плакаться о горькой участи «обездоливаемыхъ» и кричать на насъ изъ Петербурга, пожалуйте къ намъ! Примите на себя санъ священника и проситесь хоть въ то село, куда поступилъ я по окончаніи семинарскаго курса. И вѣрите ли, говорю вамъ какъ честный человѣкъ, что въ настоящее время священническое мѣсто тамъ свободно, церковная сторожка, навѣрное, есть и теперь. Стало-быть и квартира готова. Есть, вѣроятно, и у крестьянъ по двѣ избы, какъ было при мнѣ. Все на вашей сторонѣ: и лѣта, и образованіе, и ревность къ просвѣщенію на-

рода и защитѣ «обездоливаемыхъ»,—дѣло только за расой. Идите въ село во священники, покажите собою примѣръ и памѣ. и вашей собратіи, сдѣлайте начинъ вы, а тамъ пошли бы. можетъ быть, и тѣ изъ вашихъ собратій, статьями которыхъ переполнены и журналы, и газеты о тупости, глупости и бездѣятельности духовенства.

Дѣйствительно, поучительно было бы для насъ посмотреть, что стали бы вы дѣлать, если бы къ вамъ пришли три—четыре міроѣда, да и стали внушать вамъ самымъ положительнымъ тономъ: «ты міръ почитай, спины своей не жалѣй. Не поклонись міру, такъ сейчасъ вонъ съ квартиры, а другой хозяинъ во всемъ селѣ тебя никто не пуститъ!»! Примите при этомъ къ свѣдѣнію, что никто изъ крестьянъ не осмѣлится не исполнить того, что приказывается міроѣдами. Угроза ихъ вовсе не пустая болтовня. Въ этомъ ужъ повѣрьте намъ. Думается, что вы согнули бы вашу спину, какъ не гнемъ ея и мы.

Можетъ быть, вы скажете, что у васъ нѣтъ призванія? Но если у васъ есть призваніе учить насъ, священниковъ, то какимъ же образомъ у васъ нѣтъ призванія учить нашу паству? Такъ проситесь, въ такомъ случаѣ, въ архіереи! Но только позвольте еще замѣтить, что жизнь архіереевъ въ нѣсколько разъ,—несравненно — хуже нашей. Въ матеріальномъ отношеніи они обезпечены много лучше нашего, всѣ относятся къ нимъ съ благоговѣніемъ, кланяются имъ, цѣлуютъ руки и пр., но все это лезть, обманъ, своекорыстіе, пронырство!... У епископа нѣтъ человѣка, который относился бы къ нему по человѣчески: не можетъ и епископъ сказать ни съ кѣмъ откровеннаго слова,—по душѣ. Около него двуличность на каждомъ шагѣ. Является баринъ или барыня и выражаютъ предъ преосвященнымъ всѣ знаки умиленія. Но это только для того, чтобы расположить къ себѣ владыку, и душисть попа. Увижусь съ подобными людьми я,—я могу сказать откровенно, не боюсь никакихъ вліяній,—и мнѣ переберутъ архіерея по косточкѣ, тогда какъ только, можетъ быть, вчера чуть не лизали его руки. Купцы, повидимому, народъ религіознѣе другихъ и принимаютъ къ себѣ преосвященныхъ съ полнымъ радушіемъ. Но мнѣ не приводилось еще слышать отъ нихъ вполне честнаго слова объ архіереяхъ: торгашество, мелочность въ каждомъ ихъ словѣ, при разговорѣ о

преосвященныхъ. Самое же горькое зло, неотступное, какъ тѣнь,—это ихъ домашніе секретари. Преосвященные считаютъ ихъ людьми домашними, своими, людьми мелкими, ничтожными, преданными себѣ,—и довѣряютъ имъ, какъ себѣ самимъ во всемъ. Но эти «свои» преданы только себѣ самимъ, по отнюдь уже не имъ. Я не говорю уже о томъ, что они скрываютъ прошенія, на «справку» представляютъ только тѣ изъ нихъ, которыя имъ нужны и проч. Скажу только, что преосвященные совѣтуются съ ними, разсуждаютъ съ ними о дѣлахъ епархіи,— и они сильно злоупотребляютъ ихъ довѣріемъ. Кратко сказать: самаго честнаго, самаго благороднаго, самаго кроткаго и добраго, самаго благонамѣреннаго епископа они вводятъ въ непріятныя отношенія съ духовенствомъ и тѣмъ безчестятъ его честное имя. *Надъ епископомъ именно выполняется слово Господне: враги человѣку домашніе его.* Какова должна быть жизнь человѣка, если онъ знаетъ, что за нимъ наблюдаютъ каждый его шагъ и перетолковываютъ въ дурную сторону; что онъ окруженъ всегда и всюду обманщиками, льстецами и своекорыстниками?! Поэтому жизни епископа позавидуютъ только тѣ, кто не знаетъ ея.

«Суть дѣла въ маломъ образованіи лицъ духовнаго званія». Но насъ десятки тысячъ; прежде насъ были опять десятки тысячъ; прежде ихъ—опять десятки тысячъ... Неужели же изъ сотенъ тысячъ не было, хотя бы случайно, ни одного умнаго человѣка, который нашель бы способы поставить духовенство въ лучшія отношенія къ обществу? Да это, прямо, невозможно! Притомъ позвольте замѣтить въ другой разъ, что духовенство, по относительному числу, образованнѣе всѣхъ сословій, — безъ исключенія. Неужели совсѣмъ нѣтъ у насъ людей дѣятельныхъ? Нѣтъ, если мы находимся въ ненормальномъ отношеніи къ обществу и если не много стѣснаны для его религіозно-нравственнаго состоянія, то причина тому внѣ насъ.

«Въ кастовомъ ихъ духѣ, поддерживаемомъ нынѣшнею постановкою спеціальнаго духовнаго образованія».

«Кастоваго духа» у насъ нѣтъ. Двери учебныхъ духовныхъ заведеній открыты для всѣхъ сословій. Если же пойдетъ туда никто изъ другихъ сословій, то виноваты въ этомъ не мы.

Поплите туда учиться вашего сына, если онъ есть у васъ, — и мы будемъ очень рады.

Но вы ратуете даже противъ того, зачѣмъ существуютъ спеціальныя учебныя духовныя заведенія? А мы спросимъ, съ своей стороны: почему же и не быть имъ? Морское министерство имѣетъ свои спеціальныя учебныя заведенія; военное — свои; государственныхъ имуществъ — свои, и проч. Почему же не должны имѣть ихъ мы? Всякая спеціальность и можетъ быть изучена основательно только въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Для основательнаго изученія того, что требуется по нашей спеціальности, мы должны имѣть и имѣемъ спеціальныя заведенія. Иначе и быть не можетъ.

Но мнѣ не разъ приводилось слышать, что семинаристы дики, неразвиты, не умѣютъ держать себя въ хорошемъ обществѣ и т. под. Это, отчасти, правда. И что «еслибы были все-сословныя учебныя заведенія съ спеціальными классами богословія, то семинаристы, т.-е. дѣти духовенства, были бы «развитѣе». На это мы скажемъ: «можетъ быть», но не утверждаемъ. За то положительно утверждаемъ, что богословская наука потеряла бы много.

Намъ говорятъ: «дѣти духовенства, обучаясь въ все-сословныхъ учеб. заведеніяхъ, переняли бы отъ товарищей своихъ манеры въ обращеніи, научились бы лучше, — приличнѣе, держать себя въ обществѣ». На это мы отвѣчаемъ: въ семинаріяхъ обучаются дѣти псаломщиковъ, дьяконовъ и священниковъ. Въ этомъ числѣ очень много есть дѣтей такихъ священниковъ, которые видятъ и въ своихъ домахъ хорошихъ людей, и дѣти ихъ бываютъ у нихъ. Отъ нихъ многому хорошему могутъ научиться тѣ, которые нигдѣ не бывали. Кто теперь въ общесословныхъ заведеніяхъ, — гимназіяхъ? Тамъ малость изъ учениковъ есть изъ дворянъ-помѣщиковъ, большинство же: дѣти мелкихъ чиновниковъ, купцовъ, саможниковъ, портныхъ, слесарей, столяровъ, плотниковъ (сынъ моего одного прихожанина, плотника, въ гимназіи), колонистовъ-нѣмцевъ и под. Въ курсѣ старшаго моего сына, учениковъ изъ дворянъ не было ни одного. Скажите же безпристрастно: какое товарищество лучше? Еслибъ даже дѣтей дворянъ и чиновниковъ въ гимназіяхъ было и больше, чѣмъ теперь, то чему особенно хоро-

шему и полезному для жизни могли бы научиться отъ нихъ наши дѣти? Бойкости только, развязности? Но лицу, готовящемуся въ духовное званіе, жертвовать богословскими познаніями изъ-за бойкости,—есть безуміе. Кромѣ же того: наше назначеніе—скромность; наше мѣсто—деревня, глушь, гдѣ недоступнаго барина, самодура-куница, кулака-торгаша и міроѣда-мужиба не улажить никакими «манерами», передъ каждымъ «согнешь спину» и поклонисься. Тутъ приходится привыкать къ «манерамъ» другаго рода!

Намъ говорятъ, что изъ всесловныхъ учебныхъ заведеній въ духовное званіе поступали бы лица всѣхъ сословій. А такъ какъ люди, выходящіе изъ свѣтскаго общества, пороки общества знаютъ лучше, нежели духовенство, замкнутое само въ себѣ и отчужденное отъ общества, то могли бы лучше громить общественные недуги».

На это мы скажемъ: духовенство выходитъ на служеніе міру не изъ пустыннаго острова. Оно рождается, растетъ и живетъ въ томъ же мірѣ, которому потомъ служить. Стало бытъ не можетъ не знать и хорошихъ, и дурныхъ его сторонъ. Но когда мы дѣлаемся пастырями, то, по особенностямъ нашего служенія, мы узнаемъ общество лучше, чѣмъ кто-либо другой. Но отъ знанія до слова, или обличенія, еще далеко. Недуги общества мы знаемъ хорошо; но, какъ и сказалъ уже, не можемъ говорить всего, что находили бы нужнымъ говорить, потому что проповѣди наши находятся подъ двумя цензурами. Первая — это въ городѣ особый цензоръ священникъ, въ уѣздѣ—благочинный. Ни тотъ, ни другой, изъ опасеній строгой отвѣтственности, не дозволяютъ вамъ говорить ничего рѣзко обличительнаго обществу. За этой цензурой есть вторая цензура, — это обличаемое общество. Эта вторая цензура есть самая строгая и самая неумолпмая. Она не допуститъ вамъ не только разглагольствій, но и ни одного, самаго легкаго намека на его пороки. Намекните только на его пороки,—и оно подниметъ на васъ всѣ силы злобы. ненависти, мщенія, предастъ васъ суду тѣхъ, пороки которыхъ вы обличали,—и вы погибли на вѣкъ... Многіе примѣры такого рода научили насъ быть до послѣдней степени осторожными. А при такомъ порядкѣ дѣла всякая ревность самаго честнаго проповѣдника

улегается невольно. Слѣдовательно, ревность неопытнаго проповѣдника, поступившаго въ наше общество изъ другаго сословія, какъ лица, незнакомаго съ нашимъ бытомъ и обстановкой, послужила бы ему же, прежде всего, къ его же гибели. А гибель его дала бы обществу поводъ держать себя, въ отношеніи къ проповѣднику, еще, такъ сказать, кичливѣе и быть взыскательнѣе. Ревностный же обличитель общественныхъ недуговъ, не имѣющій возможности удовлетворять своему рвенію, былъ бы въ тягость самому себѣ.

«Этотъ кастовый духъ нашего духовенства будетъ жить до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать спеціальныя учебныя заведенія для дѣтей духовнаго званія».

Учебныхъ заведеній, исключительно для дѣтей духовнаго званія, нѣтъ. Объ этомъ мною говорено уже было. Спеціальныя же учебныя заведенія для готовящихся въ духовное званіе необходимы. Истинны вѣры настолько велики и важны, что составляютъ цѣлую науку и требуютъ глубокаго, всесторонняго и многолѣтняго изученія, чтобы понимать ихъ согласно ученію православной церкви. Можно быть плохимъ химикомъ, плохимъ ботаникомъ, зоологомъ и под. Вредъ для слушателей будетъ только въ томъ, что они меньше будутъ знать эти науки. Но православному проповѣднику не знать основательно православнаго ученія нельзя. Пашковы и безчисленное множество подобныхъ имъ у насъ на глазахъ. «Малѣйшіе недостатки въ знаніи вѣры, какъ справедливо замѣчаетъ «Церковно-общественный Вѣстникъ», могутъ породить печальныя послѣдствія. Самая терминологія, когда придется говорить о предметахъ духовныхъ, запутаетъ человѣка неопытнаго, вовлечетъ въ ересь, расколъ, породитъ цѣлую массу курьезныхъ сужденій о предметахъ вѣры и нравственности, или же заставитъ разливаться въ пустыхъ фразахъ, ничего не говорящихъ уму и сердцу слушателя поученій». Поэтому, одного богословскаго отдѣленія, безъ предварительной подготовки, недостаточно.

«Не говоря о недостаткахъ программъ этихъ учебныхъ заведеній въ общеобразовательномъ отношеніи, каждое изъ названныхъ заведеній заключаетъ въ себѣ особенную специфическую атмосферу, обращающую пастырское служеніе въ ремесло, непремѣнно наступающее отъ пра-протцевъ, мертвящую бодрое, чисто релігіозное чувство и дѣло. Вся атмосфера этихъ учебныхъ заведеній пропитана мелочнымъ торашествомъ, чиновничьимъ отношеніемъ къ дѣлу, бумажнымъ формализмомъ, крѣпостничествомъ и подьячествомъ и т. д.»

Наборъ словъ безъ всякаго содержанія! Такой наборъ означаетъ только то, что вопросъ о духовенствѣ сталъ моднымъ вопросомъ. Всѣ заговорили о духовенствѣ, и всѣ — одинъ передъ другимъ — стараются чернить его, хотя бы въ томъ, что говорится, правды было слишкомъ мало. Въ самомъ дѣлѣ: приведенныя мною слова такъ бессодержательны, что я не нахожу нужнымъ отвѣчать на нихъ. Однакожъ все это печатается, какъ бы ни было бессодержательно, все пускается въ общество, общество читаетъ, и въ людяхъ, не вникнувшихъ въ бессодержательность словъ, увеличивается непріязнь къ намъ.

XXIII.

Одна изъ уважаемыхъ газетъ, разсуждая о духовенствѣ, задается вопросомъ:

«Отъ чего только православное духовенство нуждается въ обезпеченіи и улучшеніи быта, не смотря на господствующее свое положеніе? Почему нѣтъ у насъ вопросовъ объ улучшеніи быта раскольничьихъ поповъ, есензовъ, пасторовъ, раввиновъ и мулл?»

На это мы, прежде всего, замѣтимъ, что «господствующее положеніе» въ Россіи имѣетъ православная церковь, а не служители ея. Между барининомъ и его слугой есть разница. Смѣшивать церковь и ея служителей, — значить смотрѣть безъ должнаго вниманія на тотъ вопросъ, который беремъ рѣшать.

«Почему нѣтъ у насъ вопроса объ улучшеніи быта раскольничьихъ поповъ?»

Я сдѣлаю небольшую выписку изъ журнала православнаго миссіонера Саратовской губерніи (Епарх. Вѣд. 1880 г. № 15) и она, надѣюсь, будетъ достаточнымъ отвѣтомъ.

«Измѣнникъ отечественной церкви, бывший священникъ с. Лапуховки, Вольскаго уѣзда, Саратовской губерніи Василій Ивановичъ Горизонтовъ, объѣхавъ болѣе отдаленныя мѣста Саратовской губерніи, побывавъ въ Москвѣ и на Дону у казаковъ, поселился въ с. Сосновой-Мазѣ, Хвалынскаго уѣзда, Саратовской губерніи, гнѣздѣ раскола. Здѣсь, охраняемый цѣлою дружиной рослыхъ молодцовъ, его уставщиковъ въ молебніи, онъ зажилъ преспокойно. Масса народа со всѣхъ сторонъ стекается къ нему съ своими различными духовными нуждами, — пріѣзжаютъ сюда версты за 50—100 и болѣе, щедро награждая Горизонтова и его служителей деньгами, и еще болѣе ублажая яствами и питаніемъ... Постоянный кутежъ, попойки въ сообществѣ дѣвицъ и женщинъ, состоящихъ при Горизонтовѣ въ качествѣ его келейницъ и книро-

шанъ, продолжаютъ часто далеко за полночь и нерѣдко оканчиваются ссорой и дракою... Истинное-древнее благочестіе не дешево достается старообрядцамъ. Они платятъ 3—5 руб. за крестины, 20—25 руб. за свадьбу и баснословная цѣна. восходящая до 1,000 р. за сороковость и даже болѣе. «Даль я это ему 500 р., рассказываетъ одинъ крестьянинъ, чтобы, значить, помолили 40 обѣденъ за усопшаго родителя моего, потомъ обѣщаніе тако дать я передъ Богомъ, а онъ, батюшка-то (Горизонтовъ) и говоритъ мнѣ, да таково сердито, что я инда спужался: ты, баишь, смѣяться что ли вздумалъ надо мной, за такую великую вещь даешь мнѣ столько? Да мнѣ, говоритъ, одному этой суммы твоей мало! А чего я дамъ уставщикамъ, которые будутъ пѣть на два клироса и которыхъ не одинъ вѣдь человекъ? Безбожники вы, говоритъ, антихристы этакіе, и пошелъ этакъ меня корить, на чемъ свѣтъ стоять только. Стою я и думаю себѣ этакъ: должно прибавить, пужно, да и владу потомъ еще 300 рублей; послужите, молю, батюшка, Христа ради. больше этого не могу дать. Помякъ не много этакъ, посадилъ меня ридомъ съ собой, да и говоритъ мнѣ: ну, Иванъ Герасимовичъ. для тебя я только уваженіе сдѣлаю въ этомъ случаѣ, а то мнѣ, говоритъ, нельзя дешевле служить. самъ много плачу другимъ. Одначе, муку для просфоръ, вино красное, ну, и угощеніе тамъ послѣ каждой обѣдни, — все это онъ на меня навашлъ. Тебѣ, баишь, дѣло это сподручишь, сколько хочешь, столько и купишь всего тамъ».

Съ своей стороны мы скажемъ, что это не единственный случай. Такъ поступаютъ попы и начетчики всѣхъ старообрядческихъ сектъ. Намъ лично извѣстно множество подобныхъ случаевъ. Бываетъ ли такъ у насъ — православныхъ? Никогда и нигдѣ! Бываютъ и у насъ и припрашиванья, и даже вымогательства; объ этомъ мы уже писали, — по копѣечныя. Дѣло нашего служенія мы настолько почитаемъ великимъ и святымъ, что и этого — копѣчнаго домогательства хотѣлось бы избѣгнуть.

«Почему не ропщутъ на свое положеніе ксензы и пасторы?»

Въ нѣмецкихъ колоніяхъ нашихъ ксензы и пасторы получаютъ изъ управленія государственными имуществами почти такое же жалованье, какъ и мы, именно: ксензы по 171 р. 10 к., пасторы по 142 р. 90 к. въ годъ. Но въ саратовскихъ колоніяхъ, еще въ началѣ поселеній, контора иностранныхъ поселенцевъ распорядилась, чтобы и пасторы, и ксензы имѣли отъ обществъ хорошія квартиры, отопленіе, жалованье и зерновой хлѣбъ... Ни ксензы и ни пасторы сами знать не хотятъ ничего: дома строятся, ремонтируются, отапливаются, а также собирается хлѣбъ и привозится на домъ по распоряженію сельскихъ властей. Поэтому всякій ксензь и пасторъ можетъ заниматься

своими обязанностями безотрывочно и вести себя съ достоинствомъ. Съ того времени и до сихъ поръ всѣ они обезпечены съ избыткомъ.

Сами колонисты заняли лучшія мѣста по Волгѣ и близъ нея. Поволжскіе нѣмцы, — это, какъ клопы въ иномъ домѣ, гдѣ есть они: гдѣ трещинки, тамъ и клопъ. Такъ и у насъ по Приволжью: гдѣ тепленькое мѣстечко, — тутъ и нѣмецъ; а о лучшихъ мѣстахъ и говорить нечего, — онѣ всѣ за нѣмцами. При всѣхъ удобствахъ и обилии земли, они не платили никакихъ повинностей, — ни денежной и ни воинской, — они жили и просвѣщали насъ: вырубали лѣса у сосѣдей — русскихъ мужичковъ, отхватывали пахотную землю, косили ихъ луга, и вытравливали своимъ скотомъ ихъ посѣвы, снимали у помѣщиковъ мукомольныя мельницы, строили свои, и грабили мужичка-помольца; поступали въ управляющіе имѣніями, арендовали имѣнія и свободные казенные земельные участки, — и мужика душили. При такомъ положеніи дать обезпеченное содержаніе ксензу или пастору для нихъ не стоило ничего. Однакожь, не смотря на это, въ положеніи ксензовъ и пасторовъ принимала дѣятельное участіе контора иностранныхъ поселенцевъ: безъ полнаго обезпеченія духовенства не позволялось строить кирокъ и костеловъ; въ случаѣ неплатежа жалованья или неисправнаго сбора хлѣба контора дѣлала распоряженія.

Очень недавно еще, что нѣмецкіе колонисты сравнены въ правахъ съ русскими, но перемѣна, въ ихъ быту, страшная: гуцы, ремесленники и промышленники остались тѣмъ же, чѣмъ они были, но крестьяне-земледѣльцы бѣднѣютъ съ каждымъ, кажется, днемъ. Колонисты-нѣмцы, какъ земледѣльцы, — народъ самый плохой: гдѣ нѣмцы снимали землю и сѣяли хлѣбъ, тамъ земля проросла пыреемъ и бурьяномъ, и русскій мужичокъ, послѣ нѣмца, сѣетъ только въ крайности. Лошаденочки плохенькія, плужкишки дрянъ, рукъ, какъ слѣдуетъ, приложить лѣнь, — и ковыряетъ кое-какъ. Боронять, — такъ смотрѣть смѣхъ: иной мужичина, раза въ четыре здоровѣе своей лошади, запряжетъ ее въ борону да и залѣзетъ верхомъ. Лошаденочка чуть не падаетъ. его ноги чуть не волочатся, — а онъ сидитъ себѣ и глубокомысленно тянетъ свою люльку. Нищіе у насъ теперь, преимущественно, нѣмцы. Если

они не примутся за работу, какъ слѣдуетъ, то большая часть обѣднѣетъ очень скоро. и обѣднѣетъ хуже всякаго русскаго мужика. По ходу дѣла можно заключить, что нѣмцы обѣднѣютъ. Тогда закричатъ и умники наши, — ксензы и пасторы, и закричатъ громче нашего. Однакожь теперь, не смотря на свое обѣднѣніе, духовенству они платять такъ же, какъ и прежде, кромѣ, разумѣется, нищихъ. Платить вошло уже у нихъ въ обычай; и вѣковые обычаи вѣками и уничтожаются, тѣмъ болѣе, что сами пасторы и ксензы поддерживаютъ свои доходы такими средствами, какихъ мы, православные, употреблять не можемъ. Вотъ примѣръ: между двумя деревнями моего прихода, Александровской и Владимірской, на казенномъ участкѣ, арендуемомомъ купцомъ Ткаченко, есть нѣмецкій поселокъ, дворовъ въ 15. Нынѣ лѣтомъ (1880 г.), по случаю бездождя, я молебствовалъ въ одной изъ своихъ деревень. Къ нашему молебну пришли всѣ нѣмцы-лютеране: мужчины, женщины и дѣти. Послѣ молебна мнѣ нужно было идти черезъ нѣмецкую деревушку. Женщины и дѣвушки ушли отъ меня впередъ, сажень за 50, и тихонько заплѣли. Я догналъ ихъ. Мужчины видятъ, что я слушаю пѣніе, обрадовались, ободрились, подошли къ женщинамъ и стали пѣть. Потомъ встали всѣ на колѣни и долго молчались, поднявши руки къверху. Я стоялъ безъ шляпы и смотрѣлъ. Послѣ молитвы всѣ они окружили меня и, со слезами на глазахъ, говорили мнѣ: «вы молитесь съ своими прихожанами, а нашъ пасторъ не ѣдетъ къ намъ вотъ уже три года. Чтобы пріѣхать, онъ проситъ съ насъ 15 р. А мы, вы знаете, люди бѣдные, гдѣ взять намъ 15 р.? Родятся ребята, умираютъ, никто не пріобщался уже три года, а нѣкоторые и больше, — а онъ не ѣдетъ, да и только!» Такого вымогательства въ русскомъ православномъ духовенствѣ вы не встрѣтите нигдѣ, въ этомъ мы ручаемся чѣмъ угодно! Безъ крещенія, молитвы, пріобщенія брошена цѣлая деревня, — и ничего, какъ будто такъ и быть должно. Про вымогательство пасторовъ и ксензовъ литература ни слова. Но сдѣлай что-нибудь только подобное мы: не поѣзжай къ больному ночью въ слякоть, метель, дождь, въ деревню, хоть только одинъ разъ, или спроси за поѣздку 10 к., — и заопятъ противъ насъ на всѣ голоса! Спроси мы, за поѣздку, за 15 — 20 верстъ, въ слякоть ночью,

что у насъ не рѣдкость, 5—10 коп., бѣда: всѣ закричатъ, что попы и жадны, и безсовѣстны и проч.! Насъ зовутъ, и мы ѣздимъ всюду и во всякую погоду, безотговорочно, молча, не трубя про свои труды и лишенія. Какъ насъ ни поноси общество, какія клички намъ ни давай, какіе анекдоты ни сочиняй про насъ, но кто всмотрится въ нашу жизнь безпристрастно, то увидитъ, что безкорыстнѣе большинства православнаго духовенства нѣтъ никого. Хвалить и защищать духовенство мнѣ рѣшительно нѣтъ надобности. Я говорю только то, что есть на самомъ дѣлѣ и желалъ бы, чтобы мои слова были проверены тѣми, кого онѣ интересуютъ, особенно тѣми, кто видитъ въ насъ одно только дурное.

Случается такъ: въ часъ ночи ложившись или собираешься ложиться спать; вдругъ слышишь: бросились собаки. Значить, что кто-нибудь у воротъ есть чужой. Оказывается, что пріѣхалъ крестьянинъ звать къ больному, въ страшную метель или проливной дождь.

— Что ты, спрашиваешь, пріѣхалъ въ такую пору?

— Да матушкѣ принеможилось.

— Давно ли она больна?

— Охаетъ-то она недѣли три, да теперь говорить: «ступай за попомъ, подъ сердце подкатило, какъ бы не умереть».

Ѣдешь. Оказывается, что она пренепокійно сидитъ на лавкѣ, въ переднемъ углу наряжена и здоровѣе тебя.

— Зачѣмъ ты въ эту пору прислала за мной? Вѣдь ты здорова?

— Какъ, батюшка, здорова! Третью недѣлю и на улицу не выхожу. Нынѣ весь день маковой росинки и въ роту не было. Исповѣдуй, кормилецъ!

— А пріобщиться желаешь?

— Какъ же, кормилецъ, желаю; только ты теперь исповѣдуй, а причаститься-то я завтра, Богъ дастъ, приду въ церковь къ обѣднѣ. Тамъ ты, кормилецъ, и причасти меня.

— Такъ ты и пришла бы завтра въ церковь, тамъ и исповѣдалась бы, чѣмъ таскать меня ночью, въ такую непогоду.

— Да оно дома-то исповѣдываться какъ-то лучше, слабоднѣй. А тамъ коли тебѣ говорить съ нами? И для тебя же! Да

и изъ шести недѣль-то не хочется выдти: нынѣшній денёкъ, какъ разъ, шесть недѣль, какъ я исповѣдывалась.

И, дѣйствительно, случалось, что утромъ такія старухи приходили пѣшкомъ въ церковь, вереть пять и восемь. Часа полтора проѣздишь. Въ пять часовъ нужно служить утреню. Окоченѣвшій, зимой, идешь изъ церкви домой, а тамъ уже ждетъ тебя мужикъ опять въ деревню. Приѣдешь, пробѣжишь по комнатамъ разъ 50,—и къ обѣднѣ. А тамъ: молебны, похороны, крестины и проч. и маешься до одурѣнія.

Однажды приѣзжаютъ за мною ночью два мужика-братья и просятъ ѣхать къ нимъ въ деревню приобщить отца ихъ, убитаго мужикомъ. Поѣдемъ, говорятъ, батюшка поскорѣе! Не знай застанешь, не знай нѣтъ,—ужь больно избили его.

Ночь была страшно темная, лѣтомъ. Вхожу въ избу: горитъ огонёкъ, въ избѣ полумракъ; среди пола, на войлокѣ, лежитъ здоровенный мужичище; самъ онъ, подушонка и войлокъ въ крови. Надъ мужикомъ, на лавкѣ, сидитъ женщина—сноха. Я вошелъ и она стала толкать его въ плечо: «батюшка, батюшка! Вставай, батюшка-кормилецъ, священникъ приѣхалъ!» Мужикъ молчитъ. Я вижу, что онъ едва живъ, безъ чувствъ, и, не желая беспокоить его, говорю снохѣ: не безпокой его, я сяду и подожду, когда онъ придетъ въ себя.

— Нѣтъ, онъ проснется!

И опять начала толкать. Разъ пять я остапавливалъ ее, а она, все-таки, свое,—толкаетъ. Наконецъ, мужикъ очнулся и, не поднимаясь самъ, поднялъ руку и промычалъ: «а! батюшка? Гдѣ онъ? Причасти меня! Я его!»—да и хватилъ по русски...

Я къ дѣтямъ: онъ пьянъ?

— Малость есть.

— Какъ же вы смѣете возить меня, беспокоить, къ пьяному?

— Да ужь больно избили его. Было бы тебѣ извѣстно, коль не станешь причащать.

Утромъ я велѣлъ прислать къ себѣ старосту. Оказалось, что мужикъ этотъ очень богатый житель дер. Кувьки, Ермиль Федоровъ Питерскій, былъ выбранъ въ волостные, «добросовѣстные», и, какъ начальство, требовать, чтобы всѣ, встрѣчающіеся съ нимъ, издалека скидали передъ нимъ шапки. Какъ только кто не скидалъ, сажень за 10, шапки, то онъ, какъ

здоровенный мужичина, колотилъ каждыаго иза всѣхъ своихъ силъ. Случилось, что съ нимъ встрѣтился такой же дубъ, какъ и онъ, но только моложе. Питерскій ударилъ его, а тотъ и ну его по-своему, да и задалъ ему... Питерскій послалъ за мной, чтобъ я пріобщилъ его, чтобъ ему можно было подать прошеніе, что его избили до того, что онъ умиралъ. Подобные случаи у насъ не рѣдкость и нынѣ: зовутъ въ деревню къ больному, а больной: «Батюшка! Было бы тебѣ извѣстно, меня избили. Причасти!»

— Гдѣ избили, въ кабакѣ?

— Да, признаться, такъ. Какъ бы не умереть, причасти, я подамъ просьбу.

Чтожъ? Побранишь, да и только. Но отъ этого не легче. Время отнято, а завтра пришлетъ другой пьяница.

Насъ могутъ укорять, что мы не внушаемъ о значеніи и важности таинства причащенія. Но мы внушаемъ, насколько можемъ, да ничего не подѣлаешь. Вѣдь это все то же, что швей департаментскій чиновникъ: ходитъ именно только въ ту церковь, въ которую ѣздитъ жена директора; кладетъ поклоны именно въ тотъ моментъ, когда молится она; въ публичныхъ собраніяхъ бываетъ именно тамъ, гдѣ бываетъ она; на столѣ у себя держитъ именно ту газетку, какую читаетъ директоръ. Онъ хорошо сознаетъ, что онъ подличаетъ, а, все-таки, думаетъ: не мѣшаетъ подслужиться, авось обратятъ вниманіе. Чиновникъ чрезъ подличанье хочетъ вылѣзть въ люди, а мужикъ—спитъ полуведерную. Человѣкъ вездѣ одинаковъ.

Однажды ночью привозятъ меня въ одинъ домъ. Вхожу, мужикъ выговяетъ изъ избы ягнать. Спрашиваю: кто же больной у васъ?

Да, видно, я, кормилецъ.

— Но вѣдь ты здоровъ, зачѣмъ же ночью беспокоить меня? Пріобщиться могъ бы ты и днемъ, если желаешь.

«Какія у меня ребята-то, кормилецъ, дай имъ Богъ добро здоровье; не то, что у кума Ѳедора! Его, вотъ-этта, чуть-было большакъ не прибилъ. До старосты доходилъ. Тотъ: я, говоритъ, тебя!.. А я вотъ только сказалъ, что что-то неможется, не съѣздитъ ли за попомъ, а они и поѣхали. Дай имъ Богъ добро здоровье, почитаютъ меня, старика. И пошелъ, пошелъ

старикъ хвалить своихъ ребятъ!.. Я ему: нужно и меня пожалѣть, васъ у меня не одна тысяча, нужно и мнѣ дать покой!.. А онъ: дай Богъ имъ добро здоровье! Только промолоть, а они: не съѣздить ли? И пьютъ они у меня мало. Вотъ-этта»... И пошелъ!

Такіе случаи у насъ безпрестанно. Поставь каждый себя на нашемъ мѣстѣ: достанетъ ли у кого терпѣнія и нравственной силы: вставать ночью, ѣздить и ходить во всякую погоду и часто попусту, бросать свои занятія, перерывать ихъ на самыхъ важныхъ пунктахъ; бросать перо, на половину не выразивши мысли; бросать книгу, недочитавши десятка строкъ; бросать хозяйство—покосъ, жнитво, молотьбу и проч. съ прямымъ ущербомъ для хозяйства; безотговорочно ѣздить въ зной, пыль, бурю, дождь, снѣгъ, метель,—бросать и занятія и отдыхъ и—за ничто, безъ всякаго вознагражденія! Ну, потрудитесь представить себя на нашемъ мѣстѣ! Повѣрьте, что у васъ не хватило бы терпѣнія и на одинъ мѣсяць.

Но я заговорился, и прошу извиненія у читателя.

Того, чѣмъ переполнена наша жизнь, ничего подобнаго у ксензовъ и пасторовъ нѣтъ. Неотрываемые отъ своихъ домашнихъ или кабинетныхъ занятій, при достаточномъ материальномъ обеспеченіи, при участіи въ этомъ обеспеченіи начальства и при крайнемъ вымогательствѣ, они живутъ покойно и молчатъ. О насъ же со стороны не заботится ровно никто, а такихъ вымогательствъ, на какія указалъ я, дѣлать мы не можемъ. Отъ того мы и бѣдны, отъ того мы и вопимъ. Мы вызываемъ общественное сочувствіе, но голосъ нашъ,—или голосъ въ пустынѣ, или отвѣчаютъ намъ въ родѣ того: «да вѣдь вы и тупы, и глупы, и безнравственны, и еще ѣсть, тоже, просите! Смотрите, какъ пасторы и ксензы съумѣли поставить себя! Вотъ что значитъ быть умнымъ-то!»! Общество не хочетъ видѣть, почему молчатъ они, и ставить ихъ намъ въ укоръ. Мы желали бы, чтобы насъ сравнивали съ ними; но въ чемъ? Чтобы правительство, какъ и контора иностранныхъ поселенцевъ, приняли участіе въ обеспеченіи насъ. Мы довольны были бы немногимъ; но желали бы, чтобы за тѣми лотками и рѣшетками, какія получаемъ мы теперь, мы не ѣздили сами и псаломщики наши не ходили по дворамъ съ мѣшкомъ на плечахъ.

«Почему не жалуются на свое положеніе мушкетеры?»

Муллы у насъ всѣ—народъ торговый. Это первое. Второе: въ Крыму они получаютъ 10⁰/₀ всего дохода: они берутъ десятую овцу, десятого теленка, десятый снопъ, десятый стогъ сѣна, десятый пудъ фруктовъ и под. Мнѣ лично извѣстны нѣкоторые крупные крымскіе землевладѣльцы и, кромѣ того, крупнымъ землевладѣльцемъ въ Крыму мой зять. Всѣ они съ радостію отдаютъ свои степи въ аренду изъ десятой части урожая. Мулла же получаетъ эту десятую часть ни за что.. И еще бы кричать ему, что ему жить нечѣмъ! Въ нашей губерніи татаръ, тоже, множество. И муллы, кромѣ отсыпнаго хлѣба и живности всякаго рода, получаютъ 10⁰/₀ съ каждаго калыма. Женихъ платитъ за невѣсту, положимъ, 300 р. Изъ нихъ получаетъ мулла 30 р. Слыханное ли дѣло у насъ, чтобы за свадьбу дали духовенству 30 р.? Еслибъ городскому нашему духовенству давали не 10⁰/₀, а только 1⁰/₀—2⁰/₀ съ приданого невѣсты, то, навѣрное, оно согласно было бы не брать ничего ни за какія требы. Я говорилъ, что намъ желательно было бы, чтобъ насъ сраваляли съ муллами. Это, конечно, не въ десятой части доходовъ и не въ 10⁰/₀ съ приданого, а именно въ томъ, чтобъ намъ не вымалывать себѣ пропитанія по дворамъ, съ лукошкомъ или мѣшкомъ въ рукахъ.

XXI.

Другая изъ уважаемыхъ и распространенныхъ газетъ, разсуждая о духовенствѣ, говоритъ, что «улучшать быта духовенства и не слѣдуетъ по той причинѣ, что оно сдѣлается тогда еще безправственнѣе и сопьется совѣмъ. Мужикъ, говоритъ она, разбогатѣвши, дѣлается непременно пьяницей».

Но, во-первыхъ, разбогатѣвшій мужикъ пьяницей не дѣлается. Отъ того-то онъ, между прочимъ, и богатъ, что онъ не пьетъ. Если же и пьетъ, то въ извѣстное время, и дѣло свое не забываетъ. Пьянствуютъ преимущественно люди бѣдные. Въ этомъ повѣрите опять намъ, живущимъ между мужиками. Во-вторыхъ, на какомъ основаніи сравнивать насъ съ мужиками, еслибъ даже мужики и дѣлались пьяницами, разбогатѣвши? Почему не говорилось и не говорится этого о чинов-

никахъ, когда увеличиваютъ имъ оклады жалованья? Неужто чиновники, съ увеличеніемъ оклада жалованья, всѣ подѣлались пьяницами? Неужто писецъ, сдѣлавшись столоначальникомъ, съ увеличеніемъ жалованья, дѣлается пьяницей? Столоначальникъ, сдѣлавшись начальникомъ отдѣленія, дѣлается пьяницей еще горячайшимъ? Начальникъ отдѣленія, сдѣлавшись вице-директоромъ, дѣлается еще худшимъ? Что такое министръ, послѣ этого? Еслибъ намъ и дали жалованье, то какіе-такіе капиталы дали бы намъ, чтобы мы ихъ и не выдывали, и не имѣли въ рукахъ своихъ; чтобы они вскружили бы намъ головы и мы перебѣсились бы? Еслибъ намъ и дали жалованье, то дали бы самое скромное. Однимъ оно улучшило бы содержаніе; для другихъ оно сравнялось бы съ тѣмъ, что они получаютъ теперь; для третьихъ же оно было бы, можетъ быть, въ четыре-пять разъ менѣе того, что они получаютъ теперь. Между тѣмъ платежъ за требы прекратился бы. Стало бы, многіе потеряли бы многое, и они остались бы крайне недовольны. Въ нашей губерніи есть церкви, которыя продаютъ свѣчь болѣе 100 пудовъ въ годъ, и есть такія, гдѣ не продается и полпуда. Есть священники, которые получаютъ не болѣе 50 р. въ годъ; но есть и такіе, которые получаютъ болѣе 3,000. И эти трехтысячные отнюдь не пьяницы, и дайте имъ какіе угодно капиталы, — головы имъ не вскружите, пьяницами они не будутъ. Наши епископы и теперь не пьяницы, не были они пьяницами и тогда, когда владѣли вотчинами и брали съ духовенства оброки.

Мы слышали, что покойный высокопреосвященный митрополитъ московскій Филаретъ не желалъ, чтобы духовенству дано было и то жалованье, которое получаемъ мы теперь, — что духовенство, при жалованьи, возгордится. Правда это или нѣтъ, что такъ думалъ высокопреосвященный, я, конечно, ручаться не могу; но слухъ такой у насъ былъ и держится до сихъ поръ.

«Обезпечить духовенство казеннымъ жалованьемъ? Но подобное обезпеченіе убило бы послѣдніе слѣды общественнаго и религіознаго значенія духовенства и превратило бы его окончательно въ чиновниковъ».

Подобныя мнѣнія намъ встрѣчаются не въ первый уже разъ, и мы отвѣчаемъ: наши епископы, встарину, брали съ духовенства подати и владѣли вотчинами и имѣли должное «зна-

чепіе» для общества и церкви. Теперь они живут на одномъ казенномъ жалованьѣ. Неужто значеніе ихъ для церкви и общества пало? Напротивъ, оно возвысилось. Мы можемъ сказать, что мы знакомы съ исторіею русской церкви, знаемъ и современное состояніе церкви на Балканскомъ полуостровѣ и въ Малой Азіи. Налъ епископъ не посылаетъ теперь десятниковъ и поповскихъ старостъ за сборомъ податей, за десятой копной хлѣба и сѣна; не тащитъ со двора послѣднюю овцу; не сажаетъ насъ на чепь, не приковываетъ въ подвалѣ, не сажаетъ на столбъ, не поретъ плетями и не дѣлаетъ ничего, что гѣлаютъ теперь греческіе епископы съ своимъ духовенствомъ, — и теперь мы идемъ къ нему и принимаемъ его у себя въ домѣ, какъ начальника, какъ отца, ни мало не опасаясь, что онъ будетъ вымогать у насъ наше достояніе. Наши отношенія къ нему чисто какъ отношенія дѣтей къ отцу. Можно бы надѣяться, кажется, что и отношенія прихожанъ нашихъ къ намъ были бы такія же, еслибъ и мы перестали жить ихъ трудомъ.

Опасаются, что мы сдѣлались бы «чиновниками». Но почему такъ страшно это слово? Еслибъ даже и чиновниками, такъ чтожъ въ этомъ есть особенно дурное? Министры, великіе князья, даже самые наслѣдники престоловъ получаютъ чины. Чтожъ, отъ этого хуже государству? Священники получаютъ протоіерейство, епископы архіепископство, это тоже, своего рода, чины; всѣ мы получаемъ ордена, а это болѣе, чѣмъ жалованье, приближаетъ насъ къ чиновничеству; что же теряетъ чрезъ это вѣра и нравственность? Но мы давно, если уже такъ, чиновники, — мы давно состоимъ на казенномъ жалованьѣ, но только желалось бы, чтобъ это жалованье было настолько достаточнымъ, чтобъ намъ не брать за совершеніе молитвословій и таинствъ, чтобъ наше служеніе было облагорожено. Стало бытъ о чиновничествѣ дѣло рѣшено давно, только эти чиновники желали бы, чтобъ окладъ ихъ жалованья былъ увеличенъ.

Законоучители казенныхъ учебныхъ заведеній развѣ теряютъ что-нибудь въ своемъ пастырскомъ достоинствѣ, состоя на казенномъ жалованьѣ? Отношенія ихъ къ ученикамъ развѣ были бы лучше, еслибъ они жили поборами съ учениковъ?

По нашему разумѣнію, возраженіе о чиновничествѣ — возраженіе безсодержательное.

XXV.

Во внутреннемъ обзорѣніи одного изъ лучшихъ и уважаемыхъ литературныхъ журналовъ, недавно были помѣщены разсужденія о духовенствѣ. Мы прочли ихъ и приняли-было только къ свѣдѣнію; но въ одной газетѣ намъ попался, потомъ, такой о нихъ отзывъ: «вполнѣ здравыя» мнѣнія по этому предмету (объ улучшеніи быта духовенства) высказаны во внутреннемъ обзорѣніи»...

Коль скоро печать обращаетъ вниманіе общества на поминутую статью, называетъ выраженныя тамъ мысли «вполнѣ здоровыми» и тѣмъ желаетъ привлечь вниманіе общества, то мы не можемъ оставить статьи этой безъ отвѣта.

«Въ обзорѣніи» говорится: «всѣ чувствуютъ, что положеніе духовенства ненормальное, мало того, ненормальное, — развращающее».

Положеніе «развращающее»! Но единственное, въ чемъ можно укорить нѣкоторыхъ изъ насъ, и то только нѣкоторыхъ, — это нетрезвость. Но другія сословія, — любое. пьютъ развѣ меньше? Мы не витаемъ гдѣ-нибудь на облакахъ, и живемъ въ томъ же мірскомъ омутѣ, гдѣ живутъ и всѣ, переполненномъ всевозможными пороками: а «прикасайся смолѣ», и всякій, самыя чистый «очернится». Не даромъ же ревнители спасенія уходили въ пустыни. Самую нетрезвость нашу, поэтому, нельзя ставить намъ укоромъ. Вѣдь вы же ставите намъ вино и закуску, когда мы бываемъ въ домахъ вашихъ для молитвословія, пьете сами и просите пить насъ! Зачѣмъ этотъ соблазнъ? Вѣдь васъ же нужно угощать, поить, кормить и кланяться, когда заставляете насъ крайность вымаливать у васъ что-нибудь?! Крестьяне, въ этомъ случаѣ, справедливы: мнѣ не разъ приводилось производить слѣдствія о нетрезвости кого-нибудь изъ причта. Спрашиваешь крестьянъ: трезво ли ведетъ себя извѣстный членъ причта? мнѣ почти всегда отвѣчаютъ, что «пьянъ бываетъ не рѣдко; но вѣдь мы же поймъ его, съ нами же пьеть онъ; кабы его винить въ этомъ?» Въ людяхъ интеллигентныхъ кутежа бываетъ не меньше, чѣмъ пьянства у мужика, и кутежи не въ примѣръ размахистѣй. Люди образованнѣе бываютъ рады, если

въ компанію къ нимъ угодить священникъ, готовы залить его и виномъ, и водкой; но за то этотъ несчастный священникъ надолго будетъ служить предметомъ самыхъ злыхъ насмѣшекъ, не обращая и вниманія на тѣ безобразія, какимъ предавались они сами, въ часы разгула.

«Всѣ говорятъ: надобно поднять уваженіе къ духовенству въ народѣ и въ обществѣ, надобно заставитьъ духовенство заботиться объ этомъ».

Мнѣ очень хорошо извѣстенъ одинъ приходъ такого рода: приходъ большой, не бѣдный и состоящій изъ множества деревень. Недавно поступилъ туда священникъ, вдовый и имѣющій четверыхъ дѣтей. Во всемъ селѣ онъ не могъ найти себѣ ни одной крестьянской избы для квартиры. Нѣсколько недѣль колотился онъ въ церковной сторожкѣ и, наконецъ, одинъ мужиченышко сталъ ему, по 3 р. въ мѣсяць, свою избенку, а самъ ушелъ въ городъ. Однажды, нынѣ лѣтомъ, я проѣзжалъ черезъ это село; священникъ узналъ, что какой-то священникъ остановился на постояломъ дворѣ, пришелъ ко мнѣ и попросилъ къ себѣ на стаканъ чаю; оказалось, что мы были знакомы. Онъ радъ былъ случаю отвести душу, на нѣсколько минутъ, съ постороннимъ человѣкомъ и, притомъ, знакомымъ и съ своимъ собратомъ. Идемъ: избеночка за селомъ, надъ берегомъ рѣчки, маленькая, низенькая, гнилая, покосившаяся, полураскрытая, съ двумя крохотными тусклыми оконцами, съ большой глинобитной печью, полъ изъ коротенькихъ горбылей, наброшенныхъ кое-какъ; ни сѣней, ни амбара, ни погреба, ни чулана, — нѣтъ ровно ничего. Священникъ на его бѣльшее горе, высокаго роста. Онъ не можетъ даже встать во весь ростъ и сдѣлать пять шаговъ отъ одной стѣны до другой. Спитъ съ дѣтьми на полу; кухарки по тѣснотѣ, не держитъ. Кушанье готовитъ себѣ самъ, при помощи дѣтей-мальчиковъ; изрѣдка только помогаетъ ему сосѣдка-старуха. Жизнь этого несчастнаго священника такова, что я не вынесъ бы и трехъ дней такой жизни и заболѣлъ бы непременно. Что это за помѣщеніе, — такъ это невыносимо!

Въ приходѣ его есть дворяне-землевладѣльцы. Одинъ изъ нихъ имѣетъ 1000 дес. земли и до 200,000 р. въ банкахъ; другой имѣетъ тысячу шесть дес. земли и 250,000 р. въ банкахъ; одинъ помѣщикъ имѣетъ 500 д. земли, прочіе около это-

го. Всѣ дворяне эти лично мнѣ очень коротко знакомы. У всѣхъ ихъ я бывалъ въ домахъ, а у нѣкоторыхъ по нѣсколько разъ.

Сколько разъ священникъ просилъ прихожанъ своихъ, и помѣщиковъ и крестьянъ, дать ему сносную квартиру или построить общественный домъ; сколько кланялся, просилъ со слезами; сколько пропойлъ мужикамъ водки,—все напрасно. Наконецъ, старшина сжалился, собралъ сходъ и на сходѣ положили построить общественный домъ для квартиры священникамъ; написали приговоръ и стали подписываться. Но въ это время, откуда ни возмись, прїѣзжаетъ въ волостное правленіе одинъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, прихожанинъ его (имѣющій 200,000 р. въ банкахъ), Н. И. З., служившій когда-то чиновникомъ особыхъ порученій при Муравьевѣ въ Вильно, и котораго самъ Михайлъ Николаевичъ удалилъ за жестокое обращеніе съ поляками и, въ особенности, съ ксензами,—вбѣгаетъ и начинаетъ кричать и доказывать, что строить дома попу не нужно; что попы дерутъ и съ живаго и съ мертваго; что пусть онъ живетъ гдѣ знаетъ; что крестьяне и безъ того бѣдны и пр. и пр. Что сельскіе крестьяне не должны давать ему подъ домъ и мѣста, еслибъ онъ вздумалъ строить свой или на церковныя средства; такъ какъ земля принадлежитъ однимъ крестьянамъ сельскимъ, а попъ для всего прихода ¹⁾. Мужики сперва призадумались, а потомъ видятъ, что баринъ старается о нихъ же, подняли шумъ, ссору,—и порѣшили: не давать пону ничего, и, подъ диктовку Н. И. З., написали приговоръ, «чтобы священникъ не смѣлъ строить дома и на церковныя деньги, еслибъ онъ вздумалъ строить, такъ какъ деньги, въ церкви, они даютъ Богу, а не на дома попамъ». Несчастный священникъ зарыдалъ на сходѣ и пошелъ домой, не помня себя.

Пусть же кто-нибудь потрудится поднять уваженіе къ духовенству въ Н. И. З. Если съ нимъ не сладилъ и самъ Михайлъ Николаевичъ и вынужденъ былъ удалить его отъ себя, то священникъ-то что подѣлаетъ съ такимъ господиномъ? А этотъ случай не единственный. Я самъ пилъ эту горькую чашу, если изволите припомнить начало настоящихъ моихъ записокъ.

¹⁾ При этой церкви земли ни пашенной, ни сѣнокосной и ни усадебной нѣтъ. Сельскій Священникъ.

Не думайте, чтобъ священникъ былъ и «тупъ, и глушь, и безнравственъ», — нѣтъ, какъ честный человѣкъ говоритъ: священникъ человѣкъ умный, трезвый и прекроткаго характера. И я не басни рассказываю, а говорю фактъ, совершившійся въ 1880 году.

Священникъ подаетъ прошеніе въ консисторію, прося ея содѣйствія въ обезпеченіи его квартирою. Консисторія сама не имѣетъ никакихъ средствъ къ побужденію прихожанъ и потому предписала священнику, чрезъ благочиннаго: «усугубить убѣжденія прихожанамъ къ отводу квартиры или постройкѣ общественнаго дома». Чрезъ мѣсяць священникъ донесъ благочинному, тотъ консисторіи, что онъ много разъ просилъ прихожанъ своихъ объ отводѣ ему квартиры и постройкѣ дома, но тѣ не дѣлаютъ ни того, ни другаго. Консисторія отнеслась за содѣйствіемъ въ губернское правленіе, то предписало полицейскому управленію, это—становому приставу. Пріѣхалъ приставъ, созвалъ человѣкъ 20 мужиковъ и тѣ отъ имени всего прихода дали новый приговоръ, что ни квартиры, ни дома они дать не могутъ. Такъ дѣло и кануло; такъ бываетъ у насъ всегда и всюду. Недавно я видѣлъ этого священника. Жаль взглянуть на этого несчастнаго, убитаго вдовствомъ, нуждой и наглостью!.. Онъ уже положилъ ни одного изъ троихъ сыновей своихъ не пускать въ духовное званіе.

Вскорѣ послѣ описаннаго (18 ав. 1880 г.) я увидѣлся въ вокзалѣ ж. д. съ самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ этого села и говорю ему: смилуйтесь, добрый Н. Н. надъ своимъ священникомъ, окажите ему какую-нибудь помощь. Вы посмотрите, какую нужду терпитъ этотъ несчастный!

— Вы знаете, что я постоянно живу въ Москвѣ. Въ это имѣніе я пріѣзжаю всего мѣсяца на два лѣтомъ. Пусть помогаютъ ему Н. П. З. и другіе; они живутъ постоянно въ имѣніяхъ, и, небойсь, тоже, чай и Богу молятся. Это дѣло ихъ.

— Въ васъ вся сила. Начните, за вами и Н. П. З. и другіе что-нибудь дадутъ. Что стоитъ для васъ дать 50 р. на постройку дома! То же, что для меня 5 к.!

— А 50-ю вы шутите?

— Вы не шутя и дайте.

— Я здѣсь не живу, я не прихожанинъ. Какъ только дѣ-

теѣ помѣстилъ въ военную гимназію, — я переселился въ Москву. Помогать попамъ, — дѣло прихода.

— Но и у васъ 3000 д. земли, сами вы выѣхали отсюда всего года три — четыре и теперь, все-таки, живете каждое лѣто мѣсяца по два?

— У меня только земля, ну, и пусть его ходить по ней, сколько его душѣ угодно.

— Пріятнѣе было бы услышать отъ васъ и мнѣ, и священнику вашему, еслибъ вы сказали: ну, и пусть его косить и брать дровъ, сколько ему угодно. У него одна коровѣнка, сѣна нужно ему пудовъ 200, т. е. восемь крестьянскихъ вожовъ; а лѣсу у васъ полторы тысячи десятинъ.

— Тысяча шестьсотъ сорокъ десятинъ.

— Что же стоитъ для васъ дать двадцать деревьевъ валяжнику, подгниваго и сломленнаго вѣтромъ? У васъ гниѣтъ тамъ не одна тысяча деревьевъ.

— Этого нельзя, никакъ нельзя! Вы не знаете хозяйства. У меня въ лѣсѣ нѣтъ слѣду. Я не пускаю ни за грибами, ни за ягодами. Проѣзжай кто-нибудь, проложи тропинку и повалить въ лѣсѣ со всѣхъ сторонъ, и не укараулить; сами объѣздки будутъ красть. Нынѣ народъ какой? Воръ на ворѣ. Бывало, какъ чуть что, такъ велишь влѣпить ему полтора ста, такъ обкрадывать барина въ другой разъ и не захочетъ. А нынѣ онъ тебя обкрадетъ, да онъ же и говорить: полный расчетъ давай, а то къ мировому! Нѣтъ, батюшка, нельзя, нельзя!

— У васъ сотни вожовъ можно набрать по опушкѣ, не дѣлая и слѣда въ лѣсѣ.

— Нельзя, я сказалъ вамъ, нельзя! Да какой я прихожанинъ! Тамъ много безъ меня.

Баринъ мой сталъ сердиться, и я бросилъ разговоръ о священникѣ.

Укажите намъ, послѣ этого, способы «поднять уваженіе къ духовенству» въ такихъ людяхъ! Можно-ли строго, послѣ этого, осуждать священника, еслибъ онъ сталъ притѣснять своихъ прихожанъ въ платѣ при требованіяхъ?!

«Нужно позаботиться о созданіи такого положенія, чтобы священникъ сталъ самъ уважать себя и сознавать, что онъ имѣетъ право на это уваженіе».

Потрудитесь! Вы большую принесли бы пользу и церкви, и духовенству, и обществу.

«А для этого есть только двѣ мѣры: или пусть государство окончателно признаетъ фактъ кастоваго состоянія духовенства, санкціонируетъ его (каста тутъ не причемъ!) и приметъ на полное свое попеченіе все духовенство, положивъ ему такое жалованье, чтобы оно могло существовать не только безбѣдно, но и устроиться съ нѣкоторымъ комфортомъ. Тогда не будетъ тѣхъ близкихъ, сердечныхъ отношеній между духовенствомъ и народомъ, какія были бы желательны (а наши епископы, законоучители, священники при посольствахъ, миссіонеры? Выпускать ихъ изъ виду нельзя), но за то не будетъ и вражды. Духовенство станетъ въ оффиціальное отношеніе къ народу. Священникъ будетъ чиновникомъ, но чиновникомъ приличнымъ, который взятку не беретъ, тѣмъ болѣе не прибѣгаетъ къ вымогательству, не занимается кулачествомъ и вообще никакими, компрометирующими священныи санъ способами для наживы».

«Но такое положеніе духовенства будетъ несогласно съ православнымъ ученіемъ о церкви»...

Мы желали бы слышать однако: какъ православная церковь учить о жалованьѣ духовенству отъ казны и о поборахъ съ прихожанъ? Ни то, ни другое ученіе церкви намъ неизвѣстно и знать намъ желалось бы. Почему бы не цитировать этого ученія? Пишущій, вѣроятно, знаетъ, что епископы наши состоятъ на жалованьѣ и, однакожь, онъ не считаетъ этого несогласнымъ «съ ученіемъ о церкви»; но еслибъ состояли на жалованьѣ и приходскіе священники, то это было бы несогласно «съ ученіемъ о церкви». Почему теперь законоучитель получаетъ жалованье, — это согласно «съ православнымъ ученіемъ о церкви»; приходскій священникъ и, въ то же время, законоучитель, получающій жалованье отъ казны, — это согласно «съ ученіемъ о церкви»; священникъ-миссіонеръ, живущій исключительно жалованьемъ, — это опять согласно съ ученіемъ о церкви. Вѣроятно все это такъ, потому что хроникеръ ничего объ этомъ не говоритъ. Но еслибъ сталъ получать жалованье и приходскій священникъ, то это было бы «не согласно съ православнымъ ученіемъ о церкви». Вѣроятно, хроникеру извѣстно постановленіе вселенскаго или помѣстнаго собора, въ родѣ та-

кого: «аще епископъ имѣти будетъ домъ, одѣяніе и нѣчто снѣдное отъ епарха, да будетъ ему въ честь и въ славу святѣй церкви: аще же будетъ имѣти тожде пресвитерь, да извержется»? Я говорилъ однако уже, что мы давно состоимъ на попеченіи правительства и получаемъ отъ него жалованье. Въ виду этого не для чего грозиться ученіемъ церкви.

«Бъ тому же государство едва въ силахъ будетъ его осуществить. На полное обезпеченіе духовенства потребуется не менѣе, чѣмъ сколько теперь расходуется на всю армію. Такихъ денегъ государству взять негдѣ».

Для обезпеченія въ содержаніи духовенства потребовалось бы несравненно меньше, чѣмъ на армію. Напрасно г. хроникѣръ напускаетъ страхи и на себя, и на общество. Впрочемъ, мы не слышали отъ него какую цифру класть онъ въ жалованье. Имѣтъ ли государство деньги и откуда ихъ взять, если мало ихъ у него, мы, можетъ быть, сказали бы что-нибудь похожее и на правду; но пока продолжимъ наши выписки.

«Остается употребить другой способъ: пусть государство уничтожить духовенство, какъ касту, пусть уничтожить духовныя школы, низшія и среднія, и предоставить, какъ было въ древнее время, самому обществу пріисканіе священниковъ для себя, гдѣ и какъ оно знаетъ. Пусть само общество и приготовляетъ себѣ лицъ, пригодныхъ для священства, и само выбираетъ ихъ безъ всякаго вмѣшательства въ это дѣло высшаго духовенства».

Это такое же рѣшеніе вопроса, какъ рѣшилъ одинъ ученикъ о грамматикахъ: нейдуть грамматики въ голову—«пожечъ надо всѣ грамматики на свѣтъ,—и дѣлу конецъ!»! Порѣшить всѣхъ поповъ, и хлѣба просить не стануть.

«Предоставить самому обществу пріискивать священниковъ для себя, гдѣ и какъ оно знаетъ».

Чтобы быть компетентными судьями достоинствъ священника, избиратели должны стоять выше избираемаго и по религіозному образованію, и по нравственности. Въ обществѣ же, даже въ высшихъ его сферахъ, мы встрѣчаемъ очень рѣдко лицъ, имѣющихъ основательное богословское образованіе. Читая произведенія людей ученыхъ, изумляешься часто глубинѣ и многосторонности изъ знаній, въ особенности въ области науки о природѣ; но какъ только эти люди коснутся религіи, то ви-

дипь, почти всегда, полнѣйшее ихъ незнаніе ея. Видишь, что они никогда не изучали ея, не вдумывались въ нее, не знаютъ духа ея, не понимаютъ даже основъ ея. Если же и лица, или по своему высокому положенію въ обществѣ, или по учености, стоящія во главѣ общества, имѣютъ познанія въ религіи недостаточныя, поверхностныя, то чего же можно ожидать отъ остальныхъ его членовъ? Познанія остальныхъ членовъ еще слабѣе. Естественно поэтому, что люди, имѣющіе поверхностныя познанія въ религіи, не могутъ быть его цѣнителями, а слѣдовательно и избирателями. Изъ кого это общество стало бы избирать въ свои религіозно-правственные руководители? Изъ того же самаго общества, гдѣ основательнымъ изученіемъ богословской науки почти никто не занимается. Но еслибы въ обществѣ было и болѣе людей, способныхъ быть священниками по своимъ научнымъ качествамъ, чѣмъ теперь, то одни изъ нихъ не пошли бы на эту должность, при настоящей обстановкѣ священника, а другіе едва ли были бы избраны, хотя бы большинство и желало ихъ, потому что общественныхъ выборовъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, у насъ нѣтъ. На общественныхъ собраніяхъ лица избираются на общественныя должности и рѣшаются общественныя дѣла совѣмъ не обществомъ, а самымъ небольшимъ меньшинствомъ.

Изъ многихъ случаевъ, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, я укажу на одинъ, гдѣ земскимъ собраніемъ рѣшался одинъ довольно серьезный вопросъ.

Собрались гласные земства. Въ центрѣ засѣли отставные ротмистры, титулярные, служившіе до перваго чина въ канцеляріяхъ губернаторовъ, дворяне, спустившіе уже свои имѣнія или заложившіе во всевозможныхъ бапкахъ и пробавляющіеся на счетъ остатковъ женинаго приданаго, чиновники, управлявшіе крупными имѣніями и заботившіеся о черномъ днѣ, болѣе своемъ, чѣмъ довѣрителей, и сдѣлавшіеся теперь сами крупными землевладѣльцами. Многие изъ нихъ съ небольшимъ запасомъ въ головѣ, но за то — ораторы вполне, хотя, по всей вѣроятности, не всегда понимаютъ и сами то, что говорятъ они; кромѣ себя и своей партіи не знающіе никого и ничего, и мнѣніе своей партіи готовые отстаивать всѣми зависящими отъ нихъ способами, — словомъ: истые, патентованные земцы. За ними

сѣли люди состоятельные, круные въ полномъ смыслѣ, но которые разсуждать въ собраніи о дѣлахъ серьезныхъ считаютъ дѣломъ совсѣмъ не дворянскимъ. За ними сѣла мелкота, которой все равно, какъ бы ни рѣшали центральные вожакі ихъ, — они на все согласны. Еслибъ даже изъ нихъ кто и сказалъ что-нибудь, то ихъ никто не сталъ бы и слушать. Купцы сѣли отдѣльной кучкой чинно; отдѣльно и молча сѣли и крестьяне.

Предсѣдательствующій позвонилъ, и все замерло. «Господа, сказали онъ, засѣданіе открыто! Имѣю честь доложить собранію, что мы собрались сюда для... Покорнѣйше прошу обсудить этотъ вопросъ».

Тотчасъ же одинъ изъ бойцовъ попросилъ себѣ слова, за нимъ другой, третій и четвертый. Секретарь записалъ фамилии. Первый ораторъ началъ рѣчь. Сперва говорилъ онъ тихо и заикаясь, но потомъ, мало-по-малу, вошелъ въ себя и покрывать все собраніе. Долго и неустанно говорилъ онъ: говорилъ онъ и объ агрономіи, и объ астрономіи, и о семьѣ крестьянской, и о чести дворянской, — обо всемъ на свѣтѣ, не сказалъ только ни слова о дѣлѣ, за которымъ пришли и онъ, и другіе. Долго говорилъ, наконецъ, утеръ лобъ и сѣлъ. Часъ, между тѣмъ, прошелъ. За нимъ сталъ говорить другой. Этотъ второй былъ ораторъ ярый: онъ съ перваго же слова заговорилъ бойко и безъ запинки; но за то, отъ перваго слова до послѣдняго, никто не понималъ, что ему было нужно. Третій былъ такой же, какъ и предшественники его. Только отъ четвертаго можно было уже ясно понять, что ему было нужно и къ чему онъ старался направить собраніе. Одинъ изъ купцовъ замѣтилъ другому: слышь, куда гнѣтъ? Но публикѣ не сказалъ ни слова. Прошло болѣе трехъ часовъ, утомились всѣ, но дѣла не подвинули еще ни на шагъ. Предсѣдатель объявилъ засѣданіе закрытымъ на 15 минутъ. Дворяне отправились въ буфетъ, прочіе же всѣ или остались на мѣстахъ, или собирались въ кучки и горячо спорили. Всякій видѣлъ, что дѣло клонится не туда, куда хотѣлось бы большинству. Бойцы видятъ, что дѣло не совсѣмъ гладко, и вопросъ при баллотировкѣ можетъ не пройти, — опять затянули дѣло и — то къ той подойдутъ кучкѣ, то къ другой, то тамъ закинутъ словечко, какъ-бы мимоходомъ, то въ другомъ мѣстѣ, а

нѣкоторые разсѣлись и между купцами, и крестьянами. Кончился перерывъ, — и опять посыпались рѣчь за рѣчью, опять прошло два часа. Сдѣланъ былъ опять маленький перевывъ, богатые опять успѣли и выпить, и закусить; но большинство осталось и голоднымъ, и истомленнымъ. Всѣ голодные готовы были порѣшить дѣло какъ-нибудь, лишь бы развязаться. И, дѣйствительно, послѣ двухъ еще перерывовъ порѣшили, но порѣшили такъ, какъ хотѣлось меньшинству. Въ концѣ-концовъ бойцы добились-таки своего, хотя къ общему неудовольствію большинства.

Такъ выбирался бы и священникъ, если бы выборъ его предоставленъ былъ обществу. О достоинствахъ, необходимыхъ для пастыря церкви, не было бы и рѣчи, какъ, зачастую, не бываетъ ей объ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ при выборѣ предсѣдателей земскихъ управъ и мировыхъ судей, за которыхъ часто весь ихъ вѣкъ работаютъ ихъ шисьмоводители. Нѣтъ сомнѣнія, что избранному изъ дворянъ дали бы изъ земскихъ суммъ приличное содержаніе; но что этотъ избранный не прочтетъ наизусть безошибочно и десяти заповѣдей, такъ въ этомъ мы увѣрены, а о дальнѣйшихъ познаніяхъ въ религіи и говорить нечего.

Скажу нѣсколько словъ и о томъ, какъ, зачастую, рѣшаются дѣла и на крестьянскихъ сходахъ.

У меня, однажды, было нужно выбрать церковнаго старосту. Сельскій староста приказалъ, и десятникъ пошелъ стучать по окнамъ: «на сходку! Церковнаго старосту выбирать!» Собрались мужики и сидятъ, часъ, два, три и толкуютъ почти шопотомъ: кого выбирать? Одни говорятъ: Ивана, другіе Петра, третьи Ѳедора; сидятъ и ждутъ мірофдовъ. Къ вечеру пришли и тѣ, и стали въ сторону, особнякомъ. Мужики поднялись и стали спорить: поднялся говоръ, шумъ, крикъ, — кто что несетъ, не разберешь ни слова, слышенъ одинъ только гамъ, и больше ничего. Одинъ отстаиваетъ одного, другой другаго. Мірофды стоятъ и молчатъ; но староста у нихъ давно уже намѣченъ, давно уже они разъ пять опили его. Давши мужикамъ наговориться досыта, одинъ изъ мірофдовъ выходитъ впередъ и говоритъ: старостой надо быть у насъ Ѳедору Иванычу!» Мужики подхватили въ одинъ голосъ: «Ѳедора Иваныча, Ѳедора

Иваныча! Лучше его и не найдить! Гдѣ онъ? Десятникъ, бѣги за нимъ!» Федора Иваныча на сходѣ нѣтъ. Пришелъ Федоръ Иванычъ и всѣ закричали: Федоръ Иванычъ: Поздравляемъ тебя! Мы выбрали тебя въ церковные старосты.

— Благодаримъ покорно, господа старички!

— Водочки надо, Федоръ Иванычъ, поздравить надо, какъ есть честью обмытъ, посылай ведерку!

Выпили ведро, и заговорили пуще прежняго! «Еще, Федоръ Иванычъ, посылай полведерки, жалованья прибавимъ, не бойсь, доволенъ будешь!» Принесли и еще полведра. Крику, гаму, — на цѣлую ночь!

Утромъ мужики идутъ на пустое мѣсто, гдѣ они вчера были, сидятъ пригорюнившись и ждутъ: не представится ли случая опохмѣлиться. Приходитъ Иванъ Гаврилычъ и просить, чтобы въ старосты выбрали его, что онъ поставитъ три ведра водки. Мужики радехоньки случаю опохмѣлиться.

— Чтожъ, закричали всѣ, гебя, такъ тебя, намъ все едино! Чѣмъ Федоръ лучше тебя?

И начинаютъ выставлять всѣ стародавнія его провинности. Мужики нашли, что хуже Федора и въ міру нѣтъ.

— Десятникъ! Бѣги за старостой, скажи ему, чтобы велѣлъ собирать сходку!

Опять собрались мужики, опять долго кричали и долго спорили, а мірофды стоятъ себѣ да молчатъ. Наконецъ одинъ вышелъ на средину и говоритъ, что они міру не переборщили, что Ивана Гаврилыча выбрать въ старосты они согласны. И пошли опять попойки! Шили, пѣли и безобразничали два дня.

На третій день Федоръ Иванычъ идетъ къ старостѣ и говоритъ, что міръ его разорилъ и окамфузилъ, и проситъ собрать опять сходку. Опять собрались пьяные мужики и опять гамъ, крикъ, ссора, хохотъ такіе, что нельзя слышать и своихъ собственныхъ словъ. Приходитъ послѣ всѣхъ и Федоръ Иванычъ; всѣ утихли.

— Господа старички! Вы выбрали-было въ церковные старосты меня; я, значить, за честь, убоготворилъ васъ водочкой; а напоследъ вы окамфузили меня: выбрали Ивана Гаврилыча. Чѣмъ я прогнѣвалъ васъ?

— Ничѣмъ, знамо, ничѣмъ!

— Коль дѣло за водкой, такъ я пятерикъ еще ставлю. лишь бы некамфузно было на людей глядѣть.

Между тѣмъ сынъ и работники Ѳедора Иваныча съ двумя ведерными бутылками стоятъ уже за угломъ сборнѣй избы. Мужики это видѣли. Противъ такихъ доводовъ устоять нельзя. И всѣ въ одинъ голосъ закричали: Ѳедора Иваныча, Ѳедора Иваныча! Начинаютъ ругать и хулить Ивана Гаврилыча. Выпили по стакану, и староста scomандовалъ: «кто не больно пьянъ, человѣкъ десять, пойдѣте къ священнику съ докладомъ, что мы выбрали въ церковные старосты Ѳедора Иваныча. Перечить онъ не станетъ; а ты, писарь, завершай дѣло, пока мы ходимъ: ищи приговоръ. Писарь, пьяный, тотчасъ за приговоръ; крестьянъ онъ знаетъ всѣхъ на память подъ-рядъ и записалъ всѣхъ,—и тѣхъ, которые на лицо, и тѣхъ, которыхъ не было здѣсь, и даже записалъ, съ пьяну, и тѣхъ, которые съ полгода тому назадъ померли, такъ что мнѣ пришлось послѣ возвратить имъ приговоръ. Съ недѣлю мои мужики безобразничали. Потомъ собираются опять на сходъ. Староста говоритъ: «мы, господа старики, выбрали-было Ивана Гаврилыча, онъ ублаготворитъ насъ водочкой. Какъ же быть теперь, за что онъ тратится?» Послѣ долгихъ споровъ мироѣды порѣшили дать ему одинъ островъ покосу, который отдается въ сдачу, каждагодно рублей за 60.

Такъ, зачастую, у насъ рѣшаются дѣла на мирскихъ сходкахъ. Еслибъ, дѣйствительно, предоставить право крестьянамъ самимъ выбирать себѣ священниковъ, то туда поступали бы и сельскіе писаря, и кондукторы желѣзныхъ дорогъ, и сельскіе учителя, а скорѣе всѣхъ—грамотѣи-мужики тѣхъ же обществъ, словомъ: тотъ, кто поставитъ больше водки и ублажить коноводовъ.

Однажды, при преосвященномъ Аванасіѣ (Дроздовѣ) въ двухштатномъ селѣ М. найдено было нужнымъ закрыть одинъ штатъ и одного изъ священниковъ перевести въ другой приходъ. А извѣстно, что переводы для насъ прямое разореніе. Одинъ изъ священниковъ собираетъ сходъ, ставитъ ведро водки и проситъ, чтобы прихожане просили у преосвященнаго оставить его у себя. Тѣ составили приговоръ и послали къ преосвященному ходаковъ съ прошеніемъ: поѣхалъ и самъ священникъ. Въ его отсут-

ствіе другой священникъ тоже собираетъ сходъ и ставитъ водки два ведра. Мужики пишутъ приговоръ и посылаютъ съ прошеніемъ ходаковъ къ преосвященному. Приѣзжаетъ изъ города первый священникъ и узнаетъ, что мужики послали просить другаго священника, а его отписали негоднымъ и нелюбимымъ. Онъ собираетъ сходъ и ставитъ четыре ведра воды. Мужики пишутъ опять приговоръ, расхваливаютъ его, и просятъ оставить, а того, какъ негоднаго вывести. Преосвященный, получивши на одной недѣлѣ три прошенія и приговора, противорѣчившихъ одно другому, не могъ понять, что это значить. У одного изъ священниковъ сынъ былъ въ пѣвчихъ и жилъ въ архіерейскомъ домѣ. Преосвященный призвалъ его и просилъ сказать ему всю правду, что все это значить, и тотъ откровенно рассказалъ ему. За откровенность преосвященный оставилъ его отца, но за то пересталъ обращать вниманіе на мірскіе приговоры.

Мы, съ своей стороны, попросили бы всѣхъ и cadaго, кто только беретъ въ своихъ статьяxъ за роль реформатора церкви, прежде всего, не мудрствуя лукаво, поосновательнѣе изучить ученіе православной церкви о церковной іерархіи, и при этомъ взглянуть хоть только въ одно мѣсто св. писанія, именно посланіе апостола Павла къ Титу, 1 гл. 5 ст. Онъ увидѣлъ бы, что паствоство принадлежитъ епископу, а пресвитеръ есть не болѣе, какъ его помощникъ, избираемый имъ въ пособіе ему. Право избирать пресвитеровъ, или священниковъ, принадлежитъ епископу. Общество же имѣетъ право на это избраніе такое же, какое имѣютъ земскія собранія и крестьянскія сходки на выдачу дипломовъ на какую-нибудь ученую степень.

Эти два рода мірскихъ сходокъ, — земскія собранія и крестьянскій сходъ, — я показалъ, между прочимъ, и затѣмъ, чтобы читатель могъ уяснить себѣ, съ кѣмъ священникъ долженъ имѣть дѣло и какіе употреблять способы, чтобы выйти изъ какой-нибудь крайности.

«Какъ было въ древнее время».

Когда это, — въ древнее время? При Геннадіѣ новгородскомъ?

«Безъ ихъ (прихожанъ) согласія священникъ не можетъ быть ни перемѣщенъ, ни уволенъ, ни подвергнутъ какому бы то ни было взысканію, въ случаѣ вины»...

Вопросъ о судѣ надъ духовенствомъ возбуждался, въ не давнее время, официально; но дѣло осталось такъ, какъ оно было.

Епископъ избираетъ себѣ помощниковъ, — священниковъ, онъ имѣетъ и право отстранять лицъ, несоотвѣтствующихъ своему назначенію.

Къ крайнему сожалѣнію, мы не можемъ сказать, чтобы суды епископовъ были всегда безусловно справедливы; въ настоящихъ «Запискахъ» моихъ я указалъ уже нѣсколько этому примѣровъ. А въ одной изъ сосѣднихъ съ нами губерній одинъ священникъ, въ теченіи двухъ лѣтъ, переводимъ былъ въ тридцать два мѣста. Только-что несчастный переволочется на мѣсто, какъ мѣстный благочинный объявляетъ ему, что онъ переведенъ на другой край епархіи, сотъ за пять верстъ. Только-что пріѣдетъ туда, ему объявляютъ, чтобы убирался немедленно въ третью сторону, — и такъ тридцать два мѣста! Ходить бы, можетъ быть, горемычному, какъ вѣчному жиду, и донинѣ, еслибъ не померъ самъ епископъ. Епископъ этотъ говаривалъ, что священникъ долженъ имѣть одну только повозку, и куда я пошлю, туда и поѣзжай. Намѣстникъ этого епископа, на дорогѣ въ епархію, прочелъ въ одной газетѣ о страданіяхъ священника; тотчасъ, по пріѣздѣ, вызвалъ его къ себѣ и перевелъ въ губернской городъ въ лучший, — богатый, — приходъ. При покойномъ этомъ владыкѣ случалось, что по четверо священниковъ съѣзжалось вдругъ на одно мѣсто. Съѣдутся батюшки съ своими имуществами и недоумѣваютъ: кто же изъ нихъ дѣйствительный священникъ этого прихода? Всѣ четверо имѣютъ перемѣстительные указы на это мѣсто! Потолкуютъ, погорюютъ и поѣдутъ все къ благочинному. Благочинный говоритъ: «вѣроятно, вы, о. Теодоръ, должны остаться на этомъ мѣстѣ, потому что указъ о вашемъ переводѣ сюда мною полученъ послѣ всѣхъ». А намъ куда дѣваться? спрашиваютъ другіе. — «Ступайте опять ко владыкѣ». Поплачутъ, да и поѣдутъ.

Заговоривши объ этомъ владыкѣ, не могу не сказать объ одномъ случаѣ. Въ этой губерніи у меня былъ благочиннымъ самый ближайшій мой родственникъ. Въ его вѣдомствѣ, однажды, пьяница и негодай пономарь, на пасху, въ домѣ крестьянина, во время молебна, объ евангеліе, лежавшее на столѣ,

сталъ выбивать трубку. Священникъ, прекраснѣйшій человѣкъ, удержалъ его и потомъ донесъ благочинному. Благочинный, мой родичъ, пріѣхалъ, сдѣлалъ дознание и донесъ преосвященному. Преосвященный накладываетъ на рапортъ резолюцію: «пономаря Ч. перевести въ село З. (приходъ несравненно лучшій), священника Г., за допущеніе выколачиванія трубки, послать въ Н. монастырь на два мѣсяца; благочиннаго же Д., за распущеніе благочинія, удалить отъ должности». Прошло два года. Преосвященный сдаетъ предложеніе: «священника Д. сдѣлать благочиннымъ лично». Это значило: мѣстный благочинный завѣдываетъ церковію и причтомъ—младшимъ священникомъ, дьякономъ, четырьмя дьячками, а до Д. касаться не имѣетъ права. Всѣ документы просматриваетъ мѣстный благочинный; но того, что писано или подписано рукою Д., касаться не имѣетъ права. Извѣстное какое-нибудь распоряженіе дѣлается на весь округъ, благочинный получаетъ указъ и на эту церковь; но Д. получаетъ, для себя лично, указъ особый. Формулярные списки пишутся у насъ въ общей тетради о всѣхъ членахъ причта; но Д. свой собственный формуляръ подаетъ, при особомъ рапортѣ, отдѣльно. Въ концѣ года извѣстную сумму отъ церкви отбираетъ мѣстный благочинный: вѣдомости этой церкви вносятъ въ свои общія по благочинію вѣдомости, а Д. подаетъ вѣдомость отдѣльно, словомъ: онъ начальникомъ лично надъ собою самимъ и смотритъ только за собою самимъ! Такъ прошло опять два года. Черезъ два года Д. опять сдѣланъ былъ благочиннымъ округа и пользовался уже полнѣйшими мплостями преосвященнаго.

Однажды, мой родственникъ, благочинный уже опять, Д. выдавалъ замужъ свою дочь, мою крестницу, и я съ женой поѣхалъ на свадьбу. На дорогѣ въ одномъ селеніи я остановился перемѣнять лошадей, и, отъ нечего дѣлать, пошелъ къ священнику. Священникъ встрѣтилъ меня помертвѣвшимъ. Я отрекомендовался ему и сказалъ куда и зачѣмъ ѣду. Онъ нѣсколько секундъ подумалъ, перекрестился и подаль мнѣ руку. Мы, батюшка, сказали онъ вздохнувши, дрожимъ здѣсь за каждую минуту: какъ только увидимъ въ селѣ чужаго священника, то и думаемъ, что онъ пріѣхалъ на наше мѣсто. Поэтому я васъ страшно испугался. У насъ живетъ себѣ священникъ, ничего

не подозрѣвая, вдругъ является другой священникъ и предъявляетъ указъ на это мѣсто. А мнѣ куда, спрашиваетъ хозяинъ?—Я не знаю, меня самого перевели противъ моей воли. Ъдетъ горемыка въ консисторію, а тамъ оказывается, что мѣста или не дано никакого, или дано гдѣ-нибудь въ тридесатомъ государствѣ. Домъ, хозяйство, посѣвы,—пропадай все!»

У родственника моего я увидѣлъ какого-то неуклюжаго господина въ рясѣ. Спрашиваю: кто это? Это дьяконъ, мой крестникъ, говоритъ мой родичъ. Нынѣ, въ январѣ, я былъ у владыки; онъ былъ до того ласковъ ко мнѣ, что даже посадилъ. Говорю себѣ съ преосвященнымъ и думаю: не воспользоваться ли его милостями, пока есть онѣ; вѣдь онѣ не надолго? И говорю ему: у меня есть крестникъ, пономарь; женатый, съ двумя дѣтьми. Восемь лѣтъ уже онъ ѣздитъ просить посвятить его въ стихарь, и все не удается. Ни читать, ни пѣть, ни писать онъ не умѣетъ,—дуракъ совсѣмъ,—но мнѣ хотѣлось бы, чтобы в. п-во посвятили его, чтобы ему не ѣздить и не тратиться попусту; лучше того, что онъ есть, онъ не будетъ во весь вѣкъ.

— Гдѣ онъ?

— Здѣсь въ городѣ

— Я завтра буду служить; вели готовиться въ дьяконы. Я дамъ ему богатое мѣсто.

И, дѣйствительно, посвятилъ въ дьяконы и далъ отличное въ моемъ же благочиніи мѣсто. Жаль только, что того дьякона, на чье мѣсто послалъ этого дурака, перевелъ верстъ за четьреста.

Этотъ преосвященный, подъ веселую руку, говаривалъ: «наша власть—деспотическая. Намъ въ храмахъ божіихъ покутъ: исполла-эти-деспота!»

Если проявляются общія человѣческія слабости въ судахъ епископскихъ, то на безпристрастный судъ прихожанъ и земства мы совершенно не полагаемся.

Мнѣ, какъ приходскому священнику и благочинному, хорошо извѣстно, что, какъ ни пьянствуй, какъ ни безобразничай священникъ или причетникъ, прихожане никогда не будутъ просить объ удаленіи ихъ, если только они не имѣютъ личвыхъ неприяностей съ кѣмъ-нибудь изъ вліятельныхъ лицъ. При слѣдствіяхъ, прихожане о пьяницахъ всегда даютъ хорошіе отзывы.

Епископъ поэтому не только можетъ, но обязанъ удалить такое лицо, какъ вредно вліяющее на приходъ. Что дѣлать, если священникъ будетъ потворствовать сектантамъ. самъ впадетъ въ расколъ, ересь? Прихожане-сектанты за такого готовы всегда положить свои головы. Неужто такъ и оставить его въ приходѣ навсегда, если прихожане не изъявятъ «согласія» на его удаленіе? Нѣтъ, епископъ обязанъ удалить его и предать суду. Такъ всегда и поступала православная церковь: такъ судимы были Аріи и многое множество ему подобныхъ. Низкопоклонничествомъ, подличаньемъ и происками предъ людьми, считающими себя интеллигентными, и пятерикомъ ведръ водки предъ крестьянами, расположеніе и защиту въ приходѣ можетъ всегда найти и всякій, кто на это способенъ, и быть въ то же время отъявленнымъ негодяемъ и служить ко вреду церкви. Между тѣмъ, вредныхъ для дѣла людей не терять ни на какой должности. Разказанныя мною сейчасъ рѣшенія земскихъ собраній и приговоры крестьянскихъ сходовъ служатъ, кажется, достаточнымъ тому доказательствомъ. Для большей же доказательности того, что церковно-приходскій судъ не можетъ считаться судомъ безпристрастнымъ и справедливымъ, я сдѣлаю небольшую выдержку изъ «Саратовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» (1880 г. № 28) о судѣ, изъ практики раскольниковъ:

«Недавно былъ въ Дубовкѣ (Сарат. губ.) извѣстный защитникъ австрійскаго священства. секретарь хвалынскаго епископа (Сарат. губ.) Амвросія, Н. П. Масловъ, съ благочиннымъ, для суда надъ Дубовскимъ попомъ Павломъ, по возведеннымъ на него винамъ, — что одному богачу не вынималъ частей изъ просфоры, поданной имъ, что одного отлучилъ своею властію отъ церкви, что нѣкоторымъ женамъ назначалъ непосильныя епитиміи, — въ родѣ 1000 поклоновъ до земли въ сутки и под., что онъ корыстолюбивъ, и др. вины. 1-го іюня былъ соборъ по этому случаю; нѣкоторые богачи совсѣмъ - было заклевали попа; но хитрый гусякъ умѣлъ склонить на свою сторону нѣкоторыхъ богатыхъ кумчихъ: и одна изъ нихъ, баба бойкая, явившись на соборъ, распудила всѣхъ поповскихъ обвинителей, расконфузила ихъ и, какъ искусный адвокатъ, довела дѣло до счастливаго результата: попа не только не осудили, не лишили мѣста, но не осмѣлились и хульна суда нанести ему, и поны

въ восторгѣ, благодаря К. Т. Одинъ изъ бывшихъ на соборѣ вынужденъ былъ публично выразиться въ присутствіи православныхъ: какіе мы дураки-то! Руководимся въ дѣлахъ вѣры такимъ священствомъ, которое всегда готово, по необходимости, склоняться даже предъ одной богатой бабой!»

Ужъ не таковъ-ли долженъ быть судъ и въ православной нашей церкви? Нѣтъ, намъ нужна не защита прихожанъ, намъ нужно, чтобы насъ признали людьми со всѣми человѣческими правами!...

Что судъ всегда принадлежалъ епископамъ, каждый можетъ видѣть это, между прочимъ, изъ исторіи церкви Курца (24 стран. 5 строка). Для большей убѣдительности я нарочно выставляю свѣтскаго писателя. Объ адвокатурѣ со стороны прихожанъ нѣтъ ни слова.

«Когда священники принадлежали къ составу общества и избранись имъ, священникъ остался полноправнымъ членомъ общины, участвовалъ во всѣхъ ея дѣлахъ и, какъ человѣкъ грамотный въ своей паствѣ и поэтому уже пользовался ея уваженіемъ; община заботилась о достаточномъ его содержаніи, какъ священника, и считала своею обязанностію защищать его, какъ своего члена»...

Почему бы не подтвердить сказаннаго историческими указаніями: когда и гдѣ все это такъ было? У насъ такъ говорятъ, обыкновенно, раскольники: «креститься подобаетъ двумя перстами, такъ учать св. апостолы». Апостолы нигдѣ не говорятъ ни о двуперстіи, ни троеперстіи, говорятъ имъ!— «Такъ написано въ старыхъ книгахъ». Одинъ вздоръ написалъ, а другой на слово вѣрить.

Если община и у насъ на Руси защищала своихъ священниковъ, то гдѣ же она была, когда архіереи поповъ пороли плетью, сажали на чепь и пр. и пр.? Надѣюсь, что никто фактовъ этихъ опровергать не будетъ. А между тѣмъ семинарій тогда не было. Сдѣлалось ли бы такъ, какъ воображаютъ нѣкоторые, мы возьмемъ въ образецъ сельскихъ волостныхъ старшинъ. Старшина есть начальникъ волости и избирается «общиною» — волостью. При учрежденіи волостей, конечно, предполагалось, что народу дана свобода дѣйствій, — ближайшаго начальника крестьяне избирать будутъ изъ себя самихъ, человѣка изъ той же «общины» и во все время службы состоящаго въ той же общинѣ, — именно такъ, какъ желаетъ

хроникеръ выбирать священниковъ. Предполагалось, конечно, также, что будутъ избираемы люди и по умственному, и по нравственному состоянію стоящіе выше другихъ и будутъ употреблять всѣ силы о благосостояніи общества; но такъ ли вышло? Въ старшины попадаетъ или выжига, или богатый мужикъ, — старшинъ только два сорта, въ этомъ повѣрьте намъ. О нравственныхъ и умственныхъ достоинствахъ не бываетъ и рѣчи. Я однажды, вскорѣ по закрытіи окружныхъ правленій, спрашиваю крестьянина: ну, что, теперь окружныхъ начальниковъ у васъ нѣтъ, управляетесь своимъ братомъ-крестьяниномъ же; конечно, лучше стало? «Нѣтъ, батюшка, много хуже: тѣ брали сотнями, а нашъ-то братъ и сотни-то беретъ, да и двугривеннымъ не брезгаетъ». Кромѣ взятокъ, предъ нашими глазами безпрестанно какъ издѣваются, какъ безсовѣстно они ведутъ себя передъ крестьянами! Напримѣръ, съѣхались крестьяне на волостной сходъ, старшина видитъ это, и отправляется удить рыбу. Къ обѣду воротится домой, не торопясь пообѣдаетъ и ляжетъ спать. Ему и горя мало, что его ждуть 100 человекъ. Выспится и часа полтора просидитъ за чаемъ. И мужики голодны, и лошади поморились, но онъ и знать этого не хочетъ, тогда какъ дѣла всего на полчаса. Знай-де насъ, что мы начальство! Смѣшно, иногда, смотрѣть на чванство департаментскаго чиновника, пріѣхавшаго въ деревню ревизоромъ; но начальникъ-мужикъ, — это изъ свиней свинья!

Таковы были бы и избираемые «общиною» священники. и точно такое же отношеніе они имѣли бы къ приходамъ.

Заботится ли общество объ обезпеченіи въ содержаніи избраннаго ими старшины? Ни мало. Онъ заботится самъ о себѣ: соберутся съ крестьянъ деньги, возьметъ съ писаремъ свое жалованье, а казенное останется въ недоимкахъ; при каждомъ удобномъ случаѣ сдеретъ и съ праваго, и съ виноватаго, — и все тутъ. «Считаетъ ли общество своею обязанностию защищать его»? Попался въ бѣду — и идетъ подъ судъ, а избиратели его хохочатъ. Такъ было бы и съ выбраннымъ священникомъ. Такимъ образомъ все, что говорятъ объ общинѣ, о выборѣ, о защитѣ и проч., — есть чистѣйшая утопія.

«Поставленное такимъ образомъ духовенство быстро измѣнитъ свой видъ».

Въ этомъ мы совершенно согласны. Но къ лучшему ли для вѣры и нравственности? Берутъ при этомъ одну сторону, — матеріальную, но нашъ вопросъ шире.

«Духовное званіе не будетъ никого пугать и въ него охотно будутъ поступать лица всѣхъ сословій».

Согласны мы и съ этимъ. Такъ какъ отъ священника будутъ требовать такихъ познаній и нравственности, какъ и отъ сельскаго писаря и кондуктора желѣзныхъ дорогъ, то, конечно, всѣ, неимѣющіе опредѣленныхъ занятій, бросятся туда; а за 3—5 ведеръ водки крестьяне, зачастую, примутъ кого угодно.

Реформы въ духовенствѣ невозможны. пока духовенство существуетъ въ видѣ касты и такою же кастою будутъ оставаться духовныя школы, состоя исключительно изъ дѣтей духовнаго званія».

Ни духовенство само и ни школы его ничего кастоваго не составляютъ. Идите къ намъ и вы сами, и дѣти ваши, мы просили васъ уже не разъ. А это показываетъ, что касты мы не составляемъ; спеціальныя же школы необходимы. Но о какихъ реформахъ говорятъ намъ, что онѣ «невозможны»? Если о религіозныхъ, то онѣ, дѣйствительно, при спеціальныхъ школахъ, «невозможны»; прочія же возможны совершенно всѣ. потому что мы не глумимъ другихъ, поймемъ все хорошее и усвоимъ.

По случаю исключенія смоленскимъ епископомъ Іоанномъ половины учениковъ, составитель разсматриваемой нами статьи говоритъ: «это яснѣе всего показываетъ, что у духовныхъ школъ нѣтъ хозяина, поэтому она безправна и беззащитна».

Исключеніе Іоанномъ половины учениковъ, — фактъ грустный въ высшей степени, — это правда. Подобное этому было и у насъ при Аѳанасіѣ (Дроздовѣ) въ 1847 году. Но отчего столько застрѣлилось, въ послѣднее время, гимназистовъ, отчего столько и гимназистовъ, и студентовъ сослано въ Сибирь и пропало безъ вѣсти, не отъ того ли, что «хозяевъ» слишкомъ ужъ много? Вышло, что у семи нянекъ дитя безъ глазъ. Которое изъ двухъ золь лучше?

«Поэтому самое лучшее, что можно сдѣлать съ семинаріями, — закрыть ихъ, потому что онѣ даютъ плохихъ пастырей».

Неправда. Выходятъ изъ семинаріи пастыри и «плохіе», но больше хорошихъ. Руководствуясь предлагаемымъ правиломъ, потребовалось бы закрыть всѣ учебныя заведенія, безъ исклю-

ченія, потому что во всѣхъ ихъ всегда были и есть теперь ученики и хорошіе, и «плохіе». Но если въ учебномъ заведеніи чувствуется въ чемъ-нибудь недостаточность, то ее, обыкновенно, пополняютъ, но заведенія не закрываютъ. Пусть будетъ сдѣлано такъ и съ спеціальными духовными заведеніями, если онѣ недостаточно соотвѣтствуютъ своей цѣли. Нельзя, напримѣръ, закрыть медико-хирургическую академію и медицинскіе факультеты при университетахъ изъ-за того, что докторовъ много плохихъ, и замѣнить ихъ фельдшерскими школами. Точно такъ и здѣсь.

Надобно отнестя къ особому промыслу Божию о церкви то, какимъ образомъ дѣти духовенства выходятъ хорошими людьми, при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ они воспитываются.

Я говорилъ уже объ училищной моей жизни; коротенько скажу, къ слову, и теперь. Какъ воспитывался я, такъ воспитывается и все остальное духовенство.

XXVI.

Батюшка нашъ былъ кроткій, добрый и крайне бѣдный священникъ. Дохода онъ не имѣлъ и 50 р. въ годъ. Землю въ пользованіе причта баринъ прихода отвелъ такую, что батюшка иногда сдавалъ ее рублей за 5—6 въ годъ за всю, а иногда не снималъ ее никто. Своими руками земли батюшка не обрабатывалъ, а наемнымъ трудомъ могъ засѣвать только десятины двѣ—три. Когда я подросъ, онъ отвезъ меня въ училище и помѣстилъ на многолюдной, тѣсной и грязной квартирѣ, въ сообщество съ такою же мелюзгою, какъ я, и вмѣстѣ съ остолопами, выгоняемыми изъ училища за безнравственность и лѣность и готовившимися въ пономари. Батюшка мой хорошо понималъ, что это за квартира; но взять мнѣ лучшую онъ не имѣлъ средствъ. Мои дѣтскія силы не вынесли того гама, грязи и атмосферы, что было тамъ, и я заболѣлъ на первую же треть. Квартира отъ училища была далеко, въ классъ нужно было являться чѣмъ свѣтъ,—и ты, несчастный, тащишься туда, иногда по колѣно въ грязи или снѣгу, еще до разсвѣта. Классы безъ оконныхъ рамъ и дверей,—это буквально,—и зимой, въ осо-

бенности въ бурю, мы рѣшительно мерзли. Учителя, — варвары, — били п сѣкли часто, просто для собственной потѣхи и развлеченія. Инспекторъ Архангельскій строго наблюдалъ, чтобы къ утрени ученики не опаздывали, и мы, по очереди, передъ праздниками, не спали ночи, чтобы бѣжать въ церковь послѣ перваго удара въ колоколь, иначе, — запретъ, а церкви была далеко.

Черезъ годъ я поступилъ въ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ. Пѣвческая, — я не нахожу слова, которымъ можно было бы опредѣлить ее. Это омутъ всевозможныхъ мерзостей, гадостей, пьянства, разврата, цинизма и варварства! Тутъ ребенку было поучиться чему... Составитель статьи о духовенствѣ, изъ которой я уже приводилъ выше выписки, говоритъ: «нѣтъ смысла приготавливать священниковъ для дѣйствія въ семь грѣшномъ мірѣ и съ дѣтства воспитывать ихъ въ полномъ уединеніи отъ этого міра». Не плачьтесь, господа радѣльцы о нуждахъ духовенства, на наше невѣдѣніе «міра», — мы видывали виды, какихъ, можетъ быть, не видывали и вы. Вы согласились бы со мной, если бы пожили тамъ, хоть только дней пятокъ; а я выжилъ тамъ цѣлыхъ пять лѣтъ, и притомъ въ лѣта самыя впечатлительныя. По выходѣ изъ пѣвчихъ, я перешелъ изъ казеннаго дома на частную квартиру: квартира была такая же тѣсная и многолюдная, какъ когда я былъ въ училищѣ въ первое время. Тутъ батюшка мой привезъ другаго сына, и черезъ два года — третьяго. Какъ мы содержались, — такъ и припоминать страшно!... Семинаристовъ держать на квартирахъ, обыкновенно, семейныя вдовы-мѣщанки, семейные отставные солдаты и т. п. Они берутъ понемногу за квартиру, и кормятся около постояльцевъ. Часто, и даже большею частію, и сами хозяева, и члены семействъ ихъ бываютъ люди самыя непутные. Множество юношества, нашего брата, погибло именно отъ квартиръ... Я припоминаю теперь нѣкоторыхъ товарищей, которые, сами по себѣ, были славные юноши, но которые сгибли именно отъ квартиръ!

Въ классы нужно было являться зимой чѣмъ-свѣтъ; идти бы, но у тебя нѣтъ или мяса, или муки. Встанешь до свѣта и побѣжишь съ салазками на рынокъ, версты за три; а тамъ стоишь и мерзнешь, пока выйдутъ торговцы. Купишь, и опять бѣжишь,

какъ съумасшедшій, на квартиру и въ классъ. Прибѣжишь,—а у воротъ уже ходитъ инспекторъ. «Поди сюда!» крикнетъ было. И, не говоря дурнаго слова, задастъ такую встрѣлку, что свѣтъ помутится... Дня черезъ три—четыре приходишь изъ класса и промерзшій, и голодный, и усталый. а хозяйка докладываетъ; «я вамъ нынѣ не стряпала ничего: у васъ нѣтъ ужъ ни муки, ни говядины. ни пшена».

— Какъ такъ? Мяса должно быть еще дня на четыре. а муки и пшена мѣсяца на два!

— Не сама же я, чай, поѣла! Вышло все. вотъ вамъ и сказъ. Чай, вы не воздухъ глотали въ эти дни. а ѣли.

— Чтожъ ты не сказала съ вечера?

— Вы сами должны знать.

Но долго толковать и некогда, и безъ толку. Сейчасъ на базаръ, въ обжорный рядъ. купишь себѣ хлѣба, печенки, рубцовъ; ѣшь да и плачешь. Послѣ пяти—десяти такихъ случаевъ перетацишься на другую квартиру,—а та еще хуже.

При этомъ имѣйте въ виду, что мы, оторванные съ младенчества отъ надзора отца и матери, живемъ въ училищахъ безъ всякаго присмотра: становишься на квартиру, куда попало; убираешь постель, переменяешь бѣлье, когда вздумается: идешь,—куда хочешь; дружишь,—съ кѣмъ знаешь; дѣлай,—что угодно.—свобода полная

Чѣмъ же кончилась наша трудная семинарская жизнь? Я окончилъ курсъ и городское нищенство переменялъ на деревенское; а братья мои окончили курсъ въ С.-Петербургской духовной академіи и живутъ теперь въ Петербургѣ, занимая весьма хорошія мѣста. Надъ нами, троемъ братьями, какъ разъ, исполнилась русская пословица: «въ семьѣ не безъ урода». Тѣ братья вышли людьми, а я-то уродомъ, — «сельскимъ священникомъ»...

Бывши священникомъ, законоучителемъ и благочиннымъ, я имѣлъ уже несравненно больше средствъ, чѣмъ мой батюшка, и не могъ, конечно, допустить, чтобы мои дѣти жили на такихъ же квартирахъ, какъ жилъ я съ братьями. Дѣти мои на квартирахъ не видѣли тѣхъ безобразій. какія видѣли мы, и слава Богу, дѣло идетъ у меня съ ними пока такъ, какъ нельзя лучшаго и желать. Думаю, что точно также поступило бы и

остальное духовенство, еслибъ оно имѣло къ тому средства. А это имѣло бы огромное благотворное вліяніе на цѣлыя поколѣнія и на сотни тысячъ юношества. Теперь же строгой нравственности отъ духовенства и требовать нельзя. Напрасно нападаютъ на духовенство, не зная всей горечи его жизни и причинъ ненормальнаго его состоянія.

Въ настоящее время при многихъ училищахъ и семинаріяхъ устраиваются общежитія. Нѣтъ спора, что общежитія, — дѣло хорошее, но онѣ имѣютъ свои и нехорошія стороны, именно: нѣкоторые преосвященные, а за ними и училищныя власти, требуютъ, чтобы ученики жили въ казенныхъ домахъ всѣ безъ исключенія; въ заведеніи строгій присмотръ за учениками днемъ, и безъ всякаго присмотра ночью; нѣтъ никакихъ игръ и невинныхъ развлеченій въ часы досуга, и плохой надзоръ за опрятностью. Принуждать всѣхъ поступать въ казенный томъ отнюдь не слѣдуетъ. Я, напр., никакъ не желалъ бы, чтобы мои дѣти жили казарменною жизнью. Мнѣ не хотѣлось, когда учился мои дѣти, чтобы они измѣняли свой образъ жизни противъ домашняго; поэтому они квартировали всегда въ домахъ священниковъ или знакомыхъ мнѣ хорошихъ чиновниковъ; комнаты были чистыя, сухія и свѣтлыя; бѣлье и верхнее платье всегда чистое; въ свободное время были въ семействѣ хозяевъ; утромъ и вечеромъ пили чай; въ большую перемѣну бѣгали домой выпить стаканъ кофе и под. За что я сталъ бы морить своихъ дѣтей на щажъ и кашѣ, держать въ такой разнообразной семьѣ, какъ бурса, когда я имѣлъ возможность содержать ихъ лучше? Заниматься дѣти мои могли, сколько угодно, безъ всякой помѣхи; за нравственностью ихъ былъ всегда семейный надзоръ, людей вполне благонадежныхъ, которыхъ я не промѣнялъ бы ни на какого надзирателя. Точно также не слѣдуетъ заставлять помѣщать своихъ дѣтей и тѣхъ отцовъ, которые надѣются дать дѣтямъ своимъ лучшую обстановку. Есть общежитія, гдѣ съ мальчика за помѣщеніе, столъ, чистку бѣлья, освѣщеніе и, конечно, отопленіе, берется по 30 р. въ годъ. Какого содержанія можно ожидать за такую плату? Оно и дѣйствительно крайне плохо. Это старинная бурса, въ полномъ смыслѣ слова. Поэтому нужно предоставить дѣло это волѣ родителей и не считать уче-

никовъ, не желающихъ жить тамъ, неблагонадежными и не гнать ихъ за неблагоповеденіе.

Въ общежитіи непременно должны имѣться: мячи, кегли, бильярдъ, рояль и мастерская, въ родѣ столярной. Опытнѣйшіе педагоги-іезуиты всегда имѣютъ въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ что-нибудь въ этомъ родѣ. Но особенно полезно было бы ввести игру на роялѣ, живопись и столярное мастерство. Это послужило бы священнику развлеченіемъ, въ часы его бездѣлья, на всю его жизнь. Вѣроятно, въ этихъ видахъ, іезуиты не принимали никого въ свой орденъ, не знавшаго какого-нибудь мастерства, что и весьма практично. Мнѣ извѣстны и теперь нѣкоторые священники, которые, отъ нечего дѣлать, строятъ себѣ мебель и даже экипажи. Эти же занятія развлекали бы учениковъ и теперь, вмѣсто того, чтобы играть въ карты и тянуть водку, какъ это дѣлается часто нынѣ.

«Другое дѣло спеціальныя богословскія науки; тѣ могли требовать отдѣльнаго преподаванія въ теченіе одного, много двухъ лѣтъ».

Годичный курсъ есть такой короткій срокъ, что въ годъ-то сапожникъ не выучивается и сапогъ точать, какъ слѣдуетъ. Урядникамъ; и то положенъ трехмѣсячный курсъ, а на богословскую науку авторъ приведенныхъ строкъ назначаетъ годъ!

«Нужно предоставить самому обществу заботиться о приготовленіи себѣ духовенства. Въ настоящее время, затрудненія въ этомъ рѣшительно нѣтъ никакого: тѣ же самыя учительскія семинаріи, которыя готовятъ теперь народныхъ учителей, будутъ готовить въ каждомъ народномъ учителѣ людо, способное быть и священникомъ».

Изъ кого набираются теперь ученики въ нѣкоторыя учительскія семинаріи? Туда поступаютъ уже взрослые юноши, но, увы, нерѣдко исключенные изъ духовныхъ училищъ, гимназій и семинарій за лѣность: окончившіе курсъ въ духовныхъ училищахъ, но, за слабостію познаній, не поступившіе въ семинарію,—это по преимуществу; потомъ: обучавшіеся въ приходскихъ и уѣздныхъ школахъ, — эти составляютъ меньшинство. Значитъ: большинство—народъ малоспособный. Каковы они на мѣстахъ ихъ службы? И по нашему наблюденію, и по отзывамъ членовъ училищныхъ совѣтовъ,—это народъ съ большимъ мнѣніемъ о себѣ, но, зачастую, съ малымъ толкомъ въ дѣлѣ.

Давно, еще министр Киселевъ постановилъ, чтобы волостными писарями были изъ крестьянъ. Онъ, вѣроятно, также какъ и теперь нѣкоторые, думалъ, что писаря изъ крестьянъ будутъ больше заботиться объ интересахъ крестьянъ, что для крестьянъ такой писарь будетъ «свое», но это была ошибка. Неудобно ли взглянуть, что эти «свое», продѣлываютъ съ крестьянами! Точно также было бы и тогда, еслибы изъ этихъ «свое» поступали и во священники. Они непременно стали бы стыдиться своего происхожденія и чванствомъ, и съ наглостью доказывать всякому, что они не то, какъ объ нихъ думаютъ. Такая слабость проявляется часто въ людяхъ даже образованныхъ. У меня, напр., въ Петербургѣ былъ одинъ, выпѣ покойный, бывшій знакомый, съ которымъ мы когда-то вмѣстѣ учились, нѣкто... ну, да Господь съ нимъ! Онъ былъ издателемъ одного журнала, но не скажу какого, хотя и знаю. Онъ слышать не могъ, что онъ изъ духовнаго званія, что отецъ его былъ военнымъ священникомъ. «Поповщина, бывало говаривалъ онъ, бывши уже въ Петербургѣ, — это печать антихристова: куда ни явись, все узнаютъ, что я изъ кутейниковъ». По нашему: бѣдное и низкое происхожденіе дѣлаетъ человѣку еще больше чести, если онъ сумѣлъ выбиться въ люди почетные.

Познанія въ религіи они имѣютъ самыя — самыя поверхностныя; но не упускайте изъ виду, что въ учительскихъ семинаріяхъ они слушали священниковъ, основательно знающихъ законъ Божій. А такъ какъ составитель разсматриваемой мною статьи предлагаетъ проектъ свой не на одинъ годъ, а на цѣлыя столѣтія, то значить, что въ слѣдующемъ же за нами поколѣніи священниками и законоучителями въ учительскихъ семинаріяхъ будутъ обучающіеся закону Божию въ тѣхъ же учительскихъ семинаріяхъ. Стало быть познанія и самихъ законоучителей должны быть слабѣе еще, чѣмъ теперь познанія народныхъ учителей, такъ какъ образованія, выше учительской семинаріи, не полагается. Мы увѣрены, что немногіе изъ учителей переведутъ на русскій языкъ и объяснять и теперь молитву. «Достойно есть», а тогда едва-ли будутъ въ состояніи безошибочно написать ее наизусть и на славянскомъ-то языкѣ.

Но такъ какъ и въ университетахъ полагается слушать богословскія науки одинъ только годъ, то и отъ законоучителей

гимназій и профессоровъ-законоучителей университетовъ, и отъ самыхъ іерарховъ нашихъ можно будетъ ожидать очень не-многого. И еслибъ, дѣйствительно, установилось все по мысли нѣкоторыхъ господъ, то «преобразованія» въ нашей церкви, пожалуй, были бы возможны, потому что, по пословицѣ, для слѣпой курицы все пшеница...

Если авторъ помянутой статьи болѣе цѣлесообразнымъ находитъ, чтобы священниками въ народѣ были люди изъ того же народа, то пусть направитъ этотъ народъ и земства, чтобы они избирали изъ сельскихъ школъ лучшихъ мальчиковъ и посылали учиться въ духовныя училища и семинаріи и потомъ просили ихъ къ себѣ идти во священники. Это право они имѣютъ, — духовныя учебныя заведенія открыты для всѣхъ сословій. Тутъ явная выгода, въ религіозномъ отношеніи, будетъ та, что кандидаты на священническія должности основательнѣе изучатъ свою спеціальность и не было бы той невозможной ломки, какая предлагается нѣкоторыми проектами. Пусть убѣдитъ и гимназистовъ идти во священникъ. Отказа въ посвященіи не будетъ, если они будутъ найдены достойными. Но только знайте, что священники и изъ гимназистовъ, и изъ училищныхъ семинарій, и изъ крестьянъ, обучавшихся и въ духовныхъ семинаріяхъ, дѣтей своихъ вѣ мужики не пошлютъ, отдѣлятся отъ нихъ такъ же, какъ отдѣлились мы, и потребуютъ и себѣ, и дѣтямъ такого же содержанія и человѣческихъ правъ, какъ желаемъ мы, а можетъ быть даже еще большаго.

Читая журнальныя и газетныя статьи невольно разводивъ руками и думаешь: вотъ тутъ и угоди! Они кричатъ: давай намъ огненное слово, другія — давай намъ мужика!

Но, не въ обиду будь сказано: коль скоро не знаешь дѣла, за которое берешься и, въ-добавокъ, пишешь пристрастно, то дѣло не пойдетъ на ладъ. Мы, однакожъ, совсѣмъ не противъ проектовъ: чѣмъ больше ихъ, тѣмъ лучше. Предъ отпускомъ крестьянъ на волю, я помню, чего-то не писалось! Проекты, обыкновенно, подобны неводу въ притчѣ Господней: тащи все, умные рыбаки хорошее возьмутъ, а негодное выкинутъ.

„Большая часть семинаристовъ только и учтсся для того, чтобы имѣть кусокъ хлѣба“.

Что же тут особеннаго? спросите любого ученика училища гимназій, студента: что имѣютъ они въ виду, трудясь и тратя свое здоровье? У всѣхъ одна цѣль: «кусочъ хлѣба». Исключеніе составляютъ только состоятельные дворяне, занимающіе высшія государственныя должности, у коихъ цѣль иная. и купцы, чтобы получить льготу при всеобщей солдатчинѣ. Что имѣютъ въ виду чиновники, учителя и профессора, влача свою тяжелую лямку до 25—35 лѣтъ? Не тотъ же ли кусочъ хлѣба? На насъ только, какъ на бѣднаго Макара, всѣ шишки легать!...

„Преподаваніе въ семинаріяхъ, въ особенности богословскихъ наукъ, поручаемыхъ обыкновенно лицамъ монашествующимъ, за рѣдкими исключеніями, было самое жалкое“.

Невѣрно. Ректоръ и инспекторъ только были «лица монашествующія», но прочіе преподаватели всегда или изъ бѣлага духовенства. т.-е. приходскіе священники, или свѣтскіе. Но позвольте вамъ сказать: вѣдь клобукъ ума не закрываетъ. Обыкновенно говорятъ, что слабые студенты духовныхъ академій идутъ въ монахи изъ-за архіерейства, и что имъ первоначально поручаются учительскія должности. Но, не говоря о множествѣ живыхъ и умершихъ, позвольте спросить васъ: неужто не доказать своей учености и громаднаго труда высокопреосвященный митрополитъ московскій Макарій? Онъ былъ и преподавателемъ богословскихъ наукъ въ свое время. Вы скажете, можетъ быть, что это единственный примѣръ? А Соловьевыхъ между гг. учеными много-ли осталось послѣ его смерти? Нѣтъ, и между монашествующими бывали люди достойные полнаго уваженія. Не угодно ли вамъ принять въ этомъ свидѣтельство лица свѣтскаго, котораго судъ, надѣюсь, вы не сочтете пристрастнымъ. А. П. Бѣляева (см. «Рус. Стар.» сентябрь 1880 г.). Скажите безпристрастно: прежде и теперь преподаватели въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, конечно, не монашествующіе, всѣ неукоризненно хороши? Есть хорошіе, но есть и такіе, которые «всуе и землю утруждаютъ». Такъ и между монашествующими: есть и хорошіе, есть и весьма плохіе наставники. Чужой же души никто не знаетъ. и по какимъ побужденіямъ люди избираютъ монашество или другой образъ жизни, — это знаютъ они одни, да Богъ. Но, обыкновенно, на монаховъ нападаютъ еще больше, чѣмъ на насъ. Дѣло это уже извѣстное.

Теперь въ ректора и инспектора академій и семинарій монашествующіе не посылаются. Членамъ правленій этихъ учебныхъ заведеній предоставлено право, при участіи депутатовъ отъ приходскаго духовенства, избирать кого имъ угодно, и монашествующіе, дѣйствительно, почти не избираются, ну, и ладно.....

„Архіерей имѣеть, замѣчаютъ въ одномъ изъ журналовъ, неограниченную власть надъ священникомъ: онъ можетъ, по одному своему усмотрѣнію, ссылатъ священника на такъ называемое послушаніе въ монастырь на какое угодно мѣсто, можетъ переводить, куда ему вздумается, можетъ совершенно уволить его отъ должности“.

Права этого теперь не имѣется. Тяжело и теперь, подь часъ, бываетъ намъ; но не гнѣвите Бога: хорошо бываетъ и у васъ, гг. свѣтскіе! Знакомы мы и съ свѣтской службой. Знаменитый третій пунктъ свод. зак. еще вѣдь не зачеркнуть?

„Въ наше время порядочный хозяинъ не оставитъ устарѣвшаго у него на службѣ дворника и не обидитъ его за какую-нибудь неважную вину смѣщеніемъ его на другое, менѣе выгодное мѣсто, въ особенности, если онъ человекъ семейный“.

«Порядочный хозяинъ», можетъ быть, этого не сдѣлаеть, а объ начальствѣ ужъ помолчите. Я служилъ министерству государственныхъ имуществъ двадцать четыре года; служилъ, могу сказать, съ полнымъ усердіемъ; преподавалъ: Законъ Божій, исторію Россіи, русскій языкъ, литературу, ариметику и географію (я говорилъ уже объ этомъ въ одной изъ предъидущихъ главъ моихъ Записокъ) и, не предупредивши, не сказавши мнѣ ни разу ни слова, меня уволили, не сказали и спасибо.

„По идеѣ христіанскаго ученія, удовлетвореніе христіанскихъ потребностей и не можетъ принадлежать никому, кромѣ самаго общества (неправда!). Ибо всякое христіанское общество есть уже церковь, независимо отъ того, состоитъ ли оно въ какомъ-нибудь отношеніи къ государству, или находится одно себѣ на какомъ-нибудь пустынномъ островѣ, точно также, какъ независимо и отъ того: есть ли въ немъ облеченныя въ духовный савъ лица или нѣтъ“...

Потрудитесь прочитатъ хоть катихизисъ Филарета о девятомъ членѣ символа вѣры, и вы увидите свое заблужденіе.

„По ученію христіанскому, всякій вѣрующій есть eo ipso и іерей, носящій въ себѣ involute право на всѣ тѣ дѣйствія, которыя совершаетъ и священникъ“.

На это я скажу: ни вы сами и никто другой не имѣеть права совершать таинства церкви и священнодѣйствовать, во-

обще, безъ рукоположенія епископскаго. Но въ другомъ мѣстѣ авторъ цитируемой статьи самъ же говоритъ: «каждый воспитанникъ, выбранный обществомъ и посвященный въ этотъ санъ»... И нужно посвящать, и не нужно посвящать!... Это показываетъ крайнюю слабость познаній ученія церкви.

„Изъ этого ясно, что во всякомъ христіанскомъ обществѣ или церкви (стало быть, можно говорить какъ угодно: волостное правленіе Маріинскаго общества, или: волостное правленіе Маріинской церкви? Старшина Маріинскаго общества, старшина Маріинской церкви?) священство открытое, обремененное преимущественнымъ или исключительнымъ на это правомъ, немислимо иначе какъ подъ условіемъ, что этому лицу передаетъ свои права священства все то общество, которое, зная высокую нравственную жизнь извѣстнаго лица и его особая дарованія для церковнаго учительства, найдетъ его способнѣйшимъ и дослойнѣйшимъ священства передъ всѣми другими членами общества“.

Епископъ, священникъ, десятникъ, староста, старшина, гласный земскаго собранія, ходокъ по дѣламъ, — одно и то же? Разница только въ томъ, что каждому назначается свое дѣло?

„Въ такомъ, именно, смыслѣ понимала всегда христіанскую идею и православная (будетъ вѣрнѣе, если будетъ сказано: реформаты, протестанты, методисты, квакеры и пр. и пр., а наши: молокане, беспоповцы, спасовцы, нѣтовцы, подпольники и пр. и пр.) церковь, предоставляя выборъ лицъ духовныхъ той пастырь, въ которой они должны быть пастырями. (Вы перелѣзываете: выборъ лицъ, представляемыхъ епископу для посвященія, съ правомъ для каждаго лица священнодѣйствовать). Это постановление церкви, составляющее одно изъ коренныхъ ея правъ на названіе православной (неужто потому наша церковь называется правосмыслящей) или православною, что прихожане представляли епископу кандидатовъ?) соблюдалось и въ нашей церкви“.

Почтенный писатель, котораго я цитирую, беретъ быть преобразователемъ духовенства и даже церкви, не зная совершенно ни отношеній духовенства къ обществу, ни общества къ духовенству и ни даже самой религіи. И между тѣмъ онъ былъ слушателемъ законоучителя, лица высокообразованнаго. Что за люди выходили бы изъ университетовъ тогда, когда законоучителями ихъ были бы лица, прослушавшія сами богословскую науку одинъ только годъ, и опять отъ такого, который, въ свою очередь, слушалъ только одинъ годъ?!

„Въ обществѣ чувствуется, въ настоящее время, общая неудовлетворенность современнымъ состояніемъ церкви“.

Въ другомъ мѣстѣ, той же статьи, авторъ говоритъ: «всякое христіанское общество есть уже церковь». Далѣе опять говорить: «всякое христіанское общество или церковь»... Стало быть:

общество и церковь,— есть слова синонимическія. Поэтому приведенныя мною слова хроникера нужно понимать такъ: въ обществѣ чувствуется неудовлетворенность современнымъ состояніемъ общества. И это дѣйствительно справедливо: чувствуется сильная недостаточность религіозно-нравственнаго его состоянія. Очень, при этомъ, утѣшительно, когда слышишь голосъ скорби изъ среды самаго общества! Но хроникеръ, какъ видится изъ дальнѣйшихъ его словъ, подъ словомъ: церковь, разумѣетъ духовенство? Напрасно. Духовенство не церковь. Если понимать это слово такъ, какъ объясняетъ его православная церковь, то неудовлетворенности никакой нѣтъ, и быть ея не можетъ.

„Въ газетахъ не рѣдко встрѣчаются заявленія о необходимости въ ней (церкви) преобразованій“.

Ни въ какихъ преобразованіяхъ церковь не нуждается, и нуждаться не будетъ, держась строго всегда православнаго вѣроученія.

„Однѣ изъ газетъ требуютъ (!) помѣстнаго собора; другія даже вселенскаго“.

Господамъ, «требующимъ» соборовъ, мы посовѣтовали бы, прежде, чѣмъ требовать, ознакомиться съ исторіей церкви и всмотрѣться, по какимъ случаямъ и въ какомъ состояніи вѣроученія собирались соборы. Они увидѣли бы, что ничего, подобнаго прежнему состоянію церкви, нѣтъ, и что уже все приведено въ опредѣленность и ясность: слѣдовательно и соборы совершенно не нужны. Если и есть теперь разномысліе въ вѣроисповѣданіяхъ: православномъ, римско-католическомъ, англиканскомъ и протестантскомъ, то эти вѣроисповѣданія положили такіе рубежи между собою, что ихъ не соединяютъ никакіе соборы, доказательствомъ чему могутъ служить, между прочимъ, собранія такъ называемыхъ старокатоликовъ, гдѣ въ бесѣдахъ съ ними участвовали и православные, и англикане.

Въ нашей литературѣ весь «сыръ боръ загорѣлся» изъ-за денегъ,— ничуть не больше: духовенство наше, и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніяхъ, несравненно въ настоящее время лучше, чѣмъ было оно даже за какихъ-нибудь тридцать лѣтъ. Мнѣ, какъ священнику, живущему среди этого духовенства, и благочинному, извѣстно это лучше, чѣмъ жителю сто-

лицы и лицу свѣтскому. Заступаться и защищать духовенство. Я уже говорилъ, я совсѣмъ не имѣю надобности. Дѣло это такого рода: духовенство всегда терпѣло страшныя униженія и нужду; но пока дѣти его непомѣрнымъ трудомъ и непомѣрными лишениями всякаго рода могли еще пробивать себѣ дорогу, — оно, забитое, голодное и холодное, молчало; молчала и литература; стало быть и во мнѣнїи общества оно не представляло ничего, особенно выдающагося дурнаго, хотя, повторяю, было много хуже, чѣмъ теперь. Но какъ только начали душитъ нашихъ дѣтей: выгонять изъ учебныхъ заведеній, сокращать число учащихся штатами по классамъ, отнимать высшее образованіе, и этимъ дѣлать ихъ паріями, пролетаріями, бродягами и возмутителями общественнаго спокойствія; тѣхъ, которые, пострадали, вытерпѣли всю неправду, 10 — 12 лѣтъ не спали ночей, подорвали здоровье и доделись-таки, кое-какъ, до окончанія курса, — стали давить и гнать въ пономари на нравственную и физическую смерть, — духовенство не выдержало и, благодаря достоуважаемому журналу, «Церковно-общественному Вѣстнику», издаваемому почтеннымъ и уважаемымъ А. И. Поповицкимъ, единственному духовному журналу, сочувственно относящемуся къ намъ, стало иногда заявлять и о себѣ самомъ, о своемъ невыносимо-тяжеломъ состоянїи, — и вотъ нѣкоторые изъ писателей подняли крикъ: «попы и тупы, и глупы, и безнравственны, и имѣютъ развращающее влїяніе; выгнать ихъ всѣхъ, набрать мужиковъ и, Боже мой, чего-то не заговорили, благо и тѣма широка и духовенство не отвѣчаетъ ни на какую брань, боясь горшихъ послѣдствій отвѣтъ... И не безъ основанія молчитъ оно, — оно хорошо знаетъ, что ожидаетъ тѣхъ изъ отцовъ іереевъ, которые заговорили...

Если есть нѣкоторыя особенности въ нашей организаціи, то онѣ совсѣмъ не тѣ, на которыя обыкновенно указываетъ литература. Эти особенности: опредѣленія на мѣста, надзоръ за духовенствомъ и церквами, консисторіи, производство слѣдствій, судъ, наказанія, подводная повинность, денежная повинность, благочинные, ремонтировки церквей и церковныхъ домовъ, постройка духовенствомъ собственныхъ домовъ на чужой землѣ, состояніе училищъ, состояніе нашихъ вдовъ и сиротъ, состояніе

самихъ насъ, въ случаѣ нашей болѣзни и выхода за штатъ и пр. и проч.

Обо всемъ этомъ мы и поговоримъ въ слѣдующихъ главахъ нашихъ «Записокъ».

XXVII.

При открывшемся какомъ-нибудь мѣстѣ преосвященному подается нѣсколько прошеній. Если проситель есть лицо заслуженное, хорошо извѣстное ему, и онъ находитъ просителя соответствующимъ этому мѣсту, то онъ даетъ мѣсто, иногда, почти тотчасъ же; если же нѣтъ особенно выдающихся заслугами, то прошенія откладываются, иногда, на довольно долгіе сроки, особенно, если мѣсто славится своею доходностію, — «приходъ хорошій». Преосвященные выжидаютъ просителей еще. Тогда начинаютъ орудовать домашніе архіерейскіе секретари: иной соколъ ощиплетъ всѣхъ до одинаго, понемножку, но иногда этотъ пушокъ доходить и до сотенъ рублей. Дѣло въ томъ, что преосвященные, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, совѣтуются съ ними, спрашиваютъ ихъ, какъ лицъ, стоящихъ ближе къ духовенству, — а они дѣло свое знаютъ, — знаютъ, кого расхвалить и отрекомендовать на извѣстное мѣсто, и кого очернить. Иногда же преосвященные и не думаютъ совѣтываться съ ними и спрашивать, въ чемъ бы-то ни было, ихъ мнѣнія; но они все-таки выдаютъ себя духовенству за совѣтниковъ, берутся ходатайствовать, — и обираютъ. Продержавши прошенія нѣкоторое время, преосвященные сдаютъ ихъ въ консисторію съ резолюціею: «представить справку». Это значить: представить формулярные списки просителей. Здѣсь начинается обдѣлывать просителей канцелярія консисторіи: нынѣ некогда писать, завтра срочныя дѣла свои, послѣ завтра, — не до тебя; а просители живи и проживайся. Потолкуются просители въ передней, потрутся около столовъ съ недѣлку, потолкуютъ между собой, сдѣлають складчину рубльшика по два-по три, — и справки готовы. Ни члены, ни секретарь и не подозреваютъ, что творится у нихъ за стѣнкой, но тутъ свое дѣло знаютъ. По представленіи преосвященному справокъ, мѣсто дается имъ по его личному усмо-

трѣнью. Случается иногда, что пропадають и справки, и самыя прошенія. Это значить, что ихъ стянулъ тотъ, кому это нужно, — чтобъ это лицо не получило просимаго мѣста. Иной преосвященный проживеть весь вѣкъ, ему и на умъ не придетъ, что у него выкрадываютъ прошенія, а тутъ себѣ на умъ... Преосвященный, при множествѣ дѣлъ, ужь никакъ не можетъ припомнить всѣхъ прошеній; не подозрѣвая плутни, онъ и не напоминаетъ ихъ и даетъ мѣсто извѣстному лицу. Тотъ же, чье прошеніе скрадено, видитъ въ консисторіи, что мѣсто дано не ему, отправляется преспокойно домой, говоря, — что его прошеніе архіереевъ не сдалъ и больше не думаетъ о немъ. Явится, потомъ, на свѣтъ и это прошеніе, но на немъ будетъ резолюція: «мѣсто занято».

Хорошія мѣста разбираются скоро. Эти мѣста даются людямъ болѣе достойнымъ по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, если только не вмѣшался въ это дѣло домашній архіерейскій секретарь или не имѣлъ успѣха въ своихъ плутняхъ. На городскія священническія мѣста, иногда объ извѣстномъ лицѣ просятъ преосвященнаго и прихожане. Но, вообще, мѣста даются болѣе справедливо, чѣмъ у свѣтскихъ, гдѣ такъ называемыя «связи» играютъ такую огромную роль. Ни тѣтушки, ни бабушки у насъ не имѣютъ никакого значенія.

Плохими приходами называются тѣ, гдѣ мало прихожанъ и тѣ бѣдны, или гдѣ находится много сектантовъ. Въ эти мѣста посылаютъ или въ наказаніе изъ богатыхъ приходоу, или люди безнравственные, пьяницы, по нѣскольку лѣтъ шатавшіеся безъ мѣста. Мѣста даются этимъ людямъ, чтобы, просто, дать имъ какой-нибудь кусокъ хлѣба, особенно, если они люди семейные, чтобы не падоѣдали своими неотвязными просьбами или, просто, чтобы отвязаться отъ нихъ, или, наконецъ, потому что люди хорошіе нейдутъ туда и нѣтъ лучшаго кандидата. Въ приходоухъ эти люди ведутъ себя безобразно, точно также, какъ и до того времени.

Состраданіе къ бѣдствующему семейству, нѣтъ спора, дѣло хорошее; но родной отецъ должепъ заботиться о своихъ дѣтиахъ прежде всѣхъ и болѣе всѣхъ. Если же онъ самъ не заботится ни о себѣ самомъ, ни о дѣтиахъ своихъ, то къ какой стати заботиться о немъ людямъ постороннимъ? Дѣло тутъ въ томъ,

что изъ-за куска хлѣба двоихъ или троихъ, жертвуется религіозно-нравственнымъ состояніемъ многихъ сотенъ, а иногда и двухъ-трехъ тысячъ людей, — цѣлаго прихода. Такой членъ причта есть язва для прихода. Дѣлю это мнѣ извѣстно хорошо. И я могу указать на самыя лица и на множество примѣровъ. Какъ вредны для приходоу члены причтоу съ дурною нравственностію и петрезвые, представляю въ доказательство статью изъ «Церковно-общественнаго Вѣстника», № 85: «Драчливый миссіонеръ». Такъ вредно они вліяютъ всюду: отъ безобразій ихъ падаетъ вѣра и нравственность въ православныхъ; отъ порочной ихъ жизни, слабѣе въ вѣрѣ отпадаютъ въ расколъ; на нихъ указываютъ, какъ на причину холодности въ вѣрѣ и тѣ, которые и при лучшихъ пастыряхъ не были бы религіознѣе; изъ-за нихъ хулится все духовенство и даже самая религія. Состраданіе не всегда полезно.

Въ селѣ Усовкѣ, Саратовскаго уѣзда, не моего округа, мнѣ однажды было поручено произвести слѣдствіе, по дѣлу о петрезвой жизни двоихъ тамошнихъ священниковъ: Ивана Троицкаго и Михаила Архангельскаго. Троицкій жилъ тамъ, до того, болѣе двадцати пяти лѣтъ, а Архангельскій изъ запрещенныхъ священниковъ былъ посланъ туда незадолго. Село Усовка, — село приволжское, богатое, большое и раскольническое. При спросѣ о поведеніи священниковъ (!), одинъ крестьянинъ говоритъ мнѣ: «былъ у насъ одинъ штатъ, жилъ у насъ одинъ о. Иванъ, и жилъ больно плохо. — такъ плохо, что хуже и быть нельзя. Вотъ и прослышали мы, что у насъ открывается другой штатъ, и думаемъ: не дастъ ли намъ Господь священника получше этого? Этого раскольники наши совѣзмъ сповли: обѣдни служатъ рѣдко, а когда и служатъ-то, такъ что за служба! Изъ церкви опять тотчасъ въ гости; православные-то, и тѣ перестали ходить въ церковь. Человѣкъ онъ вдовый, поддерживать некому, — совѣзмъ пропаль! Открылся другой штатъ, пріѣхалъ другой священникъ, немолодой уже и семейный; на квартиру сталъ у моего шабра. Дождались мы другаго священника, — но этотъ другой — хуже всякаго свиного пастуха! Такъ онъ пьетъ, что и сказать не можно. Вотъ я, иногда, приду къ нему, по шаброву дѣлу, да и стану его урезонивать: «батюшка, говорю я ему, жить-то тебѣ не такъ бы надо! Такъ

жить нельзя и послѣднему мужику, какъ живешь ты. Насъ за васъ укоряють раскольники. А онъ такъ пугнетъ меня, что и послѣдній бурлакъ не выругался бы этакъ. И что дѣлають наши архіереи? Зачѣмъ они даютъ священническія мѣста такимъ людямъ, да еще въ такихъ селахъ, какъ наше? Наше село богатое, народъ весь придерживается раскола, надъ нами всѣ смѣются, что выйти на улицу нельзя. Это оба такіе попы, что мы не дали бы имъ и свиней пасти, а не то, чтобы стадо Христово! Михаилу дали мѣсто, чтобъ не умеръ съ семьей съ голоду? Но коль не хочеть жить, какъ надо; коль не хочеть дѣлать дѣло, за которое взялся, ну, и умирай съ голоду, никто не виноватъ. Какъ проголодается, такъ дурь-то бросить. Зачѣмъ изъ-за пьяницы губить стадо Христово? У насъ изъ-за нихъ и остальные-то ушли въ расколъ ¹⁾.» Въ такомъ родѣ мнѣ дали показанія и другой, и пятый, и двадцатый... Всѣ показанія я написалъ слово въ слово и, по особому распоряженію преосвященнаго, слѣдственное дѣло отослалъ по почтѣ прямо къ нему. Черезъ двѣ-три недѣли являюсь къ нему самъ.

— Вы производили слѣдствіе въ селѣ Усовкѣ?

— Я.

— Ужъ какое же вы сдѣлали мнѣ тамъ назиданіе!

— Извините, ваше преосвященство! Я нахожу нужнымъ показанія понятыхъ людей писать слово въ слово.

— Да, такъ и нужно, конечно.

Преосвященный задумался, минуты три молчалъ, и потомъ съ грустію сказалъ: «да, дѣйствительно мы виноваты, что посылаемъ такихъ на священническія должности! Но чѣмъ виноваты несчастныя дѣти!... Жена Архангельскаго пришла ко мнѣ съ кучею дѣтей, упала въ ноги и навзрыдь плакала, что она съ дѣтьми умираетъ съ голоду. Самъ Архангельскій поклялся мнѣ, что онъ цитъ не будетъ. Я, конечно, не повѣрилъ ему, но дѣтей пожалѣлъ».

Оба, Троицкій и Архангельскій, были запрещены въ священнослуженіи и удалены отъ должностей. Троицкій вскорѣ

¹⁾ Я помню это показаніе слово въ слово.

получилъ мѣсто въ моемъ округѣ, въ с. Увекѣ, чрезъ годъ убѣждалъ къ раскольникамъ и теперь живетъ на Дону у казаковъ.

Въ одно время, лѣтомъ, въ Увекъ пріѣхали четыре казака, на тройкѣ хорошихъ коней, въ хорошемъ экипажѣ, для четыре съ Троицкимъ пьянствовали и потомъ, ночью, всѣ пропали. Гдѣ теперь Архангельскіи,—не знаю. Раскольники укоряли отцомъ Иваномъ православныхъ, и сами же увезли его къ себѣ.

Теперь въ приходы, наполненные раскольниками, какъ малоходные, посылаются исключительно подобныя Михаидамъ Архангельскимъ и Иванамъ Троицкимъ. Эти люди, уже сами по себѣ, есть язва для приходовъ,—для православія. Но раскольники, повидному, дружатся съ ними, снаиваютъ ихъ окончательно, нарочито поятъ предъ праздничными днями, чтобы они не совершали церковной службы. И, дѣйствительно, въ пныхъ подобныхъ приходахъ служба совершается пять-шесть разъ въ году. Раскольники же, наоборотъ, въ укоръ православнымъ, стараются отправлять свое бѣгослуженіе, какъ можно торжественнѣе, собираются и старшій и малшій, и, уходя домой, хочать надъ православными.

Живи духовенство не отъ требоисправленій, имѣй оно опредѣленное и уравненное содержаніе,—нѣтъ сомнѣнія, что въ раскольническія села шли бы люди достойные, могущіе приносить пользу православію; при нынѣшнемъ же порядкѣ туда будутъ поступать только Иваны и Михаилы и, при всѣхъ успѣхахъ администраціи и миссіонеровъ, расколъ не слабѣетъ, а усиливается.—такъ будетъ и дальше.

Въ настоящее время жалованье распределено у насъ не равномерно, приходы раздѣлены на классы. Тамъ, гдѣ приходы многолюдны, настоятель получаетъ 144 р. въ годъ, его помощникъ 108 р. Въ среднихъ приходахъ настоятель получаетъ 108 р., помощника ему не полагается: въ малолюдныхъ настоятель получаетъ 72 р. Многолюдныя селенія, обыкновенно, болѣе или менѣе, богаче малолюдныхъ. Тамъ, кромѣ обязательныхъ требъ, за которыя оплачивается часто съ избыткомъ, бываетъ множество необязательныхъ: служатся по домамъ всенощныя, молебны, панихиды, служатся сорокоусты и др. Есть приходы, гдѣ священники получаютъ до 3,000 р. Такихъ приходовъ хотя и немного, но все-таки они есть. Въ такихъ приходахъ и жа-

• лования положено больше, высшій окладъ, 144 р. Въ малолюдныхъ селеніяхъ народъ всегда бѣдный; за обязательныя требы, крѣстины, похороны и т. под., платить 3—5 к., молебновъ, кромѣ пасхальныхъ и праздничныхъ, не служится, всенощныхъ, сорокоустовъ не бываетъ никогда совѣмъ,—и священникъ получаетъ 100,70 и даже 50 р.; казеннаго жалованья получается 108—72 р. Кто же пойдетъ въ такой приходъ? Иванъ да Михайлъ, когда выгонять ихъ изъ Усовки. Очень перѣдко, что туда попадаютъ люди и очень хорошіе; но, за то, они несутъ такую нужду, что читатель не пойметъ ея, еслибъ я и сказалъ ему.

У меня, напр., въ сосѣдствѣ есть священникъ, въ с. Слѣпцовкѣ, состояніе котораго до того бѣдственно, что не понимаешь, какъ существуетъ онъ? Село это приписано къ моему, и священникъ числится моимъ помощникомъ, хотя тамъ имѣется своя церковь, своя земля при ней, свой отдѣльный составляетъ приходъ, словомъ: приписка эта не имѣетъ никакого смысла. Въ приходѣ числятся 661 душ. м. п.,—народъ крайне бѣдный. Правда, тамъ есть и помѣщики, и даже очень состоятельные, но отъ нихъ не разживешься и гнилымъ полѣномъ. Кружечнаго доходу священникъ не получаетъ и ста рублей, казеннаго жалованья 108. Хлѣбный сборъ бываетъ самый скудный. При такихъ средствахъ едва только можно пробавляться одному съ женой, но у этого несчастнаго шесть сыновей! Въ прошломъ году онъ помѣстилъ одного, старшаго, въ училище, и не знаетъ, какъ онъ будетъ содержать его; но нынѣ отвезъ другаго. Что онъ будетъ дѣлать съ ними,—я и не понимаю. А между тѣмъ съ запасѣ у него еще четыре. Что-же онъ будетъ дѣлать чрезъ четыре-пять лѣтъ?! Шестнадцать прошеній подавалъ онъ о перемѣщеніи его въ приходы, болѣе состоятельные; но всегда «нынѣ прежде его слазить»,—всегда не удается ему почему-то. Между тѣмъ, это человѣкъ въ высшей степени симпатичный: умный, прекроткій, предобрый, тихій, скромный, вѣжливый, неубьющій никакихъ винъ. не то чтобъ водки,—этотъ человѣкъ считался бы совершенно на своемъ мѣстѣ въ любомъ городѣ.

Я сейчасъ сказалъ, что въ многолюдныхъ приходахъ жалованья полагается больше, противу малолюдныхъ. При такомъ распредѣленіи его имѣлось въ виду: за требополненія не брать

ничего, и у кого больше требъ,—больше труда, тому больше и вознагражденія. Такое распредѣленіе совершенно справедливо: больше трудился,—больше и получишь; но только оно не можетъ быть приложимо къ намъ. По моему мнѣнію, въ малолюдныхъ приходахъ жалованья, или вообще содержанія, нужно давать много больше, чѣмъ въ многолюдномъ, и именно вотъ почему: чтобы сравнить, по возможности, доходы всѣхъ приходо-
 вѣ и этимъ сдѣлать ихъ такими, чтобы въ нихъ шли, безъ различія, люди, достойные своего дѣла, и тѣмъ поднять религіозно-нравственное состояніе несчастныхъ, брошенныхъ безъ добраго примѣра, безъ пастырскаго слова, безъ молитвы и таинства церкви, на позоръ и жертву расколу,—прихожанъ бѣдныхъ и раскольническихъ приходо-
 вѣ. Пусть духовенство не беретъ ничего за обязательныя требоисправленія; но въ многолюдныхъ и богатыхъ приходахъ оно, все-таки, наверстаетъ тотъ недостатокъ жалованья, противу жалованья малолюдныхъ, другими доходами: за всенощныя, сорокоусты и др. Въ обидѣ оно не будетъ никогда. Точнаго, безусловно, уравниенія быть никогда не можетъ, приходо-
 вѣ не уравнишь ничѣмъ; но чтобы между ними не было такой громадной разницы,—это сдѣлать возможно. Мнѣ скажутъ: за что причтъ будетъ имѣть больше жалованья въ малолюдныхъ селеніяхъ, когда у него требъ совсѣмъ мало? Я уже сказалъ: чтобы поднять религіозно-нравственное состояніе народа, чтобы приходо-
 вѣ такихъ не обѣгали люди хорошіе, чтобы они не были достояніемъ только Михайловъ да Ивановъ и подобнаго народа. Цѣль мою я нахожу честною. Притомъ, кому какое дѣло до того, что получаетъ его сосѣдъ? У меня, напр., въ 1879 году было 217 крестинъ, а въ Слѣпцовкѣ 80. Еслибъ у него было не 80, а 800,—это для меня совершенно все равно. Теперь онъ получаетъ 108 р., и еслибъ сталъ получать не одну, а нѣсколько сотъ,—это опять для меня безразлично: я получаю свое, онъ свое. Нельзя упустить изъ виду народъ, для котораго мы существуемъ. Но въ распредѣленіи жалованья и въ сокращеніи штатовъ имѣлось въ виду одно духовенство, а народъ оставленъ безъ вниманія.

По настоящему положенію о псаломщикахъ, туда могутъ поступать только окончившіе курсъ семинаріи; оканчивающихъ же курсъ очень мало и вообще, но и изъ нихъ въ попомари

никто, почти, нейдетъ. Поэтому мы довольствуемся пока остатками пономарей старыхъ, народомъ, наполовину, крайне дурнымъ; но скоро переведутся и эти. Поэтому, по моему мнѣнію, нужно дать опять доступъ въ причетники всѣмъ, исключаящимся изъ училищъ и семинаріи, какъ это было до, такъ называемой, реформы. Правда, что обстоятельства измѣнились: теперь хорошаго причетника за 25 р. въ годъ не купишь; они найдутъ, какъ и теперь находятъ, мѣста въ купеческихъ магазинахъ, конторахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, но все-таки нѣкоторые угодятъ и къ намъ. Недавно я пробовалъ приглашать къ себѣ изъ лицъ другихъ сословій въ псаломщики, назначалъ 200 р. жалованья, и никого не нашелъ. Псаломческое дѣло у насъ, — презабавное дѣло. Жалованье полагается псаломщикамъ: дьячку 36 р., пономарю 24 р. въ годъ. Псаломческихъ мѣстъ по каждой епархіи много; путь туда неокончившимъ курса семинаріи прегражденъ; захотѣли, чтобы пономарями были все народъ ученый, все богословы; а въ семинаріяхъ, между тѣмъ, штаты сократили и ввели такія строгости, что до богословскаго класса допозають не многіе, какихъ-нибудь 10 — 15 человекъ, и эти немногіе въ пономари нейдутъ. Мы приходскіе священники, и пробавляемся пока старыми поддонками, да такъ, что хоть плачь, — служить совсѣмъ не съ кѣмъ, одинъ другаго хуже. Непрактичнѣе этого дѣла и не выдумать! Хотѣли что-то сдѣлать, зачумали, да и не додумались.

XXVIII.

Получивши приходъ, членъ причта пріѣзжаетъ на мѣсто и, буквально, «не имать, гдѣ главы поклонити». Я говорилъ уже, какъ жилъ я, тотчасъ по поступленіи во священника, въ церковной сторожкѣ. потомъ въ мужицкой избѣ, вмѣстѣ съ хозяиномъ ея; говорилъ также, какъ теперь одинъ мой знакомый батюшка живетъ въ полусгнившей крестьянской избѣнкѣ, и не можетъ стать въ ней во весь свой ростъ. Изъ этихъ очерковъ читатель, надѣюсь, пойметъ, сколько несемъ мы горя, тотчасъ по вступленіи нами въ приходы. Изъ этихъ краткихъ очерковъ можно составить понятіе и объ остальномъ духовенствѣ. Я и

мой знакомый священникъ не составляемъ исключенія: участь одинакова всего духовенства сельскаго, и только за самыми ничтожными исключеніями.

Особымъ будетъ счастьемъ члену причта, если въ селѣ его найдутся у мужика двѣ избы и одну изъ нихъ уступятъ ему, не говоря уже о томъ, что въ годъ возьмутъ съ него за квартиру столько, что и сама изба не стоитъ того, и все-таки опять на какой-нибудь одинъ годъ. Какъ бы онъ ни бился, какую бы нужду ни терпѣлъ онъ, получай онъ хоть 50 р. въ годъ, будь и онъ самъ, и дѣти босы и голодны,—но построить свой домъ онъ все-таки долженъ. Иначе ему съ семьей придется умирать на улицѣ. Деревня не то, что городъ,—весь вѣкъ на чужой квартирѣ прожить нельзя.

Собрался, наконецъ, съ силами, положимъ, священникъ; можно бы и строиться, но гдѣ? Усадебныя мѣста — или церковныя, или прихожанъ, въ собственность приобрести нельзя ни тѣхъ, ни другихъ; нужно строить на чужой землѣ. Если нѣтъ церковной усадьбы, то нужно просить прихожанъ, чтобъ они дозволили строить на своей. Тутъ нужно просить и, разумѣется, поить мужиковъ, а до этого нѣсколько разъ ублаготворить коноводовъ-стариковъ, иначе никогда не состоится никакая сдѣлка. Запаенные и задобренные коноводы сами скажутъ, когда будетъ у нихъ общая мірская попойка; они скажутъ, что на сходъ, прежде чѣмъ мужики не подопьютъ, идти нельзя, иначе потребуется много водки; что на сходъ нужно будетъ идти прямо съ водкой, что тогда полупьяные мужики бываютъ согласны на все. Выпивши ведра два-три, крестьяне позволяютъ строиться на ихъ усадьбѣ; но позволеніе это обыкновенно дается безо всякихъ, какихъ бы то ни было, актовъ. Если домъ предмѣстника былъ на церковной землѣ, то иногда бываетъ возможно купить и его; если-жъ на крестьянской, то его, почти всегда, отбиваютъ за безцѣнокъ сами крестьяне.

Такъ или иначе священникъ домъ себѣ поставитъ; хорошій или плохой,—это будетъ зависетьъ отъ его средствъ. Построить домъ, пристроить и все необходимое къ нему: амбарчикъ, конюшенику и еще кое-что, и живетъ. Живетъ, но нужда заѣдаетъ его. Открылось порядочное мѣсто, ушелъ бы, но домъ куда? Онъ долженъ пропасть за безцѣнокъ. Надѣяться, что купить его на-

мѣстникъ, — опасно: можно нарваться на такого кулака, что ему же наклаянешься, чтобъ хоть за полицѣны-то взять. Кромѣ того, въ большинствѣ, духовенство имѣетъ возможность строиться тогда только, когда дѣти еще малы; но потомъ уже не до построекъ. Подумаетъ — подумаетъ горемыка, да и останется доживать свой вѣкъ, на горе и себѣ, и дѣтямъ.

Но есть отцы іереи, которымъ перейти въ другой приходъ ровно не значить ничего. Перейти въ другой приходъ, построить домъ, продать, опять купить, смѣняться приходами и домами и взять, при этомъ придачи или самому приплатить, — для нихъ не значить ничего. Такой иной господинъ ходитъ — ходитъ и насилу-то ужъ усядется подъ старость.

Въ достаточныхъ приходахъ люди, имѣющіе возможность, строить себѣ порядочные дома и живутъ весь свой вѣкъ; но какъ только за болѣзнь или старостью выходитъ за штатъ, то дожить покойно въ своемъ домѣ имъ не дадутъ никогда: ихъ вынудятъ продать за безцѣнокъ свой домъ и, или уйти къ какому-нибудь своему родственнику, или построить келью на концѣ селенія. Со вдовами поступаютъ еще хуже; тутъ бывають возмутительныя вещи: тѣхъ прямо, почти, выгоняютъ изъ дому.

Въ селѣ Глядковкѣ, бывшемъ моего округа, когда я былъ уже тамъ благочиннымъ, священникъ В. пріѣхалъ туда на должность предъ Пасхой и, съ женой и ребенкомъ, помѣстился у одного изъ крестьянъ села, въ одну избу съ семействомъ крестьянина. Изба топилась по черному (печь безъ дымоходной трубы). Едва съ мѣсяць пробылъ тамъ несчастный! Какъ только сошелъ снѣгъ и стало просыхать, — онъ вырылъ въ кручѣ надъ оврагомъ землянку и жилъ тамъ все лѣто, пока строился его флигель. Священникъ М. села Ю. жилъ съ семьей цѣлый годъ въ кабацѣ. Во всемъ селѣ не оказалось ни одной избы, куда бы М. могъ пріютиться; на его счастье (!) кабацъ состоятъ изъ двухъ избъ, раздѣленныхъ сѣнями; цѣловальникъ сжался на нѣ безпріютными и отдалъ имъ одну избу.

Еслибъ наши консисторіи испытали на себѣ хоть часть того, что терпитъ сельское духовенство, то не клали бы тѣхъ непреодолимыхъ препятствій, какія кладутъ онѣ при покупкѣ домовъ сельскимъ духовенствомъ. Забавное дѣло! Какъ будто одна консисторія заботится объ интересахъ церкви, какъ будто тамъ

только и христіане, а прочіе священники всѣ и грабители, и свитотатцы!... Всѣ мы учились на одни мѣдные гроши, — у всѣхъ насъ были одни и тѣ же наставники, тѣ же инспектора смотрѣли и за нашей нравственностью, — все одинаково. Но какъ только кто-нибудь попалъ, случайно, въ члены консисторіи, — бѣда! Откуда явится и умъ, и благонаравіе, и попеченіе о чужихъ храмахъ Божіихъ и — всѣ доблести праведника!..

Настойтъ крайняя необходимость и было бы, поэтому, желательно, чтобы сельское духовенство имѣло церковныя квартиры. Квартиры отъ прихожанъ, — одно горе. Я и причтъ мой, въ началѣ поступленія моего въ настоящій мой приходъ, имѣли казенныя квартиры. По измѣнившимся обстоятельствамъ въ приходѣ, прихожане купили дома, гдѣ жили мы себѣ хорошо, и оставили намъ подъ квартиры. Дома стали ветшать и требовали значительной суммы на поправку. Просимъ прихожанъ, — тѣ отказываются неурожаемъ хлѣба. Просимъ консисторію, та — губернское правленіе, палату государственныхъ имуществъ и т. д. Годъ пройдетъ, а дѣло не подвинется ни на шагъ. Крыши развалились, дождь пробивается въ комнаты, оконныя рамы, двери, полы и пр. все обветшало, жить не стало никакой возможности. Просить уже надоѣло. Прихожане стали просить меня, чтобы я чинилъ свою квартиру на свои средства, что они, со временемъ уплатятъ мнѣ всѣ расходы! Я свою квартиру, въ необходимомъ, исправилъ, а причтъ такъ и остался. Года черезъ два прихожане принесли мнѣ приговоръ, что домъ, въ которомъ живу я, они дарятъ мнѣ. Я сломалъ его и построилъ новый свой. Года черезъ три они подарили и дьякону, и тотъ, также, построилъ свой новый. Причетническіе же дома такъ и остались неисправленными. Лѣтъ черезъ десять потомъ прихожане отдали оба дома въ церковь.

XXIX.

При новомъ, такъ называсмомъ, преобразованіи духовенства, вложено начало пли источникъ вѣчной непримиримой и нескончаемой вражды между священниками двухштатныхъ приходовъ, вражды, оканчивающейся, часто, пагубно для нихъ самихъ и вредно вліяющей на прихожанъ.

Изъ двухъ священниковъ одинъ сдѣланъ настоятелемъ, другой—его помощникомъ. При такомъ распредѣленіи имѣлась въ виду исключительно продолжительность службы въ санѣ священника, не обращая вниманія, кто таковъ онъ самъ въ себѣ. Вслѣдствіе чего вышло множество случаевъ такого рода: въ приходѣ два священника, старикъ лѣтъ 75, и молодой. Старикъ учился, когда-то, только въ училищѣ, не умѣетъ сказать съ толкомъ пяти словъ и со смысломъ написать одной строки; молодой-же окончилъ курсъ въ семинаріи въ первомъ разрядѣ, умный и дѣльный господинъ. Молодой,—молодь, однакожь, настолько, что при распредѣленіи штатовъ, онъ былъ священникомъ лѣтъ уже 12. Старикъ сдѣланъ настоятелемъ, молодой—его помощникомъ. Молодой говоритъ поученія народу, ведетъ бесѣды съ сектаторами, ведетъ всю церковную письменность, переписку съ лицами посторонними, ведетъ счетоводство, покупки, ремонтировку церкви и пр. Настоятель же не въ состояніи сдѣлать, и не дѣлаетъ ничего ровно. Онъ только, при каждомъ удобномъ случаѣ, выпиваетъ, а этихъ случаевъ у насъ, была бы охота только, можно отыскать каждый день, что старикъ и дѣлаетъ.

Приходы въ двухштатныхъ церквахъ раздѣляются между священниками, насколько возможно, поровну, по числу душъ и дворовъ и по ихъ состоятельности. По всѣмъ требоисправленіямъ и тотъ, и другой знаютъ только свои части прихода; требоисправленій, поэтому бываетъ по-ровну. Въ храмовые праздники, въ Рождество, Крещеніе и Пасху, каждый священникъ со своимъ псаломщикомъ ходитъ, по своему приходу. Молодой священникъ ходитъ, зимой, по поясъ въ сугробахъ, на Пасху по колѣна въ грязи, не оставитъ безъ посвѣщенія ни одного дома,—изматаетъ всѣ свои силы; а старикъ бражничить и не прои-

детъ своего прихода и половины, не получить и доходу половины, противу молодаго. Всѣ доходы, потомъ, обоихъ священниковъ кладутся въ общую кружку и, при раздѣлѣ ихъ, настоятель-старикъ получаетъ три части, а его помощникъ двѣ. Если дѣло въ копѣйкахъ, то, конечно не стѣдуетъ обращать вниманія; а если въ сотняхъ рублей? За какія блага, спрашивается, настоятель получить больше своего помощника и за какія провинности помощникъ батрачить за него? Настоятель получить 600 р., помощникъ его 400 р., псаломщики по 200 р. тогда какъ настоятель съ своимъ псаломщикомъ не пріобрѣтутъ и 100 р. На такіе случаи я могу даже указать. Могу указать, гдѣ помощникъ исправляетъ почти всѣ требы и по приходу настоятеля. Такойъ раздѣлъ несправедливъ и обиденъ для помощника, даже и въ томъ случаѣ, когда они оба исполняютъ дѣла свои, какъ слѣдуетъ, — и тогда, все-таки, настоятель живетъ трудомъ помощника. За что настоятель получаетъ двумя-стами руб. больше, когда труды ихъ были одинаковы? Горько бываетъ помощнику, особенно послѣ праздничной ходьбы по дворамъ, гдѣ каждая копѣйка достается намъ слишкомъ дорого; но невыносимо бываетъ тяжело, когда помощникъ трудится до изнеможенія, употребляетъ всѣ усилія, чтобы добыть лишній рубль, а настоятель, въ это время, пьянствуетъ, не обидеть и половины своего прихода и, въ-добавокъ, половину утаить и того, что добыто имъ. Бываютъ и такіе случаи. Тутъ уже неизбежны вражда, ссора, укоризны, жалобы благочинному, доносы архіерею, — переписка, слѣдствіе и пр. и пр. Настоятели, въ свою очередь, жалуются, что помощники ихъ не всѣ доходы вносятъ въ общую кружку и что дѣлятъ ихъ съ своими псаломщиками отдѣльно. Кто, правъ и кто виноватъ изъ нихъ. — это знаютъ они они да Богъ; но каждому благочинному приходится разбирать ссоры между священниками при всякомъ пріѣздѣ въ двухштатное село. Разбираешь, а прихожане смѣются, и въ особенности вожаки раскольниковъ, что попы подрались изъ-за блиновъ.

Враждующіе священники, со враждою въ душѣ, совершаютъ богослуженіе: они же, враждующіе между собою, должны говорить слово любви и мира своей паствѣ. И сами они не могутъ и не имѣютъ права говорить другимъ о мирѣ, враждуя

сами, и слово ихъ не можетъ вліять на враждующихъ. Мыѣ не разъ приводилось слышать укоризны прихожанъ своимъ священникамъ на вражду ихъ между собою.

И такое извращенное отношеніе къ дѣлу служенія существуетъ между нами, благодаря правительственному распоряженію о штатахъ!

Нельзя не удивляться, что во всемъ, что сдѣлано въ послѣднее время въ организаціи духовенства: штатное число учениковъ въ учебныхъ заведеніяхъ, оставленіе церквей при одномъ дьячкѣ, настоятельство и помощничество. сокращеніе приходовъ и пр., вездѣ имѣлась въ виду исключительно матеріальная сторона и не замѣтно ни одного распоряженія, которое способствовало бы религіозно-правственному развитію народа или самага духовенства. Все сдѣлано какъ? тамъ убавить, тутъ прибавить: поповъ убавить, приходовъ прибавить: дьячковъ повыгнать, набрать богослововъ, изъ семинарій повыгнать,— и пр. и пр. въ этомъ родѣ...

За долговременную безпорочную службу, за особые труды и заслуги по церкви и приходу, дать старшинство и увеличить содержаніе,—было бы дѣломъ справедливымъ; но это только въ такомъ случаѣ, когда увеличеніе содержанія поступало бы со стороны, въ видѣ казеннаго жалованья. Тутъ есть смыслъ. Но чтобы одному жить трудомъ другаго,—этого мы не понимаемъ. Поэтому я нахожу справедливымъ, чтобы каждый священникъ съ своимъ псаломщикомъ пользовались тѣмъ, что приобрѣтутъ они.

XXX.

Для надзора за порядкомъ по церкви,—ея прочностью, чистотой, благолѣніемъ, доходами и расходами, письмоводствомъ. — поведеніемъ членовъ причтовъ, сношеній духовенства съ епархіальною властію и пр. существуютъ благочинные. Для этого каждый уѣздъ и городъ раздѣляются на части или округа, церквей по 10—15, каждый такой округъ имѣетъ благочиннаго, который есть ближайшій, непосредственный начальникъ духовенства.

Благочинные, хотя подъ разными названіями, существуютъ

съ давняго времени: но приносили ли они и могутъ ли приносить матеріальную или нравственную пользу церкви, духовенству, храмамъ и администраціи?

Во священники поставляется, вообще, лицо, извѣстное и испытанное епископомъ въ чистотѣ вѣры его и нравственности: Въ нашихъ дипломахъ, или ставленныхъ грамотахъ, пишется:... «благочестиваго сего мужа *N. N.* всякимъ первѣе опаснымъ истязаніемъ прилежно испытавше, и достовѣрными свидѣтельствами, наипаче духовнаго его отца *N. N.* о немъ увѣрившеся... посвятили во іерея»... Стало быть, священникъ есть такое лицо, въ которомъ епископъ совершенно увѣренъ, потому что большіхъ испытаній дѣлать уже и невозможно; стало быть, ему можно довѣрять, что угодно и отпустить, куда угодно. Такъ съ миссіонерами и поступаютъ. Но на приходскаго священника епископъ не полагается. Онъ не довѣряетъ ни своему собственному испытанію, ни «достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, ни духовному отцу» и ни ему самому: отпустивши въ приходъ, представляетъ къ нему дозорщика. Этотъ дозорщикъ, какъ Дамокловъ мечъ, виситъ надъ его головою всю его жизнь: онъ слѣдитъ за нимъ всюду и вмѣшивается во всѣ мелочи его жизни, — безусловно во всѣ, — не только служебныя, но и домашнія, и даже семейныя. Онъ имѣетъ право надзора во всякое время дни и ночи. Не довольствуясь полугодичными донесеніями и своими замѣчаніями въ формулярныхъ спискахъ, дозорщикъ обязанъ доносить епископу обо всемъ, что найдетъ, по своему мнѣнію, стоящимъ того, чтобъ довести до свѣдѣнія епископа: это есть агентъ покойнаго, царство ему небесное, III-го отдѣленія! Такого строгаго, такого постояннаго, въ такихъ мелочахъ жизни надзора нѣтъ нигдѣ и ни за кѣмъ. Подобный надзоръ существуетъ только у іезуитовъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Америки на каторжникахъ. Баллы въ поведеніи у каторжниковъ имѣютъ, по крайней мѣрѣ, смыслъ: хорошіе баллы по поведенію сокращаютъ время каторги; а у насъ и этого нѣтъ; іезуиты же, при общемъ другъ за другомъ дозорѣ, извѣстно, какую репутаціею пользуются въ мірѣ. Коль скоро человѣкъ «псызанъ», — испытанъ, какъ говорится, всесторонне и самимъ епископомъ, и людьми авторитетными; коль скоро ему вѣрена паства: дознано и удостовѣрено «достовѣрными свидѣтельствами», что онъ достоинъ

быть руководителемъ вѣры и нравственности цѣлаго прихода, цѣлыхъ тысячъ христіанъ; коль скоро ему порученъ храмъ; коль скоро его нашли способнымъ быть лицомъ самостоятельнымъ, — то зачѣмъ еще за нимъ дозорщикъ?! Послѣ такого «истязанія» всякій дозорщикъ не долженъ имѣть никакого значенія. Это означаетъ только круговое, и къ себѣ и къ другимъ, недоверіе. Послѣ всѣхъ «истязаній» все-таки боятся, что священникъ можетъ сдѣлаться безнравственнымъ. При этомъ: какъ бы ни былъ человекъ благороденъ, съ какими бы самопожертвованіями ни исполнялъ свои обязанности, какихъ бы наградъ онъ ни удостоился, — доверія отъ своего начальства онъ не заслужитъ никогда: дозорщикъ будетъ слѣдить за нимъ весь его вѣкъ. — будетъ слѣдить, пока состоитъ онъ на службѣ, будетъ слѣдить даже и тогда, когда онъ, за дряхлостью или болѣзнью, выйдетъ за штатъ и будетъ скитаться, безпріютный, гдѣ день, гдѣ ночь; лежи онъ десять лѣтъ разбитый параличомъ, — дозорщикъ все-таки будетъ слѣдить за нимъ и доносить о его поведеніи, словомъ: дозорщикъ — это наша тѣнь, до гробовой доски. Такое недоверіе, такое неуваженіе къ личности не можетъ не быть оскорбительнымъ. Я самъ состою въ должности этого дозорщика. — я самъ благочинный и, какъ честный человекъ, говорю, что не то, чтобъ видѣть о себѣ аттестаціи въ поведеніи другаго лица, моего собрата, — а аттестовать другихъ въ ихъ формулярахъ, — дѣло крайне непріятное. При прошломъ оберъ-прокурорѣ св. синода было распоряженіе отъ него даже такого рода, чтобы мы въ формулярахъ духовенства обозначали: «въ какой мѣрѣ аттестуемое лицо употребляетъ хмѣльные напитки». Какъ понимать это: что мы должны считать умѣреннымъ и что неумѣреннымъ; гдѣ эта мѣра? Одинъ, нелющій и слабоспльный, при экстренномъ случаѣ, выпьетъ рюмку одну, — и пьянъ; другой выдуетъ штофъ, — и ни почемъ. Надобно полагать, что благочинный, увидѣвши охмѣлѣвшаго, долженъ аттестовать его употребляющимъ хмѣльные напитки «неумѣренно». Въ формулярахъ гражданскихъ чиновниковъ нѣтъ графы объ ихъ поведеніи, нѣтъ и о винопитіи; эти графы есть только у насъ. Какъ будто одни мы на Руси пьяницы, какъ будто для насъ однихъ существуютъ винокуренные заводы! Распоряженіе бывшаго оберъ-прокурора, какъ распоряженіе оскорбительное для духовенства,

я не исполнялъ и не исполняю до сихъ поръ: объ употребле-
ніи хмѣльныхъ напитковъ я не упоминаю ни слова совсѣмъ.
Означать умѣренность и неумѣренность... Но какъ смотрѣть на
аттестацию благочиннаго тогда, если онъ самъ не знаетъ мѣры?!
И изъ нашего брата, благочинныхъ, есть народъ всякій.

Наблюденіе за нравственностію наставника и блюстителя
нравственности цѣлыхъ тысячъ людей уменьшаетъ значеніе его
пастырскаго достоинства въ глазахъ его паствы. Какъ, напр.,
я довѣрю человѣку на слово, хоть сто рублей, когда хорошо
знаю, что за нимъ наблюдаютъ каждую минуту, чтобъ онъ не
проворовался, которому самому нѣтъ довѣрія отъ высшей его
власти? Если за священникомъ начальство смотритъ каждый
его шагъ, то, естественно, что полного довѣрія и уваженія къ
нему и быть не можетъ.

Правда, что священники не ангелы, и не рѣдко, волею и
неволею, они уклоняются отъ пути, по которому они должны
идти; но вѣдь и дозорщики-то не архангелы, они тѣ же люди.
И дѣйствительно: иной изъ насъ такой взяточникъ, такой ку-
тила, такой непорядочный, что любой пономарь его честнѣе.
Намъ хорошо извѣстно какъ шныре о.о. благочинные кутятъ
вмѣстѣ съ своими подчиненными.

Но если тяжело переносить честному труженнику-священ-
нику недовѣріе къ себѣ начальства и надзоръ благочиннаго,
человѣка благороднаго, то каково это, когда дозорщикъ его
человѣкъ непорядочный?! Каково принять его въ свой домъ;
поить его, когда не пьешь самъ; ухаживать за нимъ, а иногда
и укладывать: давать ему жалованье и прибавлять небольшую
толику, въ видѣ особеннаго къ нему расположенія; являться
къ нему въ домъ, по первому его требованію; исполнять всѣ
его распоряженія; знать, что онъ будетъ аттестовать тебя предъ
начальствомъ въ твоёмъ поведеніи и даже семейной жизни; что
онъ можетъ наклеветать на тебя, что и сколько ему угодно во
всякое время и сгубить тебя?!.. Такимъ образомъ, надзоръ за
поведеніемъ дѣлаетъ насъ безличными, уменьшаетъ наше достоин-
ство въ нашихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ прихожанъ,
а, подъ часъ, и начальства.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы благочинные были без-
условно для духовенства въ тягость. Въ нихъ есть и хорошія

стороны; они приносят много, иногда даже очень много, и пользы духовенству: они помогают при составлении отчетности консисторій; помогают отписываться, когда консисторія закидываетъ вопросы; разбираютъ споры между духовенствомъ, рѣшаютъ ихъ недоумѣнія, удерживаютъ склонныхъ къ ссорамъ отъ кляузъ, и, вообще, и правыхъ и виноватыхъ стараются не допускать до консисторскихъ суда и... разоренія. Еслибы не было благочинныхъ, то епархіальная власть не знала бы о поведеніи членовъ причтовъ? Но изъ благочинническихъ аттестацій она и теперь правды знаетъ не много. Въ прежнее время, когда благочинные назначались епархіальною властію, они были тяжелымъ бременемъ для духовенства: были заносчивы, горды, взяточниками, придирались къ каждому слову и дѣлу, мстили за каждое мнимое къ себѣ неуваженіе, словомъ: они были отпечатками старыхъ консисторій своихъ, и многіе, поэтому, изъ духовенства испытали на себѣ тяжелую руку епархіальной власти. Въ настоящее же время, когда благочинные стали избираться самимъ духовенствомъ, когда и сама администрація стала либеральнѣе, — они потворствуютъ духовенству; заискиваютъ у него, чтобъ быть избираемыми и не доводятъ до свѣдѣнія епархіальной власти и о такихъ порокахъ, которые нетерпимы. Такимъ образомъ, при двухъ крайностяхъ, епархіальная власть не имѣла точныхъ свѣдѣній о духовенствѣ прежде, не имѣетъ ихъ и теперь.

Оставить духовенство совсѣмъ безъ надзора нельзя, благочинныхъ духовенство боится, а это удерживаетъ его отъ пьянства и другихъ безобразій?

Насъ бояться; многіе удерживаются отъ открытаго пьянства, именно только потому, чтобы не узналъ благочинный. Это совершенная правда. Но такъ говорили и помѣщики при крѣпостномъ ихъ правѣ! Говорили и помѣщики, когда-то, что мужику необходимы и няньки и палки, но когда не стало этихъ неразлучныхъ пѣстуновъ, няньки и палки, то если онъ не сдѣлался лучше, то не сдѣлался хуже. Страхъ есть всегда плохой исправитель пороковъ. Многолѣтніе, вѣковые опыты доказали уже, что нашъ бдительный надзоръ, наши аттестаціи въ формулярахъ не принесли нравственности ни малѣйшей пользы: пьяница также пьетъ, какъ ты его ни аттестуй. Призовешь много слабого волею, по-

просишь его бросить пьянство, побранишь, пригрозилъ; онъ расплачется, будетъ просить прощенія, перекрестится и дастъ клятву, что онъ пить не будетъ во весь вѣкъ. Но потомъ узнаешь, что онъ воздерживался всего или какой-нибудь мѣсяць, а то такъ отъ меня же прямо заѣхалъ по дорогѣ въ первый кабакъ и напился до-пьяна. А между тѣмъ, безъ надзора благочиннаго, безъ формулярныхъ отмѣтокъ въ поведеніи, человекъ, почувствовавши свободу, почувствовавши, что онъ взрослый, совершенный человекъ, что надъ нимъ нѣтъ дозорщика, нѣтъ няньки и можетъ сказать себѣ: homo sum, — по сознанию собственнаго своего человѣческаго достоинства, можетъ быть, стать бы вести себя строже. Порочная же жизнь всплываетъ сама собою, и безъ благочинныхъ. Сколькихъ расходовъ, какой возни избавилось бы духовенство отъ закрытія этой должности и какъ возвысилось бы оно въ своемъ собственномъ мнѣніи, какъ нравственно возвысилась бы и администрація духовнаго вѣдомства, уничтоживши и у себя III отдѣленіе! Благочинные дѣлаютъ различныя дознанія, производятъ слѣдствія? Но это можетъ дѣлать, и съ бѣльшимъ удобствомъ, ближайшій къ мѣсту слѣдствія священникъ. Такъ, бѣльшею частію, теперь и дѣлается.

Благочинные повѣряютъ церковныя документы и своимъ подписомъ утверждаютъ вѣрность ихъ? Но, по представленіи ихъ въ консисторію, они снова повѣряются тамъ; значить, что повѣркѣ благочинныхъ консисторія не даетъ никакого значенія, а слѣдовательно нѣтъ надобности и провѣрять ихъ имъ.

Черезъ благочинныхъ дѣлаются тѣ или другія распоряженія? Но циркулярныя распоряженія и теперь печатаются въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, а частныя могли бы дѣлаться непосредственно причту, что тѣмъ болѣе это теперь возможно, при существованіи всюду земской почты. Прямое и непосредственное сношеніе съ духовенствомъ сокращало бы и переписку, сокращало бы и время въ перепискахъ. Теперь дѣло это ведется такъ: причтъ, напр., желалъ бы, чтобы церковныя квартиры его отапливались на церковныя средства; для этого просить благочиннаго ходатайствовать передъ консисторіею разрѣшенія на извѣстную сумму. Благочинный доноситъ консисторіи, консисторія предписываетъ благочинному: предписать причту спросить прихожанъ: не согласятся ли давать отопленіе изъ своихъ дачъ.

Благочинный сообщает о распоряженіи консисторіи причту. Причтъ доноситъ благочинному, что прихожане въ отопленіи квартиръ его отказываютъ; благочинный доноситъ объ этомъ консисторіи. Консисторія предписываетъ благочинному: предписать причту усугубить убѣжденія прихожанамъ въ отопленіи церковныхъ домовъ. Причтъ усугубляетъ убѣжденія и потомъ доноситъ благочинному, что убѣжденія не подѣйствовали: благочинный доноситъ консисторіи. Консисторія пишетъ въ полицейское управленіе, то— становому приставу, приставъ, при случаѣ, собираетъ челоѣкъ десятокъ крестьянъ и спрашиваетъ ихъ. потомъ беретъ отъ нихъ отзывъ и отсылаетъ въ полицейское управленіе, то отсылаетъ въ консисторію. Консисторія требуетъ отъ благочиннаго свѣдѣній: сколько церковь имѣла доходу и расхода въ теченіи пяти лѣтъ и не имѣетъ ли церковь особенныхъ нуждъ? Благочинный требуетъ отъ церкви приходо-расходныя книги, дѣлаетъ справку и доноситъ консисторіи. Тогда-то ужъ только консисторія разрѣшаетъ или отказываетъ! Еслибы духовенство не отапливалось во время переноски своими средствами и стало бы дожидаться разрѣшенія консисторіи, то не только померзло бы оно само, но и поморозило бы всѣхъ клоповъ, если они есть въ его квартирахъ. Что тутъ благочинный? Не болѣе какъ передаточная станція, а между тѣмъ въ этихъ станціяхъ время идетъ. Не ближе ли къ дѣлу вести переноску съ самимъ причтомъ непосредственно? Стало бытъ: благочинные и зтѣсь не нужны.

Благочинные, по истеченіи года, составляютъ денежныя, метрическіе и исповѣдныя отчеты по своимъ округамъ, составляя ихъ по церковнымъ документамъ? Но эти документы они, вмѣстѣ съ своими вѣдомостями, представляютъ консисторіямъ. По благочинническимъ вѣдомостямъ и подлинникамъ консисторіи составляютъ общія вѣдомости. Не ближе ли было бы къ дѣлу, еслибы консисторіи составляли свои вѣдомости по подлинникамъ? Духовенство избавилось бы этимъ способомъ отъ лишннихъ расходовъ и поѣздокъ къ благочинному, пересылая все по почтѣ изъ уѣзднаго города. Въ случаяхъ какихъ-либо недоумѣній, гдѣ теперь благочинные, дѣйствительно, помогаютъ, они могли бы совѣтоваться съ сосѣдями-священниками, изъ которыхъ многіе знаютъ дѣло не хуже любаго благочиннаго.

Если благочинные нужны для разбора мелочныхъ дѣлъ и

умиротворенія членовъ причтовъ, то, кажется, можно бы имѣть одно лицо на уѣздъ, съ правами мировыхъ судей, но не больше.

Благочинные, обязательно два раза въ годъ, ревизуютъ церкви и доносятъ консисторіи о томъ, что найдено ими? Никто и никогда не ревизоваль. Объѣздъ ихъ не болѣе, какъ сборъ денегъ, слѣдующихъ ко взносу по разнымъ частямъ и, главное, своего жалованья и другихъ подачекъ, подносимыхъ ему, въ видѣ особаго къ нему расположенія. Но деньги могли бы отсылаться по почтѣ, гдѣ же нѣтъ ея, то нарочито посланный въ городъ становится бы много дешевле того, что стоитъ пріѣздъ благочиннаго, или пріѣздъ къ нему.

XXXI.

Приходскія церкви наши имѣютъ доходы отъ продажи восковыхъ свѣчей, отъ кошелековаго сбора, отъ частныхъ пожертвованій и, въ весьма немногихъ мѣстахъ, отъ оброчныхъ статей. На всѣ эти средства церковь содержится во всѣхъ своихъ частяхъ: ремонтируется самое зданіе, покупается ризница, книги и пр. и пр. Расходу требуется, иногда, столько, что средствъ ея недостасть на покрытіе самыхъ необходимыхъ нуждъ ея. Но, кромѣ расходовъ, такъ сказать, внутреннихъ, она имѣетъ весьма значительные расходы на-сторону: 25⁰/₁₀₀, по распоряженію св. Синода; на содержаніе духовныхъ училищъ и устройство (въ Саратовской губерніи) общежитій при нихъ 17¹/₂⁰/₁₀₀; на общественную больницу (земскую) 2⁰/₁₀₀; на содержаніе миссіонеровъ: а) между язычниками имперіи, б) на Кавказѣ и в) мѣстныхъ и пр. и пр. Для церкви, особенно бѣдной, крайне тяжелы всѣ эти налоги. Священники и церковные старосты употребляютъ всѣ усилія и къ увеличенію доходовъ церкви, и къ сокращенію расходовъ ея.

Отъ церкви со всѣхъ сторонъ требуютъ отдѣленія ея доходовъ, — отдѣленія ея средствъ къ собственному ея существованію, и отдѣленія весьма значительнаго; но никто, вѣроятно, не подумаль: не провалилась-ли у самой церкви крыша, не разваливается-ли она сама? На состояніе самой церкви не обращается вниманія, — и церковь вноситъ. Всѣ, вѣроятно, пола-

гаютъ, что церкви имѣютъ доходы неистощимые и настолько значительные, что могутъ отдѣлять отъ себя на всѣ чужія нужды. Но никто и никогда не потрудился спросить насъ—сельскихъ священниковъ и благочинныхъ: каковы доходы сельскихъ церквей? Никто изъ городскихъ и понятія не имѣетъ о холодѣ; но мы, дающіе другимъ отопленіе, мы въ нашихъ церквахъ буквально мерзнемъ отъ немѣнна средства къ отопленію, не говоря уже о другихъ нуждахъ, которыхъ никто не пойметъ, еслибы мы и сказали. Мнѣ, какъ благочинному, не разъ привозили отъ нѣкоторыхъ церквей, при годичныхъ отчетахъ, рубля по два — по три ржавленными грошами.—Зачѣмъ вы привезли это, спрашиваешь священника и церковнаго старосту?

— «Все, что было у насъ, отвѣчаютъ мнѣ, мы привезли вамъ; смотрите: по вѣдомостямъ. — у насъ осталось 20 коп. и 10 фунтовъ свѣчъ на разторговлю». Не рѣдкость совсѣмъ, если въ церкви имѣется только двѣ священническія ризы.

«Преобразованы» училища; но при этомъ, мало того, что даны программы, назначено число предметовъ и преподавателей, —преподавателямъ назначено и количество жалованья; но денегъ не отпущено. Высшая власть средствами церквей и нашими карманами распорядилась по своему усмотрѣнію. Мало этого: являются уполномоченные на сѣздѣ; у нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣти обучаются въ этихъ же училищахъ, наставники знаютъ это и подаютъ заявленіе о прибавкѣ имъ жалованья или единовременныхъ денежныхъ наградъ. Всѣмъ изъ уполномоченныхъ памятепъ случай, какъ былъ исключенъ сынъ священника Агринскаго за непріятное столкновеніе отца съ однимъ изъ наставниковъ семинаріи, явившимся на епархіальный сѣздъ за прибавкою жалованья! Боясь повторенія подобнаго случая, уполномоченные, скрѣпя сердце, прибавляютъ жалованье или даютъ единовременную награду.

Потребовалась въ училищѣ новая постройка, экстренная ремонтровка и т. под., уполномоченные нужную сумму раздѣляютъ на благочинническіе округа; округа раздѣляютъ по доходности церквей. Или просто: 10% съ доходовъ такого-то года. Въ какой церкви, по приходнымъ книгамъ, значится больше дохода, на ту церковь налагается, конечно, больше и взноса, предполагая, что эта церковь состоятельнаѣе. Такой порядокъ

дѣль вынуждаетъ духовенство не всѣ поступающіе въ церковь доходы вносить въ приходныя книги. Эти суммы слывятся подъ названіемъ «безгласной суммы». Но не вездѣ, однако-жъ, не всѣ суммы вносятся и не вездѣ имѣются безгласныя суммы. О существованіи ихъ можно только предполагать, но доказать невозможно.

Куда-жъ дѣваются эти деньги? Представляется надобность купить что-нибудь: подсвѣчникъ и т. под., покупается и пишется: «пожертвованъ неизвѣстнымъ подсвѣчникъ». Собирается безгласной суммы достаточное количество; священникъ имѣетъ въ виду устроить новый иконостасъ, онъ и пишетъ на приходъ каждый мѣсяцъ: «собрано по приходу или пожертвовано неизвѣстнымъ на устройство новаго иконостаса 25—50 руб.» и вносить ихъ въ банкъ. Такая сумма будетъ спеціальною, отъ нея нельзя уже взять ни на училище и никуда на сторону. Собирается достаточная сумма, священникъ проситъ разрѣшенія устроить новый иконостасъ, указываетъ на свои спеціальныя средства, и консисторія разрѣшаетъ безъ всякихъ проволочекъ.

Всѣ церковныя документы пишутся на печатныхъ бланкахъ. бланки высылаются изъ консисторій, по 3 к. за листъ; а незадолго до этого они были по 3¹/₂ к., между тѣмъ, какъ бланки для гражданскихъ присутственныхъ мѣстъ въ частныхъ типографіяхъ печатаются по полукопѣйкѣ и съ бѣльшимъ количествомъ графъ и буквъ. Изъ консисторій же церкви получаютъ и книги для записки прихода, расхода и брачныхъ обысковъ. За книгу листиковъ въ 20 консисторіи берутъ коп. 90. 1 р. и болѣе; тогда какъ, при собственномъ изготовленіи, она стоила бы не болѣе 25—30 к. Нынѣ уже не высылаются, но высылались очень недавно бланки никому и никогда ненужные, особенно, по такъ называемому прокурорскому отчету. Изъ нихъ есть такого рода: сколько при церкви больницъ, сколько монастырей и т. под. Такого рода свѣдѣнія требуются отъ благочиннаго бланкахъ на десяти, и ему нужно десять бланковъ. — по всѣмъ родамъ свѣдѣній по одному бланку въ годъ. Но консисторіи высылали, бывало, по 50—70 на каждую церковь, и за каждый бланкъ по 3 к. Пришлетъ консисторія тую, рублей на 50, хоть волкомъ вой съ нимъ: священники не берутъ. а

консисторія требуетъ деньги «полностію». Насилу упросишь священниковъ, насилу навяжешь, — и вышлешь деньги «полностію». Консисторіи, конечно, есть расчетъ, если въ губерніи пмѣется до 700 церквей; но церквамъ, которыя считаютъ капиталы свои ржавленными грошами, не хотѣлось бы дѣлать допусту и двухъ-рублеваго расхода. Доносишь консисторіи, что блянки не нужны, что ихъ никто не беретъ, — консисторія не отвѣчаетъ; но, мѣсяца черезъ три, предписываетъ представить деньги «полностію». Случалось и такъ: высылаются какія-нибудь книги съ предписаніемъ: «раздать по вашему усмотрѣнію». Опять книгъ никто не беретъ, никому онѣ и не нужны, но продать нужно: ну, и начинаешь расхваливать, какъ торговка. При этомъ бывало и такъ: получаешь книги, въ указѣ значится 10 экземпляровъ, а получаешь только 8. Сколько угодно пини и требуй; вамъ не отвѣтятъ, а деньги потребуютъ за 10. Нынѣ этого уже ничего нѣтъ, хотя было все это очень, очень недавно.

При ремонтпровахъ церквей, церковныхъ домовъ, устройствъ новыхъ иконостасовъ и т. под. причтъ представляетъ благочинному смѣту; благочинный утверждаетъ; причтъ подаетъ ее при прошеніи преосвященному и проситъ разрѣшенія, какъ на самую работу, такъ на нужную для нея сумму, сбереженную церковію. Консисторія предписываетъ благочинному наблюдать за прочностью работъ, за точнымъ выполненіемъ смѣты и, по окончаніи работъ, представить подробный отчетъ; но того, какъ ихъ именно, въ дѣйствительности, церковь требуетъ исправленій, столько-ли нужно матеріалу и стоить-ли означенная работа гѣхъ денегъ, которыя положены въ смѣтѣ, и даже, нужно-ли производить означенную работу, не нужно-ли сократить ее или расширить, — объ этомъ консисторіи не имѣютъ и понятія. При такихъ порядкахъ можно испросить разрѣшенія суммы, и «Бога не боясь и челоуѣкъ не срамяясь», построить себѣ домикъ, какъ дѣлается это, въ-частую, въ гражданскомъ вѣдомствѣ. Представить отчетъ, — и консисторія будетъ довольна. Ей нужно только, чтобъ было спрошено разрѣшеніе и израсходованная сумма не превышала смѣты. Если же смѣтной суммы окажется недостаточно, то консисторія разрѣшитъ и дополнительную.

Ни нужды церкви, ни работы она не видитъ. Но еслибъ даже и видѣла, то отъ этого церкви ни лучше, ни хуже не было бы, потому что всѣ мы: мѣстный священникъ, благочинный, членъ консисторіи и преосвященный—вышли изъ однихъ техническихъ и инженерныхъ институтовъ,—всѣ мы не знаемъ ровно ничего по этой части. При смѣтахъ нашихъ бываетъ всегда такъ: что подрядчикъ скажетъ, и за сколько съ нимъ священникъ порядится, то въ смѣту и положить: скажетъ подрядчикъ, что для починки крыши нужно 100 п. желѣза, окраски—10 п. масла и 4 п. мѣдянки и пр. и за работу 150 р., такъ священникъ внесетъ и въ смѣту, такъ утвердить и благочинный, такъ разрѣшить и преосвященный, въ этой суммѣ потребуетъ отчета и консисторія. Напиши священникъ, что на ту же самую работу нужно и матеріалу и рабочимъ вдвое больше,—преосвященный утвердить и это; напиши, что нужно вчетверо меньше,—утвердить и это. Словомъ: пиши, что угодно,—утверждено будетъ все одинаково. Но за то послѣ консисторія строго прослѣдитъ отчетъ, провѣритъ со смѣтой, и въ случаѣ превышенія расхода противу смѣты, задастъ священнику такого жару, что не открестись, не отмолишься никакими способами,—и штрафъ отдашь на бѣдное духовенство, и пожалуй прибавишь, подѣ часть, при этомъ небольшую толику и не на бѣдное.

Консисторіи поручаютъ надзоръ за работами и потомъ свидѣтельство работъ благочиннымъ. Но благочинные въ работахъ ничего не смыслятъ сами; услѣдить, дѣйствительно ли вышло матеріалу столько, что внесено въ смѣту,—для этого нужно быть при работахъ и день, и ночь неотлучно: это, разумѣется, невозможно. Вызывать инженеровъ.—не по средствамъ церкви. Мастерские иногда ошибаются сами, а иногда для того, чтобы втянуть въ поправку, показываютъ, при осмотрѣ ветхостей, нарочно матеріалу меньше того, что требуется на самомъ дѣлѣ. Отъ этого не рѣдко случается то, что матеріала недостаетъ въ срединѣ самыхъ работъ. Требовать разрѣшенія дополнительной смѣты во время самыхъ работъ,—дѣло немислимое, по той причинѣ, что его можно дожидаться только къ слѣдующему лѣту: покупать матеріалъ выше смѣты,—значитъ завѣдомо напрашиваться на штрафъ; оставить работу до слѣдующаго лѣта, положимъ, хоть бы полуштукатуренною церковь, съ подмостками

и лѣсамп, — дѣло хуже штрафа. Въ такихъ обстоятельствахъ и выручаетъ безгласная сума. Священникъ покупаетъ матеріаль, производитъ работу, отчетъ же отдаетъ въ той только суммѣ, какая означена въ смѣтѣ. Дѣло оканчивается тѣмъ, что и консисторія покойна, и работа произведена, и священникъ цѣлъ. Значить: всѣ эти смѣты, разрѣшенія и свидѣтельствванія не имѣютъ ровно никакого смысла, и служатъ только къ обремененію духовенства и униженію его. Отдавать работы на матеріалахъ самихъ подрядчиковъ духовенство не находитъ выгоднымъ, имѣя всегда предъ глазами дурныя казенныя постройки, производимыя подъ наблюденіемъ архитекторовъ.

Наше мнѣніе по этому дѣлу таково: священнику ввѣреть приходъ, ввѣреть и храмъ его. И по праву, и въ дѣйствительности онъ есть попечитель храма въ полномъ смыслѣ этого слова; у него есть помощникъ. — церковный староста (въ селахъ церковные старосты, лично, не имѣютъ никакого значенія: онъ не только не пріобрѣтетъ самъ ничего, но, въ большинствѣ случаевъ, за нимъ самимъ нуженъ надзоръ и надзоръ). Общими силами, по грошамъ, собираютъ они деньги; общими силами охраняютъ церковь отъ излишнихъ расходовъ; сама церковь принадлежитъ приходу. Никто, кромѣ прихожанъ, не построишь церкви и не исправитъ ея ветхостей. Слѣдовательно, и нужно дать полную свободу дѣйствій въ ея ремонтировкахъ прихожанамъ же и во главѣ ихъ мѣстному священнику и довѣренному отъ прихожанъ, — церковному старостѣ. Постороннія лица, кто-бы онѣ ни были, и сколько-бы ни вмѣшивались въ дѣла церкви, никогда не могутъ принести ей ни малѣйшей пользы. Всѣ посторонніе радѣтели могутъ быть вполне увѣренными, что болѣе приходскаго священника имъ не порадѣтъ. У всѣхъ на глазахъ: гдѣ священникъ дѣятеленъ и любитъ благолѣпіе храма. — на церковь всегда пріятно взглянуть, хотя приходъ и не отличается достаточностію: гдѣ же священникъ относится къ ней небрежно — церковь всегда заброшена, хотя приходъ и достаточный; не помогутъ тутъ и консисторскія радѣнія. Многолѣтніе опыты доказали, что ни благочинный и ни консисторія не приносили, не приносятъ и не будутъ приносить, и не могутъ приносить ни малѣйшей пользы, сколько-бы они ни выказывали своей заботы. Благочинный еще можетъ, иногда, собрать прихожанъ и

повліять на нихъ въ исправленіи ветхостей церкви; можетъ повліять и при подрядѣ на работы и сбавить цѣны, но консисторіи сдѣлать въ пользу церкви не могутъ ровно ничего. Священникамъ и церковнымъ старостамъ консисторія не довѣряетъ; но, при этомъ, она не обращаетъ вниманія на то, что ими же собираемы и деньги, въ которыхъ она не довѣряетъ имъ. Деньги могли быть собраны, могли быть и не собраны и коль скоро собраны, то по одному уже этому названному лицу имѣютъ право на полное довѣріе въ расходѣ. Такое недовѣріе не можетъ не быть обиднымъ. Да, не въ обиду будь сказано, не консисторіямъ, рассылающимъ по нашимъ церквамъ ненужные бланки и книги, заботиться о нашихъ церквахъ!...

Итакъ, повторяю, я нахожу справедливымъ дать полную свободу прихожанамъ, съ приходскимъ священникомъ во главѣ, ремонтировать свои церкви, какъ имъ угодно; консисторіямъ же, въ извѣстное время, сообщать къ свѣдѣнію. При устройствѣ новыхъ иконостасовъ, проектъ иконостаса долженъ быть предварительно представленъ епископу на разсмотрѣніе, и именно въ тѣхъ видахъ, чтобы сохранить узаконенную временемъ ихъ форму.

XXXII.

Священникъ есть учитель вѣры и нравственности народа, — лицо, испытанное епископомъ, лицо, которое онъ ставитъ въ іерея, «прилежно истязавше». Въ каждомъ священникѣ епископъ можетъ быть увѣреннымъ, и дѣйствительно на каждого русскаго православнаго священника можно вполне надѣяться, что онъ не будетъ проповѣдывать народу ни ереси, ни безнравственности и ничего, возмущающаго спокойствіе государства. Можно вполне надѣяться, что поученія его будутъ всегда согласны съ словомъ Божиимъ. Но, однакожь, какъ къ поведенію его, такъ и къ слову его приставляется дозорщикъ, называемый цензоромъ. Если священникъ испытанъ и не подастъ повода подозрѣвать его въ нечистотѣ его вѣры, то зачѣмъ же дозорщикъ? Да онъ и смотритъ не за чистотою проповѣдуемыхъ имъ христіанскихъ истинъ; онъ смотритъ исключительно за тѣмъ,

чтобы слово его было написано красно, со всеми правилами риторики. Цензоръ есть, ни болѣе ни менѣе, какъ школьный учитель, со всеми приемами школьнаго учителя, а священникъ, и въ глазахъ своего начальства и цензора, есть школьникъ. Цензоръ не дозволитъ ничего пастырю церкви, какъ мальчишкѣ, сказать: 1) рѣзко обличающаго пороки общества и 2) если слово его не отдѣлано по всемъ правиламъ искусства. Иной цензоръ пачкаетъ тетрадки священниковъ, какъ у послѣдняго мальчишки, забывая и о своемъ, и о пастырскомъ достоинствѣ священника. И почему? Потому только, что ему дано право выражать чужія мысли на свой ладъ, что ему кажется, что извѣстная мысль была бы выражена лучше такъ, какъ представляется это ему, безъ всякаго, конечно, на то доказательнаго основанія. При этомъ и выходятъ иногда презабавныя вещи, на которыя слѣдовало бы обижаться, еслибъ онѣ не были смѣшны. Однажды я подаль свою проповѣдь цензору, городскому священнику, нынѣ протоіерею города Б. Л. Онъ измазалъ всю тетрадку такъ, что и взглянуть страшно. На другой годъ мнѣ, случайно, назначили проповѣдь на тотъ же самый день. Я переписалъ такъ, какъ была перемазана въ прошломъ году, и подаль тому же Л. Но онъ исчеркалъ мою тетрадку еще хуже, чѣмъ въ прошломъ году, — не оставилъ въ ней живаго слова! То, что написалъ онъ самъ, въ прошломъ году, теперь зачеркнулъ и противъ своихъ же словъ наставилъ, по полямъ, замѣтокъ: «нескладно», «неясно», «повтореніе» и т. под. Вообще, можно бы только смѣяться надъ ребячествомъ нашихъ цензоровъ, всѣхъ безъ исключенія, но дѣло въ томъ, что они подаютъ о своихъ замѣчаніяхъ преосвященнымъ, и этимъ можно навлечь непріятное о себѣ его мнѣніе. Это и заставляетъ нѣкоторыхъ священниковъ сидѣть цѣлые мѣсяцы надъ какимъ-нибудь однимъ листомъ, много двумя. Не подумайте, однакоже, что цензора наши какіе-нибудь Массильоны? Ничуть не бывало, это народъ, учившійся на тѣ же мѣдные гроши, какъ и мы грѣшныя. Въ одно время въ нашемъ городѣ былъ цензоромъ нѣкто А.; онъ теперь кандидатомъ, по крайней мѣрѣ въ его собственномъ воображеніи, на архіерея; онъ свои очередныя проповѣди или списывалъ съ печатныхъ цѣликомъ, или сшивалъ пзъ разнаго тряпья. Но за то пачкать у другихъ

куда былъ гораздъ! Цензора, за немногими исключеніями, въ самомъ дѣлѣ считаютъ себя какимъ-то особымъ народомъ и ужасно грубо обращаются не только съ молодыми священниками, но даже съ самыми почтенными старцами, которымъ школьничество совсѣмъ уже не по душевному ихъ состоянію. А такъ какъ безъ штрафовъ мы жить не можемъ, и штрафъ у насъ въ каждомъ дѣлѣ на первомъ планѣ, то и здѣсь обойтись безъ него было бы обидно: «за нерадиво составленное очередное слово» полагается штрафъ 3—4 р. Точно также налагается штрафъ за неподачу проповѣди совсѣмъ. Нѣкоторые священники и предпочитаютъ отдать 3 р. прямо безъ хлопотъ, — тѣмъ болѣе, что не многіе изъ цензоровъ отказываются отъ рублика или фунта чаю при приѣмѣ проповѣди, чтобы не мазать.

Если цензора наши существуютъ для перефразировки, пачканья и глумленія, то существованіе ихъ слишкомъ мелко и унижительно не только для пастыря, но и для нихъ самихъ. Если необходимо требуется, чтобы ученіе о вѣрѣ и нравственности излагаемо было красно, въ чемъ однакожъ ни истины вѣры и ни истины нравственности не нуждаются, то желающаго поступить во священники нужно приучать къ этому въ семинаріи, но не тогда уже, когда онъ сдѣлался учителемъ народа. Притомъ: въ городахъ, при архіерейскомъ служеніи, поученія говорятся лучшими, по умѣнью въ обработкѣ слова, проповѣдниками; но обратите вниманіе на присутствующихъ въ храмѣ: какъ только вынесли аналой, еще не извѣстно кто будетъ говорить и о чемъ онъ будетъ говорить, но вынесли, — и народъ бросился изъ церкви во всѣ двери! Вотъ ваши, проповѣдникъ, и труды! Васъ награждать своимъ присутствіемъ только самая небольшая частица, и то — оставшаяся въ храмѣ не для васъ, а для принятія благословенія отъ епископа, при выходѣ его изъ церкви. Для деревень же городское слово нейдетъ уже совсѣмъ. У насъ чѣмъ проще, удобопонятнѣе и чѣмъ предметъ слова ближе къ жизни, чѣмъ лучше. А между тѣмъ каждый сельскій священникъ долженъ подать три проповѣди въ годъ на просмотръ благочинному. Этимъ путемъ и сельскихъ священниковъ заставляютъ корпеть надъ обработкою поученій.

Наставники нашихъ семинарій, какъ горожане, совсѣмъ не знаютъ нашего простаго, деревенскаго народа, не знаютъ его потребностей, не знаютъ его языка и пониманія; не знаютъ того, что съ крестьянами нужно говорить не вычурно, — по городски, а просто, ясно и удобопонятно, какъ съ ребенкомъ, — тѣмъ языкомъ, которымъ говоритъ онъ. Нельзя употреблять оборотовъ рѣчи и словъ, въ которыхъ вы заранѣе не увѣрены, что васъ поймутъ. Иначе васъ не поймутъ, и слова ваши перетолкуютъ по-своему. Не зная и не обращая вниманія на младенческое состояніе народа, наставники, приготовляя учителей для народа, приучаютъ ихъ составлять поученія самымъ напыщеннымъ слогомъ. И былъ однажды такой случай: бывши въ богословскомъ классѣ, я пріѣхалъ, однажды, на каникулы къ родственникамъ своимъ въ Самарскую губернію, въ село Глушцу. Въ день коронаціи Государя Императора мѣстный священникъ о. Михаилъ Церебровскій сталъ говорить проповѣдь и безпрестанно восклицалъ «нашъ монархъ! Нашъ помазанникъ, монархъ»!... Послѣ обѣдни выхожу я изъ церкви, два знаемыхъ крестьянина подходятъ ко мнѣ и спрашиваютъ: «о какомъ это батюшка говорилъ помазанномъ монахѣ? Значить, что бывшіе въ церкви изъ напыщенной проповѣди не поняли ни словинushка! Скажи священникъ, вмѣсто: Монархъ, Государь Императоръ, — это слово понялъ бы всякій. Тутъ виноваты и семинарія, и цензоръ.

Если цензоры нужны для того, чтобы мы не говорили ничего противъ вѣры, нравственности и правительства; то кто за нами слѣдить, и кто услѣдить, когда мы говоримъ съ народомъ «благовременнѣе и безвременнѣе?!» Мы имѣемъ тысячи случаевъ наговорить народу, и въ храмахъ и наединѣ, что намъ угодно, и мы говоримъ обо всемъ, что находимъ нужнымъ говорить, безо всякой цензуры и дозора. Если же бы кто захотѣлъ говорить что-нибудь противное своему долгу, то, навѣрное, онъ не настолько тупъ, чтобы говорить это въ проповѣди, писанной по закону, на виду у начальства. Къ чему же цензоръ надъ тремя проповѣдями въ году, если безъ него мы имѣемъ право говорить ихъ сотни?! Если духовное начальство хочетъ заставить священниковъ этимъ способомъ писать поученія и цензоръ есть контролеръ, то оно должно знать, что священ-

никъ, если не написать, то списать три проповѣди въ годъ можетъ всякій. Стало быть и здѣсь цѣль не достигается.

Вмѣсто того, чтобы гоняться за фразерствомъ, я нахожу, что полезнѣе было бы, чтобы воспитанники семинарій приучались объяснять извѣстныя мѣста св. писанія и говорить поученія безъ всякихъ подготовокъ, экспромптомъ. Пусть изложепія мыслей будутъ непоследовательны, пусть будетъ и языкъ необработанъ; но чтобъ говорилось ясно и удобопонятно. Такія поученія могли бы быть произносимы ими и при богослуженіяхъ. Простота слова не уронитъ достоинства св. вѣры и не унижитъ торжества богослуженія. Это главное. Второе: потребность въ цензорахъ пала бы сама собою, и въ-третьихъ: у консисторій однимъ ходомъ къ штрафамъ меньше.

XXXIII.

Духовенство несетъ и подводныя повинности. По дѣламъ службы оно ѣздитъ къ благочинному, въ консисторію, въ земскія собранія, на собственный счетъ; даетъ подводы благочиннымъ и слѣдователямъ, хотя бы они ѣхали черезъ села духовенства совсѣмъ по чужимъ дѣламъ. Иногда кому-нибудь изъ священниковъ поручается произвести слѣдствіе о времени рожденія кого-нибудь изъ крестьянъ села за четыре отъ слѣдователя, — духовенство всѣхъ селъ, лежащихъ по пути, обязано давать ему подводы туда и обратно. Въ теченіе года приходится давать подвody, иногда не мало. Бывали и такіе случаи: по одному извѣстному намъ дѣлу, однажды назначено было произвести слѣдствіе надъ протоіеремъ гор. Балашева Цыпровскимъ члену консисторіи, протоіерею Крылову. Городъ Балашевъ отъ консисторіи въ 240 верстахъ, мое селеніе въ 45 вер. По дорогѣ въ Балашевъ Крыловъ заѣхалъ ко мнѣ. Я далъ ему до ближайшаго села тройку лошадей; ему, въ знакъ моего особеннаго къ нему уваженія, какъ начальнику моему — члену консисторіи — подимперіаль и дячку его, состоявшему при немъ въ качествѣ писца и лакея, рублевку. — и мы распрощались. Черезъ недѣлю мнѣ пришлось быть въ слободѣ Островахъ, верстахъ въ 50-ти отъ гор. Балашева, совер-

шенно въ сторонѣ, тоже у благочиннаго Н. А. Цвѣткова. Крыловъ при мнѣ приѣхалъ туда. Онъ, значить, цѣлую недѣлю колесилъ по отдаленнымъ селамъ: былъ въ Руднѣ и въ Красномъ Яру (верстахъ въ 80-ти въ сторону), потомъ задѣлъ не только камышинскій, но и царьцынскій уѣзды (верста 200 въ сторону). Онъ сдѣлалъ верста 500, если не больше, околесницы. За чѣмъ же это? Затѣмъ, что много священниковъ и трусливѣе, и податливѣе меня. Мнѣ извѣстно, что онъ изъ Балашева ѣздилъ домой, не окончивши дѣла, два раза, и каждый разъ, туда и обратно, колесилъ по самымъ отдаленнымъ и болѣе богатымъ селамъ. Очень интересно было бы знать: чего стоить духовенству слѣдствіе надъ Цыпровскимъ?...

Случалось, что консисторіи, кому захотятъ удружить, посылають къ благочиннымъ нарочныхъ съ предписаніемъ немедленно исполнить какое-нибудь дѣло. Тутъ о. о. благочиннымъ приходилось полатиться за весь путь, туда и обратно, уже не мало. Не подумайте, чтобы требуемыя дѣла были срочныя или особенной важности. Ничуть не бывало. — пустяки. Это, просто, сюрпризъ, — въ видѣ особаго благоволенія.

Поѣздки слѣдователей и благочинныхъ составляютъ для духовенства расходъ довольно значительный, особенно если слѣдователемъ не благочинный и не имѣющій отъ земскоѣ управы открытаго листа брать лошадей «за прогоны». Тогда ямщики берутъ коп. по 5 и даже по 10 на лошадь съ версты. За такіе прогоны мнѣ приводилось ѣздить не разъ. Иногда есть и подорожная «за прогоны», но ямщики ждуть кого-нибудь изъ чиновниковъ; тогда не повезутъ васъ ни за какіе прогоны, особенно если чиновникъ есть земець. Въ такомъ случаѣ духовенство везетъ на своихъ лошадяхъ, если держитъ ихъ. Но случается и такъ: лошади и есть, да кучера нѣтъ. — опять бѣда. Однажды я лѣтомъ, въ рабочую пору, приѣхалъ въ большое малоросійское село Р. моего округа и кромѣ священника никого не было. дома изъ мужчинъ во всемъ селеніи: причтъ въ полѣ, священниковъ работникъ въ полѣ, мужики всѣ въ полѣ, и дома однѣ бабы. Лошади у священника были дома, а мужика нигдѣ, ни одного. Мы съ батюшкой заложили тройку лошадей и усадили на козла хохлушку; экипажъ у меня былъ крытый, я закрылся кругомъ. приѣхавъ къ углу, чтобы никто не видѣлъ,

кто ѣдет, — и валий! Но съ дьячками на козлахъ мнѣ приходилось ѣздить не разъ. Это еще хуже, чѣмъ съ хохлушкой: тутъ ужь, какъ ни прячешься, всякій видитъ, что ѣдетъ начальство и видитъ, какого сорту это начальство. Это дѣло, — совсѣмъ дрянн. Срамота. — глаза бы не глядѣли!

Несетъ духовенство и денежныя повинности; оно даетъ жалованье благочиннымъ, на училищныя и общепархіальныя сѣзды, писмоводителямъ попечительства о бѣдномъ духовенствѣ, даетъ на содержаніе духовныхъ мужскихъ и женскихъ училищъ, миссіонеровъ епархіи. Это платежъ опредѣленный и обязательный: но кромѣ ихъ есть, которыя хотя считаются и необязательными, но отъ которыхъ духовенство отказываться не можетъ, напр., на бѣдное духовенство, на постройку гдѣ-нибудь, въ Русси, храма: на бѣдныхъ учениковъ, отправляющихся въ академію и т. под. Въ подобныхъ случаяхъ не приказываютъ жертвовать непременно, но только приказываютъ благочинному доводить до свѣдѣнія власти, кто и сколько пожертвуетъ. При такихъ отеческихъ предложеніяхъ благочинные свое дѣло знаютъ и, чтобы подслужиться, вынуждаютъ васъ дать, хотя бы вы давать и не желали. Такъ какъ число членовъ причтовъ при церквахъ не одинаково, — при однѣхъ церквахъ имѣется одинъ настоятель и одинъ псаломщикъ; при другихъ — настоятель и два псаломщика; при третьихъ — настоятель, помощникъ и два псаломщика, а налоги дѣлаются, вообще, на причтъ, — то и платежъ не одинаковый. Въ моемъ округѣ обязательный налогъ падаетъ по 15 р. на cadaго члена причтовъ въ годъ: по точному же разсчету, какъ идетъ это въ дѣйствительности, священникъ платитъ отъ 18 р. до 27 р. 30 к., псаломщикъ — отъ 6 р. до 9 р. 10 к. въ годъ. Поэтому священникъ несетъ налогу или платитъ податей изъ своего жалованья за два мѣсяца и девять съ половиною дней, а несчастный пономарь за четыре мѣсяца и двадцать дней — каждый годъ. Отдавши свое пятимѣсячное жалованье на жалованье другимъ, самъ онъ, съ женой и дѣтьми, долженъ жить на 2 р. 66 к. цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ. Ему приходится существовать на 44 к. въ мѣсяць. По вышшимъ цѣнамъ на хлѣбъ, ту сумму, которую приходится довольствоваться пономарю, нужно увеличить, по крайней мѣрѣ, въ четыре раза, чтобы прокормить одну про-

стю дворную собаку. Но, къ крайней скорби, злосчастному пономарю, — единственному ттецу и пѣвцу при нашемъ богослуженіи, — не достается и этихъ 44 к. Онѣ уйдуть всѣ цѣликомъ на наемъ подводъ должностнымъ лицамъ и на добровольныя пожертвованія. А если, на его истинную бѣду, онъ сдѣлаетъ ошибку при метрической записи, то задѣнетъ частицу жалованья, въ родѣ мѣсячнаго, въ уплату штрафа и изъ втораго полугодія.

XXXIV.

Наше жалованье, мало того, что такого нѣтъ нигдѣ, но оно и выдается намъ такъ, какъ нигдѣ. Мы получаемъ его изъ казначейства такимъ порядкомъ: благочинный долженъ представить въ консисторію, къ 1 іюля и 1 декабря, вѣдомости о томъ, при какой церкви сколько находилось наличныхъ членовъ причта въ теченіе полугода; сколько каждый членъ состоялъ на службѣ въ это время, и сколько кто долженъ получить жалованья. Консисторія строго наблюдаетъ, чтобы вѣдомости представляемы были въ опредѣленные сроки. Промедли благочинный два-три дня, и — консисторія сдѣлаетъ самое строгое внушеніе съ предупрежденіемъ, что если такая медленность окажется и на будущее время, то благочинный будетъ подвергнутъ строгому взысканію. Тутъ напоминаетъ уже, значить, о неразлучномъ спутникѣ нашей службы — штрафѣ. Проходитъ іюль, — духовенство начинаетъ толковать о жалованьяхъ. Каждый, при встрѣчѣ съ другимъ, первымъ словомъ, спрашиваетъ: «что, жалованье выдаютъ?» — «Прытокъ больно! Развѣ можно теперь: іюль еще не прошелъ». Прошелъ и іюль, наступилъ и августъ, — духовенство начинаетъ копошиться: нужно отправлять дѣтей въ училища, шить имъ рубашонки, шубѣнки и пр., доходовъ лѣтомъ нѣтъ совсѣмъ, — эхъ, какъ бы жалованье выдали теперь, толкуютъ всѣ! — «Что, жалованье получаютъ?» — Не слышно! — «Эко горе! Дѣтей скоро нужно везти, а денегъ нѣтъ ни копейки!» Это общій повсюдный ропотъ. Везутъ дѣтей, идутъ въ казначейство одинъ, другой, десятый, тридцатый... Жалованья не выдаютъ. Казначей говорить, что не получено изъ конси-

сторіи росписанія. Пошы и дьячки надоѣли уже и казначею и онъ велѣлъ уже сторожу не допускать къ нему. Прошелъ и августъ, а жалованья нѣтъ да и нѣтъ. Духовенство уѣхало по домамъ. Пришелъ сентябрь, духовенство опять потянулось за жалованьемъ, но та же исторія: росписанія нѣтъ.

Являюсь, однажды, въ сентябрѣ я. Вхожу: ни слова не говорю никому и никого не спрашиваю, но сторожъ-солдатъ встаетъ и говоритъ:

— Жалованье еще не выдается, изъ консисторіи не получено росписанія.

— Тебѣ казначей велѣлъ говорить это всѣмъ понамя?

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Фу, какая гадость! Когда же это, наконецъ? пробормоталъ я себѣ.

— Не можемъ знать-съ! Надо подождать!

— Выхожу, въ дверяхъ попадается одинъ дьяконъ. Идите, говорю, назадъ, жалованье еще не выдается. Выходимъ на улицу, встрѣчается дьячокъ.

— Что, жалованье выдаютъ?

— Выдаютъ, говоритъ мой спутникъ, и хлопнулъ себя по карману. Дьячокъ сдѣлалъ-было шагъ впередъ, но дьяконъ: оборачивай оглоблями-то назадъ! Ступай-ко лучше сперва вышей на свои, а казенное-то оставь до того года.

— Развѣ еще не выдаютъ? И при этомъ, выразительнымъ русскимъ словомъ, хватилъ самое задушевное благожеланіе консисторіи.— Тутъ, о дьяконъ, не до выпивки! У сына въ училищѣ тулупишка нѣтъ. Пойду въ консисторію справляться, казначей вретъ.

На дорогѣ попадается мнѣ одинъ знакомый священникъ. Завтра, говоритъ, будутъ выдавать жалованье! Нынѣ изъ консисторіи пошлютъ въ казначейство росписаніе. Я сейчасъ иду изъ консисторіи, тамъ набралось нашей брѣтніи человѣкъ двадцать. Дѣло было за казначеемъ; вѣдомость давно написана, только подать бы въ присутствіе подписать. Мы приступили, просили-просили казначея, а онъ сидитъ себѣ и только отгрызается: «намъ не до васъ, у насъ своихъ дѣлъ по горло!» Мы и сговорились дать ему: обступили и начали просить его, сперва такъ, безъ денегъ, а онъ: «вы, отцы, дома хлѣбъ-то даро-

вой ѣдите, у васъ ничто не куплено, только деньги отклады-
васте себѣ; а тутъ купи всякую луковицу. Такъ надо честь
знать: вы ѣдите, и другіе, тоже, ѣсть хотять». Мы ему и ну
совать, кто полтинникъ, кто двугривенный, а дьячокъ N сунулъ
5 коп. Сейчасъ же засунулъ деньги въ столъ, вынулъ изъ-подъ
бумагъ дѣло и отнесъ въ присутствіе. «Завтра, говоритъ, можно
будеть получать». Не дай мы ему, окаянному, опять пришлось
бы ѣхать домой съ пустыми руками. Я уже и такъ пріѣзжаю
въ третій разъ. Денѣкъ теперь нужно подождать здѣсь; хоть и
накладно, да все не то, что изъ дому ѣхать.

На другой день являемся человѣкъ тридцать, пли около это-
го, въ казначейство. Казначей Смирновъ не задерживалъ пасъ:
молча онъ выдавалъ жалованье всѣмъ тотчасъ, но за то всѣмъ
не додавалъ по рублю. Слѣдуетъ получить, напр., на весь
причтъ 126 руб. 42 к. Смирновъ велитъ расписаться въ по-
лученіи денегъ и прехладнокровно подкладываетъ 125 р. 42 к.

— Здѣсь рубля недостаетъ!

— Достаетъ! Отойдите, дайте мѣсто другому! И это ска-
жетъ онъ самымъ покойнымъ тономъ, не глядя на васъ. Мо-
жете говорить ему сколько угодно, можете горячиться, можете
пригрозить жалобой—это все равно. Смирновъ, какъ камень,
сидитъ неподвижно и отсчитываетъ деньги другому. Онъ хоро-
шо зналъ, что жаловаться не пойдетъ никто. Недодавать всѣмъ
по рублю,—это было его постоянное правило.

Нынѣ, при новомъ составѣ консисторіи, измѣнились нѣ-
сколько и порядки: нынѣ консисторія, отославши вѣдомость въ
казначейство, даетъ знать и благочиннымъ: кто и сколько дол-
женъ получить жалованья; благочинный увѣдомляетъ духовен-
ство; духовенство приноситъ ему свои довѣренности и отпра-
вляется въ казначейство. И нынѣшніе порядки не много избав-
ляютъ духовенство отъ излишнихъ поѣздокъ, а главное,—жа-
лованье все-таки получается вмѣсто іюля—въ сентябрѣ.

Всѣ люди, живущіе жаловаьемъ, получаютъ его въ 20-хъ
числахъ; неужели нельзя устроить дѣло это точно также и съ
нами? Неужели нельзя устроить, чтобы члены причтовъ полу-
чали жалованье по истеченіи каждаго мѣсяца, по удостовѣре-
ніямъ благочинныхъ? Рубль полученный въ то время, когда онъ
особенно нуженъ,—дороже десяти.

XXXV.

Слѣдствіемъ одиночества въ глуши, нужды, совершенной зависимости отъ прихожанъ, попрошайничества, торга при требоисправленіяхъ и консисторскаго управленія бываетъ то, что духовенство теряетъ свое достоинство въ своихъ собственныхъ глазахъ, и дѣлается какъ-бы забытымъ, безличнымъ. Отсюда, въ людяхъ безхарактерныхъ: нетрезвая жизнь, крайняя небрежность въ одеждѣ, неумѣнье держать себя въ мѣстахъ публичныхъ и небрежность въ самомъ требоисправленіи.

Одежда, повидимому, дѣло самое пустое, но для духовенства, вообще, она имѣетъ огромное значеніе. Городской священникъ одѣвается всегда чисто, держитъ себя всегда солидно, — съ полнымъ сознаніемъ собственнаго своего достоинства; а если онъ еще къ тому, положимъ, членомъ хоть поочетительства о бѣдномъ духовенствѣ, то онъ смотритъ, ужъ непременно на нашего брата, деревенщину, свысока: не перекрестясь и не подступаясь. Нашего брата, деревенскаго, узнаешь за версту: рясченка въ три гроша, шляпенка и того хуже. Приѣхавши за дѣломъ въ городъ, сельскій священникъ дорожитъ каждой минутой и бѣгаетъ, размахивая рукавами, не обращая ни на кого вниманія. Но такая небрежность въ одеждѣ и походкѣ есть неизбежное слѣдствіе условій его домашней жизни. Лѣтомъ обыкновенно, кухарки дороги и, потому, большинство священниковъ живетъ безъ кухарокъ. Вогнали наприм. вечеромъ стадо коровъ изъ поля въ село, бросятся онѣ во всѣ стороны по огородамъ и гумнамъ, — батюшка схватитъ хворостину да и пустится за ними, чтобы перехватить ихъ и не дать зайти на чужіе капустники. Черезъ нѣсколько минутъ ему придется идти по селу, конечно, онъ идетъ такъ, какъ бѣгалъ сейчасъ за коровой, — въ одномъ кафтанѣ безъ рясы. Сами крестьяне, — тѣ, которые смотрѣли бы на него, — ходятъ раздѣвшись и разувшись; стало бытъ обращать вниманіе на то, какъ одѣтъ священникъ, рѣшительно некому. Мало-по-малу весь такой строй жизни обращается въ привычку. И потому мы, деревенскіе, не имѣемъ того доску, какой имѣетъ священникъ городской, и

дѣлаемся предметомъ всевозможныхъ насмѣшекъ, не только людей свѣтскихъ, но даже и кость отъ костей нашихъ и плоть отъ плоти нашей, наша братія, — батюшки городскіе, — говорятъ съ нами не иначе, какъ покровительственнымъ тономъ. Я, напр., человекъ уже не молодой, 30 лѣтъ благочиннымъ, священниковъ въ городѣ знаю всѣхъ до одинаго, большая часть изъ нихъ знаетъ и меня хорошо, — знаетъ, что я «судимъ и штрафованъ не былъ, подъ судомъ не состоялъ и не состою», но я очень не многихъ встрѣчалъ священниковъ, которые говорили бы со мной по человѣчески. — непременно свысока, покровительственнымъ тономъ. Отъ чего же это? Тутъ виновать не я лично, но виновато, въ моему лицѣ, наше сельское положеніе, — наша нищенская обстановка. Къ намъ примѣняется извѣстное изреченіе: «скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, и я скажу тебѣ кто ты таковъ». Объ насъ судятъ такъ: «ты живешь съ мужиками, собираешь лотками, оджею на тебѣ въ грошъ, — ну, и цѣна тебѣ грошъ».

XXXVI

Всѣ, имѣющіе форменную одежду, имѣютъ обязанность носить ее только во время отправленія ими служебныхъ обязанностей; въ свободное же отъ службы время они имѣютъ право одѣваться во что имъ угодно. И только исключеніе составляютъ въ этомъ одни представители двухъ крайнихъ предѣловъ человѣческой жизни: добра и зла, любви и вражды, мира и войны, жизни и смерти, — духовенство и военные. Одни они обязаны носить свою форменную одежду во всякое время и во всякомъ мѣстѣ. Не говоря о военныхъ, скажу о себѣ: почему общество требуетъ отъ насъ, чтобы мы всегда были въ форменной одеждѣ? Въ службы носятъ всѣ, что имъ угодно; почему же этой свободы общество не даетъ именно только намъ? Я не говорю уже того, почему мы, живя среди общества, не имѣемъ права носить и одежды общественной вообще (что, въ тѣхъ особенно случаяхъ, когда нашъ братъ-рясоносецъ является въ публичномъ мѣстѣ, малую толику хвативши горькаго, было бы очень кстати), нѣтъ, я говорю о томъ, почему мы, священ-

ники. не имѣемъ права являться въ публичное мѣсто или чужой домъ въ одномъ кафтанѣ или подрясникѣ, — безъ рясы? Приходишь, напр., въ домъ какого-нибудь дворянина, чиновника или купца, — ты въ форменной одеждѣ, тоже что въ мундирѣ, — ряса и, пожалуй, со всеми атрибутами твоего сана, а хозяинъ принимаетъ тебя въ какой-нибудь кудовейкѣ — и ничего. Принимая меня у себя, онъ, точно также, идетъ и ко мнѣ въ чемъ ему угодно. Но приди къ нему я такъ, запросто, безъ рясы! Хозяинъ непременно почтетъ это знакомъ неуваженія къ себѣ и обидится; а барыня приметъ это за кровное, потрясающее душу оскорбленіе... Скажу примѣръ, — фактъ. Въ одномъ извѣстномъ мнѣ губернскомъ городѣ существуетъ до сихъ поръ одна старая барыня Н. Н. — барыня богатая. Теперь она слыветъ подъ именемъ «отставной мирноносицы». Но прежде, когда послѣдними преосвященными эти должности не были еще упразднены и она состояла, такъ сказать, на дѣйствительной службѣ, — обивала своимъ шлейфомъ архіерейскіе пороги и донимала всѣхъ архіереевъ передачею имъ всѣхъ городскихъ сплетень, — она была барыня важная и съ большимъ значеніемъ для духовенства. Напротивъ ея дома былъ домъ приходскаго священника П. Н. С—ва. С—въ былъ человекъ необыкновенно кроткій и добрый, больной, магистръ академіи и профессоръ семинаріи, имѣвшій за городомъ свой садикъ и страстно любившій цвѣты. У одинокой старухи-барыни было въ домѣ, тоже, много цвѣтовъ. Барыня, какъ говорится, души не видѣла въ своемъ батюшкѣ и оказывала къ нему всѣ знаки своего благоволенія. С—въ ходилъ къ ней каждый день, а иногда и по два — по три раза, и, какъ любитель цвѣтовъ, ухаживалъ за ея цвѣтами. Однажды лѣтомъ, довольно рано утромъ, барыня, увидѣвши его въ окнѣ, вскричала ему черезъ улицу: «П. Н.! Идите ко мнѣ, у меня новые цвѣты». Тотъ, какъ былъ дома въ кафтанѣ, такъ и пошелъ къ ней. Приходитъ, — барыня фыркаетъ, злится. Онъ и туда, и сюда: гдѣ цвѣты? Барыня не говоритъ и мечется изъ угла въ уголь, какъ угорѣлая. С—въ изумился, посмотрѣлъ — посмотрѣлъ и ушелъ. Въ 12 часовъ барыня въ карету и къ архіерею: «попъ обидѣлъ нынѣ: безъ рясы пришелъ ко мнѣ, не надо мнѣ его, возьмите. куда знаете! Мнѣ его не надо, не надо, не надо!»... И преосвященный перевелъ его, на другой

же день, въ приходъ, несравненно худшій. Хотя С—въ настояль, и чрезъ мѣсяцъ былъ переведенъ въ другое мѣсто, въ законоучители института благородныхъ дѣвиць; но, по его крайне разстроенному здоровью, это мѣсто ему было не по силамъ. Вотъ вамъ и рясы! Утромъ рано, когда барыня просила къ себѣ священника, сама она, навѣрное, была растрепой: но это сама, а священникъ иди, все-таки, въ служебной формѣ...

Другой фактъ. Въ селѣ Агаревкѣ, нашей губерніи, былъ помѣщикъ, нѣкто М...вскій. У него былъ сынъ, мальчишка—шалопаи, который, сдѣлавшись, послѣ смерти отца владѣльцемъ большаго отцовскаго имѣнія, промотался, сдѣлался буквально нищимъ и померъ въ общественной больницѣ. Въ Агаревку поступилъ во священники, въ то время, когда сынъ М...вскаго былъ еще мальчишкой, мой товарищъ по семинаріи А. С. Д. М...вскій пригласилъ молодаго священника учить своего недоросля, тотъ и ходилъ каждый день. Однажды старшк М...вскій уѣхалъ въ городъ; а такъ какъ въ домѣ у него, кромѣ мальчика, не осталось нкого, то священникъ и пошелъ къ нему безъ рясы. Приѣзжаетъ владѣлецъ прихода—М...вскій домой, сынокъ не далъ еще выти ему изъ кареты, выбѣжалъ на крыльцо и началъ кричать на весь дворъ, со слезами на глазахъ: «папа, папа! Попъ приходилъ къ намъ безъ рясы!» М...вскій, на другой же день опять въ городъ,—и священникъ былъ переведенъ въ худшій, другой, приходъ.

Еще одинъ случай. Въ село Глядьовку, моего округа, поступилъ нѣкогда во священника нѣкто В. И. В. прямо изъ семинаріи. В. пономарскій сынъ, бурсакъ, не видѣвшій и не слышавшій ни о какихъ свѣтскихъ требованіяхъ. Мѣсяца черезъ два по приѣздѣ въ приходъ, зимой, однажды прислалъ за нимъ помѣщикъ просить его къ себѣ въ деревню служить всенощную. В. надѣлъ получше подрясникъ, шубу,—и отправился. Въ передней встрѣчаетъ его баринъ: «батюшка! Вы безъ рясы! Да развѣ это можно! У меня въ домѣ жена, своячпна-дѣвица, какъ я васъ представляю? Нѣтъ, ужъ лучше ступайте опять домой, и всенощную отложимъ до другаго времени. Но только помните: безъ рясы ко мнѣ ни шагу въ домъ!»

Очень интересно было бы услышать отъ самого общества: почему требуютъ отъ насъ, чтобъ мы были всегда въ формен-

ной одеждѣ, когда люди, считающіе себя высокопоставленными, встрѣчаютъ насъ сами, нерѣдко, даже въ халатѣ и туфляхъ (подобныхъ случаевъ со мной бывало множество)? Почему люди требуютъ отъ насъ того, чего не исполняютъ сами?

XXXVII.

Всѣ жалуются на трудность поступленія въ учебныя заведенія: однихъ не принимаютъ по малолѣтству, другихъ по уростности, третьихъ по слабой подготовкѣ и, наконецъ, по неизбѣжной вакансіи.

Малолѣтство. Извѣстно, что по малолѣтству не принимаютъ и при самомъ поступленіи въ учебное заведеніе; но случается и такъ, что вначалѣ найдутъ мальчика не малолѣтнимъ и примутъ, а потомъ не переводятъ его «за малолѣтствомъ». Малолѣтство едва ли должно служить препятствіемъ къ поступленію въ учебныя заведенія. Въ подтвержденіе этого я скажу то, что было со мной. Старшіе мои два сына помѣщены были мною въ духовное училище, и, чрезъ годъ, должны были перейти въ семинарію; но младшему изъ нихъ было 10¹/₂ лѣтъ. Въ капикуль, предъ переходомъ въ семинарію, онъ говоритъ мнѣ: «панаша! Говорятъ, что въ семинаріи очень трудно; что я не пойму, что будутъ преподавать тамъ и что я отстану отъ своихъ товарищей».

— Теперь ты считаешься лучшимъ ученикомъ?

— Да.

— Большая часть твоихъ товарищей и по способностямъ, и по прилежанію теперь хуже тебя?

— Да.

— Какимъ же образомъ выйдетъ такъ, что, чрезъ мѣсяць, когда вы перейдете въ семинарію, они всѣ вдругъ поумнѣютъ и лѣнливые сдѣлаются прилежными, а ты оглупѣешь; они будутъ все понимать, а ты не поймешь? Возможно это? Не безпокойся! Какими вы теперь, такими будете и въ слѣдующемъ классѣ; перехода изъ класса въ классъ вы и не замѣтите. Теперь ты хорошимъ ученикомъ, — хорошимъ и останешься.

Мальчуганъ мой ободрился и въ семинаріи учился безо вся-

кихъ гуверперовъ, какъ и прежде, такъ что черезъ четыре года поступилъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, гдѣ математику чуть не ѣдятъ съ кашей; во весь курсъ былъ тамъ, и окончилъ курсъ въ числѣ лучшихъ студентовъ и, слава Богу, здоровъ. При приѣмѣ въ семинарію и институтъ на лѣта его не обратили вниманія. Стало быть, дѣло не въ лѣтахъ, а въ способностяхъ и прилежаніи.

Не переводить «за малолѣтствомъ» мы находимъ дѣломъ совершенно нераціональнымъ. Вступительный экзаменъ мальчикъ сдаетъ не для одного года, но на весь учебный курсъ, и лѣта его должны быть принимаемы въ расчетъ не для одного года, но на весь курсъ. Училищное начальство, при приѣмѣ мальчика, должно имѣть это въ виду. Но на дѣлѣ не рѣдко случается такъ, что сначала мальчикъ окажется, для заведенія, совершеннолѣтнимъ, а потомъ негоднымъ по молодости. Известно, что по малолѣтству не переводятъ даже лучшихъ учениковъ, мотивируя это тѣмъ, что они не могутъ усвоить вполне тѣхъ предметовъ, которые должны будутъ преподаваться имъ въ слѣдующемъ классѣ и что имъ будетъ трудно поспѣвать за своими товарищами, старшими по возрасту, и что непосильныя занятія вредно повліяютъ на ихъ здоровье. Если имѣется въ виду здоровье мальчика, то, конечно, такая забота была бы крайне желательна, но, признаться сказать, не вѣрится, чтобы педагоги, или, вообще, составители уставовъ заботились, хоть сколько-нибудь, о здоровьѣ воспитываемаго ими юношества. Когда младшіе мои два сына были въ гимназій, и приѣдешь бывало навѣстить ихъ, то посидишь съ ними немного и уйдешь, чтобъ не мѣшать имъ заниматься. Посмотришь въ 12 ночи, — они еще сидятъ; утромъ встанешь рано, но они встали уже раньше тебя и опять сидятъ за книгами. И такъ изо-дня въ день. Тяжело, бывало, смотрѣть на непосильные уроки! О здоровьѣ тутъ и не думалъ никто. Виноваты тутъ наставники, лѣнясь заниматься въ классѣ и сдавая всю работу на домъ; но виноваты, также, и составители программъ. При такихъ непосильныхъ занятіяхъ здоровья останется не много у всякаго, будь ученикъ хоть бы и взрослый. Поэтому, если педагоги толкуютъ о здоровьѣ учениковъ, такъ это есть ложь: дѣло показываетъ, что о здоровьѣ никто и не думаетъ. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, посмотрите на

любаго ученика семинаріи и гимназіи: много ли въ нихъ жизни? Но самое поразительное доказательство, какъ губится юношество, даетъ намъ медицинскій осмотръ Вятской гимназіи, гдѣ изъ 330 воспитанниковъ найдено здоровыми только 30. Не стыдно, послѣ этого, толковать о своихъ заботахъ о здоровьѣ?! Единственно хорошее, что намъ извѣстно, такъ это есть то, что въ той гимназіи, гдѣ были мои дѣти, въ перемѣны между классами, директоръ и инспекторъ заставляютъ учениковъ играть на дворѣ. За это нельзя не отнестись къ нимъ съ полною благодарностію.

Не принимаютъ по урослости. Но какая урослость? Годомъ старше, противу устава. Но почему составители устава не приняли въ расчетъ, что въ жизни встрѣчается множество обстоятельствъ, не позволяющихъ помѣстить мальчика именно въ тѣ лѣта, въ какія они опредѣлили? Извѣстно, что не всѣ дѣти одинаково развиваются.—это первое. Второе: можетъ случиться, и по всей вѣроятности такихъ случаевъ множество, что мальчикъ годъ проболѣлъ; можетъ случиться, что онъ заболѣетъ именно въ тотъ мѣсяць, когда ему нужно явиться на экзамень, годъ пропалъ,—и карьера мальчика пропала на вѣкъ. Я слышалъ о такихъ случаяхъ: родители не имѣли, вначалѣ, возможности подготовить дѣтей своихъ: при всѣхъ стараніяхъ ихъ, они не могли найти себѣ учителя въ деревню; когда же онъ нашелся, и дѣти были подготовлены, то они оказались на годъ уросшими, — и пропали. Лично мнѣ извѣстенъ такой случай: родители употребляли всѣ силы подготовить мальчика и подготовили; но помѣстить его въ учебное заведеніе рѣшительно не находили средствъ, и мальчикъ жилъ дома. Вдругъ, сверхъ всякаго чаянія, средства открылись, отецъ и сынъ бросились въ заведеніе, но тамъ сказали имъ, что годъ мальчикъ переросъ и принять быть не можетъ. Пропалъ и этотъ.

Желательно было бы знать: почему въ извѣстный классъ принимаются дѣти только извѣстныхъ лѣтъ? Почему, напр., въ III классъ гимназіи 12-ти лѣтъ не принимаютъ по молодости, 15-ти по урослости? Почему тамъ могутъ быть именно только 13 и 14-лѣтніе? Чѣмъ отличается 12-й годъ отъ 13-го? Чѣмъ отличается второй классъ отъ третьяго? Греческимъ языкомъ? Неужели же греческій языкъ учить съ азбуки возможно именно

только съ 13 до 14 лѣтъ. — ни раньше, ни позже, не дошелъ годъ, — нельзя, перешелъ годъ, — нельзя? Непонятно!

Составители уставовъ, надобно полагать, до послѣдней крайней точности узнали умственное и физическое развитіе человѣка, равно какъ и математически вѣрно извѣстно было имъ, что извѣстный отдѣлъ извѣстной науки можетъ быть изучаемъ только тогда, когда мальчику исполнится 13 лѣтъ; въ 15 лѣтъ это будетъ уже поздно, равно какъ и въ 12 будетъ рано. Согласитесь же, будьте безпристрастны, что это бессмыслица! Въѣмъ извѣстно множество такихъ людей, которые начали учиться не только что въ зрѣлыхъ, но даже въ перезрѣлыхъ лѣтахъ и которые, потомъ, сдѣлались историческими учеными людьми. Стало быть, и поэтому даже нѣтъ разумнаго основанія не принимать мальчика по урослости, если онъ только достаточно для извѣстнаго класса подготовленъ и видны въ немъ способности и охота къ ученію.

Въ настоящее время для каждаго класса опредѣленъ извѣстный возрастъ. Вопросъ этотъ обдуманъ, нѣтъ сомнѣнія, всесторонне и опредѣленный уставами возрастъ найденъ самымъ соответствующимъ дѣлу обученія, именно, что только при этомъ возрастѣ юношество можетъ и легко и вполне усвоить то, что преподается ему. Такъ. Но неудобно ли взглянуть въ любое учебное заведеніе, какъ идетъ тамъ дѣло? Взгляните хоть въ гимназію: первый классъ, основной и параллельный, по 40 человѣкъ — 80; во второмъ и третьемъ тоже, по 80; но далѣе и далѣе: все меньше, меньше и меньше, — и созрѣютъ только 7. Куда же дѣвалась педагогическая премудрость?... На чьей душѣ и совѣсти должна лечь гибель этихъ несчастныхъ исключенныхъ?! Обыкновенно говорятъ: «нужна же какая-нибудь норма». Но мы желали бы слышать при этомъ: для какой же цѣли?

Говорятъ, что неприятно смотрѣть, когда между мелюзгой сидитъ великанъ. Но въ такомъ случаѣ надобно выгонять всѣхъ великорослыхъ, хотя они были бы и молоды. Подборъ по росту бываетъ только въ войскахъ, и то неизмѣющій ни малѣйшаго существеннаго значенія.

Уроспіе вредно вліяютъ на малолѣтнихъ? Но почему не предполагать благотворнаго вліянія? Почему предполагаютъ въ

уросших болѣе безнравственности? Квартируютъ же вмѣстѣ малолѣтніе съ взрослыми? Тамъ и хорошее, и дурное вліяніе могутъ проявляться несравненно сильнѣе.

Въ нашихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ строго соблюдаются сроки. Въ семинаріи положено принимать отъ 14 до 16 лѣтъ; мальчика 17 лѣтъ не примутъ уже ни въ какомъ случаѣ «за урослостью», хотя оставшіеся тамъ на второй годъ бываютъ и 17 лѣтъ. Молодые люди употребляютъ всѣ усилія, чтобы пройти чрезъ училища и дойти до семинарій именно въ эти годы, иначе пропали на вѣки. Идетъ человѣкъ и употребляетъ всѣ силы, чтобы не засѣсть гдѣ-нибудь на другой годъ, хотя бы то по болѣзни. Иначе, для семинаріи, будетъ уже устарѣвшимъ и выгнанъ безъ всякой церемоніи. Наконецъ, юноша, послѣ всѣхъ усилій, окончилъ курсъ, прошелъ всѣ науки, нужныя для того, чтобы быть священникомъ, и проситъ священническое мѣсто. «Ну, нѣтъ, говорятъ ему, этого нельзя, ты еще молодъ для того, чтобы поступить во священники, нужно, чтобы тебѣ было тридцать лѣтъ». — Зачѣмъ же такъ подгоняли въ училищахъ и семинаріяхъ? — Это «для порядка!» Кромѣ того, тебѣ нужно «упостояннѣться», — тебѣ нужно созрѣть нравственно, направить жизнь свою высоконравственными примѣрами, — тебѣ нужно до тридцатилѣтняго возраста идти въ пономари».

Пономарство есть, дѣйствительно, вѣрнѣйшій способъ для усовершенствованія молодаго человѣка, но только въ чемъ? Во всевозможныхъ порокахъ и невыразимой нуждѣ и горѣ.

Въ самомъ дѣлѣ: окончившаго курсъ семинаріи находятъ молодымъ для должности священника; зачѣмъ же такъ подгоняютъ въ семинаріяхъ? Уставы о семинаріяхъ и о священничествѣ проходили чрезъ однѣ руки; какая же цѣль: оканчивать курсъ молодымъ, а во священники поступать старымъ? Чтобы придти уже въ возрастъ «мужа совершенна»? И поэтому, чтобы сдѣлаться достойнымъ пастыремъ, нужно усвоить всѣ качества пономаря? Сдѣлаю не дурно! Такой чести ни одному пономарю, и во хмѣлю, во снѣ не грезилось.

Если пономарство нужно для того, чтобы прошелъ юношескій пылъ, то въ училищахъ нашихъ и семинаріяхъ такіе порядки, что онъ проходитъ и безъ пономарства.

Со времени введенія новыхъ уставовъ времени прошло уже до

статочно для того, чтобы взглянуть на результаты положеній. — взглянуть: дѣйствительно ли оканчивающіе курсъ семинаріи нравственно молоды для священства и дѣйствительно ли бывшіе въ пономаряхъ священники лучше старыхъ, поступившихъ во священники прямо изъ семинаріи?

Я, состоящій самъ среди сельскаго духовенства и имѣющій своею обязанностію наблюдать за его нравственнымъ состояніемъ. утверждаю положительно, что молодые люди въ пономаряхъ нравственно гибнутъ. Соображая же дѣйствительность съ постановленіемъ правительства, намъ немигнуемо приходится сдѣлать выводъ такого рода: чтобы къ 30-лѣтнему возрасту сдѣлаться высоконравственнымъ пастыремъ стада Христова, для этого нужно лѣтъ 8—10 потаскаться сперва по всеѣмъ труппамъ; другими словами: чтобы быть хорошимъ, нужно сперва сдѣлаться негодяемъ. А такъ какъ пономарствомъ въ дѣйствительности достигается одно первое, а между тѣмъ правительству желательно, чтобы во священники поступали въ возрастѣ 30 лѣтъ или около этого, то необходимо уничтожить правило о лѣтахъ въ училищахъ и семинаріяхъ.

Въ учебныя заведенія не принимаютъ по недостаточной подготовкѣ. Слабая подготовка для принятія въ заведеніе есть причина вполне основательная. Но гг. экзаменаторы могутъ ли сказать по совѣсти, что въ нѣсколько минутъ испытанія они узнаютъ ученика вполне? Всеѣмъ извѣстно, извѣстно это и педагогамъ. что часто бываетъ, что экзаменующійся можетъ хорошо отвѣтить только вопроса на два-на три: ихъ-то, случайно. его и спросятъ, — и получается хороній баллъ. Случается и наоборотъ: на два-на три отвѣтить не могъ. опять, случайно, спросили его, — и пропалъ. Поэтому пріемные экзамены должны быть самые снисходительные, потому что случайность здѣсь — дѣло обыкновенное. Въ наше время списки ученикамъ составлялись не по алфавиту, а по успѣхамъ, и ученики дѣлились на три разряда. На выпускной экзаменъ, по догматическому богословію, пріѣхалъ къ намъ преосвященный Аѳанасій (Дроздовъ). Между моими товарищами былъ нѣкто Ѳ. Танапсовъ. Въ спискахъ по всеѣмъ предметамъ онъ писался ниже середины втораго разряда и бывши пѣвчимъ архіерейскаго хора, часто не ходилъ и въ классъ. На экзаменѣ ему попался одинъ вопросъ, — онъ и началъ рѣзать, какъ Отче

нашъ». Не давши дочитать до конца, преосвященный закричалъ: «ректоръ! чего ты смотришь?» Ректоръ встrepенулся и смотритъ: что такое? «Я спрашиваю тебя: чего ты смотришь? Смотри, какъ отвѣчаетъ Танаисовъ, а между тѣмъ онъ записанъ во второй разрядъ. Ты долженъ знать, что Танаисовъ несетъ двойные труды, онъ и учится хорошо, и у меня въ пѣвчкхъ. А тебѣ все равно, ты и не видишь этого!» И, не давши Танаисову дочитать, своей рукой записалъ его въ первый разрядъ. Но, на самомъ-то дѣлѣ, Танаисовъ почти только и зналъ то, что спросили его, и зналъ-то възбурячку, безъ толку.

Въ нашихъ духовныхъ училищахъ, на переводныхъ экзаменахъ, тоже строгость страшная: изъ 40 человѣкъ 1-го класса едва доползаетъ до послѣдняго одинъ какой-нибудь десятокъ, а то и того меньше. Можно было бы предполагать, что это лучшіе ученики и въ семинарію поступятъ всѣ; но, однакоже, при переходѣ въ семинарію, имъ дается такой экзаменъ, что человѣкъ изъ 40 явившихся, училищъ изъ 5—6-ти, принимается человѣкъ 6—7, только. И не подумайте, что принимаются лучшіе. Ничуть не бывало: семинаріи не имѣютъ довѣрія къ училищнымъ свидѣтельствамъ и, благодаря случайнымъ отвѣтамъ, часто принимаются худшіе. Это извѣстно намъ положительно.

Намъ извѣстны нѣкоторыя семинаріи, гдѣ, на пріемныхъ экзаменахъ, поступаютъ съ учениками, просто, безчеловѣчно: мальчикамъ не оказываютъ ни малѣйшаго чувства состраданія; для гг. преподавателей-экзаменаторовъ мальчики—это не люди, а стадо барановъ. Сколько горя, сколько слезъ прольется и тутъ, и по домамъ этихъ несчастныхъ! Изъ 30—40 человѣкъ, перестрадавшихъ училищныя порядки, примутся 6—7 человѣкъ, и стонетъ все духовенство: одни оплакиваютъ участь дѣтей, другіе сочувствуютъ ихъ горю... Но, зато, намъ извѣстны такія семинаріи, что въ то время, когда 25—30 семействъ льютъ слезы,—мать-протопопица, супруга о. ректора семинаріи, выказываетъ свои заботы о больныхъ въ семинарской больницѣ. Какая фальшь, какая маскировка, какое непониманіе общества! Духовенству въ тысячи разъ пріятнѣе было бы, если бы мать протопопица сидѣла дома и смотрѣла за собственными своими дѣтьми, но мужъ ея, о ректоръ, не заставляя лишь слезы цѣлыя сотни семействъ и не пускалъ по міру цѣлыя сотни несчастныхъ дѣтей. Напуск-

ной заботливостью зла не прикроешь и обществу глаз не отведешь: оно хорошо видитъ фальшь этого дѣла. Тутъ дѣлается именно противъ пословицы: снявши голову, плачутъ надъ волосами, — сотни убьютъ, и десять приласкаютъ.

Семинарское начальство, набравши себѣ, по случайнымъ отвѣтамъ на экзаменахъ, худшихъ учениковъ, бьется съ ними потому и составляетъ дурное мнѣніе объ училищномъ преподаваніи вообще и на слѣдующихъ экзаменахъ дѣлается еще строже, еще безпощаднѣе, — и дѣти гибнутъ.

Если учителя въ училищахъ дѣйствительно дурны, то кто же опять виноватъ въ этомъ, какъ не тѣ же семинаріи, изъ которыхъ воспитанники поступаютъ въ наставники училищъ?! Слезы всѣхъ опять-таки падаютъ на тѣ же семинаріи, если онѣ не сумѣли или не постарались подготовить лучшихъ наставниковъ, лучшихъ подготовителей для ихъ собственныхъ же трудовъ. Но чѣмъ же виноваты здѣсь мы, чѣмъ виноваты наши дѣти!...

Цѣль училищъ и семинарій одна: приготовить юношество для духовнаго званія: программы училищъ приноровлены къ программамъ семинарій; наставниками училищъ люди, вышедшіе изъ семинарій и знающіе требованія семинарій; наставникамъ семинарій всѣ они извѣстны лично, какъ бывшіе ихъ ученики; поэтому я нахожу справедливымъ, чтобы семинаріи имѣли довѣріе къ училищамъ и учениковъ училищъ принимали къ себѣ безъ экзаменовъ, по однимъ училищнымъ свидѣтельствамъ, — чтобы училищныя свидѣтельства для семинарій были то же, что гимназическіе аттестаты зрѣлости для высшихъ учебныхъ заведеній. Одно то, что изъ 40 мальчиковъ перваго класса училища оканчиваетъ курсъ только 6—7, одно это хорошо уже показываетъ, что училищная жизнь прошла дѣтямъ не даромъ; что ихъ тамъ, тоже, жалѣли не много, что они могутъ быть принимаемы въ семинаріи по однимъ училищнымъ свидѣтельствамъ. Да и стоитъ ли семинаріямъ слишкомъ много заботиться объ обширныхъ и основательныхъ познаніяхъ своихъ учениковъ, кромѣ богословской науки? Жизнь сельскаго священника есть жизнь нищаго, бьющагося весь свой вѣкъ изъ-за куска хлѣба, гдѣ мы перезабываемъ все; нищета убиваетъ насъ съ перваго дня вступленія въ должность.

Экзаменамъ дается всюду рѣшающее значеніе; но еслибы

гг. смотрители училищъ, ректора и директора среднихъ учебныхъ заведеній каждодневно посѣщали ввѣренныя имъ заведенія, слѣдили бы за преподавателями и учениками, бывали, по временамъ, и члены совѣтовъ (въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ), тогда начальники заведеній знали бы учениковъ и учителей, какъ самихъ себя. Еслибъ они взяли себѣ въ образецъ покойнаго директора кадетскаго корпуса, о которомъ я встрѣтилъ воспоминанія въ «Русской Старинѣ», который каждый день бывалъ во всѣхъ классахъ, тогда и наставники не ходили бы въ классы за четверть часа до конца класса, а выпиживали бы полный часъ, и ученики готовились бы къ каждому классу и были бы внимательнѣе къ словамъ наставниковъ; тогда экзамены были бы совершенно лишни, тѣмъ болѣе, что экзамены никогда не давали и не могутъ давать вѣрной оцѣнки и только мучать учениковъ; случайности же дѣлають многихъ несчастными.

Теперь, иногда, случается такъ: какой-нибудь инвалидъ переходитъ на своемъ вѣку всѣ мытарства свѣта, — перебываетъ и на морѣ, и за моремъ, добьется, наконецъ, черезъ задніе ходы, мѣста начальника учебнаго заведенія и думаетъ, что онъ добился теперь полнаго покою, — и спитъ себѣ старецъ отъ 7 до 7 часовъ, прихватить, пожалуй, часокъ-другой и днемъ: или другой проигрываетъ цѣлыя ночи въ карты; и тотъ, и другой подберетъ себѣ партію прихвостниковъ, тѣснить тѣхъ, которые не подлизываются къ нему и, за этими трудами, ждать-недождется каждый мѣсяць 20 числа. А тамъ, что дѣлается въ заведеніи, ему и горя мало. Половина учениковъ онъ не знаетъ и по фамиліи. При такомъ ходѣ дѣла экзамены, конечно, необходимы. Слѣди начальникъ за каждымъ ученикомъ, изучи его, — тогда отъ случайностей на экзаменахъ юношество не гибло бы. Каждый внимательный наставникъ учениковъ своихъ знаетъ; для кого же теперь экзамены нужны? Исключительно для одного начальника заведенія. Изучи же и онъ ученика, тогда они совершенно лишни. Какихъ болѣзней, и нравственныхъ и физическихъ, избавилось бы юношество, какъ были бы благодарны отцы и матери!.. А тѣ мѣсяцы, которые уходятъ теперь на подготовки къ экзаменамъ, могли бы быть съ пользою употреблены на болѣе полное изученіе предмета.

Правда, теперь на экзаменахъ бываетъ еще третье, какъ-бы

постороннее лицо, — ассистентъ; но это такое лицо, которое давно пора бы прогнать съ экзаменовъ. Дѣло въ томъ: учителя вездѣ дѣлятся на двѣ партіи: на партію прихвостниковъ, подлизовъ, и на партію оппозиціонную, дорожающую своимъ человѣческимъ достоинствомъ. Если въ ассистенты попалъ человѣкъ одной партіи съ учителемъ, то онъ ставитъ баллы тѣ же, какіе ставитъ и учитель; если же онъ партіи противной, то врагу своему онъ мститъ на ученикахъ, — и юношество гибнетъ, за грѣхи другихъ, неповинно. Экзамены необходимы только въ случаяхъ несогласія начальника заведенія съ наставникомъ, — когда одинъ изъ нихъ находитъ ученика достойнымъ перевода въ слѣдующій классъ, другой — нѣтъ. Пусть тутъ данъ будетъ экзаменъ, но только не при одномъ ассистентѣ, а при участіи большинства всѣхъ наставниковъ.

Въ учебныя заведенія не принимаютъ по неизбѣжно вакансій. Не говоря уже о томъ, почему положено имѣть въ классахъ по 40 человѣкъ, но не по 30 или 50, мы желали бы знать: для какой цѣли установлены штаты вообще?

Учебныя заведенія суть учрежденія, имѣющія цѣлю общественное благосостояніе. Стало быть: чѣмъ болѣе различныхъ учебныхъ заведеній и чѣмъ болѣе обучающихся въ нихъ, тѣмъ болѣе общество, такъ сказать, вбираетъ въ себя полезныхъ дѣятелей и тѣмъ болѣе, поэтому, возвышается его благосостояніе. И самые дѣятели, получивши возможность быть полезными себѣ и другимъ, увеличиваютъ собою и число людей, возвышающихъ это общественное благосостояніе и число людей, способныхъ устроить и свое собственное благополучіе. Слѣдовательно, люди, коимъ ввѣрена забота объ общественномъ благосостояніи, всѣми мѣрами должны заботиться объ общественномъ просвѣщеніи, т-е и объ увеличеніи числа учебныхъ заведеній, и объ увеличеніи числа обучающагося въ нихъ юношества. Такія заботы о благосостояніи общества правительство наше оказывало со времени основанія нашего государства. Благодаря неусыпнымъ отеческимъ заботамъ нашихъ государей, отечество наше, не смотря на свою политическую молодость, не смотря на страшныя бѣдствія отъ удѣльной неурядицы, татарщины, самозванщины, войнъ и подоб., вошло въ составъ европейскихъ государствъ и догнало ихъ

своимъ просвѣщеніемъ. Потребность къ просвѣщенію явилась всюду, даже между низшими классами общества: всеобщая вопиющая повинность, съ своими льготами за науку, подвинула потребность къ образованію еще болѣе, словомъ: что бы ни было причиною, но всѣ бросились къ образованію. — и учебныя заведенія наполнились. Но вотъ вдругъ Господь, вѣроятно, за грѣхи наши, насылаеть, какъ чуму, положеніе о штатахъ! Число учащейся молодежи сразу ополовинѣло. Ближайшіе руководители просвѣщенія тотчасъ поняли, что нужно главному двигателю просвѣщенія, подхватили его мысль, и выказали такую жестокость къ юношеству, что въ немилосердіи своемъ превзошли даже его. — они не стали принимать въ учебныя заведенія даже и того небольшого числа, какое допущено положеніемъ. Если же гдѣ, по необходимости, дѣтей и принимали, то, въ среднѣмъ курсѣ, выгоняли ихъ, подъ предлогомъ неуспѣшности, и такимъ образомъ масса несчастныхъ гасла тысячами. Стонали отцы, вопили матери, плакали дѣти... И — явилась масса несчастныхъ, масса недовольныхъ! Министерство народнаго просвѣщенія сдѣлалось министерствомъ народнаго омраченія: омрачился свѣтлый русскій умъ. — недовольные явились, какъ очумленные, — и являлась масса такихъ ужасовъ, которые никогда не могли бы прийтти и на умъ любящему свое отечество русскому человѣку... Не даромъ съ такимъ восторгомъ общество встрѣтило новаго двигателя просвѣщенія, не даромъ успокоились разомъ и всѣ недовольные. Общество увѣрено, что дѣти его гибнуть болѣе не будутъ. Отъ всей души желаемъ, чтобы надежды общества не обманулись.

Въ видахъ общественной пользы, въ видахъ успокоенія родителей и счастья дѣтей крайне было бы желательно, чтобы положеніе о штатахъ было уничтожено.

Если теперь въ семинаріяхъ нашихъ не занято три четверти даже штатныхъ мѣстъ, то мы увѣрены, что, съ уничтоженіемъ положеній, въ служащемъ духовенствѣ — о пономарствѣ, и въ семинаріяхъ — о штатахъ, семинаріи наполнятся скоро. Если теперь ученики не принимаются и выгоняются, какъ-бы за неуспѣшностью, то это такое пустое дѣло, на которое не стоить обращать и вниманія: мы увѣрены, что тѣ же начальники учебныхъ заведеній, которые теперь находятъ мальчика слабымъ, завтра же

найдутъ его вполнѣ достойнымъ, потому что эти люди не смотрятъ въ святцы сами, они только прислушиваются, въ какой колоколь звонятъ на колокольнѣ.

Педагоги, обыкновенно, говорятъ, что, при большомъ числѣ учениковъ въ классѣ невозможно слѣдить за ихъ успѣхами: приходится рѣдко спрашивать учениковъ, они опускаютъ уроки и пр. Но мы на это скажемъ: въ наше время въ семинарнѣ всѣ классы раздѣлялись на два отдѣленія, и въ богословскомъ классѣ насъ окончило курсъ по 83 человека, въ отдѣленіи — 166 человекъ. И списки составлялись по успѣхамъ чрезвычайно вѣрно, обиженъ не былъ никто. Правда, труда наставнику больше; но ради гѣхъ несчастныхъ, которые за стѣнами классовъ оплакиваютъ горькую свою участь и проклинаятъ день появленія своего на свѣтъ, ради слезъ ихъ родителей, почему немного и не прибавить труда? Облегчить участь несчастныхъ, — дѣло выше всякаго труда. Притомъ: провинціальныя учебныя заведенія не то, что столичныя университеты, куда стекается юношество со всѣхъ концовъ государства. Здѣсь у насъ слишкомъ большого стеченія учениковъ и быть не можетъ; оно всегда будетъ ограничиваться только мѣстнымъ населеніемъ: лишній же десятокъ учениковъ не стѣснить никого и ничѣмъ, что прежде и было.

Мы совершенно согласны, что, при небольшомъ числѣ учениковъ въ классахъ, удобнѣе заниматься и для наставниковъ, и для учениковъ, но если въ первомъ классѣ 80 учениковъ, а въ послѣднемъ только 10, то справедливо-ли, для удобства и счастья 10-ти, выгнать и дѣлать несчастными 70? Въ наше время, когда классныя комнаты наши были переполнены народомъ, были у насъ ученики и слабые, и хорошіе; но хорошіе были и настолько хороши, что, не окончивши курса, сдавали экзамены и поступали въ университеты. Ректоръ нашей семинарнѣ, каждый разъ, какъ только ученики, по окончаніи курса, поступаютъ въ духовную академію, получалъ или благодарность, или награду за хорошихъ учениковъ. Стало быть, число учениковъ не имѣетъ того вреднаго вліянія на успѣхи, какое обыкновенно приписываютъ ему. Намъ желательно было бы слышать: теперь, при такомъ маломъ числѣ учениковъ, всѣ они отборные, лучшіе ученики и наставники вполнѣ довольны ими, все это гении? Навѣрное, что изъ числа выгнанныхъ были бы, наполо-

вину, если не лучше, то и не хуже тѣхъ, которые удержались до окончанія курса. Между тѣмъ они погибли и для себя, и для общества!..

Не такъ давно мнѣ пришлось слышать еще одно мнѣніе: въ 1879 году изъ Петербурга въ нашъ край пріѣхало одно высокопоставленное лицо, и оказало честь мнѣ: сдѣлало мнѣ визитъ. Въ разговорѣ о штатахъ по учебнымъ заведеніямъ, гость мой выразилъ мнѣ свое мнѣніе такъ: «предложеніе больше требованія. Всѣ лѣзутъ въ ученые, но государству совсѣмъ не нужно такого огромнаго множества ученыхъ. Наплюди ихъ государство, и тогда бѣда съ ними: всѣ потребуютъ мѣсть, всѣ захотятъ жить какъ-нибудь полегче. Мы, скажутъ, народъ ученый, ремесла никакого не знаемъ, давай намъ мѣсто! Мѣсть, между тѣмъ, нѣтъ,—и пойдутъ интриги, ропотъ, недовольство. Государство переполнится празднымъ, неспособнымъ ни къ какому труду народомъ, а правительство и возись съ нимъ? Представьте себѣ, что на базаръ привезли столько картофеля, что онъ никому уже не нуженъ; ну, мужикъ, и вези назадъ, и дѣвай его, куда знаешь. Сгнилъ онъ дома,—это его дѣло. Такъ поступаетъ и государство: наѣхало со всѣхъ сторонъ тысячи въ университеты, привалило въ гимназій, прогимназій и пр.—государство отобрало себѣ, сколько ему нужно, а остальные ступай куда знаешь. Нельзя же давать ученые степени всѣмъ кто захочетъ. Тогда всѣ и мужики захотятъ быть учеными, докторами, философами».

— Мнѣ кажется наоборотъ: если картофеля привезли на базаръ слишкомъ много, то онъ понизится только въ цѣнѣ; но, за то, его раскупятъ бѣдняки, и будутъ сыты. Теперь докторовъ, напр., до того мало, что когда открылась война, появилась чума, то даже столицы принялись за студентовъ, студенты потребовались и для войска; а для бѣднаго класса они недоступны ни въ какое время. Будь же ихъ въ пять, въ десять разъ больше, чѣмъ теперь, то они вмѣсто 25 р. за визитъ, были бы рады брать и по рублю,—и бѣдные люди пользовались бы ихъ помощью. Правительство должно заботиться обо всѣхъ одинаково: взявши однихъ, нельзя же давать гибнуть и другимъ. Дайте возможность человѣку пріобрѣтать себѣ пропитаніе, онъ къ вамъ и не полѣзетъ. Ученый вездѣ найдетъ себѣ мѣсто и хлѣбъ. Бѣда не съ учеными, а съ недоучками.

— Не беспокойтесь! Правительство хорошо обсудило это дѣло.

— Но куда же дѣваться съ дѣтьми намъ, отцамъ?

— Надобно находить другой родъ жизни кромѣ ученой.

— Въ поденщики?

Онъ засмѣялся.

— А развѣ поденщикъ менѣе полезенъ обществу, чѣмъ ученый!

— Конечно, говорю я, вы говорите это не о своихъ дѣтяхъ?

Гость мой улыбнулся, — и разговоръ нашъ перешелъ на другую тѣму.

Не принимаютъ по тѣснотѣ классныхъ помѣщеній. Не распространяясь много, скажу: какъ было-бы отрадно, еслибъ люди, взявшіе на себя обязанности образованія юношества, проникнуты были тѣмъ же человѣческимъ чувствомъ, какое выразилъ графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ директору технического училища: «пусть потѣснятся»!

Очень нерѣдко бываетъ, что изъ учебныхъ заведеній исключаются за невзносъ за слушаніе лекцій. Но если юноша изъ-за невноса оставляетъ даже заведеніе и, стало быть, теряетъ всю надежду на лучшую свою будущность, то это значитъ, что оставить заведеніе его заставляетъ крайняя нужда, что онъ слишкомъ уже бѣденъ. Почему бы такимъ несчастнымъ не дѣлать снисхожденія и не прощать имъ ихъ долги! По выходѣ изъ учебнаго заведенія этихъ несчастныхъ, заведеніе не прекращаетъ же своего существованія? Стало быть, оно также можетъ существовать и въ то время, когда они находились бы тамъ, не внесши опредѣленной суммы. И взносъ, и невзносъ немногихъ не имѣютъ ровно никакого вліянія на заведеніе. Было бы человѣколюбиво, если бы молодымъ людямъ была дана возможность продолжать науки, и взносъ, если уже не простить совсѣмъ, то отложить до полученія мѣста, по окончаніи курса. Взыскать можно всегда, гдѣ бы кто ни служилъ. Какъ тяжелъ этотъ взносъ, — это я знаю по себѣ, когда мнѣ, въ одно время, пришлось вносить за двоихъ сыновей въ Петербургѣ и за двоихъ въ мѣстной гимназій.

XXXVIII.

Въ гражданскомъ вѣдомствѣ учреждены городскія, уѣздныя и губернскаія земскія собранія. Постановленія собраній представляются на утвержденіе начальниковъ губерній. Хотя нѣкоторыя изъ нихъ губернаторы и имѣютъ право не утверждать, но, однакоже, не всѣ: собраніямъ оставлено широкое еще поле для самодѣятельности.

Въ общемъ движеніи и перестроѣ внутренняго порядка государства стыдно было бы отстать и намъ; дѣйствительно, и намъ дано самоуправленіе. Но наше самоуправленіе есть такая ничтожная, такая жалкая копіровка самоуправленія общественнаго, что ничтожнѣе этого трудно что-нибудь и выдумать. И намъ также дозволены и уѣздныя, и епархіальныя сѣзды; но разсуждать на нихъ мы имѣемъ право только о дѣлахъ училищъ, свѣчномъ своемъ заводѣ и эмеритальной кассѣ,—и только. И здѣсь опять мы имѣемъ право не дѣло дѣлать, а только разсуждать,—ничуть не болѣе. При нашемъ «самоуправленіи» епископъ имѣетъ право не утверждать не только ни одного нашего постановленія, но даже не утвердить и избраннаго нами, только на время собранія, предсѣдателя. Епископъ имѣетъ право не дать намъ, какъ говорится, разинуть рта, пикнуть. Уполномоченные, напимѣръ, собрались и, прежде всего, избираютъ предсѣдателя и двоихъ кандидатовъ; но епископъ имѣетъ право утвердить изъ нихъ того, кого пожелаетъ онъ, но можетъ не утвердить и никого изъ нихъ и дать своего. При назначеніи предсѣдателя противъ желанія духовенства епископъ сразу становится въ непріязненныя отношенія къ духовенству. Далѣе: начинаются разсужденія, уполномоченные составляютъ, по извѣстному предмету, постановленіе и представляютъ епископу на утвержденіе. Епископъ не утверждаетъ его, и даетъ свое «предложеніе», по которому сѣзду приходится только написать: уполномоченные слушали резолюцію его преосвященства и положили исполнить.... По второму предмету, по пятому, по двадцатому, — то же самое. Такимъ образомъ сѣзду приходится иногда писать только: «слушали и

постановили исполнить, слушали, — и постановили исполнить», — и больше ничего. Пишутъ отцы святые: «слушали и постановили» каждый день, а между тѣмъ время идетъ, человекъ 70 недѣли двѣ уже прожили. Богъ вѣсть изъ-за чего. Поѣздка и житье въ городѣ духовенству стѣять, по крайней мѣрѣ, 1,500 р., а толку ровно нч на грошъ. Соберутся отцы, проживутся, наслушаются архіерейскихъ резолюцій, напишутъ кипы журналовъ объ исполненіи ихъ, — и разъѣдутся. Иначе дѣло это и идти не можетъ, если съѣздъ держится одного мнѣнія, епископъ другого, и рѣшеніе принадлежитъ епископу.

Если должно дѣлаться все по волѣ епископа, то спрашивается, для чего же съѣзды? Для чего духовенство отрывается отъ приходовъ, отъ домашнихъ занятій, отъ полевыхъ работъ и вводится въ дорожныя безпокойства и расходы? Если все должно дѣлаться по волѣ епископа, то пусть одинъ онъ и дѣлаетъ все. Духовенство будетъ исполнять все его распоряженія съ обычною готовностію. Если же, напротивъ, духовенству дано право разсуждать о нуждахъ его дѣтей, то пусть оно приводитъ въ исполненіе то, что находитъ оно нужнымъ. Можно быть увѣреннымъ, что никто не можетъ знать наши нужды лучше насъ самихъ. И духовенство не настолько глупо, чтобы не сумѣло устроить судьбы дѣтей своихъ безъ посторонней помощи, чьей бы то ни было. Мы ни мало не хотимъ отнимать правъ у епископовъ; но согласитесь, что наши съѣзды и наша толковня на нихъ, безъ права исполненія, не имѣютъ смысла.

При настоящихъ порядкахъ бывають такіе случаи: уполномоченные, по извѣстному предмету, дѣлають постановленіе; мотивы же, руководящія уполномоченными, таковы, что они могутъ быть передаваемы однимъ другому только лично, но не могутъ быть ни высказываемы публично и ни, тѣмъ болѣе, вносимы въ журналы. Мотивы эти бывають иногда весьма серьезны, но публично высказываемы быть не могутъ. Уполномоченные, напримѣръ, постановили удалить изъ училища извѣстное лицо и избрать другое; они находятъ невозможнымъ излагать всѣ причины удаленія, — въ журналѣ, публично; а между тѣмъ лицо, удаляемое ими, нетерпимо. Епископъ, не видя въ журналѣ съѣзда достаточныхъ причинъ для удаленія, устно же передаваемое ему членами совѣта находя неформальнымъ, — постановле-

нія сѣзда не утверждаетъ. При этомъ: какъ только возникаетъ недоразумѣніе между епископомъ и духовенствомъ, сейчасъ же являются изъ-за скуфейки прихвостники и своими заявленіями, противными общему мнѣнію духовенства, разстроиваютъ епископа съ духовенствомъ окончательно: между епископомъ и духовенствомъ является явная уже вражда.

Хотя и не такъ, но нѣчто подобное этому было въ Саратовской губерніи въ 1879 году. Съѣздъ уполномоченныхъ нашелъ необходимо нужнымъ удалить начальницу епархіальнаго женскаго училища. Не излагая всѣхъ причинъ въ журналѣ, онъ постановилъ удалить и избрать другую. Заслуживала она удаленія или не заслуживала, — я. какъ давно уже оставившій бывать на сѣздахъ, дѣла этого не знаю. Но преосвященный нашелъ постановленіе сѣзда неосновательнымъ, не утвердилъ его и положилъ рѣшеніе таковое: «1) постановленіе саратовскаго епархіальнаго сѣзда о замѣнѣ нынѣшней начальницы саратовскаго женскаго епархіальнаго училища М. А. Шимковой другою, какъ неосновательное и несправедливое, а потому и недѣлающее чести депутатамъ, подписавшимъ такое опредѣленіе, оставить безъ послѣдствій».

2) «Членамъ совѣта названнаго училища, протоіерею Соколову и священнику Александровскому, какъ главнымъ виновникамъ этого опредѣленія, сдѣлать отъ моего имени замѣчаніе. Сверхъ того, протоіерею Соколову, проявившему особенно враждебныя отношенія къ М. А. Шимковой, предложить испросить прощеніе у сей послѣдней, если онъ желаетъ продолжать службу при училищѣ. Въ противномъ же случаѣ его мѣсто въ совѣтѣ и по членству долженъ занять протоіерей Смѣльскій»... (Саратов. Епарх. Вѣд. 1880 г. № 7).

Намъ не довелось слышать потомъ, чѣмъ рѣшилось дѣло отца протоіерея Михаила Александровича Соколова съ начальницей училища: просилъ-ли онъ у нея прощенія, мы не знаемъ этого, но, во всякомъ случаѣ, въ лицѣ о. протоіерея, бывшаго профессора семинаріи, и нынѣ законоучителя института благородныхъ дѣвицъ и губернскаго градскаго благочиннаго, всему духовенству урокъ хорошій!.. Не забывайся!.. Виповать же, между тѣмъ, тутъ кто? Положеніе о сѣздахъ. Намъ дозволено разсуждать, рѣшать, постановлять; а преосвященнымъ дано право

на все это, какъ бы сказать это?—ну, да не обращать вниманія. Зачѣмъ же, спрашивается опять невольно, всѣ эти наши собранія, толки, постановленія?! Съ полною покорностію мы исполняемъ и готовы исполнить всѣ распоряженія нашихъ владыкъ; но коль скоро дано право дѣлать и намъ свои постановленія, то зачѣмъ же не допускать ихъ къ исполненію? Зачѣмъ было давать духовенству право безъ правъ.

Поэтому мы желали бы: или дать намъ право постановленія наши приводить въ исполненіе, или же отнять у насъ совсѣмъ право собирать съѣзды и дѣлать на нихъ свои постановленія. Многолѣтніе опыты показали уже, что такого рода съѣзды ведутъ лишь только ко враждѣ между епископомъ и духовенствомъ, чего мы совсѣмъ не желали бы.

Намъ не разъ приводилось читать въ свѣтскихъ журналахъ и газетахъ восхваленія расширенію правъ духовенства, — что ему дано самоуправленіе; но, при этомъ, никто не потруился выкинуть, что наше самоуправленіе есть не болѣе, какъ пародія на земскія собранія, — и мы-де не отстали, — и духовенству дозволены съѣзды! Въ нашихъ съѣздахъ прямо, осмысленно, положенъ источникъ вражды между епископомъ и нами.

XXXIX.

Сельское духовенство ведетъ жизнь совершенно уединенную. Въ приходѣ его нѣтъ лица, равнаго ему ни по умственному развитію, ни по понятіямъ и ни по нравственнымъ потребностямъ. Съ крестьянами, кромѣ обыденнаго хозяйства, говорить ему не о чемъ; если есть въ приходѣ дворяне, то богатые изъ нихъ смотрятъ на священника свысока и говорятъ съ нимъ всегда покровительственнымъ тономъ; бѣдные же, хотя народъ простой и добрый, но, по умственному состоянію отъ мужика отличаются очень немногимъ. И какъ ни богатъ и ни бѣднякъ, наши деревенскіе дворяне не читаютъ ровно ничего, кромѣ развѣ мѣстной газетки, то и бесѣда бываетъ всегда съ ними самая пустая. Если въ приходѣ есть одно или нѣсколько лицъ съ университетскимъ образованіемъ, то тутъ опять бѣда другаго рода: эти люди смотрятъ на священника, часто, какъ на

человѣка малообразованнаго и немогущаго понимать ихъ высокихъ сужденій. Дружественная бесѣда и мѣна мыслей могла бы быть только тамъ, гдѣ два, три священника живутъ въ одномъ приходѣ; но настоятельство и помощничество — работа одного на другого. — всегда были и есть теперь источникомъ обоюдной вражды: эти два-три священника непременно ссорятся между собою. Поэтому дружескихъ бесѣдъ между ними и быть не можетъ. Днемъ дѣла у священника иногда очень много, но иногда цѣлую недѣлю нѣтъ ровно никакого. Вечера и ночи свободны всегда. Развлеченій, въ бездѣлье, никакихъ нѣтъ: священникъ не знаетъ ни музыки, ни рисованія, ни токарнаго или столярнаго и т. под. мастерства, и ему остается только читать. Но что читать? Правда, теперь всѣ священники что-нибудь выписываютъ; но одна-двѣ газетки, одинъ-два журнала надолго-ли станутъ? И человекъ, особенно въ долгіе зимніе вечера, отдается совершенной бездѣятельности. Бездѣятельность эта часто доводитъ его до такой апатичности ко всему, что онъ бываетъ не въ состояніи приготовить даже къ училищу собственныхъ дѣтей. Есть и такіе приходы, гдѣ читать и есть что: и сами священники выписываютъ много журналовъ и есть что взять на сторонѣ; но читать и читать одному, безъ живаго слова, безъ передачи своихъ впечатлѣній другому и не слышать сужденій лица посторонняго, дѣлается работою какою-то механическою и неприносящею надлежащей пользы, освѣжающей и возбуждающей душу. Нерѣдко люди, не занятые и чтеніемъ, отъ праздности, одиночества и тоски, ищутъ себѣ развлеченій въ сообществѣ людей всякаго сорта, безъ строгаго разбора, тупѣютъ и часто впадаютъ въ пороки — пьянство. Поэтому я нашелъ полезнымъ, чтобы священники, насколько возможно чаще, имѣли свиданіе между собою и вели бесѣды другъ съ другомъ. Имѣя въ виду, что свиданія священниковъ могутъ приносить имъ большую пользу, я просилъ однажды своего преосвященнаго Іоанникія, нынѣ экзарха Грузіи дозволить намъ, священникамъ моего благочинія, съѣзжаться нѣсколько разъ въ году для дружескихъ бесѣдъ. Преосвященный выразилъ мнѣ особенное удовольствіе и съѣзды разрѣшилъ.

Зная, какъ нелзя лучше, умственное и нравственное состояніе священниковъ моего округа, я, по состоянію каждаго

изъ нихъ, приготовилъ для нихъ книги и пригласилъ къ себѣ. Въ собраніи я разъяснилъ, сколько гибели приноситъ намъ наше одиночество и бездѣлье, и цѣль сѣзда. Давая каждому книги, я слегка набросалъ содержаніе каждой, постарался заинтересовать ими и просилъ въ слѣдующій сѣздъ разказать въ собраніи то изъ прочитаннаго, что особенно найдетъ каждый интереснымъ или, можетъ быть, непонятнымъ. Были между нами два священника слабыхъ и нерѣдко дозволяющихъ себѣ нетрезвость. Мы сдѣлали имъ дружеское увѣщаніе и взяли честное слово не пить до слѣдующаго нашего сѣзда. Тутъ же положили сѣхаться, чрезъ два мѣсяца, у священника-сосѣда. Этотъ второй сѣздъ былъ оживленнѣе перваго: каждый изъ насъ далъ какъ-бы отчетъ въ томъ, что сдѣлано имъ въ эти два мѣсяца и каждый разказалъ, что прочелъ онъ. Мы говорили объ обязанностяхъ священника, отношеніяхъ къ приходамъ, о сельскихъ школахъ, о воспитаніи собственныхъ дѣтей и пр. И люди нетрезвые сдержали слово—не пили. Я былъ въ восторгѣ отъ этого сѣзда. Мы положили при этомъ устроить окружную благочинническую библіотеку. Два года мы сѣзжались чрезъ каждые два мѣсяца. Но случалось, что или сильные дожди, или метели, или домашнія какія-либо обстоятельства не давали сѣзжаться всѣмъ, особенно потому, что нани сѣзды были всего на одинъ день. Кромѣ того, два села отстоятъ отъ меня въ 50-ти верстахъ, а одно даже въ 70-ти. Этихъ священниковъ обременяла и самая отдаленность. А такъ какъ я только преимущественно надѣлялъ книгами и домъ мой помѣстительнѣе домовъ другихъ священниковъ, то сѣзды, почти исключительно, были у меня. Но, мало-по-малу, охота къ сѣздамъ охладѣла почти у всѣхъ и пошло: то тотъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ, не прійдетъ, то другой и, наконецъ, всѣ священники стали просить меня, чтобъ я не собиралъ ихъ. И—сѣзды наши прекратились. Но я видѣлъ въ нихъ большую пользу и разстался съ ними съ крайнимъ прискорбіемъ.

Опытомъ узнавши пользу сѣздовъ, я совѣтую моимъ собратіямъ, гдѣ мѣстныя условія болѣе благопріятны, устроить подобныя же сѣзды. Они много вліяютъ на улучшеніе и умственнаго и нравственнаго нашего состоянія.

Въ настоящее же время (1880), я надѣюсь, сѣзды духо-

венства могли бы принести не малую пользу и для народа, и именно теперь, — когда во многих мѣстах хлѣба нѣтъ почти совсѣмъ, и народъ терпитъ страшную нужду, и когда, кромѣ правительства, мало людей, сочувствующихъ общему горю. Когда бѣдствовали босняки, герцеговинцы и другіе славянскіе, и не-славянскіе народы Турціи, — у насъ явились цѣлыя полчища людей милосердыхъ: по всѣмъ деревнямъ и захолустьямъ разсылались воззванія, дѣлались подписки, собирались пожертвованія; въ городахъ братья и сестры милосердія, съ кружками въ рукахъ, не давали проходу ни конному, ни пѣшему, до назойливости: толпились на каждомъ перекресткѣ; въ магазинахъ, вокзалахъ, станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и на всѣхъ открытыхъ мѣстахъ, чуть не на каждой тротуарной тумбочкѣ были выставлены кружки. Возбужденіе было лихорадочное; собирать на славянъ было моднымъ дѣломъ, — и слова: «братья славяне», надѣли всѣмъ до приторности. Но вотъ Господь послать бѣдствіе и на насъ самихъ: во многихъ мѣстахъ люди чуть не мрутъ съ голоду; многія селенія поголовно разбрелись собирать милостыню, нужда крайняя — и никто, кромѣ правительства, не отозвался на слезы своего русскаго народа!.. Нѣтъ ни воззваній, нѣтъ ни сборовъ, нѣтъ ни братцевъ, ни сестрицъ милосердія, — нѣтъ никого! Непонятная черта характера русскаго добраго народа: чужая бѣда, — и мы, какъ угорѣлые, бросаемся на помощь; бѣда своя, — и мы, какъ спимъ, и даже излюбленныхъ комиссій не составляемъ. Вотъ теперь-то и слѣдовало бы священникамъ обсудить мѣры къ облегченію участи несчастныхъ. И еслибъ каждый изъ нихъ спасъ хоть пять-шесть семействъ отъ послѣдствій голода, то и это было бы великой заслугой.

XI.

Насъ укоряютъ, что мы не имѣемъ должныхъ отношеній къ нашимъ приходамъ; что связь между нами и нашими приходами только официальная, внѣшняя; что близкихъ, сердечныхъ, радужныхъ отношеній между нами нѣтъ; что мы стоимъ отъ нашихъ приходовъ особнякомъ, далеко; вымогая изъ нихъ средства къ своему существованію, не обращаемъ вниманія на ихъ внутреннюю, духовную жизнь; что мы не больше, какъ

требоисправители, тогда какъ мы должны быть руководителями въ ихъ нравственной и религіозной жизни, должны составлять какъ-бы душу, должны быть «солью земли» своихъ приходовъ; что отъ нашей отдаленности въ приходохъ грубость, невѣжество, расколъ, пороки, неуваженіе къ религіи и къ намъ самимъ и проч.

Отдаленность нашу отъ приходовъ одни производятъ отъ неправильной постановки нашего воспитанія; другіе — отъ нашей безличности и полной зависимости отъ приходовъ; одни, — что причиною тому кастовое наше положеніе; другіе говорятъ: отъ того все это, что поны сами и тупы, и глупы, безнравственны и жадны; говорятъ, накопецъ, одни, что это отъ того, что поны горды, что священникъ, особенно молодой, чувствуя себя стоящимъ по образованію выше массы, съ гордостью относится къ простому народу даже тогда, когда принимается учить его, и тѣмъ отдаляетъ себя отъ него.

Для сближенія духовенства съ прихожанамъ одни находятъ необходимымъ закрыть спеціальныя духовныя учебныя заведенія и устроить общія, всесловныя; другіе находятъ единственнымъ средствомъ вывести духовенство изъ крѣпостной зависимости отъ прихожанъ, обезпечить его матеріальный бытъ и расширить права самостоятельности; третьи находятъ радикальнымъ средствомъ порѣшить совсѣмъ съ наличнымъ духовенствомъ, избрать въ служители церкви лицъ изъ того же общества, въ которомъ они служить должны, — чтобы духовенство для общества было «свое, родное», — плоть отъ плоти и кость отъ костей его; чтобы духовенство и образованіемъ возвышалось только немногимъ надъ тѣмъ обществомъ, среди котораго оно должно вращаться; что духовенство должно участвовать во всѣхъ крестьянскихъ сходахъ, во всѣхъ приходскихъ дѣлахъ. Наконецъ, говорятъ намъ: нужно имѣть болѣе смиренія, болѣе терпѣнія и любви къ пасомымъ, — поменьше чванства и побольше дѣла.

Во всемъ этомъ много горькой истины, но много и нелѣпости. Всѣ говорятъ, что отношенія наши къ приходамъ ненормальны. Это хорошо знаемъ мы и сами. Ненормальность эту производятъ отъ различныхъ причинъ и къ устраненію ея предлагаются различныя средства; но такъ какъ сужденія объ

этомъ дѣлѣ происходить, большею частію, отъ такихъ людей, которые и сами не знаютъ всѣхъ условій нашей жизни, то онѣ или непрактичны совѣтъ, или односторонни. Лица, стоящія во главѣ нашего управленія, хотя и хорошо видятъ причины ненормальности отношеній, хотя хорошо знаютъ и средства къ устраненію ихъ; но однихъ изъ средствъ не могутъ дать намъ они сами, а другихъ не исполняемъ мы. Отъ администраціи мы нерѣдко видимъ распоряженія и совѣты самые разумные, самые практичныя, самые безпристрастные; но мы привыкли смотрѣть на нихъ, какъ на предписанія казенныя, не прилагаемъ ихъ къ нашему сердцу, не примѣняемъ къ нашей жизни, стараемся исполнить одну форму, отписаться, — и остаемся тѣмъ, чѣмъ были. Что же послѣ этого дѣлать? Теплое слово, — слово братское, взятое съ жизни, могло бы, кажется, указать намъ самыя практичныя средства и повліять на насъ болѣе всѣхъ другихъ постороннихъ указаній и совѣтовъ. Его могли бы высказать другъ другу мы, священники; но священники, кромѣ проповѣдей по заказу консисторій и благочинныхъ, не пишутъ ничего. Поэтому я, дѣлая начинъ, пролагаю путь лучшимъ силамъ. Я не навязываюсь въ наставники — на это я не имѣю ни права, ни силы слова и не хочу оскорблять чьего бы то ни было самолюбія. Я хочу передать только личное мое мнѣніе и то, какъ ведется дѣло это у меня въ приходѣ, и съ удовольствіемъ выслушалъ бы мнѣніе и совѣтъ другаго. Мѣна мыслей могла бы принести много пользы и намъ самимъ, и дѣлу нашего служенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, показала бы людямъ, пишущимъ объ насъ, что мы не настолько безправственны и бездѣтельны, какъ разносятъ объ насъ по свѣту.

Наша рознь съ приходами зависитъ, прежде всего, отъ нашего воспитанія. Въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ стараются дать воспитаннику массу свѣдѣній, но никто и никогда не позаботился развить религіозно-правственное чувство. Въ учебныхъ нашихъ заведеніяхъ строго слѣдятъ, на примѣръ, чтобы ученики неопустительно бывали у богослуженія, и тѣ воспитанники, которые, почему либо, хоть разъ, опустятъ его, подвергаются наказанію, — большею частію имъ убавляется баллъ по поведенію. Въ наше же время дѣло это велось даже такъ: небывшихъ у богослуженія инспекторъ семинаріи, іеромонахъ Тихонъ

посылали въ столовую казеннокоштныхъ учениковъ, заставляли тамъ молиться и класть земные поклоны во все время обѣда или ужина. Семинарская столовая, — большая, длинная комната. Какъ только войдутъ, бывало, ученики и за ними Тихонъ, или Типа, какъ его звали всѣ, — виновные становятся въ концѣ столовой въ ряды и начинаютъ креститься и кланяться въ землю. Во все время обѣда Типа ходилъ вдоль столовой, а виновные отвѣшивали поклоны. Часто случалось, что, въ то время, когда Тихонъ шелъ на другой конецъ столовой, оборотившись спиной къ молившимся, тѣ отдыхали и переставали кланяться. Нѣкоторые проказники наставляли ему носы, а другіе съ умиленіемъ вздыхали и чуть не на всю столовую зывали: «Боже, милостивъ буди ми грѣшному! Прости Господи мою лѣпность!» Къ этимъ Тихонъ подходилъ и, за раскаяніе, отпускалъ домой, если это былъ своекоштный, или приказывалъ сейчасъ же садиться и обѣдать, если это былъ казенный воспитанникъ. Но нерѣдко случалось и такъ: идетъ Тихонъ задомъ къ молившимся на другой конецъ столовой, да вдругъ, не дойдя до конца, и повернетъ назадъ. Увидитъ, что тѣ перестали кланяться, подойдетъ, схватитъ за волосы и начнетъ мотать во всѣ стороны, да такъ, что искры изъ глазъ посыпятся. Перетрепавши всѣхъ, пойдетъ опять отшагивать. Ученики давно уже отобѣдали, давно сидятъ, запрятавши и ложки по пазухамъ и куски по карманамъ, а Тихонъ ходитъ себѣ, взадъ да впередъ, да и только. Нѣкоторымъ, такимъ манеромъ, приходилось положить поклоновъ по 150—200, — до одурѣнія. Однажды онъ одной артели, просто, велѣлъ положить по 100 поклоновъ. Ученики перекрестятся, поклонятся и скажутъ: «разъ!» Перекрестятся, поклонятся, — «два!» Сперва молеальщики вели счетъ во весь голосъ, потомъ тише—тише и перестали молиться. Тихонъ подходитъ и спрашиваетъ: «а чтожь вы перестали молиться?» — Мы положили по 100 поклоновъ. — «Ажь вы врете (у него особенный былъ выговоръ), начинай съ начала, я самъ буду считать». — Ваше высокопреподобіе! Помилуйте! — «Ажь вамъ говорить: молись!» Отпустилъ обѣдавшихъ, и сталъ самъ считать. Училищное начальство поступало еще проще: тамъ пороли, иногда, на смерть. Въ семинаріи же, у Тихона, если ученикъ не былъ только у одного богослуженія, положимъ у обѣдни, то молился только во время обѣда, но если

не былъ у всенощной, то молился и въ ужинъ. Такому наказанію подвергались всѣ безъ различія, даже ученики богословскаго класса, люди лѣтъ 23—25, которые, мѣсяца черезъ три — четыре, или сами должны быть священниками, или ѣхать въ академію.

Такого кощунства надъ религіею и издѣванья надъ людьми пынѣ, вѣроятно, нѣтъ; но уменьшеніе балловъ по поведенію, въ сущности, одно и то же. Это заставляетъ ученика бывать неопустительно при богослуженіи не изъ любви и расположенія, а изъ страха и, стало быть, исполняется одна только формальность. И такая формальность отзывается на всей послѣдующей его жизни. Истинная заслуга наставниковъ и начальниковъ нашихъ учебныхъ заведеній была бы тогда, если бы они, съ передачею юношеству знаній, употребляли всѣ свои силы укрѣпить вѣру и впѣдрить любовь къ дѣлу служенія въ тѣхъ, кого готовятъ они быть пастырями народа и развить любовь къ самому народу. Но въ первомъ мы сомнѣваемся, а второе считаемъ даже невозможнымъ. Переспросите воспитанниковъ низшихъ, среднихъ и высшихъ учебныхъ нашихъ заведеній: у многихъ ли изъ нихъ есть евангеліе, а тѣмъ болѣе библія? Прочли ли они все это, хоть разъ, не для класса, а по внутреннему расположенію? Взгляните въ книгу бібліотекаря: много ли разбрасается воспитанниками духовныхъ журналовъ? Мы крайне сомнѣваемся, чтобы дѣло это шло успѣшно, — какъ слѣдовало бы.

Безчеловѣчно поступаая съ учениками при пріемныхъ экзаменахъ, грубо обращаясь съ ними въ теченіи всего курса, выгоняя изъ заведенія за каждую малость, за какую-нибудь недостающую $\frac{1}{8}$ балла и вселяя, такимъ образомъ, только ожесточеніе и страхъ, — теплоты сердечной, любви къ ближнимъ наши семинаріи въ своего воспитанника вселить и не въ состояніи. Наставникъ, не имѣющій любви и даже снисхожденія, конечно, не можетъ сдѣлать сердце его мягкимъ, сострадательнымъ, любящимъ. Словомъ: отношенія нашихъ наставниковъ къ ихъ воспитанникамъ точно такія же, какъ и во всѣхъ свѣтскихъ, — чисто формальныя, официальные. Поэтому и мы поступаемъ на должности священниковъ съ такимъ же официальнымъ направленіемъ, какъ и всякій воспитанникъ свѣтскихъ заведеній на свою должность, а грубое обращеніе семинарскаго начальства

любиваетъ его характеръ. Поэтому всякій ученикъ семинаріи неминуемо долженъ выдти холоднымъ эгоистомъ, ожесточеннымъ, раздраженнымъ. Я не говорю отнюдь, чтобы всѣ ученики семинаріи непременно выходили такими; нѣтъ, много людей выходятъ оттуда съ прекраснымъ, добрымъ сердцемъ: но въ этомъ семинаріи невинны, это происходитъ независимо отъ нихъ: причиною доброты и мягкости сердца воспитанниковъ — ихъ родители и остатки домашняго воспитанія.

Такимъ образомъ, чтобы измѣнить наши отношенія къ приходамъ нужно, прежде всего, измѣнить многое въ самомъ воспитаніи готовящихся къ сану священника.

XII.

Матеріальныя средства къ нашему существованію — доходы отъ требоисправленій. И въ глазахъ нашего начальства, и въ глазахъ общества составилось понятіе о раздѣленіи приходовъ на «хорошіе и плохіе» и, конечно, не въ нравственномъ ихъ отношеніи, а исключительно по ихъ доходности. Воспитаннику семинаріи, не говоря уже о пономарствѣ, тотчасъ по выходѣ его изъ семинаріи, «хорошаго» мѣста не дается. Поэтому у него, если бы онъ и не зналъ всѣхъ нашихъ порядковъ, невольно должно составиться понятіе о приходахъ многодоходныхъ и мало-доходныхъ, — какъ объ арендной, слѣдовательно, статьѣ. О нравственномъ слитіи съ приходомъ, о единеніи и т. п. тутъ не можетъ быть и помину.

Поступивши во священника, человѣкъ сразу уничтожается: у него нѣтъ ни помѣщенія, ни хлѣба, ни денегъ, — ровно ничего. Первою его заботою, неизбѣжно, должна быть забота о своемъ существованіи. При этомъ каждый знаетъ, что и впереди его ждетъ такая же нужда, какъ и теперь, что о немъ не позаботится никто во всю его жизнь и что въ старости его ожидаетъ одиночество и нищета.

Прихожане же каждаго новаго священника стараются тѣснить, чтобы сбавить платы за требоисправленія. Но одни изъ священниковъ сами начинаютъ тѣснить ихъ и вымогать непомерную плату, не смотря ни на бѣдность, ни на просьбы и слезы; ве-

дуть себя заносчиво, неприступно; другіе же, будучи не въ силахъ выбиться изъ-подъ такого давленія, терпятъ страшную нужду: третьи, — спиваются. О внутренней связи съ приходомъ и здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Таковъ порядокъ есть и долженъ быть при настоящей постановкѣ дѣла: близкихъ, сердечныхъ отношеній между пастыремъ и пасомыми и быть не можетъ.

Но, однако же, нельзя сказать, чтобы не было совсѣмъ никакихъ уже средствъ къ установленію хорошихъ отношеній, хотя отчасти. Такія средства есть. Я передамъ то, какъ дѣло это ведется у меня въ приходѣ.

Лжи и мелочнаго самохвальства я себѣ не позволяю. Это было бы и глупо, и не имѣло бы ровно никакого смысла. Я, — сельскій священникъ, подобныхъ которому въ Россіи болѣе 20,000; самохвальствомъ добиваться извѣстности изъ такой массы, гдѣ тысячи лучше меня во всѣхъ отношеніяхъ, значить признавать самого себя умопомѣшаннымъ; не признавая же себя таковымъ, я скажу сушную правду.

Трудно встрѣтить такихъ добрыхъ прихожанъ, которые съ такимъ почтеніемъ относились бы къ своему священнику, какъ относятся мои ко мнѣ: при встрѣчѣ съ крестьяниномъ, я, первымъ словомъ, говорю ему раза три или четыре, чтобы онъ надѣлъ шапку. Иначе, говори съ нимъ сколько угодно, онъ, во все время, будетъ стоять безъ шапки. Иду я или ѣду по улицѣ и, не говоря уже о томъ, что всѣ взрослые издали встаютъ и стоятъ безъ шапокъ, — вса мелюзга, — дѣти кричатъ мнѣ со всѣхъ сторонъ: «батюшка, здравствуй!» Иной ребенокъ, лѣтъ трехъ, не умѣетъ еще выговаривать, а, тоже, кричитъ за другими: «а! а!» и кланяется. Лошадей своихъ я не держу, и мнѣ все возятъ прихожане. Куилу, на примѣръ, пятерковъ пять дровъ, верста за 20 отъ села, пишу деревенскимъ старостамъ записки, и на другой день подвокъ 80 привезутъ мнѣ дровъ; куилу для коровъ сѣна, — привезутъ и это. Вычистить пригороду, куда выпускаются коровы, вывезти со двора снѣгъ, котораго, случалось, наносило воровъ до 200, набить ледники и т. п., все это дѣлаютъ мнѣ прихожане. Въ прошломъ (1879) году я строился, — и изъ города, за 45 верстъ, мнѣ вывезли 106 брусевъ, известъ и проч. — прихожане. Иногда случалось даже такъ: у меня при домѣ есть

небольшой садикъ; копаешься, иногда, тамъ, подойдетъ мужичокъ, поглядитъ на цвѣтники и говоритъ: «песочкомъ надо бы тутъ посыпать!» — Да, говорю, надо бы, да песку-то нѣтъ. — «Да развѣ насъ у васъ мало! Скажите десятнику, онъ и нарядитъ подводы двѣ; а то я вотъ пойду и скажу старостѣ». — И на другой день мнѣ возовъ шесть привезутъ песку. Передъ свадьбами, по крайней мѣрѣ на половину, идутъ ко мнѣ за советомъ: взять ли за сына дочь у такого-то крестьянина, или отдать ли дочь къ такому-то? Приколотить пьяный мужикъ свою жену, — и она идетъ ко мнѣ съ жалобой. Крайне рѣдки случаи, чтобы пьяный мужикъ прошелъ мимо моего дома, — непременно постарается пробраться идѣ-нибудь по закоулкамъ, чтобы я не видѣлъ его. Толпятся мужики около кабака, иду или ѣду я, издали увидятъ всѣ, — и мгновенно всѣ разбѣгутся. Слово мое въ приходѣ есть законъ. Конечно, все это зависитъ отъ доброты моихъ прихожанъ; но я дорожу этимъ расположеніемъ: насколько только возможно, я держусь правила: не ссориться ни съ кѣмъ, ни при какихъ обстоятельствахъ, тотчасъ исполнять всякое требованіе каждаго и быть, насколько есть силъ, строгимъ къ себѣ. За требы я, лично самъ, не беру ничего, все беретъ мой дяконъ. Но никогда и никого не тѣснить и онъ; поэтому пользуется и онъ большимъ расположеніемъ и пособіями. Другой священникъ получалъ бы, по всей вѣроятности, дохода втрое больше, чѣмъ мы; но мы не думаемъ, чтобы что-нибудь теряли и мы. Своимъ трудомъ прихожане наверстываютъ намъ то, чего не добавляютъ деньгами. Для крестьянина выгоднѣе съѣздить намъ за дровами, чѣмъ отдать лишній рубль за потребу, а для насъ это все равно. Взятый мною рубль я отдамъ бы ему же за подводу. Значитъ, что мы въ барышахъ оба и, при этомъ, находимся въ хорошихъ отношеніяхъ.

Но это все, что дѣлается съ моей стороны, о чемъ сказалъ я, есть, какъ-бы, отрицательная сторона; положительная же, — въ моихъ съ прихожанами бесѣдахъ. Лѣтомъ, по праздникамъ, у утрени въ церкви народу у насъ бываетъ довольно много. После утрени я выйду на амвонъ, просто, безъ эпитрахили. прочту и объясню евангеліе этого дня, прочту еще что-нибудь, спрошу поняли ли, нѣкоторыхъ прошу и рассказать, что говорилъ я. Въ хорошую же погоду выйдемъ всѣ на крыльцо церкви, — а церковь

у насъ большая, крыльцо тоже высокое и большое. — сяду, около меня посядутся всѣ, обступятъ со всѣхъ сторонъ внизу, — я и читаю, и толкую съ ними часъ или полтора. Тутъ дѣло идетъ у насъ за-просто. Тутъ я выслушиваю вопросы и сужденія каждаго, — мы тутъ не стѣсняемъ совсѣмъ другъ друга. Самое же главное: послѣ обѣдни я объявляю, что я приѣду въ такую-то деревню. Управившись въ церкви со всѣми молебнами, крестинами и пр., придешь домой, напьешься чаю, закуспишь, а иногда и нѣтъ, — и поѣдешь. Въ назначенномъ домѣ меня уже ждутъ человѣкъ 20. Увидать въ деревнѣ, что я приѣхалъ, соберется и еще человѣкъ 50, иногда и больше, — и начнется наша бесѣда. Тутъ мы совсѣмъ уже свои люди: и я безъ рясы, и слушатели мои въ чемъ попало. Здѣсь я читаю, рассказываю, мнѣ дѣлаютъ вопросы, я дѣлаю, — и толкуемъ обо всемъ. Иногда говорятъ мнѣ: недавно приѣзжали молокане, верстъ изъ-за 200, жили три дня и говорили вотъ чтѣ; или скажутъ: раскольники были и говорили вотъ чтѣ. Я, конечно, объясню на толки тѣхъ и другихъ. (Въ моемъ приходѣ сектантовъ нѣтъ). Тутъ толкуемъ мы и о хозяйствѣ, и о семейныхъ дѣлахъ, — обо всемъ. Въ 1879-мъ году мнѣ передали даже такія вещи: «на прошлой недѣлѣ, говорятъ мнѣ, шли два мужичка въ Кіевъ къ св. мощамъ, чь-то. говорятъ, дальніе; одинъ изъ нихъ отбилъ ноги и они прожили у насъ три дня. Все разспрашивали они, какъ мы живемъ, много ли у насъ земли, много ли платимъ податей; все жалѣли, что у насъ земли мало (въ д. Кувукѣ), что казенная земля дорого арендаторами сдается, что мы бѣдны. Разговорчивые какіе! Скоро, говорили они, всю казенную землю раздадутъ по мужикамъ; что всѣмъ губернаторамъ прислана уже отъ Государя бумага, чтобы раздать всю землю, а податей брать только половину; что въ Вологодской губерніи всю землю роздали уже по крестьянамъ, а подати сбавили; что они проходили черезъ эту губернію и сами все это видѣли. Матвѣй К. (хозяинъ дома) сказалъ имъ: «этого быть не можетъ: гдѣ же будутъ деньги брать солдатъ содержать, чиновникамъ жалованья давать? Я былъ и въ Турціи, въ Іерусалимѣ, — вездѣ подати платятъ, и солдатъ держать, и жалованье чиновникамъ платятъ». Какъ они на него прикрикнуть!»...

Рекомендую моимъ собратіямъ испытать это средство для

оближенія съ прихожанами. Я нахожу это средство лучшимъ, если не единственнымъ изъ всѣхъ. Не могу скрыть, что дѣло это очень, даже очень трудное; но въ собраніи, за-просто, безъ всякихъ церемоній, видѣть въ народѣ эту вѣру, эту готовность и эту жажду слушать тебя, это довѣріе, — забываешь всякій трудъ и умиляешься самъ до глубины души. Это лучшее средство и научить чему-нибудь.

Однажды, я, въ годичномъ отчетѣ, довелъ до свѣдѣнія преосвященнаго о своихъ бесѣдахъ; преосвященный остался очень доволенъ имъ, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ священники вели такія же бесѣды и, для контроля, излагали бы ихъ въ особыхъ тетрадкахъ, благочиннымъ же вмѣнено было въ обязанность просматривать ихъ. Дѣло приняло оффиціальнѣйшій видъ. Меня за это всѣ батюшки поругали, года два нѣкоторые изъ нихъ писали поученія, но бесѣды вели мало. Въ объѣзды епархіи преосвященный сперва спрашивалъ у нѣкоторыхъ священниковъ тетради съ бесѣдами, но потомъ пересталъ и онъ. Такъ дѣло это и пропало. Другаго исхода не могло и быть, потому что излагать на бумагѣ то, что говоришь и какъ говоришь, — нѣтъ никакой возможности. Поученія и теперь говорятъ многіе, но это не то. Моя бесѣда, — просто бесѣда домашняя. Еслибъ изложить въ точности, дословно, все, что и какъ говоришь тутъ, такъ это вышло бы такое произведеніе, за которое консисторія не только что не представила бы къ набедреннику, а еще высекла бы штрафовъ пять, по крайней мѣрѣ. Тутъ я прочту и объясню что-нибудь изъ евангелія, побраню мужика, зачѣмъ онъ, да еще съ сыномъ вмѣстѣ, ходитъ въ кабакъ; прочту что-нибудь изъ св. исторій, поговорю объ урожаѣ, надежѣ скота, о томъ, что нужно чаще ребятамъ мыть, — мы говоримъ обо всемъ. Но это: «все», безобразное, можетъ быть, по формѣ изложенія, лучше всякаго «огненнаго» слова. Въ этомъ повѣрьте мнѣ. Я узнаю тутъ все, что дѣлается у меня въ приходѣ и, во-время, могу подать посильный совѣтъ. Въ подобныхъ бесѣдахъ до фамиллярностей мы не доходимъ, но мы другъ съ другомъ, какъ-бы, родшимся, — это другаго рода школа.

Кромѣ того, пока священникъ въ деревнѣ, ни одинъ крестьянинъ нейдетъ въ кабакъ, боясь, чтобы не сказали ему и онъ не позвалъ бы къ себѣ. А перехвативши, такъ сказать, самое

горячее время, — отъ обѣда до вечера, ночью мужикъ туда уже не пойдетъ. Да, эти простыя бесѣды, — великое дѣло! Но... полнѣйшая зависимость отъ приходовъ, нерѣдкіе случаи злоупотребленія непритязательностью моего дьякона, плата за требоисправленія и пр. отравляютъ все дѣло, пуще всякаго яда...

Послѣ этого можно только сказать: несчастны тѣ люди, которые, даже при всемъ своемъ желаніи, не могутъ выполнить своего долга!...

XLII.

Благочиннымъ, болѣею же частію, ихъ помощникамъ, нерѣдко поручается дѣлать справки по церковнымъ документамъ, дознанія и производства свѣдствій.

Какой-нибудь мѣщанинъ проситъ выдать ему метрическое свидѣтельство, для утвержденія его въ правахъ наслѣдства. Консисторія, не справляясь съ метриками, имѣющимися въ ея архивѣ, предписываетъ благочинному или его помощнику сдѣлать справку по церковнымъ документамъ, и представить ей съ своимъ удостовѣреніемъ, что представляемая справка съ церковными документами вѣрна. Нерѣдко случается, что село, гдѣ нужно взять такую справку, находится отъ благочиннаго или его помощника верстахъ въ 70. Предписывать духовенству выслать справку къ нему благочинный не можетъ, такъ какъ онъ самъ долженъ видѣть документы, чтобы засвидѣтельствовать ея точность, онъ долженъ ѣхать туда самъ. Но такъ какъ подобныхъ дѣлъ бываетъ много, и часто случается, что, съѣздивши въ село, дня чрезъ два—три, приходится ѣхать туда же опять, то благочинный и не торопится ѣхать. Чрезъ мѣсяць консисторія подтверждаетъ: «поспѣшить представленіемъ справки». «Ну, думаетъ благочинный, дѣлать дѣло не такъ легко, какъ предписывать! У меня еще сѣно не убрано; оно можетъ погнить; и это будетъ стоить мнѣ больше 100 р. Жнецовъ или косцовъ артель, — я за ними глядѣть долженъ, — дожди, зимой вьюга, метель... Ѣхать нѣтъ и возможности. Если эта справка консисторіи нужна непременно, неотложно, то метрики у нея подъ руками». Чрезъ нѣкоторое время консисторія опять: «пред-

ставить справку съ первою отходящею почтою, въ противномъ случаѣ... Чуть не висѣлица! Благочинный нанимаетъ на свой счетъ лошадей до перваго села, тамъ духовенство нанимаетъ до втораго, тамъ—до мѣста, гдѣ нужно взять справку. Пріѣзжаетъ благочинный, прикажетъ сдѣлать въ три строки выписку изъ метрики, посмотреть въ самую метрику. — и домой. Мѣстное духовенство нанимаетъ ему лошадей до ближайшаго села. тамъ до слѣдующаго, а тутъ—до мѣста жительства благочиннаго.

Такимъ образомъ то, что можно было бы сдѣлать въ консисторіи въ 10 минутъ, тивется цѣлые мѣсяцы, консисторіи обременяють перепискою и себя, обременяють и вводятъ въ хлопоты и расходы и благочинныхъ, и духовенство совершенно невзпно, Богъ знаетъ изъ-за чьего дѣла.

Жителю С.-Петербурга трудно понять наши порядки и, вообще, горожанинъ не пойметъ ихъ. Чтобы уяснить себѣ наши порядки разъѣздовъ по дѣламъ службы, представимъ это нагляднѣе. Представимъ, что какому-нибудь мирному гражданину, живущему своимъ трудомъ гдѣ-нибудь около Невской Лавры и никогда не помышляющему о судопроизводствѣ, велѣно сдѣлать дознаніе близъ института горныхъ инженеровъ. Ему приказали, — и онъ, не зная, какъ и прийтись за порученное ему дѣло, бросаетъ всѣ свои домашнія занятія, единственное средство къ его существованію, — нанимаетъ извозчика и ѣдетъ до Знаменской гостиницы. Является въ гостиницу, тамъ предлагаютъ ему стаканъ чаю и легонькую закуску, но онъ, не заплативши ни за что денегъ, требуетъ, чтобъ ему наняли извозчика до дома Бѣлосельской-Бѣлозерской. Здѣсь заѣзжаетъ въ чей-нибудь домъ, отрываетъ хозяина или управляющаго домомъ отъ дѣла, и требуетъ, чтобъ его довели до Казанскаго собора. (О конной желѣзной дорогѣ мы не говоримъ потому, что онѣ лежатъ не по всѣмъ улицамъ Петербурга). Здѣсь заѣзжаетъ хоть въ домъ Корпуса и требуетъ лошадь до Конногвардейской улицы. Тамъ заѣдетъ въ домъ духовенства Исаакіевскаго собора и требуетъ лошадь до академіи художествъ. Отсюда требуетъ лошадь до Горнаго института. Здѣсь, сдѣлавши свое дѣло, онъ требуетъ, чтобъ хозяинъ дома довезъ его обратно до академіи художествъ, оттуда до дома Псаакіевскаго духовенства, и такъ далѣе, — до своей квартиры — къ Лаврѣ. Въ то же время

назначаютъ лицу вліятельному, могущему сдѣлать всякому какую-нибудь гадость, произвестъ слѣдствіе. Лицо это живетъ на Обуховскомъ проспектѣ, положимъ хоть въ домѣ Жукова, а слѣдствіе произвестъ нужно около Семеновскихъ казармъ. Этотъ слѣдователь, какъ начальство, ѣдетъ уже не такъ: въ счетъ подчиненныхъ, своихъ сослуживцевъ, нанпмаетъ карету и ѣдетъ на Лиговку въ д. Воронина. Не обращая вниманія. — днемъ ли это, ночью ли, — онъ взбудоражить весь домъ. потребуетъ чаю, водки, закуски, взятку и карету до дома В. А. Полетики на Лптейномъ проспектѣ. Оттуда ударитъ на Самсоніевскій проспектъ въ д. Васильева; отъ него къ Тучкову мосту на Петербургскую сторону; отсюда на Каменный островъ; съ Каменнаго къ почтамту, отсюда уже къ Семеновскимъ казармамъ. Проживши на слѣдствіи дня два, онъ отправляется въ Күшелевку, тамъ — въ Лѣсной институтъ, оттуда на Черную рѣчку и т. д. и т. д. Исколесивши весь Петербургъ и обезпокоивши 40 — 50 домовъ, онъ возвращается домой съ набитыми животомъ и карманами. Черезъ два-три мѣсяца, а можетъ быть и два-три дня, въ эти же дома вваливается другой, подобный этому, слѣдователь, тамъ третій и — безъ конца. Что сказали бы жители Петербурга, еслибъ у нихъ были такіе порядки? Что сказали бы они, еслибъ всѣ члены полиціи, мировые судьи, экстренные и обыкновенные судебные слѣдователи такъ безпокоили мирныхъ гражданъ столицы? Такіе порядки, прямо, невозможны, скажетъ всякій. Это были бы не порядки, а неурядица, какой не можетъ быть не только ни въ одномъ благоустроенномъ государствѣ, но даже нигдѣ, во всемъ свѣтѣ. И дѣйствительно, этого и нѣтъ нигдѣ, во всемъ свѣтѣ, кромѣ насъ, православнаго русскаго духовенства! Такіе порядки возможны именно только у насъ однихъ. У насъ: назначаютъ рядовому священнику произвестъ слѣдствіе или сдѣлать дознаніе, — онъ, несчастный, не зная, какъ и приняться за порученное ему дѣло, бросаетъ домъ, приходъ и хозяйство, ванимаетъ отъ себя лошадку и ѣдетъ до ближайшаго села. Тамъ напоятъ его чайкомъ и дадутъ лошаденку до слѣдующаго и т. д. Черезъ нѣсколько дней онъ, голодный, возвращается тѣмъ же путемъ домой и, убитый нравственно, отсылаетъ консисторіи результаты своей поѣздки. Нерѣдко случается, что, за неполноту слѣдствія, получаетъ вы-

говоръ и снова ѣдетъ для дополненія. Но если ѣдетъ великое начальство, — благочинный или, и того горше, членъ консисторіи, въ родѣ Дмитрія Акимовича Крылова, то тутъ уже не то: тутъ взбудоражится все, — всѣхъ поднимуть на ноги и, — день ли это, ночь ли, здоровы ли въ домѣ, больны ли — все равно, хозяйнѣ гостя ублажи, упои, накорми, въ карманъ ему положи, тройку лошадей дай, самого въ экипажъ уложи и — распрощайся. Послѣ такихъ гостей хозяева, обыкновенно, не скоро приходятъ въ нормальное состояніе. Если ѣдетъ благочинный, то онъ ѣдетъ, по крайней мѣрѣ, по прямому направленію; но если онъ въ родѣ Д. А. Крылова, такъ онъ и исколеситъ всю епархію, — и везтѣ нужно, даже вынуждено духовенство принять, угостить, дать и за подводу заплатить 3—4 рубля. Да, скажемъ опять: это у насъ только и возможно! Какъ это ни нелѣпо, какъ ни бессмысленно, какъ ни тяжело духовенству, какъ ни грустно все это, — но это считается у насъ порядкомъ, — что это такъ и быть должно...

Но мы, начальство, широки только между своими, духовными: крестьяне, прывыкшіе, по старымъ традиціямъ, смотрѣть на чиновника, какъ на притѣснителя, безпрекословно исполняютъ его приказанія, только боясь палки; наши же требованія они исполняютъ только послѣ долгихъ и многихъ хлопотъ съ нашей стороны: при нашихъ слѣдствіяхъ много приходится употреблять хлопотъ, чтобы вызвать къ себѣ мужика къ допросу.

Изъ множества такихъ дѣлъ, скажу объ одномъ. Однажды, лѣтомъ, только что пріѣхалъ я домой изъ села за 65 верстъ, куда ѣздила я изъ за метрической справки, какъ получаю указъ ѣхать туда же опять, по дѣлу о пропускѣ по метрикамъ одного мужика, у котораго сынъ подлежалъ отдачѣ въ солдаты. Я нанялъ лошадей за 3 р. и поѣхалъ до ближайшаго села. Тамъ духовенство наняло лошадей до слѣдующаго, оттуда — до мѣста слѣдствія. Я нарочито пріѣхалъ въ праздникъ, чтобы застать крестьянъ дома. Священникъ уѣхалъ въ городъ, а крестьяне, хотя были и не въ полѣ, но, за то, всѣ въ кабацѣ. Несчетное число разъ посылаю я и дьячковъ, и церковнаго сторожа и за сотскимъ, и за десятникомъ, и за старостой, — нейдетъ никто, да и только. «Намъ, говорятъ, не до поповскихъ дѣлъ, у насъ

свои дѣла, поважнѣе ихнихъ». Ночью прѣхалъ священникъ, до свѣта еще послалъ за старостой, — и крестьяне явились всѣ, кромѣ одного, который до свѣта уѣхалъ въ поле. «Что вы, говорю, не пришли ко мнѣ вчера? Вѣдь напрасно только задержали и меня вчера, и себя теперь». — «Да признаться, всѣ были выпивши, идти-то къ вамъ и стыдно было». Крестьянинъ, уѣхавшій въ поле, былъ мнѣ нуженъ. Я послалъ за нимъ причетника отыскать его въ полѣ. Но крестьянинъ не хотѣлъ бросить своей работы, и явился ко мнѣ поздно уже вечеромъ. Кончивши дѣло, я ѣду обратно домой: мѣстный причтъ нанимаетъ мнѣ пару лошадей до ближайшаго села, въ этомъ нанимаютъ до слѣдующаго, тамъ—до моего дому. Такимъ образомъ моя поѣздка, изъ-за чужаго дѣла, духовенству, ни въ чемъ неповинному, стоила 14 рублей, а мнѣ 3 р. и четыре дня времени. И это случится въ теченіи года не одинъ разъ...

Производство слѣдствій поручается, болѣею частію, частнымъ священникамъ, — кому-нибудь изъ ближайшихъ къ подсудимому. Но если и мы, старые благочинные, нерѣдко путаемся при слѣдствіяхъ, то рядовой священникъ, никогда и не помышлявшій о производствѣ ихъ, не знаетъ, болѣею частію, какъ къ дѣлу и приступиться.

На мѣстѣ слѣдствія, прежде всего, насъ затрудняетъ квартира. Оставляться на общей чиновничьей взѣзжей квартирѣ намъ неудобно, такъ какъ туда, во время слѣдствія, могутъ прѣхать гражданскіе чиновники по своимъ дѣламъ и мы стали бы мѣшать одинъ другому. Поэтому слѣдователь останавливается, обыкновенно, въ церковной сторожкѣ. Формально извѣстивши тяжущіяся стороны о своемъ прѣздѣ, просить отвести ему квартиру, по обоюдному согласію сторонъ и выслать туда депутатовъ. Въ этой перепискѣ проходитъ день, а иногда и больше. При производствѣ слѣдствія случалось, и не разъ, что иной сутяга ни за что не дастъ отвѣта ранѣе трехъ сутокъ. А тамъ: то того крестьянина нѣтъ дома, то другой неидеть. Бьешься-бьешься, иногда, уѣдешь домой и просишь полицію и волостное правленіе обязать подпискою нужныхъ ко спросу крестьянъ явиться къ извѣстному дню. Полиція и волостное правленіе вышлютъ подписки, прѣзжаешь, — а крестьяне прѣзжать, на мѣсто слѣдствія, и не думали. Побьешься дня

четыре, и опять уѣдешь домой. Однажды, мнѣ привелось прожить на слѣдствіи болѣе трехъ недѣль, по самому пустому дѣлу. Долго бьется слѣдователь; тяжущіяся стороны, во все время производства слѣдствія, молчатъ; наконецъ, закончивъ дѣло и предъявляешь имъ его. Тѣ, въ подпискѣ, излагаютъ все, что находятъ нужнымъ для пополненія. Бѣльшая же часть пишетъ только, что противузаконныхъ дѣйствій, со стороны слѣдователя, ими не замѣчено. И дѣло представляется въ консисторію.

Если слѣдователь не самъ лично представляетъ свою работу въ консисторію и не переговоритъ наединѣ съ столоначальникомъ, то штрафа ему не избѣжать: или записка составлена неполно, или листы тетради не перенумерованы, или бѣлый полуплистикъ угодилъ между писанными, или спрошено лицо подъ присягою, тогда какъ приводить его къ присягѣ не слѣдовало; или, наоборотъ: спрошено безъ присяги. тогда какъ слѣдовало бы спросить подъ присягою; или не спрошено лицо совсѣмъ, тогда какъ показаніе его оказывается нужнымъ и т. п. За все это слѣдователя штрафуютъ. Правила, нынѣ порядки эти измѣнились нѣсколько къ лучшему: нынѣ, по крайней мѣрѣ, укажутъ въ чемъ неполно слѣдствіе и чѣмъ дополнить его, хотя и оштрафуютъ, или сдѣлаютъ выговоръ; но прежде дѣлалось такъ: представивъ слѣдственное дѣло, а тебѣ возвращаютъ его, и пишутъ: «такъ какъ слѣдствіе неполно, то консисторія приказали: дополнить его нужными свѣдѣніями». Но чѣмъ дополнить, — понять не можешь. Поѣдешь опять, сдѣлаешь спросъ одному кому-нибудь, — почти, кто попадетъ подъ руку, — отошлешь дѣло въ консисторію, пятиншницу столоначальнику, — и выйдетъ все и полно, и по формѣ сдѣлано. Нынѣ этого уже нѣтъ.

Въ рѣшеніи дѣлъ нельзя похвалиться особенной скоростью; но если, при обсужденіи дѣлъ и въ окружныхъ нашихъ судахъ, гдѣ судъ «скорый и милостивый», подсудимымъ, часто, приходится сидѣть въ острогахъ, неповинно, до рѣшенія дѣла, цѣлые годы, — при новомъ, организованномъ судопроизводствѣ, — то намъ тянуть дѣла и Богъ проститъ, на насъ нельзя и взыскивать. У насъ, и дѣйствительно, дѣла рѣшаются не скоро, особенно если канцелярскіе чиновники видятъ, что около просителя

можно малою толикою поживиться. Находчивость, чтобъ протянуть дѣло и вытянуть какой-нибудь двугривенный, бываетъ, иногда, замѣчательная, хотя, конечно, все это крайне грустно. Однажды, прихожу я въ консисторію и, вмѣстѣ со мной, подходитъ къ столоначальнику Г. старушка, вдовая священническая жена, и проситъ его написать ей поскорѣе билетъ въ Кіевъ. «Ваше благородіе, взываетъ старушка, сдѣлайте мплость! Я хожу вѣдь третью уже недѣлю»... Столоначальникъ вскочилъ, какъ съ горячей сковороды, обращается ко мнѣ и говоритъ: «послушайте, о. благочинный! Она проситъ билетъ въ Кіевъ»!... И, при этомъ, съ жаромъ, вытянулъ руку въ сторону. — «Въ Воронежъ»!... И протянулъ другую руку, въ другую сторону. — «Въ Москву»!... И указалъ въ третью сторону. «Видите куда! Да и дай ей сейчасъ билетъ!... Пошла прочь!»

— Ваше благородіе!

— Тебѣ говорятъ, что этакаго дѣла сдѣлать скоро нельзя! Россія велика.

И это говорилось такимъ тономъ и съ такими жестами, какъ будто ему приходилось ходить за ней самому по всей Россіи.

— Ваше благородіе!

— Нужно еще запросить по всѣмъ столамъ, нѣтъ ли за тобой дѣлъ!

— Какія же за мной дѣла? Пожалуй, запросите.

— Надобно запросить и градскаго благочиннаго, ты здѣсь давно шляешься; можетъ быть, что-нибудь въ городѣ надѣлала, что и билета дать нельзя!

— Чтожъ, пошлите чиновника и къ благочинному, спросите и его.

Одинъ изъ писцовъ огрызнулся: собака тебѣ чиновникъ-то, будетъ бѣгать для тебя по городу!

И пошла, несчастная, въ свой уголь.

Слѣдователь представляетъ дѣло съ своей запиской. Столоначальникъ читаетъ дѣло и записку слѣдователя и по нимъ составляетъ свою записку. Но привычка не обращать вниманія на положеніе людей много приносила горя людямъ, состоящимъ подъ судомъ. Человѣкъ, напр., лишень мѣста, ни онъ, ни семья его не имѣютъ куска хлѣба, угла, куда преклонить голову,— а

столоначальникъ, разсматривающій дѣло, тинеть цѣлые мѣсяцы изъ такихъ пустяковъ, которые, положительно, не имѣютъ значенія. Изъ множества извѣстныхъ мнѣ случаевъ скажу объ одномъ. Священникъ Ж. удаленъ былъ отъ мѣста. Въ днѣкъ и безъ того, онъ болѣе мѣсяца ходилъ въ консисторію и умолялъ столоначальника Г. приняться за разсмотрѣніе его дѣла. Обобравши его до нитки и опивши разъ десять, Г., наконецъ, взялъ дѣло въ руки, сталъ перелистывать и видить, что слѣдователемъ не приложено записки, — извлеченія изъ дѣла. — «Записки нѣтъ, оборотить къ слѣдователю для составленія записки», завопилъ столоначальникъ! Насилу товарищи его, другіе столоначальники, могли уговорить его не волочить дѣла и сжалиться надъ несчастнымъ Ж., и то подъ тѣмъ условіемъ, что одинъ изъ столоначальниковъ взялся составить записку самъ, — вмѣсто слѣдователя.

Сказать къ слову: Г. за время своей долголѣтней службы такъ набилъ руку на взятки, что, однажды, не далъ спуска даже своему родному отцу.

Однажды отецъ его, дьячокъ, перемѣщался въ другой приходъ и долженъ былъ взять въ его столѣ перемѣстительный указъ. Дня четыре отецъ ходилъ въ консисторію, и сынокъ все отговаривался, что дѣла по горло, указъ писать некогда. Наконецъ, приходитъ отецъ. сынокъ всталъ и говоритъ: ты, тятинька, я вижу, хочешь выѣхать «на сухихъ!» У меня положено три цѣлковыхъ за перемѣстительный указъ; борозды не порть и ты; а то, на тебя глядя, и другіе не станутъ давать. Ты, тятинька, не обсѣвокъ въ полѣ, три рублика выложъ!»

— Ахъ ты!...

— Ты, тятинька, не ругайся, а то секретарь услышитъ, велить тебя вывести, и мнѣ будетъ стыдно за тебя.

Отецъ поругалъ — поругалъ да и отдалъ три рубля, а сынокъ вынулъ изъ ящика приготовленный уже указъ.

Что Г. былъ негодяй, — это еще ничего бы, негодяевъ много вездѣ. Но страшно, даже обидно, то: неужто о.о. члены консисторіи не знали, что между ихъ столоначальниками есть такіе негодяи!...

Въ прежнее время столоначальники разсматривали слѣдственные дѣла, и они же писали и самыя рѣшенія. Членамъ конси-

сторіи приходилось только списывать и исправлять грамматическія ошибки столоначальниковъ. А недавно умершій членъ консисторіи В. И. Жуковъ, въ началѣ своего членства, какъ только дѣло, мало-мало, серьезное, то возьметъ его на домъ и отправляется съ нимъ къ благодѣтелю своему, помѣщику-дѣльцу Протопопову; тотъ напишетъ ему мнѣніе, Жуковъ перепишетъ и несетъ въ консисторію.

Теперь дѣла измѣнились къ лучшему, нѣтъ спора, но, однако же, до сихъ поръ консисторіи рѣшаютъ всѣ дѣла, оповываясь исключительно на томъ, что есть въ слѣдственномъ дѣлѣ. Они не требуютъ никакихъ личныхъ объясненій или разъясненій дѣла, не входятъ въ обстоятельный разсмотрѣ причинъ того или другаго поступка; предъ ними исписанная бумага, — и по ней рѣшается участь человѣка, тогда какъ полагаться исключительно на эту бумагу крайне сомнительно, потому что слѣдователь, если не имѣетъ возможности дать видъ слѣдствію совершенно по своему произволу, то всегда можетъ или сгладить, или увеличить значеніе вины подсудимаго. И на этихъ-то, невѣрно выставленныхъ, фактахъ основывается рѣшеніе дѣла. Скажу объ одномъ случаѣ изъ собственной практики.

Въ одной изъ деревень С. губерніи жилъ помѣщикъ, нѣкто В. Оставшись малолѣтнимъ послѣ отца, онъ лѣтъ 5—6 потолкался около гимназій, записался въ канцелярію губерпатора, получилъ чинъ, — и зажилъ на славу. Слишкомъ болѣе 12 тысячъ руб. онъ проигралъ въ карты, однажды, въ день похоронъ своей матери. Неразлучными друзьями и спутниками во всѣхъ кутежахъ и безобразіяхъ его были особенно два члена провіантской комисіи С. и Д. Однажды компанія друзей, человѣкъ въ 15, ввалила въ театръ, въ то время, когда народъ выходитъ уже изъ него, вошла въ ряды кресель и В. закричалъ: «тысячу рублей! Начинай съ начала!»! Компанія подхватила: «мы даемъ другую тысячу, съ начала начинай!»! И, минутъ черезъ 15, занавѣсъ поднялся. Въ срединѣ втораго или третьаго дѣйствія В. заоралъ: «довольно! Иди всѣ въ Барыкинскую гостиницу!... По тысячѣ руб. на рыло: пляши русскую, въ чемъ мать родила!»! И каждое рыло получило по 1000 р.

О В. можно было бы сказать многое, но я скажу только это, чтобъ дать понятіе, что это былъ за господинъ.

Рядомъ съ В. по имѣнію жилъ нѣкто старикъ В. П. П. Это была знаменитость другаго рода. О немъ, тоже, нужно сказать слова два-три.

Въ селѣ Г. жила старушка-барыня К. Это была, какъ двѣ канли воды, Гоголевская Коробочка, но только барыня была богатая, хотя и безграмотная. Я былъ у нея въ домѣ раза три, и зналъ ее хорошо. У нея была дочка Машенька, и такая же простенькая, какъ ея матушка, какъ она звала ее.

По какому-то случаю родственники покойнаго мужа К. стали отбивать у нея часть имѣнія,—село, крестьянъ и земли около 2000 дес. Переполошилась старуха, и поскакала въ городъ С. Тамъ сказали ей, что дѣло ея пропащее, и что помочь ей можетъ развѣ одинъ только П., какъ извѣстный дѣлецъ. Она къ нему.

— Отдайте за меня Машеньку, и въ приданое село Н. Иначе отобьютъ его!

— Помилуй, отецъ родной! Ты и не изъ дворянскаго роду, и старикъ, возможно ли это! Бери денегъ, сколько хочешь, а Машеньку не отдамъ.

— Ну, какъ знаешь!

Ходакомъ съ противной стороны былъ онъ же; П. И. имѣніе отбилъ. Барыня въ отчаяніи скачетъ опять въ С. и бросается къ П.

— Бери за себя мою Машеньку, бери все, но отсуди вотчпну! Пропадай все, лишь бы только не досталось имъ!

Снова П. началъ будоражить дѣло, снова началась безконечная переписка,—и судъ рѣшилъ возвратить имѣніе К. Прилетаетъ П. съ радостной вѣсточкой къ нареченной своей тещѣ: ну, говорить, теперь дѣло за свадьбой! Дѣло наше порѣшено, велѣно имѣніе возвратить вамъ...

— Нѣтъ, В. П., бери денегъ, сколько хочешь, а Машеньку за тебя не отдамъ!

Поспорили, покричали, и разстались.

П. поднимаетъ снова дѣло, и имѣніе отбилъ. Прилетаетъ старуха къ П.

— Что ты, извергъ, кровопійца, сдѣлалъ со мной! Опять отбилъ!

— Отбилъ. Отдай Машеньку, все твое опять будетъ.

— Ну, бери, кровопійца!

— Нѣтъ, теперь ужъ не обманешь. Давай сперва повѣнчаемся.

Побилась-побилась старуха, да и выдала свою Машеньку.

П. началъ дѣло снова, долго тянулось оно, но, наконецъ, все-таки, имѣніе отбилъ, и сдѣлался помѣщикомъ села Н. Напротивъ церкви онъ выстроилъ хорошій домъ, отдѣлалъ два запущенныхъ сада и развелъ пчель. Въ концѣ 1840-хъ и въ началѣ 1850-хъ годовъ въ этомъ селѣ былъ священникъ нѣкто Д., мужчина грубой до крайности. Однажды, рой барскихъ пчель и привѣлся на колокольню. Попъ съ лукошкомъ, баринъ съ роевней туда! Одинъ кричитъ: у меня улетѣлъ,—мой! Другой оретъ: ко мнѣ привился,—мой!—Да и сцѣпились... Оба были высокаго росту, здоровенные, но только священникъ, по лѣтамъ, годился барину во внуки. Долго ломали они ребра другъ другу; наконецъ, священникъ, какъ-то, изловчился, да и пырнулъ барина въ за-шей съ лѣстницъ.—и завладѣлъ роємъ.

Не желая простить такой обиды священнику и, вмѣстѣ, не желая компрометировать себя изъ-за роя. П. и подговорилъ сосѣда своего В. подать на него прошеніе и требовать вывести его изъ прихода.

В. подалъ прошеніе такого рода (дословно): «священникъ Д. несвоевременно крестить, несвоевременно вѣнчаетъ, несвоевременно хоронить, несвоевременно служить обѣдни и несвоевременно исправляетъ требы. Поэтому покорнѣйше прошу, в. п.—во, вывести его изъ нашего прихода». Мнѣ велѣно было произвести слѣдствіе.

Кляузы непріятны какому бы то ни было слѣдователю, не люблю ихъ и я. Но тутъ жалятся на священника такіе люди, въ которыхъ, самихъ-то, нѣтъ ни стыда, ни чести, ни совѣсти... И я положилъ себѣ, еще заранѣе, оправдать его во что бы то ни стало, хотя бы даже и оказались за нимъ какіе-нибудь проступки.

В. выслалъ мнѣ своего старосту депутатомъ, съ барской печатью. Но, къ счастью священника, у старосты была въ это время, какая-то родственная свадьба; я въ первую же ночь отпустилъ его погулять, чему онъ былъ радехонекъ. Утромъ онъ пришелъ ко мнѣ въ квартиру пьяный, и весь день проспалъ.

Ночью я отпустилъ его опять, — и такъ цѣлую педѣлю. Онъ отдалъ мнѣ свою печать, — и я писалъ, что зналъ и прикладывалъ ее, гдѣ нужно. Священникъ вышелъ у меня чуть не святымъ. Правда, что за нимъ не было никакихъ важныхъ проступковъ; онъ только, вообще, грубо по временамъ обращался съ прихожанами и иногда заставлялъ по долгу ждать себя при требованіяхъ.

По слѣдствію консисторія нашла священника невиннымъ и оставила на прежнемъ мѣстѣ.

Я, конечно, не единственный въ мірѣ слѣдователь, который не ставилъ каждаго слова въ строку. Множество слѣдственныхъ дѣлъ, и по болѣе важнымъ дѣламъ, которыя производятся несравненно еще болѣе пристрастно. Консисторіи же, не имѣя подъ руками ничего, кромѣ испсанной бумаги, по необходимости должны рѣшать многія дѣла несправедливо, по несправедливо произведенному слѣдствію, — это неизбежно. Будь гласное судопроизводство, тогда и слѣдователи были бы осторожнѣе, и дѣло выяснилось бы точнѣе, и рѣшенія были бы справедливыѣ. Теперь же у насъ много значить и личное отношеніе судей къ подсудимымъ, и потому случается иногда: консисторія рѣшитъ дѣло такъ, а Св. Синодъ, при безпристрастномъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ, перерѣшаетъ совсѣмъ иначе. Намъ, напр., извѣстенъ такой случай: одинъ священникъ повѣнчалъ солдатку вторымъ бракомъ по удостовѣренію полиціи о смерти ея перваго мужа. Послѣ оказалось, что мужъ ея живъ. Консисторія опредѣлила послать его на четыре мѣсяца въ монастырь, Св. же Синодъ опредѣлилъ сдѣлать ему за неосмотрительность замѣчаніе, — и только. Правда, что и въ гражданскомъ гласномъ судопроизводствѣ существуетъ не даромъ цѣлая лѣстница судебныхъ инстанцій, и на каждой ступени дѣла рѣшаются по-своему; но думается, что при открытомъ судопроизводствѣ менѣе бываетъ ошибокъ въ рѣшеніи, чѣмъ при закрытыхъ дверяхъ, — втихомолку. Будь закрытый судъ и самый справедливый, онъ все-таки внушаетъ къ себѣ недоувѣріе, даже при всемъ безпристрастіи его и всемъ желаніи судей быть справедливыми. Прежнія злоупотребленія глубоко залегли въ душу и память о нихъ изгладить не легко. А если что-нибудь всплываетъ на верхъ

и нынѣ изъ старой закваски, то бываетъ даже обидно предъ другими сословіями.

Въ прежнее время бывали и такіе случаи, что, при рѣшеніи дѣла, всѣ обстоятельства, служащія къ обвиненію подсудимаго, выпускались и выставлялись однѣ лишь оправдывающія его—и подсудимый выходилъ чистъ. Бывало и наоборотъ. То и другое дѣлалось смотря по особымъ обстоятельствамъ. Однѣ, напримѣръ, слѣдователь писалъ показанія отъ крестьянъ объ ихъ дьяконѣ такого рода: первый крестьянинъ показываетъ: «о дьяконъ нашъ, хотя и шибко выпиваетъ, но онъ человекъ смиренный и худаго про него я сказать не могу ничего». Другой говорить: «о дьяконъ нашъ, хоть иногда въ кабацкѣ и повздорить съ кѣмъ, пожалуй и подерется, но на нетрезвомъ человекѣ взыскивать нельзя. Въ службѣ же онъ хорошъ, голосистый, служить каждую обѣдню». Третій: «нашъ о. дьяконъ предобрѣйшій человекъ; онъ запросто обходится съ малымъ ребенкомъ; хлѣбосоль такой, что людей такихъ мало. На праздникъ иди къ нему всѣ. Обнимется съ нашимъ братомъ, запросто, да по улицѣ и пойдетъ закатывать гѣсни. Не отставай, говорить, ребята, валий! Простой человекъ, что людей такихъ мало» и т. п. Консисторія въ запискѣ своей означила: «по показанію прихожанъ дьяконъ Н. человекъ смиренный, про котораго ничего худаго сказать нельзя; въ службѣ хорошъ, имѣетъ хорошій голось, службѣ церковныхъ не опускаетъ, человекъ предобрый, обходительный, хлѣбосоль» и пр., словомъ: дьяконъ вышелъ, хоть въ святцы записывай—и такимъ образомъ мало того, что оставленъ на мѣстѣ безъ всякаго наказанія за безобразія, но ему данъ поводъ еще къ худшимъ безобразіямъ.

Въ одномъ селеніи ближайшей къ Саратову губерніи прихожанинъ подалъ прошеніе на священника, что тотъ взялъ съ него за свадьбу 5 р. и что онъ, священникъ, вообще гѣснить прихожанъ при требоисправленіяхъ. Консисторія предписала благочинному сдѣлать дознаніе. Всѣ прихожане единогласно одобрили священника и обвинили крестьянина. Консисторія потребовала запись братскихъ доходовъ и положила опредѣленіе такого рода: «изъ представленной благочиннымъ записи братскихъ доходовъ причта села Н. видно, что причтъ беретъ за всѣ обязательныя требоисправленія, какъ-то: крещеніе, бракъ и др.,

такъ подѣ числомъ... значится: получено за свадьбу съ крестьяниномъ NN. 3 р., за крещеніе... и пр. Но такъ какъ въ указѣ св. Синода... изложено, что Государемъ Императоромъ Высочайше повелѣно воспретить брать за обязательныя требованія, то консисторія приказали и его преосвященство утвердилъ: оштрафовать причтъ села N. десятью рублями подоходно съ внушеніемъ, что причтамъ разрѣшается брать плату только за запись браковъ, крещенія и другихъ таинствъ въ метрическія книги, но не за совершеніе самыхъ таинствъ».

Намъ извѣстенъ и такой случай: при спросѣ благочиннымъ о поведеніи одного дьякона, всѣ крестьяне подѣ присягою показали, что дьяконъ ихъ N. поведенія не хорошаго. Благочинный и пишетъ: «крестьянинъ А. показалъ, что дьяконъ N, поведенія не хорошаго. Крестьянинъ Б. показалъ то же, что и А. Крестьянинъ В. показалъ то же, что и А. Крестьянинъ Г. показалъ то же, что и А. И такъ 24 человекъ. Частицу не онъ нарочито отъ слова: хорошаго отставилъ и потомъ на нее, какъ будто ненарочно, чернилами капнулъ. И вышло такимъ образомъ, что дьяконъ N. поведенія хорошаго.

Будь гласное судопроизводство—такого мошенничества не было бы.

Вообще же у насъ имѣетъ большое значеніе, при рѣшеніи дѣла, то, если подсудимый лично попроситъ о своемъ дѣлѣ всѣхъ служащихъ въ консисторію, начиная съ писца.

XLIII.

Благочинные и простые — рядовые священники бывають депутатами и при производствѣ слѣдствій гражданскими чиновниками.

Въ началѣ 1850-хъ годовъ, около Саратова, развились грабежи и разбои до того, что не было ни проходу и ни проѣзду ни днемъ, ни ночью. Въ одно лѣто, въ это время, было ограблено три церкви, ближайшія къ городу моего округа и, при одной изъ нихъ, зарѣзаны сторожъ и жена его, при другой зарѣзанъ сторожъ и при третьей сторожъ убитъ. Такъ какъ совсѣмъ не было проѣзда и не было покоя окрестнымъ дере-

венскимъ жителямъ, то во многихъ мѣстахъ, около города, по дорогамъ были поставлены пикеты изъ казаковъ: но казаки, какъ говорили тогда, грабили еще больше, такъ что пикеты ихъ были скоро сняты.

Саратовъ стоить на правомъ берегу Волги, окруженный высокими горами съ обрывами, глубокими оврагами, поросшими лѣсомъ и густымъ кустарникомъ. Ущелья горъ всегда были приютомъ всякаго сброду. Все знали, что и теперь грабители скрываются тамъ же, но найти ихъ было не легко, потому что и горы и лѣсъ идутъ широкою полосой и, кромѣ того, караульщики садовъ и раскольничьи скиты по ущельямъ горъ всегда, волей-неволей, укрывали бродягъ и оказывали имъ содѣйствіе. Чтобы найти ихъ, взято было двѣ роты солдатъ и болѣе 3,000 мужиковъ изъ окрестныхъ селеній, и сдѣлана облава. Отъ начала горъ, — мужскаго монастыря, — облавщики растянулись верстъ на 10, къ селу Разбоевщинѣ (по другую сторону горъ, подъ лѣсомъ) и пошли по горамъ и оврагамъ, по направленію вдоль (внизъ) Волги. Вовозъ 10 найдено было по оврагамъ разнаго хламу: крестьянскихъ полушубковъ, чалаповъ, рубахъ, сарафановъ и т. под. и даже такого тряпья, которое годилось развѣ только на бумажныя фабрики; но людей не найдено никого. Въ одной только избѣнкѣ захватили одного человѣка, который, увидя народъ, бросился въ окно, но завязъ въ немъ, — и былъ пойманъ. Въ село Разбоевщину (по преданію: разбойничій станъ) привезли все, найденное въ лѣсу, привели пойманнаго человѣка, и прислали за мной, какъ за благочиннымъ, для присутствованія при снятіи показаній отъ пойманнаго. Приѣзжаю и вижу огромныя кучи разнаго хламу; исправникъ Серапіонъ Петровичъ Васильевъ, становой приставъ, чиновникъ, не припомню теперь, кто онъ былъ, и писаря дѣлаютъ опись хламу. Исправникъ и приставъ были со мной коротко знакомы. Тотчасъ при мнѣ вывели изъ конюшни закованнаго по рукамъ и по ногамъ арестанта. Арестантъ. — это былъ такой богатырь, что я не видывалъ въ жизнь свою, — ни прежде, ни послѣ, — ничего, даже подобнаго: цѣлою четвертью выше трехъ аршинъ ростомъ, плечистый, мускулистый, и съ умнымъ лицомъ, гордой осанкой, — это слонъ передъ нами! Лапища, — два кулака самыхъ здоровенныхъ мужиковъ, не стоили одной

его лапы. Глядѣть любо, что это за мужчина. Немудрено, что такой великанъ завязъ въ окнѣ караулки! Въѣзжая квартира, гдѣ мы были, состояла изъ двухъ избъ, соединенныхъ общими сѣнями. Въ переднюю вошли мы, туда же ввели и арестанта, за нимъ вошло человекъ двадцать десятерыхъ. Исправникъ былъ человекъ маленькій, кругленькій, совершенно безволосый и по поясъ арестанту.

— Ты, скотина, кто такой, спрашиваетъ исправникъ арестанта?

— Я человекъ, а не скотина.

— Мы все люди, и я человекъ. Тебя спрашиваютъ не о томъ.

— Ну, ты человекъ! Какой же ты человекъ! Если я скотина, то ты крысенокъ, да еще безхвостый!

Вспыхнулъ, вспрыгнулъ исправникъ, поднялъ кулачки и забѣгалъ около него: «убью, убью!» Уморительно было смотрѣть: ну, точно испанскій пѣтушишка ерошился около гуся! Бѣгаетъ, кричитъ: убью, а тотъ стоитъ, поглядываетъ на него внизъ и ухмыляется.

— Слушай, исправникъ что ли, кто ты тамъ такой, я не знаю, но я говорю тебѣ: если ты ударишь меня, то я такъ щелкну тебя, что ты въ другой разъ не ударишь уже никого!

Арестантъ говорить, а тотъ себѣ пѣтушится: убью, убью! Насилу-то, наконецъ, угомонился блюститель порядка, сѣлъ и сталъ спрашивать: кто ты, откуда и пр., но на все вопросы былъ одинъ одинъ отвѣтъ: «не помню».

Васильевъ и говоритъ намъ: «теперь до васъ дѣла нѣтъ, пожалуйста въ ту избу» И мы, все трое, ушли въ ту избу, что черезъ сѣни.

Слышимъ: у исправника возня: стукъ, трескъ, крикъ, а визгъ исправника покрываетъ всехъ: ломай его, крути!.. На минуту все умолкло и вдругъ отчаянный, крѣпкій голосъ: а!.. а!.. Потомъ минутъ на десять все смолкло. Приходитъ писарь и проситъ насъ къ исправнику. Входимъ. и исправникъ читаетъ намъ, что арестантъ объявилъ, что онъ бѣглый солдатъ NN полка, зовутъ его...

— Я тебѣ не говорилъ ничего! А я все вамъ заявляю, что исправникъ велѣлъ повалить меня, самъ надѣлъ мнѣ на голову

петлю изъ веревки и палкой сталь крутить ее. Я свѣту Божьяго не взвидѣлъ, глаза повискакали-было, голова чуть не треснула. Вотъ онъ рубецъ-то какой на лбу. У меня голова болитъ теперь на смерть. Онъ удушилъ-было меня, я заявляю вамъ, я буду жаловаться. Можетъ быть что-нибудь въ безпамятствѣ и сказать, я не помню, но я не бѣглый солдатъ.

Исправникъ опять затопалъ, запрыгалъ, и потомъ говорить намъ: «ну, теперь я допросовъ дѣлать ему болѣе не буду; теперь поговорю съ нимъ такъ, наединѣ, а вы ступайте всѣ въ ту избу». Но лишь только мы всѣ вышли, какъ за нами изнутри тотчасъ заперли дверь.

Не успѣли мы войти въ избу, какъ у исправника поднялась возня опять. Съ полчаса была возня и раза три были отчаянные крики арестанта. Потомъ все смолко и слышно было только: о!.. о!.. Около квартиры нашей толпилось все село. Спусти съ часъ писарь позвалъ насъ къ исправнику. Входимъ,— арестантъ сидитъ въ углу, весь въ крови, привалившись къ стѣнѣ.

— Смотри, отецъ, что исправникъ сдѣлалъ со мной; гляди-ко руки и ноги! Онъ велѣлъ стянуть мнѣ руки веревкой, выше локтей, назадъ и крутить палкой. Руки впереди въ кандалахъ, а онъ крутить ихъ назадъ. Совсѣмъ переломалъ-было кости.

— Врешь, никто тебя не крутилъ!

— Молчи, исправникъ, я говорю съ священникомъ, перебивать меня при немъ не смѣешь, и бить при немъ не смѣешь. Вы, батюшка, не уходите отъ меня, пока я здѣсь; онъ удушить меня. Послѣ этого десятскіе развязали меня и веревкой втащили на перекладину палатей, положили животомъ поперекъ бруса, привязали вонъ эти чурбаки къ ручнымъ и ножнымъ кандаламъ и вытянули всѣ мои жилы. Головой внизъ, съ чурбаками на рукахъ и на ногахъ, у меня свѣтъ помутился. Я думалъ, что тутъ мой и конецъ. Я буду жаловаться, и заявляю вамъ.

— Врешь, разбойникъ, я не трогалъ тебя!

— А кто же мнѣ вытянулъ и руки и ноги, откуда эти рубцы? А кровь-то изъ носу полила отъ чего? Видишь, я весь въ крови?

— А ч... тебя знаетъ отъ чего! Можетъ быть тебѣ поломали и руки и ноги на разбоѣ.

— Руки и ноги рвутъ разбойники, а не разбойникамъ.

Я отзываю исправника въ другую избу и говорю ему: да вы, любезнѣйшій, что дѣлаете? Пытаете? Васъ за это самихъ пошлютъ протоптать ту же дорожку, по которой пойдетъ этотъ арестантъ, да и мнѣ достанется съ вами. Я сейчасъ уѣду и донесу, что я здѣсь вижу и слышу.

— Я не пыталъ. онъ, мерзавецъ, вретъ.

— Наединѣ со мной вы этого не говорите.

— Да какъ же допытать его? Онъ ничего не говорить, только и твердить: знать не знаю, вѣдать-не вѣдаю!

— Не говорить, такъ и не трогайте его; предоставьте допросить другимъ. Можетъ быть за нимъ есть такія дѣла, за которыя его слѣдуетъ разстрѣлять. Такъ и будетъ онъ рассказывать вамъ?

Я вышелъ, и тотчасъ же велѣлъ закладывать лошадей. Арестанта тотчасъ же увели въ конюшню и, пока закладывали мнѣ лошадей, отправили въ острогъ Я поѣхалъ домой, а исправникъ за арестантомъ, въ городъ жаловаться на меня преосвященному.

Съ первую же почтою преосвященный (Анастасій Дроздовъ) вызвалъ меня, не принявъ отъ меня никакихъ объясненій и, за то, что я вмѣшался въ дѣйствія полиціи, задалъ мнѣ здоровую гонку.

Жаловался ли арестантъ на пытку исправника, или нѣтъ, — я не знаю; по мени официально объ этомъ никто не спрашивалъ. Лѣтъ чрезъ 9, потомъ мы съ этимъ исправникомъ ѣздили по селамъ объявлять Высочайшій манифестъ 19-го февраля 1861 года.

Въ Самарской губерніи, по берегамъ р. Пргиза нѣкогда было много раскольниковыхъ монастырей. Мѣста эти считались раскольниками святынею. Въ одномъ мѣстѣ, по берегамъ одного довольно большаго озера, стояло два монастыря, на одномъ берегу мужской, на другомъ женскій. По принятіи нѣкоторыми монастырями единовѣрія и по закрытіи совсѣмъ другихъ, землею сталъ владѣть городъ Николаевъ. Городъ сдѣла озеро кунцу для рыбной ловли. Въ первую же топу, какъ запустили неводъ, вытащили шестнадцать, объѣденныхъ раками, ребятъ. Назначено

было слѣдствіе, прибыло временное отдѣленіе, отъ духовнаго вѣдомства назначенъ былъ депутатомъ благочинный Н. Θ. П. Всѣ слѣдователи помѣстились въ женскомъ монастырѣ. Дѣло было лѣтомъ. Долго жили слѣдователи, много дѣлали и, какъ-то, однажды вечеромъ, вышли всѣ на крыльцо подышать чистымъ воздухомъ, поболтать и закурили трубки, закурилъ и благочинный. Какъ увидѣли преподобныя матери благочиннаго съ трубкой, такъ и всполошилась вся обитель. На другой же день матушка-игуменья послала жалобу къ преосвященному, что благочинный осквернилъ святыню,—и благочинный тотчасъ же былъ удаленъ отъ должности.

XLIV.

Униженное положеніе священниковъ горько отзывается на ихъ характерѣ. Городской священникъ, не смотря на его внѣшній лоскъ, приличную церковную квартиру, знакомство съ людьми среднихъ слоевъ общества,—терпитъ такія же униженія, какъ и сельскій: онъ также ходитъ по дворамъ прихожанъ и, подъ видомъ молитвословій, выпрашиваетъ подаянія; также подъ его носомъ хозяева запираютъ двери, и хохочатъ, смотря въ окна; также терпитъ выговоры и платитъ консисторскіе штрафы, какъ и все остальное духовенство, — онъ униженъ всѣми. Но какъ только дѣлается онъ членомъ консисторіи, то тотчасъ же заявляетъ духовенству, что онъ теперь уже не то, что былъ онъ,— что онъ теперь власть, и имѣетъ возможность и карать и миловать, какъ ему угодно. И, если не первая, то одна изъ первыхъ, подписанныхъ имъ бумагъ, будетъ съ выговоромъ или штрафомъ. Долго, потомъ, практикуется онъ надъ выговорами, штрафами и самыми нелѣпѣйшими притирками и потомъ уже, послѣ многихъ лѣтъ такой практики, начинаетъ постепенно, мало-помалу, утихать и приходитъ въ состояніе обыкновеннаго формалиста.

Очень можетъ быть, что нѣкоторые осудятъ меня за рѣзкость слова, въ такомъ случаѣ я скажу, что я имѣю право сказать что осуждающій меня не знаетъ нашей организаціи и нашихъ распорядковъ. Будьте тѣмъ, чѣмъ мы, то хоть кого возьметъ горе и не удержится отъ рѣзкихъ выраженій. Представьте себѣ какое-нибудь министерство, гдѣ, кромѣ самаго министра и директоровъ

департаментовъ, — начиная съ вице-директоровъ и кончая швейцаромъ, — были бы штрафованы всѣ до одинаго, — всѣ безъ исключенія! Есть ли такое учрежденіе или присутственное мѣсто, гдѣ были бы штрафованы всѣ, и проскользнулъ бы развѣ, какъ-нибудь, какой-нибудь одинъ бабушкинъ внучекъ? Конечно, этого нигдѣ нѣтъ и быть не можетъ. Дѣйствительно этого нигдѣ и нѣтъ, потому что это возможно только у насъ. У меня, напримѣръ, въ округѣ, начиная съ меня, — благочиннаго, и кончая послѣднимъ пономаремъ, штрафованы всѣ, — до одинаго. Не штрафованы только одинъ священникъ, и только потому, что священникомъ всего два года, но, конечно, не ускользнуть и ему. Точно такъ и по всей губерніи. Встрѣтившись съ любымъ священникомъ на улицѣ, въ вагонѣ желѣзной дороги, — гдѣ угодно, спросите, изъ любопытства: были вы штрафованы? Скажетъ: былъ. — За что? — Да я и самъ теперь не помню, за какіе-то пустяки, кажется за то, что какому-то заѣзжему баричу долго не высылалъ статистическихъ свѣдѣній. За это я отдалъ только рублевку, но, помнится, за что-то взяли и еще трешницу. — И въ формулярахъ значатся у васъ эти штрафы? — Нѣтъ, это у насъ дѣлается отечески: «сойми рубашка, вѣжливенько плетью съ наказаніемъ», — въ формуляры вносятся штрафы только за вину, а эти налагаются, просто, для собственнаго удовольствія. Въ училищахъ учителя поролли насъ отъ скуки, для собственнаго развлеченія и потѣхи, а теперь консисторіи штрафуютъ для собственной потѣхи».

Такъ какъ штрафы и выговоры за недоразумѣніе, мнимую ошибку, мнимую вину и обремененіе черепишкою не практикуются нигдѣ, ни въ одномъ управленіи, и только у насъ, и служатъ къ униженію, а отчасти разоренію, духовенства, то мы остановимся на этомъ и покажемъ за что штрафуются духовенство.

Нѣтъ сомнѣнія, что я беру не всѣ консисторіи Россіи, всѣхъ я и знать не могу, но, однакоже, я знаю ихъ не мало, въ теченіе моей жизни мнѣ привелось быть губерніяхъ въ двадцати. И однѣ изъ консисторій я знаю по личному моему знакомству съ духовенствомъ тѣхъ губерній, другія по ихъ епарх. вѣдомостямъ и газетамъ, третьи по разговору съ людьми свѣтскими. Изъ того же, что извѣстно мнѣ, можно вывести заключеніе та-

кого рода: тамъ особенно консисторіи тяжель духовенству, гдѣ преосвященный особенно добръ, довѣрчивъ и о составѣ консисторій судить по себѣ. Не дѣлая зла никому самъ лично, онъ думаетъ, что и члены консисторіи его агнцы. А между тѣмъ эти агнцы, забравши власть въ свои руки, сильно злоупотребляютъ ею.

Вотъ образцы, — факты, — за что штрафуется духовенство «отечески». Въ одной, извѣстной намъ, губерніи сынъ одной пономарицы-вдовы, бурсакъ, мальчикъ лѣтъ 12-ти, на масляной недѣлѣ, когда кончились уже классы, уѣхалъ домой безъ билета, стосковавшись по матери. Мать, узнавши, что сынъ безъ билета, не давши ему отогрѣться, тотчасъ же отвезла его обратно въ училище. Училищное начальство донесло консисторіи о своевольной отлучкѣ ребенка, — и консисторія приказали: такъ какъ пономарица NN брала къ себѣ въ домъ сына безъ дозволенія училищнаго начальства, то оштрафовать ее двумя рублями. Та дала письменное объясненіе благочинному, что сынъ ея уѣзжалъ домой безъ ея вѣдома и что она тотчасъ же, по прибытіи его къ ней въ домъ, отвезла его обратно, но консисторія снова приказали: за неисполненіе распоряженія епархіальнаго начальства благочинному сдѣлать выговоръ, безъ внесенія сего въ его формулярный списокъ; а за сопротивленіе власти штрафъ увеличить рублемъ и взыскаъ со вдовы N. N. вмѣсто двухъ рублей, — три.

Отъ одного приходскаго священника, старичка лѣтъ 75-ти, обучавшагося, когда-то, во второмъ классѣ училища и совершенно не знающаго канцелярскихъ порядковъ, потребовалась метрическая справка о времени рожденія одного его прихожанина. Часто случалось, что благочинный его, чтобы не писать особаго предписанія, предъявлялъ ему какой-нибудь указъ консисторіи, просилъ по нему исполненія и просилъ, чтобы былъ возвращенъ ему и самый указъ. Старичокъ такъ и зналъ, что указы надобно возвращать. Получается указъ на его имя, и онъ со справкою возвращаетъ и самый указъ. За возвращеніе указа консисторія оштрафовала его двумя рублями. Вина ли это, преступленіе ли? Ничуть не бывало. Онъ, просто, не зналъ, куда дѣвать этотъ указъ и возвратилъ его по привычкѣ. Между тѣмъ старичокъ этотъ живетъ въ крайне бѣдномъ приходѣ и ему дорога каждая копейка.

Въ годичный отчетъ отъ благочинныхъ требуются, между прочимъ, вѣдомости о школахъ, имѣющихся при церквахъ. Однажды благочинные одной епархіи, только что выбранные по новой баллотировкѣ, и незнавшіе дѣла, помѣстили въ вѣдомости школъ всѣ школы, какія были у нихъ по приходамъ. Ну, и неплатились же энци, горемычные, за это такими штрафами, что, навѣрное, и рождественскіе и крещенскіе труды ходьбы по приходамъ ихъ не покрыли этихъ штрафовъ. Съ нихъ взяли отъ 3 до 25 р. А между тѣмъ нужно было бы только пояснить, что свѣдѣнія нужны только о тѣхъ школахъ, кои содержатся на средства церквей. Но какихъ бы-то ни было поясненій у насъ не полагается, у насъ полагается только кара. У насъ по консисторіямъ порядки тѣ же, что было и въ училищахъ прежнихъ времянь: не выучилъ мальчикъ урока по лѣности, — пороть, по непониманію, — пороть, по болѣзни, — пороть, словомъ: въ причины незнанія не входили, — не знаетъ, значитъ виноватъ.

Вотъ обширное поле для штрафовъ: приходятъ крестить младенца; вы спрашиваете имя, отчество и фамилію отца и восприемниковъ. Вамъ говорятъ, что фамиліи нѣтъ никакой, или говорятъ, положимъ, Гвоздевъ. Вы такъ и записываете. Спрашиваете: нѣтъ ли еще какой-нибудь фамиліи? Говорятъ, что нѣтъ. Послѣ подають прошеніе въ консисторію о выдачѣ метрическаго свидѣтельства Медвѣдеву. Дѣлается запросъ, производится слѣдствіе, оказывается, что проситель не имѣетъ фамиліи никакой и выдумалъ ее при подачѣ прошенія, или имѣетъ до пяти и въ прошеніи означилъ ту, какая взбрела ему на умъ, — и духовенство непременно штрафуютъ.

Что выходитъ изъ того, что консисторіи наши безустанно штрафуютъ духовенство и дѣлаютъ выговоры? Мы думаемъ, что ихъ можно сравнить съ помѣщиками при крѣпостномъ правѣ. Помѣщики, властвуя надъ крестьянами, показали, что они не умѣютъ управлять людьми иначе, какъ съ кнутомъ въ рукахъ и своимъ безчеловѣчіемъ унижали не тѣхъ, конечно, кого поразили они, а прежде всего, и исключительно, себя самихъ, и оставили за собою позорный слѣдъ на вѣки. Такъ и наши консисторіи, штрафую, и за дѣло и безъ дѣла, насъ — благочинныхъ, служащее духовенство, вдовъ и спротивъ унижаютъ предъ обществомъ, прежде всего и болѣе всего, не тѣхъ, кого штра-

фуютъ онѣ, а себя самихъ, унижаютъ собою организацію духовнаго управленія; затѣмъ унижаютъ благочинныхъ предъ подвѣдомымъ имъ духовенствомъ, духовенство предъ прихожанами и ставятъ себя въ враждебныя отношенія къ духовенству.

Руководствомъ всѣмъ администраторамъ, и въ особенности намъ—пастырямъ, должно быть слово Божіе: «Братіе! Аще и впадетъ человѣкъ въ нѣкое прегрѣшеніе, вы, духовніи, исправляйте таковаго духомъ кротости». Многія же консисторіи этого апостольскаго наставленія, какъ будто, и не читывали: онѣ штрафуютъ не только тѣхъ, кои внали въ прегрѣшенія, но даже и тѣхъ, кои не впадали въ него.

XLV.

Намъ привелось разъ слышать отзывъ одного преосвященнаго о консисторіяхъ такого рода (мы можемъ указать на лицо этого достоуважаемаго архипастыря): «какъ только приносятъ изъ консисторіи дѣла, то уже напередъ предполагаемъ: непременно есть тутъ, — въ этой кучѣ, — какая-нибудь плутня! И, дѣйствительно, вникнешь въ каждое слово,—плутня».

Спрашивается: почему же не всѣ преосвященные и не всегда вникаютъ во всѣ дѣла съ полнымъ вниманіемъ? — У преосвященныхъ нашихъ столько дѣла, что они не всегда бываютъ и въ состояніи вникать во всѣ подробности каждодневной работы. Случается такъ, особенно осенью и между Крещеньемъ и сырною недѣлею, что они проводятъ по нѣскольку часовъ ежедневно за самымъ бессмысленнымъ дѣломъ, и тратятъ и время и здоровье. Осенью въ особенности бываетъ, что имъ подается до восьмидесяти прошеній, каждодневно, крестьянами о дозволеніи вступить въ бракъ несовершеннолѣтнимъ или родственникамъ. Восемьдесятъ прошеній преосвященный долженъ прочесть и восемьдесятъ разъ написать: «1881 года октября N дня. Повѣнчать приходскому духовенству разрѣшается, если нѣтъ другихъ, показанныхъ въ прошеніи, препятствій. N. епископъ N. N.» Извольте написать это восемьдесятъ разъ! Да вѣдь тутъ, не то, что отобьется охота серьезно заниматься дѣлами, а тутъ, съ такой работой, надобно съ ума сойти! Еслибы даже на какую-нибудь каверзу или штрафъ преосвященные и обратили

иногда вниманіе, то консисторія такъ размалюетъ штрафуемаго, что преосвященный невольно призадумается и скажетъ своему секретарю: «консисторія слишкомъ добра! Человѣка нужно повѣсить, а она только штрафуетъ и даже безъ внесенія въ послужной списокъ». И тотъ, принудившись, поддакнетъ: «да, ваше пр—во, консисторія совѣтъ распустила духовенство! Оно осмѣливается находить безпорядки даже въ самыхъ консисторіяхъ и печатать свои статьи въ этомъ революціонномъ журналѣ—«Цер.-Об. Вѣстникѣ». Этихъ въ особенности, борзописцевъ, возмутителей духовенства, нужно бы»...

Въ сельскомъ духовенствѣ нужда страшная: оно брошено унижено, задавлено. Каждая копѣйка нужна священнику, и еще болѣе пономарю: она добыта имъ трудомъ и потомъ; у него, можетъ быть, въ учлищѣ сидитъ сынъ безъ хлѣба, дома дѣти босы, самъ оборванъ, а консисторія штрафуетъ его въ пользу бѣдныхъ. Что можетъ быть бѣднѣе, несчастнѣе вдовы-пономарицы? Она сама чуть не умираетъ съ голоду, а ее штрафуютъ въ пользу бѣдныхъ. Это значить съ нищей содрать рубашку и подать ее въ милостыню другой нищей. Консисторіи, такимъ образомъ, давая пособіе сиротамъ, утираютъ ихъ слезы слезами другихъ сиротъ. Но объ сиротствѣ, поддержкѣ ихъ, пособіи имъ, при наложеніи штрафовъ никто и не думалъ...

Говорятъ и пишутъ, что духовенство «и тупо, и глупо, и безнравственно, и имѣетъ развращающее вліяніе на народъ»; тутъ нужно бы стараться поддерживать себя,—показать обществу, что мы вовсе не таковы, какъ говорить объ насъ, что мы заслуживаемъ лучшей участи и болѣшихъ симпатій общества,—а мы позоримъ и душимъ сами себя,—и унижаемся и разоряемся своимъ собратомъ, которому слѣдовало бы быть первымъ защитникомъ духовенства. При такомъ состояніи дѣла трудно духовенству дойти до признанія собственнаго достоинства и заслужить хорошее о себѣ мнѣніе въ обществѣ.

Консисторіи, штрафую всѣхъ за всякій вздоръ, и сами вѣдь не безгрѣшны, даже съ формальной стороны. Та, напр. консисторія, которая смылила благочинныхъ 20—25-рублевымъ штрафомъ за то, что въ вѣдомости церковныхъ школъ внесли всѣ имѣющіяся школы при приходахъ, удрала разъ такую штуку: во время послѣдняго польскаго возстанія были дѣлаемы сборы

и пожертвованія въ пользу понесшихъ разореніе отъ возставшихъ поляковъ». Написали въ консисторіи представленіе и подали преосвященному. Тотъ взглянулъ, и расхохотался. Оказалось, что написано: пожертвованія и боръ въ пользу понесшихъ разореніе возставшихъ поляковъ». Слово: отъ, опущено. Бумага прошла руки писца, столоначальника, членовъ, секретаря, регистратора, — и всѣ были такъ внимательны къ дѣлу, что никто и не замѣтилъ. Будь также невнимателенъ къ дѣлу преосвященный, — и вышелъ бы курьезъ. Это консисторія; но сдѣлай такую описку благочинный, въ лицѣ котораго одного вся канцелярская работа и котораго отрываетъ отъ дѣла безпрестанно приходъ, — ну, и задали бы ему такую встряску, что и своихъ бы не узналъ!...

Обвиненнаго у насъ часто посылають въ монастырь въ наказаніе на одинъ мѣсяць, на два, на полгода и безсрочно — до исправленія, если лицо это уже не разъ было судимо за нетрезвость.

Виновный посылается въ монастырь. Монастырь, по своему значенію, есть мѣсто отшельниковъ, оставившихъ міръ для спасенія души; мѣсто уединенія, гдѣ, кромѣ труда и молитвы, нѣтъ другаго дѣла. Посторонніе посѣтителі могутъ приходять туда, но, также, только для тихой, уединенной молитвы и то на самое короткое время. Монастырь — это обитель мира, тишины и невозмутимаго спокойствія. Ушедшіе туда забываютъ весь міръ и его злобу; ихъ цѣль — уединеніе и подражаніе жизни отшельниковъ первыхъ вѣковъ христіанства. Представьте же: въ обители миръ, тишина... Живутъ иноки и тихо, безмятежно молятся о мирѣ всего міра и благодарять Господа, что онъ взялъ ихъ отъ суеты и злобы міра и что они могутъ теперь съ чистою душою, покойнымъ сердцемъ окончить труженическую жизнь свою... Но вотъ, въ одинъ злосчастный день, являются туда два — три попа, три — четыре дьякона, пять — шесть дьячковъ, посланныхъ туда въ наказаніе за пьянство и на исправленіе въ поведеніи. Является человекъ десять — пятнадцать такихъ молодцовъ, которые не то, что мирную обитель, но любой кабакъ въ десять минутъ опрокинутъ вверхъ дномъ! И — тотчасъ: гамъ, крикъ, ругань, пьянство... Черезъ 10 минутъ какихъ-нибудь вы не узнаете уже этой тихой обители...

Посылка въ монастырь есть наказаніе. Она, дѣйствительно, и есть наказаніе, но только не гостямъ, а хозяевамъ его. Обитатели монастырей видѣли, знали и, можетъ быть, испытали на себѣ все, что творится дурнаго въ мірѣ, — и ушли отсюда для тихой, безмятежной жизни. Но наблюдающее за ними и охраняющее ихъ начальство и здѣсь не даетъ имъ умереть покойно. Оно посылаетъ къ нимъ и туда, куда ушли они, такихъ людей, которые способны мгновенно извратить все тихое и святое. Для людей самой строгой жизни эти непрошенные гости — тяжелое бремя. Если же монашествующіе, какъ люди вышедшіе изъ міра, погрязшаго въ порокахъ, и сами не укрѣпились еще въ добродѣтельной жизни, то этотъ пришлый народецъ послужить имъ непремѣнно къ явной ихъ гибели, такъ какъ страсти, послѣ нѣкоторой сдержанности, разгораются еще сильнѣе, чѣмъ было это прежде («Русск. Стар.», изд. 1880 г., июль, стр. 473).

Коль скоро въ монастыри посылаются люди порочные, въ наказаніе, то монастыри дѣлаются острогами, а этимъ унижается достоинство и монастырей, и монашествующихъ.

XLVI.

Лица духовнаго званія поступаютъ за штатъ по старости, болѣзни и суду.

У насъ, духовныхъ, все по-своему, — такъ и здѣсь: то, что у гражданскаго лица называется «выйти на покой», у насъ значитъ лишиться покоя совсѣмъ. Мы въ міру, какъ антиподы во всемъ. Гражданское лицо, прослуживши извѣстное число лѣтъ, можетъ оставаться на службѣ, получать жалованье и, въ то же время, пользоваться пенсіею. У насъ этого не бываетъ: пенсія выдается только тогда, когда человѣкъ оставляетъ совсѣмъ службу. Чиновникъ, завѣдывающій не больше, какъ только какимъ-нибудь столомъ, или учитель небольшой какой-нибудь школы, получаютъ настолькоъ достаточныя пенсіи, что могутъ безбѣдно существовать весь свой вѣкъ. По выходѣ въ отставку, они могутъ жизнь свою назвать вполне «покоемъ». Священникъ же, учитель не ничтожной какой-нибудь школы, а цѣлыхъ тысячъ народу, сколько бы онъ ни служилъ, — во время службы пенсіи не полу-

чаетъ. Оставить же службу и выйти за штатъ для него то же, что, выражаясь словами евангелія: взять чашу, полную оцта, смѣшаннаго съ желчію, и пить ее до послѣдняго вздоха: все горе, вся пужда, всѣ притѣсненія и безславіе, какія пещь человѣкъ въ жизни, съ поступленіемъ за штатъ, увеличиваются ему тысячею разъ, и онъ долженъ терпѣть это горе до самой смерти. Съ оставленіемъ должности человѣкъ лишается и того скуднаго и горькаго куска, какой имѣлъ онъ въ теченіи своей многострадальной жизни.

Состоя на должности, мы можемъ ходить по мѣру и выпрашивать подаванія: вышедши же за штатъ мы лишаемся и этой горькой возможности къ своему существованію; заштатнымъ никто уже не подаетъ, доходы за требосправленія прекращаются, конечно, совсѣмъ,—и человѣкъ, буквально, остается безъ куска хлѣба. Поэтому мы и стараемся сидѣть на должностяхъ до послѣдней возможности,—когда болѣзнь и дряхлость истощать послѣднія уже наши силы.

Состоя на должностяхъ, по неизмѣнно церковныхъ и общественныхъ домовъ для квартиръ, мы вынуждены бываемъ строить дома свои, но такъ какъ продажной земли подъ усадьбу въ селахъ не бываетъ, то мы и строимъ ихъ на землѣ или церковной, или общественной. Пока мы служимъ,—мы живемъ въ нихъ; но какъ только оставляемъ службу,—насъ заставляютъ очистить мѣсто и убираться, куда угодно,—и мы продаемъ ихъ на сносъ, или своимъ намѣстникамъ и прихожанамъ за безцѣнокъ. Очень часто случается, что за домъ не берется и десятой доли его стоимости. И разоренный, можетъ быть больной и дряхлый старикъ, не знаетъ, чтѣ ему дѣлать и куда идти ему теперь. Если село состоитъ изъ государственныхъ крестьянъ, то они хоть въ концѣ села гдѣ-нибудь поставятъ келью, мѣсто дадутъ навѣрное. Впрочемъ бывають случаи, что не даютъ мѣста даже штатнымъ священникамъ («Русс. Стар.», 1881 г., томъ XXX, стран. 73—74). Дадутъ мѣсто, навѣрное, и крестьяне, бывшіе крѣпостными, но получившіе полный надѣлъ, хотя и сопьютъ «ведерку». Но если въ селѣ однодесятинники, которые и сами согнуты въ бараній рогъ отцомъ-благодѣтелемъ, которымъ и самимъ некуда выпустить курицы, то выпросить мѣсто тутъ не легко. Если усадьба помѣщичья, и помѣщикъ далъ крестьянамъ полный надѣлъ, то стари-

гамъ, и священнику и дьячку, дать мѣсто и онъ; но если землевладѣлецъ почитаетъ себя образованнымъ, передовымъ, гласнымъ земства, предводителемъ дворянства и кричить на каждомъ переулкѣ о прогрессѣ, свободѣ, цивилизаціи и пр. и пр., и крестьянъ своихъ усадилъ поуютнѣе,—на десятинку,—то милости тутъ уже не жди. Что остается тогда дѣлать брошеннымъ всѣми старикамъ? Отыскивать какихъ-нибудь, хоть дальнихъ, родственниковъ и перетаскиваться къ нимъ,—тамъ поставить себѣ келью и существовать тѣмъ, что Богъ пошлетъ.

Если священникъ и дьяконъ не были подъ судомъ, то, чрезъ годъ или два, имъ дадутъ единовременное пособіе изъ Св. Синода, рублей 50—70 священнику, и рублей 50 дьякону; рублей 25 дадутъ и причетнику. Но при этомъ спросятъ предварительно благочиннаго: «имѣетъ ли просящій пособія нужду въ пособіи и заслуживаетъ ли онъ его по своему поведенію». Отзывъ же благочиннаго не всегда дается даромъ.

Если священникъ и дьяконъ прослужили не менѣе 35 л., то имъ дадутъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, и пенсію: священнику 130 р., дьякону 65 р. въ годъ. Пенсія эта есть единственное средство къ ихъ существованію. Правда, пенсія совершенно постыла, но спасибо и за это. До 1866 года пенсіи никому не полагалось совсѣмъ; съ 1866 года священникамъ было положено по 90 р. въ годъ, съ 1879 года увеличена до 130 р., дьяконамъ же положена всего только съ 1880 года. Причетникамъ же пенсіи не полагается вовсе, хотя бы онъ и не былъ подъ судомъ и хотя у него весь вѣкъ его вычитается изъ его 24—36 р. годоваго жалованья по 2⁰/вѣ пенсіонный капиталъ.

Правда, причетнику дается пособіе изъ попечительства епархіи о бѣдныхъ духовнаго званія; но опять при условіяхъ: если не состоялъ подъ судомъ и если не имѣетъ родственниковъ, состоящихъ на службѣ. И сколько же дается? 3—4 р. въ годъ! Извольте существовать на нихъ!

Хороша участь всѣхъ заштатныхъ священниковъ; красива перспектива впереди и у меня, если я протяну свой вѣкъ до дряхлости; но заштатный причетникъ,—это несчастный изъ несчастныхъ...

XLVII.

Пенсія дается только тѣмъ священникамъ и дьяконамъ, какъ и въ гражданскомъ вѣдомствѣ, какъ сказалъ уже я, кто не былъ подъ судомъ. Правительство, дѣлая такое постановленіе, конечно, имѣло основаніе; но ему должно быть извѣстно и то, что не всѣ, имѣвшіе несчастіе быть подъ судомъ, — люди порочные и злонамѣренные, и не всѣ честны и благонамѣренны тѣ, кои подъ судъ не попадали. Всѣмъ извѣстно, что попадаютъ подъ судъ или, просто, по довѣрчивости, неосмотрительности, — по своей простотѣ, или по милости какого-нибудь негодяя; негодяи же остаются чистыми и, «за безпорочную службу», получаютъ и награды, и пенсіи. Тяжело нести наказаніе до конца жизни и быть лишеннымъ покровительства правительства и поддержки на старости лѣтъ и по дѣйствительной винѣ; но въ тысячи разъ тяжелѣе нести это невинно. Невинно же попасть подъ судъ и быть осужденнымъ ничего нѣтъ легче, и именно потому, что суды-то наши часто напоминаютъ собою извѣстную тираду изъ Оеклуши: «говорять, такія страны есть, гдѣ и царей-то нѣтъ православныхъ, а салтаны землей правятъ. Въ одной землѣ сидитъ на тронѣ салтанъ Махмутъ турецкій, а въ другой — салтанъ Махмутъ персикій; и судъ творять они, милая дѣвушка, надо всѣми людьми, и, что ни судятъ они, все неправедно. И не могутъ они, милая, ни одного дѣла разсудить праведно, такой ужъ имъ предѣлъ положень. У насъ законъ праведный, а у нихъ, милая, неправедный; что по нашему закону такъ выходитъ, по ихнему все напротивъ. И всѣ судьи у нихъ, въ ихнихъ странахъ, тоже все неправедные; такъ имъ, милая дѣвушка, и въ просьбахъ пишуть: — суди меня, судья неправедный! А то есть еще земли, гдѣ всѣ люди съ песьими головами».

Мнѣ хорошо извѣстны такихъ, напр., два господина, какихъ врядъ ли найдется и у самихъ салтаповъ, которымъ такъ и пиши: «суди меня судомъ неправеднымъ», которые, еслибъ и захотѣли судить судомъ праведнымъ, — такъ не могутъ: «такой ужъ предѣлъ имъ положень», даромъ, что и родились, и живутъ на русской землѣ, даромъ, что и «законъ у насъ праведный». Одинъ дѣлалъ зло изъ жадности къ деньгамъ, а другой дѣлаетъ

не то, что въ купчей. А побился — побился, да такъ все и ухнуло.

Этотъ же Пр. подговорилъ писца украсть у столоначальника какое-то очень важное дѣло. Столоначальникъ попалъ подъ судъ и былъ выгнанъ, а Пр. нажилъ дома, получаетъ теперь пенсію и благодушествуетъ.

Другой господинъ. Одинъ благочинный, конечно, опять не нашей губерніи, служащій благочиннымъ лѣтъ тридцать или больше, сначала давалъ подачки всеѣмъ консисторскимъ, начиная со сторожа и кончая членами; но потомъ увидѣвши, что хоть давай, хоть не давай, — честь одна: самыя нелѣпѣйшія придирки въ каждомъ указѣ, безпрестанно, — онъ и махнулъ рукой: такъ нѣтъ же, говорить, вамъ ничего! И не сталъ давать никому ни копѣйки. Консисторія такъ на дыбы и поднялась, такъ и готова была проглотить его цѣликомъ; но и провинностей-то большихъ не было за нимъ; и духовенство было хорошо расположено къ нему и выбирало его постоянно въ благочинные и, часто, единогласно; и онъ самъ не любилъ выносить сора изъ избы, — и мирилъ враждовавшихъ не доводя до суда; и преосвященные благоволили къ нему, какъ къ человѣку, нелюбящему кляузъ. По милости преосвященныхъ онъ получилъ и камплавку, и наперсный крестъ, и орденъ, и протоіерейство. Нельзя проглотить его консисторіи никоимъ образомъ да и только! Но вотъ представляется случай, — собирается епархіальный съѣздъ. Одинъ изъ членовъ консисторіи состоитъ членомъ попечительства о бѣдномъ духовенствѣ и членомъ другихъ нѣкоторыхъ комитетовъ, о состояніи которыхъ онъ долженъ былъ дать отчетъ съѣзду. Является въ собраніе, даетъ отчетъ и заявляетъ, что благочиннымъ Z. Z. не представлено ни за одинъ годъ и никуда ни одной копѣйки. Какъ такъ, думаетъ уполномоченный этого округа, быть не можетъ, чтобы нашимъ благочиннымъ не было представляемо денегъ! Беретъ лошадь и скачетъ къ казначею, тоже протоіерею. «Неужто, спрашиваетъ онъ, нашъ благочинный не представлялъ никогда и никуда ни одной копѣйки»? Тотъ улыбнулся, и показываетъ ему письмо свое къ члену, — тому, что на съѣздѣ. Въ письмѣ говорится (дословно): «я въ смущеніи, что мы сдѣлали относительно Z. Z. Вчера, по возвращеніи изъ попечительства, я поусумнился и сталъ припоминать, что имъ представлено

много и по книгамъ оказалось: представлено въ 1879 году 100 р., въ февралѣ... итого 436 р. 81 к.». Внизу письма написано членомъ: «придержите это до окончанія сѣзда». Письмо опять возвратилъ казначею; казначей отдалъ его уполномоченному. Уполномоченный является на сѣздъ, публично показываетъ письмо, обращается къ члену и говоритъ: «какъ же вы, N. N., говорили, что нашимъ благочиннымъ не было представляемо денегъ, когда онъ представилъ 436 р. 81 к.»? Вотъ письмо къ вамъ о казначея съ вашимъ приказаніемъ ему «придержать» его. Членъ поблѣднѣлъ, и не сказалъ ни слова. Съ недоумѣніемъ взглянуло на него и все собраніе и никто не сказалъ ни слова въ обвиненіе благочиннаго, увидѣвши такую недобросовѣстность своего начальника, — члена консисторіи.

— Уполномоченный говоритъ потомъ члену: какъ же это вы доложили собранію, что благочиннымъ нашимъ не было представляемо денегъ, когда имъ представлено все, что слѣдовало?

— Онъ....., я терпѣть не могу его! Онъ весь вѣкъ шишикается съ своимъ духовенствомъ, и не доноситъ ни объ одномъ дѣлѣ.

— Такъ это дѣлаетъ ему честь, что онъ умиротворяетъ насъ, не раздуваетъ ссоры и не доводитъ насъ до разоренія!

— «И этому ..... дали протоіерейство въ моемъ храмѣ!.. Въ то время, когда у меня былъ храмовой праздникъ, когда архіерей служилъ у меня, — его произвели въ протоіереи! Я тряса, какъ въ лихорадкѣ, во все время обѣдни; я отомщу ему, во что бы то ни стало».

Такъ какъ не всегда бываетъ удобно называть всякую вещь своимъ именемъ, то я и не скажу, гдѣ и когда это было.... Мы увѣрены, что членъ, къ крайнему нашему сожалѣнію, найдетъ случай повредить въ настоящемъ и будущемъ о. благочинному. Если онъ такъ безцеремонно поступаетъ съ нимъ предъ собраніемъ въ 70—80 человекъ, то кто и что помѣшаетъ ему дѣлать зло за консисторскимъ столомъ или у себя въ кабинетѣ?! И онъ сдѣлаетъ его; достанется и о. уполномоченному. Да, не у однихъ салтановъ судьи неправедные, есть они и у насъ и много гибнетъ несчастныхъ отъ этихъ судей... Не снести своей головы и этому благочинному. И будутъ писать про несчастнаго: «состоялъ подъ судомъ» и — пенсія пропала. И носи, убитый, горькую долю до самой могилы...

XLVIII.

Долго у духовенства держался обычай сдавать мѣста свои желающимъ взять въ замужество дочерей или близкихъ родственницъ. Членъ причта выдавалъ дочь свою или ближайшую родственницу въ замужество, выходилъ за штатъ, а зять поступалъ на его мѣсто. Или: отецъ удаляется за штатъ, а сынъ поступаетъ на его мѣсто. Бывало и такъ: старикъ хорошаго, — по средствамъ къ содержанію, — мѣста уступалъ его лицу изъ бѣднаго прихода и выговаривалъ, при этомъ, платить ему, — старику, рублей 30—50 въ годъ. Тотъ поступалъ на его мѣсто и выдавалъ ему условленную плату или извѣстное число лѣтъ, или до его смерти. Такая передача мѣстъ теперь воспрещена. Свѣтская литература съ восторгомъ подхватила такое распоряженіе, и чего-то, чего-то не писалось на эту тѣму! Она увидѣла въ этомъ распоряженіи возвышеніе не только нравственности, но даже и самой религіи. Духовная же литература, по обыкновенію, молчала. Она, когда и хвалятъ насъ, молчитъ; когда и колотятъ, — ни слова. Ей «ужь такой предѣлъ положень», должно быть.

Прежде, чѣмъ высказать свое мнѣніе, я нахожу нужнымъ сказать, что нѣтъ у меня ни дочерей и ни родственницъ, мужьямъ которыхъ я имѣлъ бы въ виду передать свое мѣсто; сыновья мои все въ гражданскомъ вѣдомствѣ; не имѣю въ виду уступать своего мѣста и за выдачу мнѣ пожизненной платы. П думаю, поэтому, что взглядъ мой на это дѣло безпристрастенъ, взять съ жизни и справедливъ.

Въ послѣднія 10—15 лѣтъ много сдѣлано въ средѣ духовенства и народа, въ учебномъ и религіозно-нравственномъ отношеніяхъ; но во всемъ, что сдѣлано, — рѣшительно во всемъ, — видѣвъ недосмотръ. Такъ, напр., въ прежнее время въ каждомъ селеніи и въ каждой деревнѣ были маленькія, простенькія школы, — безъ затѣй и именно такія, какія необходимы крестьянину: пріютится какой-нибудь унтеръ-офицеръ, дворовый человѣкъ, мѣщанинъ, дячокъ, наберетъ себѣ десятка два ребятъ и учить ихъ читать, писать, выкладывать на счетахъ, первымъ правиламъ ариметики, — и выходило, что и крестьянинъ зналъ, что

знать ему необходимо, и учитель-старикъ имѣлъ кусокъ хлѣба. Теперь подобныя школы запрещены; но, за то, устроены форменныя,— съ учеными учителями и учительницами, съ попечителями, надзирателями, училищными совѣтами, инспекторами и пр. и пр., словомъ: начальства наставлено столько, что, въ иной школѣ, и учениковъ нѣтъ наполовину, сколько начальства. И что же? 10—20 мальчиковъ учатся, а 200 остаются безграмотными.

Найдено необходимо-пужнымъ для благоденствія отечества изучать языки развалившихся государствъ, и классицизмъ такъ и заѣлъ юношество: мало своихъ классиковъ, повытаскали къ себѣ чуть не всѣхъ братьевъ-чеховъ; мало и этого,—устроили фабрику выдѣлывать ихъ за границей. И что же? И классиками-то юношей не подѣлали, и по русски-то не всѣхъ писать научили. Печатно оповѣщено міру, что многіе «зрѣлые» не могутъ написать и пяти строкъ со смысломъ.

Установили псаломничество, но штаты по классамъ училищъ и семинарій сократили, запретили семинаристамъ поступать въ высшія учебныя заведенія,—и опустошили семинаріи до того, что теперь уже чувствуется недостатокъ въ служителяхъ церкви.

Чтобъ увеличить содержаніе причтовъ, закрыли многія церкви,—и сотни тысячъ христіанъ лишены возможности бывать въ храмахъ Божіихъ.

Сокращены штаты причтовъ,—и храмы оставлены безъ чтецовъ и пѣвцовъ.

При многштатныхъ церквахъ установили настоятельство и помощничество,—и вселили вражду между членами причтовъ.

Устроили епархіальные съѣзды,—и внесли вражду между епископомъ и духовенствомъ.

Точно такъ и здѣсь,—въ запрещеніи передавать мѣста свои родственникамъ. Тѣ, которые запретили это, а за ними и литература, не поняли нашей организаціи и прировняли насъ къ себѣ! Но у насъ нѣтъ ничего и подобнаго тому, что есть въ вѣдомствѣ гражданскомъ. Въ гражданскомъ вѣдомствѣ часто случается, особенно въ провинціи, что университетъ нѣсколько лѣтъ сидитъ помощникомъ столоначальника, а столоначальникомъ, секретаремъ и даже совѣтникомъ, какой-нибудь некончившій курса гимназій или семинарій. Въ должностныхъ мѣстахъ разно-

образіе страшное; самыя мѣста получаютъ сколько по образованію, способности и труду, но, не много менѣе того, и по родовому происхожденію, связямъ и протекціямъ. Дѣти чиновниковъ живутъ или съ ними вмѣстѣ или, по крайней мѣрѣ, въ томъ же городѣ. Старику нѣтъ и надобности домогаться, чтобъ сынъ или зять занимали его должностное мѣсто, вся его забота только о томъ, чтобъ они имѣли достаточный кусокъ хлѣба. Если есть у него свой домъ, то это святыня, къ которой никто посторонній не можетъ и подумать прикоснуться, тѣмъ болѣе продавать его за безцѣнокъ и выгонять его. Нѣтъ своего, — онъ всегда имѣетъ возможность имѣть удобную, по своимъ средствамъ, квартиру. У него есть, болѣе или менѣе, обезпечивающая его существованіе пенсія. У него есть, можетъ быть, даже свой клочокъ земли, дающій ему доходъ, садъ и т. под. Наконецъ, въ случаѣ болѣзни, — дѣти и родственники его, конечно, если есть они, всегда здѣсь и помогутъ ему.

У насъ, напротивъ, только два рода службы и два рода кандидатовъ на нее. Служебныя мѣста: священническое и псаломщическое, или попросту, дячское; кандидаты на нихъ: окончившій курсъ семинаріи и неокончившій. Окончилъ курсъ, — значитъ непремѣнный кандидатъ на священническое мѣсто; не окончилъ, — дячкомъ будь весь вѣкъ; во священники такой не попадетъ уже никоимъ образомъ. Точно также окончившій курсъ остается дячкомъ только по исключительному случаю, — по дурному поведенію.

Лица духовнаго званія если и имѣютъ дѣтей, то всѣ они разлетаются въ разныя стороны, при старикахъ не остается никого, они остаются одинокими и, при нуждѣ и болѣзни, безпомощными.

Домъ отнять, — заставить продать за безцѣнокъ или снести съ мѣста, словомъ: изъ дому выгнать; квартиру у крестьянъ можно встрѣтить только очень у рѣдкихъ, въ большей же части селеній ихъ нѣтъ совсѣмъ, — и старикамъ, буквально, негдѣ преклонить головы своей.

Пенсію можетъ быть дадутъ, а скорѣе, что и нѣтъ, потому что суды наши и «не скоры, и не особенно милостивы». Если же и дадутъ, то такую, съ которой можно только не умереть съ голоду. Дячку же не дадутъ ничего совсѣмъ. Состоя на

службѣ грабить прихожанъ не доставало совѣсти, — и денегъ для обезпеченія себя на старости не нажито.

Что-жь остается дѣлать дряхлымъ и больнымъ старикамъ?!
Пить горькую, горькую чашу...

Скажу опять про себя лично: когда не вдумываешься въ то, что ждетъ меня впереди, если я протяну еще лѣтъ десятокъ, то все идетъ, какъ будто, ладно; но когда помотришь на жизнь людей, которые, когда-то, были тѣмъ, что я теперь, и представишь себѣ, что и меня ждутъ тѣ же нужда и горе, то куда-то становится грустно, — такъ грустно, что долготѣтя совѣмъ не желается. Къ чему послужать мнѣ, грустишь, мое протоіерейство, къ чему мои кресты!!

Эти-то причины и заставляли духовенство сдавать мѣста свои дѣтямъ или близкимъ родственникамъ, именно: нужда, горе и безпріютность были этому причиною.

Кому отдавать мѣста? Всегда и исключительно тѣмъ, которые по закону имѣли право на нихъ. Окончившій курсъ семинаріи поступалъ на священническое мѣсто, исключенный изъ семинаріи или училища на дьяческое. Не было примѣра, чтобы исключенный изъ семинаріи поступалъ на мѣсто отца или тестя во священники. Поступавшій на мѣсто тестя или отца былъ доволенъ тѣмъ, что онъ поступалъ въ готовый домъ, дѣлался полнымъ его хозяиномъ, — онъ обезпечивался всѣмъ, и не мыкалъ горя по церковнымъ гнилымъ сторожкамъ и крестьянскимъ избамъ, какъ мыкалъ его я. Успокоивались и старики: никто не гналъ ихъ изъ дому, кусокъ хлѣба они могли имѣть до гроба, при болѣзни имѣли уходъ родныхъ, — и вѣкъ свой они могли доживать покойно. Про такую отставку отъ должности и духовенство могло сказать: «идти на покой».

Укажу на два примѣра. Въ селеніи В. былъ когда-то священникомъ нѣкто, носившій фамилію по селенію, тоже В. При генеральномъ межеваніи онъ получилъ въ собственность небольшую усадьбу и развелъ садъ. Послѣ смерти этого священника на его мѣсто поступилъ его сынъ. У этого сына окончилъ курсъ семинаріи лучшимъ ученикомъ, и имѣлъ, конечно, право на любое священническое мѣсто; но отецъ, старикъ и вдовецъ, уступилъ ему свое мѣсто. Есть ли что-нибудь тутъ безнравственное и противурелигіозное? По нашему мнѣнію: нѣтъ ничего. А

между тѣмъ старикъ успокоенъ, а сынъ поступилъ въ готовый, старинный домъ и теперь получаетъ 300 — 500 р. отъ сада годового дохода. Поступилъ сынъ въ другое село.—садъ былъ бы проданъ и деньги прожиты, теперь же онъ имѣетъ вѣчный кусокъ хлѣба.

Другой примѣръ. Въ селѣ П. больной, немолодой уже и вдовый священникъ имѣлъ дочь. Къ ней присватался одинъ изъ окончившихъ курсъ семинаріи вѣкто С. Священникъ и воспитанникъ подали общее прошеніе преосвященному, — что одинъ уступаетъ мѣсто, а другой беретъ въ замужество его дочь, чтобъ поступить на мѣсто будущаго тестя. Преосвященный сдѣлалъ по ихъ желанію. Чтò и здѣсь вреднаго для религіи и нравственности? Воспитанникъ С. все-равно получилъ же бы гдѣ-нибудь мѣсто, еслѣ не въ П., то въ какомъ-нибудь Б. или Д. И можетъ быть, взявъ бы въ замужество ту же самую дѣвицу, которую взялъ, поступая въ П. Не уступи этотъ священникъ мѣста зятю, его прогнали бы съ его домомъ, съ мѣста, пришлось бы умирать съ голоду въ мужицкой избѣ; а теперь онъ покойно дожилъ вѣкъ и умеръ на рукахъ дочери и зятя. Такъ точно передавали мѣста свои дьяконы, такъ передавали и дьячки. Другое дѣло, еслибъ мѣста передавались людямъ, недостойнымъ этихъ мѣстъ,—еслибъ на священническое мѣсто со взятіемъ въ замужество дочери священника поступалъ ученикъ, исключенный изъ семинаріи или училища, которому безъ этого способа священникомъ не быть никогда,—это порицать слѣдовало бы, здѣсь запрещеніе имѣло бы законное основаніе и было бы разумно. Но подобныхъ передачъ, какъ я сказалъ, не было никогда и нигдѣ. Передачи мѣстъ дѣлались свободно, безъ всякихъ съ чьей-либо стороны принужденій. Преосвященные иногда давали предложенія такого рода. не пожелаетъ ли кто-либо изъ воспитанниковъ семинаріи поступить во священники въ село Н. со взятіемъ въ замужество сироты Б., или дочери священника В.?» Если желающіе находились, то женились и получали мѣсто; если же желающихъ не находилось, то мѣсто отдавалось безъ всякихъ обязательствъ.

Но говорятъ, что «распоряженіе это сдѣлано въ видахъ улучшенія матеріальнаго состоянія духовенства, — чтобы новые члены причтовъ не были обременяемы старымъ хламомъ, — те-

стемъ, тещей и т. под., были совершенно свободны отъ всякихъ обязательствъ и тѣмъ желалось правительству привлечь къ поступленію въ духовное званіе воспитанниковъ семинарій»; но многолѣтніе опыты показали уже, что и сокращеніе штатовъ, и сокращеніе самыхъ приходовъ, а равно и эта мѣра, не послужили ровно ни къ чему: семинаріи опустѣли, а свободныхъ мѣстъ при церквахъ открывается съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе, не смотря на сокращеніе этихъ мѣстъ. Притомъ: если правительство высказываетъ заботливость въ этомъ о тѣхъ, кои не служили еще, то едва ли справедливо лишать нѣкоторыхъ удобствъ къ жизни, на старости, тѣхъ, которые служили уже обществу, и служили весь свой вѣкъ? И опять: не дѣти тѣ, кои вступаютъ въ подобные браки; навѣрное, что они понимаютъ свое состояніе лучше всякаго посторонняго лица.

Говорятъ опять: «воспитанники семинарій брали въ замужество дочерей своихъ предмѣстниковъ не по сердечному расположенію, а только изъ-за мѣстъ, жили потомъ дурно въ семейномъ отношеніи и это вредно отражалось на служебной ихъ дѣятельности». Браки изъ-за мѣстъ, дѣйствительно, бывали, но если нѣкоторые изъ таковыхъ супруговъ жили дурно, то неизвѣстно, лучше ли они жили бы при другихъ условіяхъ брака? Можетъ быть дурная жизнь ихъ зависитъ, просто, отъ ихъ характера и другихъ обстоятельствъ. Если есть дурные священники при обязательныхъ бракахъ, то мы можемъ сказать, что ихъ много и при свободныхъ. Много, очень много причинъ, и помимо брака, у сельскаго священника губящихъ его! Напротивъ, намъ извѣстны не одинъ священникъ, которые поступили на мѣста своихъ предмѣстниковъ со взятіемъ дочерей ихъ, и которые, однакоже, и примѣрные отцы семействъ, и достойные пастыри церкви.

Гдѣ, въ какомъ званіи нѣтъ браковъ по расчету? Нѣкоторые изъ такихъ супруговъ живутъ весь вѣкъ, какъ нельзя желать лучше; но нѣкоторые, конечно, живутъ неладно. Одинъ мой товарищъ по семинаріи, нѣкто П. Добронравовъ, окончивши въ семинаріи курсъ, поступилъ на гражданскую службу. Малый былъ онъ не глупый, но выпить любилъ. Черезъ годъ, чтобъ поправить свое состояніе онъ женился на одной довольно со-

стоятельной купеческой дочкѣ. Повѣнчался, а на другой день утромъ мать молодой жены его и подводитъ къ нему двухъ своихъ внучекъ просить у тятиньки ручку. Съ этого же дня спился горемыка совсѣмъ, и ушелъ въ солдаты. Я зналъ одну помѣщицу, которая, живши замужемъ лѣтъ 15, овдовѣла и потомъ вышла замужъ во второй разъ за такого молодого человека, тоже дворянина, который родился въ тотъ день, когда она овдовѣла. Пожили нѣсколько недѣль въ ладахъ, потомъ молодой мужъ все имѣніе старухи спустилъ, десятка два — три разъ отколотилъ ее и прогналъ. А мало ли нѣжныхъ, любящихъ другъ друга супруговъ, у которыхъ, однакожь, и у мужа цѣлый десятокъ женъ на сторонѣ. и у жены дюжина мужей! И ничего: мужчины похочутъ, выпьютъ за удалъ; дамы посилетничаютъ, позавидуютъ втихомолку, а рьяные поборники свободы совѣсти возведутъ подобный образъ жизни въ догматъ—и только. Но случись несчастный бракъ между духовенствомъ, — сейчасъ зазвонятъ во всѣ колокола: нравственность падаетъ, религія въ опасности и, Боже мой, чего-то не накричатъ со всѣхъ сторонъ! Всякому случаю въ духовенствѣ, обыкновенному въ другихъ сословіяхъ, у насъ придается всегда особенное значеніе; на случаи эти не замедлятъ явиться и законы. Но какъ, по пословицѣ, нѣтъ правила безъ исключенія, то нѣтъ и закона, котораго нельзя было бы обойти.

На псаломщическія мѣста нѣтъ теперь доступу ученикамъ. исключеннымъ изъ училищъ. Поэтому, желающіе быть псаломщиками, поступаютъ въ крестовыя церкви въ послушники. Черезъ два—три года имъ даютъ дьяческія мѣста, какъ людямъ, находившимся подъ непосредственнымъ надзоромъ преосвященныхъ и испытаннымъ въ поведеніи и знаніи предметовъ должности ихъ. Поступивши на мѣсто, они тотчасъ женятся на дочеряхъ стариковъ-дьячковъ достаточныхъ приходовъ и подають общее прошеніе о перемѣщеніи ихъ одного на мѣсто другаго. Получивши перемѣстительные указы, старикъ тотчасъ подаетъ прошеніе объ увольненіи за штатъ и, такимъ образомъ, старикъ принимаетъ къ себѣ зятя и живутъ вмѣстѣ. Подъ предлогомъ перемѣны мѣстъ передають свои мѣста и старики-священники своимъ родственникамъ.

За дочерями умершихъ священниковъ мѣста теперь не за-

числяются. Но преосвященные, по просьбѣ вдовъ, сдаютъ такія предложенія: «предложить учителямъ духовныхъ училищъ и воспитанникамъ семинарій, находящимся на мѣстахъ псаломщиковъ: не пожелаетъ ли изъ нихъ кто-нибудь поступить на священническое мѣсто въ село N.» О невѣстѣ тутъ не говорится ни слова; но народная молва давно уже разнесла по свѣту, въ чемъ тутъ дѣло. Словесно назначается и срокъ, до котораго преосвященный будетъ ждать. Выищется женихъ въ опредѣленный срокъ. — хорошо; не выищется, — мѣсто отдается по усмотрѣнію преосвященнаго. Что есть и въ этомъ безнравственнаго и противурелигіознаго? По нашему мнѣнію, преосвященныхъ, за ихъ отеческую заботливость о сиротахъ, нужно только искренно благодарить.

XLIX.

Окончивши мои «Записки», я прошу извиненія у тѣхъ, кого я, противъ желанія, можетъ быть, обидѣлъ. Обличать и обижать кого-бы-то ни было я совсѣмъ не имѣлъ намѣренія. Цѣль «Записокъ Сельскаго Священника», сказать правду, и только правду, и не моя вина, поэтому, если пришлось мнѣ сказать о чьихъ-либо слабостяхъ или порокахъ. Очень можетъ быть, что я нажил даже и враговъ. Но скажу: духовенство, хотя разбросано по всему огромному пространству нашего отечества, но оно составляетъ свой особенный міръ, съ своей особенной организаціей, съ своими законами, съ своими правилами и обычаями и съ своими хорошими и дурными качествами и, не смотря на то, что живетъ среди общества и безпрестанно соприкасается со всѣми его членами, — общество не знаетъ его. Въ послѣднее время сдѣлано много измѣненій въ организаціи духовенства; свѣтская литература предлагаетъ множество проектовъ къ устройству быта его, многое пишется о духовенствѣ; но все, что ни дѣлается и что ни пишется, дѣлается людьми, слишкомъ далеко стоящими отъ насъ, слишкомъ мало знающими насъ и, поэтому, очень многое изъ того, что сдѣлано уже, и что предлагается дѣлать, крайне непрактично. Поэтому я желалъ познакомить общество съ духовенствомъ, — показать каково

духовенство само въ себѣ, каково отношеніе его къ обществу, и каково отношеніе къ нему самого общества. Истина же можетъ быть раскрыта только тогда, когда человѣкъ говорить безпристрастно, не стѣсняясь ничѣмъ и никакими, могущими случиться съ нимъ. неприятностями, — я и говорилъ, не стѣсняясь. Не мудрено, поэтому. если мнѣ пришлось отозваться о комъ-нибудь и не особенно лестно. Но это не есть укоръ, и не обличеніе, это есть не болѣе. какъ примѣръ къ сказанному. Такъ «Записки» мои и поняли люди высокообразованные и высокопоставленные, каковъ, напр., свѣтлѣйшій князь Италійскій, графъ Александръ Аркадіевичъ Суворовъ-Рымникскій. Въ одномъ мѣстѣ «Записокъ» я говорилъ о прихожанахъ извѣстнаго мнѣ прихода и о бѣдственномъ состояніи священника того прихода. — свѣтлѣйшій князь Суворовъ-Рымникскій такъ и понялъ меня и выразилъ сочувствіе священнику присылкою ему ста руб. серебр. Если-жъ въ «Запискахъ» моихъ увидитъ кто себя, то да будутъ «Записки» мои урокомъ: пусть приметъ тотъ къ свѣдѣнію, — что не все можетъ проходить безнаказанно.

«Записки» мои не есть ученое изслѣдованіе, — это есть не болѣе. какъ очеркъ, взятый съ жизни. Поэтому я не заботился ни о строгомъ изложеніи мыслей и фактовъ въ систематическомъ порядкѣ, ни объ обработкѣ рѣчи.

Желательно было бы, чтобы люди, занимающіеся вопросомъ о духовенствѣ и пишущіе свои предположенія объ измѣненіи быта его, глубже изучили этотъ бытъ. Желательно, вмѣстѣ, чтобы и само духовенство содѣйствовало обществу къ изученію нашего быта, дабы общество могло увидѣть, что духовенство не настолько «тупо, глупо и безнравственно», какъ пишутъ о немъ и, при этомъ, постаралось бы не подавать повода къ нареканіямъ.

Хотѣлъ-было положить перо, но достоуважаемый редакторъ «Русской Старины», М. И. Семевскій, просилъ, чтобы я сдѣлалъ рядъ выводовъ или сводъ моихъ пожеланій и указаній на то, осуществленія чего, по моему крайнему разумѣнію, желательно видѣть въ возможно близкомъ будущемъ. Исполняя это требованіе, я представляю перечень этихъ пожеланій, къ которымъ (я въ томъ твердо убѣжденъ) присоединилась бы вся мно-

го тысячная семья представителей блага сельскаго духовенства въ Россіи, если бы только ее спросили — какъ желаетъ она исправить вѣками скопившееся зло въ организаціи его управленія, во всѣхъ условіяхъ его печальнаго положенія:

I. Спеціальныя духовныя учебныя заведенія необходимы. Ученики могутъ жить и на квартирахъ, и въ казенныхъ домахъ. Квартиры должны быть вблизи учебныхъ заведеній, комнаты должны быть чистыя, свѣтлыя, просторныя и сухія. Право принимать къ себѣ на квартиры должны имѣть люди только хорошо извѣстные училищному начальству за людей вполне благонадежныхъ. Ни одинъ отецъ и ни одинъ ученикъ не должны брать квартиры безъ одобренія ея училищнымъ начальствомъ. Ученики, не имѣющіе возможности имѣть хорошей квартиры, должны жить въ казенномъ домѣ, съ платою за содержаніе. Желательно было бы, чтобъ и въ казенномъ домѣ не было той казарменности, грязи и неряшества, какія приводится видѣть тамъ во многихъ изъ нихъ и до сего времени.

II. Такъ какъ училища содержатся на средства церкви, — и мужскія и женскія, — и духовенство даетъ отъ себя на содержаніе ихъ слишкомъ не много, а между тѣмъ сироты и дѣти бѣднѣйшихъ родителей пользуются или половиннымъ, или даже полнымъ казеннымъ содержаніемъ, то было бы, кажется, справедливымъ, чтобы пользованіе казеннымъ содержаніемъ было предоставлено подобнымъ же ученикамъ и другихъ сословій. Такая мѣра побудила бы, вѣроятно, поступать въ духовныя училища дѣтей другихъ сословій.

III. Особенное вниманіе училищнаго начальства должно быть обращено на воспитаніе: чтобы не было той формальности, официальнойности, сухости и не только жестокости, ниже суровости въ обращеніи съ учениками, и тѣмъ болѣе несправедливыхъ взысканій со стороны училищнаго начальства, что вышло въ плоть и кровь бѣднѣйшей части воспитателей учебныхъ заведеній. Напротивъ, желательно было бы, чтобы воспитанію придавался характеръ болѣе семейный, — чтобы справедливость, откровенность, сердечная теплота были руководящими правилами воспитателей; чтобы воспитатели старались сдѣлать питомцевъ своихъ сперва христіанами, добрыми, честными и трудолюбивыми людьми, потомъ уже учеными; старались внушить убѣжденіе,

что жизнь наша есть, прежде всего, служеніе обществу, потомъ уже—жизнь для себя; старались укрѣпить вѣру въ Бога и любовь къ людямъ.

IV. Классные штаты должны быть уничтожены.

V. Ученики, обучавшіеся въ духовныхъ училищахъ, должны быть принимаемы въ семинаріи безъ экзаменовъ.

VI. Отъ начальника заведенія хозяйственная часть должна быть взята совершенно. Его обязанностію должно быть исключительно воспитаніе и образованіе. Самъ онъ обязанъ посѣщать классы каждаго дня. Онъ долженъ изучить и наставниковъ, и каждаго ученика. За преподаваніемъ, успѣхами учениковъ и постановкою балловъ онъ обязанъ слѣдить въ теченіи всего года. При такомъ порядкѣ шли бы лучше и преподаваніе, и успѣхи учениковъ, вѣрнѣе дѣлалась бы оцѣнка успѣхамъ учениковъ, а поэтому и формальные, нынѣ существующіе, экзамены, напрасно губящіе множество юношества, были бы лишними. Ученики могли бы быть переводимы изъ класса въ классъ по годичнымъ балламъ наставника и личному знанію ученика начальникомъ заведенія. Вся работа должна дѣлаться въ классѣ, на домъ же должно даваться или только повтореніе говореннаго наставникомъ, или только самая небольшая часть работы. Работа, даваемая на домъ, должна быть регулируема между преподавателями.

VII. Должны быть введены въ духовныя училища гимнастика, рисованіе, музыка и, обязательно, какое-нибудь мастерство.

VIII. Ученики семинаріи должны пріучаться къ объясненію Св. Писанія и произношенію поученій безъ предварительной подготовки.

IX. Къ слушанію богословской науки должны быть допускаемы лица всѣхъ сословій и возрастовъ, дабы такимъ путемъ въ обществѣ пополнялась недостаточность духовнаго просвѣщенія.

X. Посылка учениковъ, кончившихъ курсъ семинаріи, въ псаломщики должна быть безусловно отмѣнена.

XI Если заштатное духовенство не будетъ обезпечено въ своемъ существованіи, то людямъ больнымъ и безроднымъ должно дозволить уступать мѣста свои намѣстникамъ, со взятіемъ въ замужество ихъ дочерей или бацкихъ родственницъ.

XII. Сдѣлать пересмотръ приходовъ и закрыть только тѣ изъ нихъ, гдѣ пожелаютъ того православные прихожане.

XIII. На должности псаломщиковъ допускать всѣхъ способныхъ и достойныхъ этой должности.

XIV. Посылаемымъ на мѣста священнослужителямъ должны выдаваться прогонныя деньги и третное жалованье.

XV. Квартира и отопленіе въ приходѣ должны быть отъ церкви, какъ для штатнаго, такъ и для заштатнаго духовенства, а равно вдовъ и сиротъ. Штатное духовенство должно имѣть обезпеченное содержаніе, котораго одна часть должна идти отъ казны, другая отъ прихода. Заштатное духовенство должно получать пенсіи, равныя жалованью. Лица, состоявшія подъ судомъ, но прослужившія узаконенное число лѣтъ, не должны быть лишаемы пенсіи. Жалованье должно быть получаемо изъ казны и волостныхъ правленій помѣсячно, по предъявленіи указовъ на должность.

XVI. Доходы между настоятелемъ и его помощниками должны дѣлиться поровну.

XVII. Въ приходяхъ многолюдныхъ и богатыхъ жалованье должно быть меньше противу приходовъ малолюдныхъ, бѣдныхъ и зараженныхъ расколомъ; — чѣмъ бѣднѣе приходъ, тѣмъ жалованья отъ казны должно быть больше, чтобы такимъ образомъ, по возможности, уравнивать приходы по ихъ доходности.

XVIII. Плата за требоисправленія обязательная: крещеніе, исповѣдь, причащеніе, бракъ, елеосвященіе и погребеніе, а равно и за молебствія по случаю общественныхъ бѣдствій: голода, эпидеміи и т. под. должна быть воспрещена.

XIX. Сборъ по приходу натурою: зерномъ, крупой, мукой и т. под. долженъ быть воспрещенъ безусловно. Рождественская и крещенская ходьба съ крестомъ по приходу должна прекратиться, что при исполненіи предъидущихъ пунктовъ исполнится само собою.

XX. Аренда мельницъ, земли, отдача денегъ подъ залоги и т. под. барышничество должны быть воспрещены.

XXI. Земледѣліе можетъ быть допущено только въ самыхъ малыхъ размѣрахъ, — 3 — 5 десятинъ.

XXII. Епископъ есть пастырь, священникъ — его помощникъ, приходъ — паства. Помощникъ епископа, какъ и самъ епископъ,

долженъ быть независимъ отъ паствы. Епископъ, насколько возможно, долженъ чаще бывать въ учебныхъ заведеніяхъ и въ приходяхъ, и, какъ возможно ближе, быть знакомымъ и съ учениками, и съ приходами. Священническія мѣста должны даваться по соображенію нуждъ приходовъ и качествъ кандидатовъ на мѣста. Лицо, разъ найденное соотвѣтствующимъ нуждамъ прихода, перемѣщаемо изъ одного прихода въ другой быть не должно, ни по волѣ того же епископа и ни по желанію прихожанъ. Добровольная мѣна приходами, по обоюдному согласію, должна быть по возможности прекращена. Просить же перемѣщенія на мѣста свободнаго духовенства должно имѣть право только въ крайнихъ случаяхъ.

XXIII. Священникъ, — пастырь и руководитель духовной жизни прихожанъ, — обезпеченный матеріально, независимый отъ прихожанъ и имѣющій, поэтому, возможность говорить правду, не боясь мщеній, какъ наставникъ учебнаго заведенія, независимый отъ учениковъ, долженъ всю жизнь свою, всё сплы свои и способности всецѣло посвятить приходу: кромѣ поученій въ храмѣ во время богослуженія, онъ обязанъ вести бесѣды, по праздничнымъ днямъ, и въ послѣ-обѣденное время, — или въ томъ же храмѣ, или школѣ и, по очереди, по всѣмъ деревнямъ его прихода, если онѣ есть у него. Долженъ дѣлать краткія поученія воспріемникамъ при крещеніи, при бракѣ, погребеніи и проч. Онъ долженъ быть непремѣнно и законоучителемъ приходскихъ школъ.

XXIV. По указанію священника должны вести чтенія народу и псаломщики. Они же должны быть и учителями простаго церковнаго пѣнія въ школахъ. Имъ же можно поручать и первоначальное обученіе чтенію и письму.

XXV. Цензура проповѣдей должна быть уничтожена.

XXVI. Поученія народу должны быть изустныя, живымъ и удобопонятнымъ языкомъ и о религіозно-нравственныхъ предметахъ самыхъ близкихъ къ жизни. Священникъ и псаломщики должны поставить себя, насколько возможно, ближе къ народу.

XXVII. Каждая церковь должна выписывать нѣсколько періодическихъ, духовныхъ и историческихъ, журналовъ. При каждой церкви должна быть бібліотека изъ книгъ по Св. писанію, религіозно-нравственнаго содержанія, по гигиенѣ, сельскому хо-

зайству и исторіи Россіи. Гдѣ дозволяютъ мѣстныя условія, должны быть устроены читальни. Книги должны быть даваемы для чтенія, на домъ, на время и продаваемы по своей цѣнѣ, а бѣднѣйшимъ даримы. Долженъ быть устроенъ складъ хорошихъ, но дешевыхъ иконъ.

XXVIII. Священникъ, псаломщикъ, церковный староста и два лица отъ прихожанъ должны составлять хозяйственный комитетъ. Черезъ своихъ уполномоченныхъ прихожане должны имѣть полныя свѣдѣнія о состояніи церковнаго хозяйства. На комитетѣ должна лежать забота о благолѣпіи храма и поддержкѣ церковныхъ домовъ. Въ случаѣ несогласія между собою членовъ, епископъ даетъ окончательное рѣшеніе. Покупка свѣчъ, ладону, бланковъ и т. под. должна производиться церковнымъ старостою, по указанію настоятеля, безъ соглашеній съ членами комитета; расходы же свыше 50 р. — кромѣ свѣчъ — должны производиться по соглашенію членовъ. Церковная сумма и свѣчи повѣряются комитетомъ ежемѣсячно.

XXIX. Церковные старосты не должны служить долѣе трехъ лѣтъ ни въ какомъ случаѣ.

XXX. Разсылка епархіальнымъ начальствомъ по церквамъ бланковъ, книгъ, брошюръ и т. под., безъ согласія на то настоятелей церквей, должна быть прекращена.

XXXI. Священники, селеній 10 — 15, должны собираться, раза три — четыре въ годъ, для обсужденія о возвышеніи умственного, нравственного и матеріальнаго состоянія духовенства и о развитіи умственного, нравственного и матеріальнаго состоянія прихожанъ. Постановленія свои должны вносить въ журналы.

XXXII. Разъ въ годъ долженъ быть собираемъ съѣздъ и епархіальный. Предметы обсужденій епархіальныхъ съѣздовъ должны быть тѣ же самыя, что и окружныхъ; но здѣсь разсужденія должны вестись подъ руководствомъ епископа. Здѣсь же должны быть прочитаны полные отчеты о состояніи приходовъ, духовенства и дѣятельности окружныхъ съѣздовъ. Замѣчательныя мѣста отчетовъ должны быть печатаемы въ Епарх. Вѣдомостяхъ для свѣдѣнія и руководства всего духовенства. Второстепенными же предметами, какъ-то: разсматриваніемъ смѣтъ, опредѣленіемъ и увольненіемъ лицъ, служащихъ при

училищахъ и т. под., епископы обременяемы быть не должны. Занятія епископа на сѣздахъ духовенства должны касаться исключительно прямой обязанности епископа—религіозно-правственнаго состоянія духовенства и паствы.

XXXIII. Должности благочинныхъ должны быть упразднены.

XXXIV. Графа въ формулярахъ духовныхъ лицъ для отмѣтокъ въ поведеніи должна быть уничтожена.

XXXV. Должно имѣться лицо, священникъ, съ правами мирового судьи,—одинъ судья на уѣздѣ,—для разбора дѣлъ, до духовенства касающихся.

XXXVI. Члены консисторіи должны избираться духовенствомъ на три года и утверждаться Св. Синодомъ. Судопроизводство должно быть устроено по образцу окружныхъ судовъ. Консисторія должна быть не болѣе, какъ и всякое присутственное мѣсто, и на духовенство не должна имѣть никакого вліянія, а потому и штрафы ея должны быть прекращены.

XXXVII. Епископъ долженъ быть освобожденъ отъ чтенія и утвержденія какихъ бы то ни было журналовъ, опредѣленій консисторіи и т. под. дѣлъ. Утвержденію его должны подлежать только дѣла, касающіяся вѣры и нравственности паствы, и запрещенія и удаленія отъ должности лицъ духовнаго званія, чтобъ тѣмъ дать ему возможность заняться его существенными обязанностями.

XXXVIII. По всѣмъ дѣламъ, не касающимся вѣры и нравственности народа, гражданскія вѣдомства должны сноситься съ консисторіями. При болѣе самостоятельности духовенства, мировыхъ судей и консисторій, дѣла упростились бы и уменьшилась бы самая переписка, и самъ епископъ не былъ бы заваливаемъ всякимъ бумажнымъ хламомъ.

XXXIX. Лица духовнаго званія, неодобрительнаго поведенія, должны быть удалены отъ должностей. Посылка священниковъ въ пономари и всѣхъ, вообще, въ монастыри «на исправленіе» и въ наказаніе должна быть прекращена, и, наконецъ,

XL. Должности домашнихъ архіерейскихъ секретарей должны быть закрыты.

Сельскій Священникъ,

протоіерей и благочинный въ одной изъ приволжскихъ губерній, близъ большаго губернскаго города.

I.

Приложенія--

I.

Отъ редакціи журнала „Русская Старина“.—6-го января 1881 г. мы получили отъ одного изъ читателей «Русской Старины» князя Италійскаго графа А. А. Суворова-Рымникскаго слѣдующее письмо:

«Милостивый государь, Михаилъ Ивановичъ Узнавъ изъ прекрасныхъ «Записокъ Сельскаго Священника», помѣщаемыхъ на страницахъ издаваемаго вами журнала «Русская Старина» (январь 1881 г.) о бѣдствующемъ вдовомъ священникѣ одного прихода, незнающемъ «гдѣ преклонить голову» и готовящемъ пищу себѣ самому и четыремъ своимъ тѣтямъ, я,—находясь до сихъ поръ подъ вліяніемъ вынесеннаго изъ чтенія тягостнаго впечатлѣнія,—рѣшаюсь обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою не отказать въ передачѣ, чрезъ автора Записокъ,—адресъ котораго, вѣроятно, вамъ извѣстенъ,—прилагаемые сто руб. сер. для врученія несчастному пастырю.

Примите в. п. увѣреніе въ истинномъ моемъ почтеніи и преданности.

Суворовъ.

6-го января 1881 г.

С.-Петербургъ

Примѣчаніе. На другой день, 7-го января, мы отослали щедрый даръ уважаемаго князя Александра Аркадіевича—автору «Записокъ Сельскаго Священника»,—протоіерею и благочинному въ приходѣ близъ губернскаго города въ одной изъ приволжскихъ губерній,—для передачи, по принадлежности, бѣдному пастырю, о коемъ Сельскій Священникъ упоминаетъ въ своихъ Запискахъ, или, если бѣднякъ тотъ умеръ, то оставшимся послѣ него спротамъ.

Затѣмъ просимъ извиненія у князя Александра Аркадіевича въ томъ, что позволили себѣ, вопреки его скромности, опубликовать о настоящемъ его дарѣ, вновь свидѣтельствующемъ объ отзывчивости его сердца на все доброе.

8-го января 1881 г.

Ред.

II.

Письмо «Сельскаго Священника» къ ред. «Русской Старины».

5-го февраля 1881 года. Маринская колонія.

Глубокоуважаемый Михаилъ Ивановичъ! 17-го минувшаго января я имѣлъ удовольствіе получить сто рублей серебромъ, щедрый даръ уважаемаго государственнаго мужа, генераль-адъютанта, генерала-отъ-инфантеріи, князя Италійскаго, графа Александра Аркадіевича Суворова-Рымникскаго, пересланные в. п. для передачи чрезъ меня тому несчастному священнику, о которомъ писалъ я («Русская Старина», янв. 1881 г., стр. 72—76). Деньги эти, по принадлежности, мною переданы, о чемъ священникъ, ихъ получившій, и успѣшилъ написать князю А. А. Суворову — выразивъ въ письмѣ къ князю свою безпредѣльную признательность.

Какъ о положеніи этого священника, такъ и вообще все, что писалъ я,

я писать правду, — и только одну правду, не стѣсняясь злобою и мщеніемъ людей, о которыхъ пришлось писать мнѣ.

За „Записки“ мои мнѣ пришлось перенести неприятности; но я утѣшаюсь тѣмъ, что высказанная мною правда обратила на себя вниманіе людей досточтимыхъ и высокопоставленныхъ, каковъ напримѣръ, свѣтлѣйшій князь Александръ Аркадіевичъ Суворовъ Рымникскій, Отрадно видѣть вниманіе всѣми уважаемаго и любимаго государственнаго мужа, такъ близко стоящаго къ верховному Вождю нашего Отечества! Вниманіе это укрѣпляетъ надежду нашу, что любовь свѣтлѣйшаго князя къ Царю и Отечеству отразится и въ другихъ русскихъ сердцахъ. — что православное русское духовенство будетъ выведено изъ того позорнаго состоянія, въ какомъ находится оно теперь.

Благодарю и васъ глубокоуважаемый Михаилъ Ивановичъ, за ваши усилія помочь позорнымъ служителямъ церкви и за груди на пользу Отечества! Вы вызвали меня писать о духовенствѣ, вамъ, слѣдовательно, обязанъ я и тѣмъ вниманіемъ, какое вызвали мои «Записки».

Примите же искреннюю благодарность глубокоуважающаго васъ

Сельскаго Священника.

Г. редактору „Русской Старины“
Мих. Ив. Семевскому.

12 книгъ ..РУССКОЙ СТАРИНЫ..

пзд. 1881 г.

При „Русской Старинѣ“ 1881 г. приложены портреты: Императора Павла Петровича; — императора Александра Николаевича; — императрицы Маріи Александровны; — профессора Н. И. Пирогова; — академика Л. А. Сѣрякова; — Хаджи-Мурата; — М. И. Голенищева-Кутузова (1775 г.); — историка-профессора С. М. Соловьева; профес. Д. И. Ростислава (писателя о черномъ и бѣломъ духовенствѣ); барона Гейсмара; — архіепископа Филарета Гумилевскаго.

Въ „Русской Старинѣ“ пзд. 1881 г. (двѣнадцатый годъ изданія) между другими статьями и матеріалами напечатаны: Записки сенатора Я. А. Соловьева: к естъянское дѣло въ ц. Александра II. — Собственноручныя отмѣтки императора Александра II на Запискахъ Соловьева. — Разсказъ изъ Записокъ декабриста А. А. Фонъ-Визина (1807 г.). — Воспоминанія декабриста А. П. Бѣльева — Записки Д. И. Завалишина. — Записки князя Н. С. Голицына. — Воспоминанія В. В. Стасова (Училище Правовѣдѣнія въ 1838—1843 гг.). — Записки сельскаго священника. — Императоръ Николай Павловичъ: собственно: учныя его письма 1828—1831 гг. — Императоръ Александръ II († 1-го марта 1881 г.). — Императрица Марія Александровна (1824—1880 гг.). — Николай Ивановичъ Пироговъ, біографич. очеркъ профессора Бертенсона. — Генералъ-фельдмаршалъ кн. А. И. Барятинскій и Кавказская война. 1815—1879 гг., — историко-біографическій очеркъ генер. штаба генер.-лейтенанта Д. И. Романовскаго. — Филаретъ Гумилевскій, архіепископъ черниговскій, историко-біографич. очеркъ. — И. П. Голевъ 1805—1880 гг. — Адмурское дѣло (1850—1863). — Украинифильство, статья профессора Н. И. Костомарова — Очеркъ Михайловичъ Достоевски въ воспоминаніяхъ А. П. Миллюкова. — Записки князя Н. А. Орлова: Мысли о расколѣ и объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній — Воспоминанія изъ дальнихъ лѣтъ г. М*. — Исторія моея жизни и моихъ странствій — бывшаго крѣпостнаго крестьянина Н. Н. Шилова (1802—1862 гг.). — Записки воспитателя въ ц. Павла Петровича Семена Андреевича Порошина; 1764—1766 гг. — Записки войска донскаго генерала А. Е. Попова (1854—1855) — Н. А. Милютинъ въ 1845 и 1857 гг. — Академич. гравюры: Л. А. Сѣряковъ — очеркъ его біографіи и обзоръ его художественныхъ произведеній; — И. П. Поналостинъ — его автобіографія и художественная дѣятельность — Къ біографіи И. К. Айвазовскаго. — А. С. Пушкинъ и П. В. Нащокинъ, очерки и воспоминанія Н. И. Кулинова. — И. А. Крыловъ и его басня „Конь“. — „Общество поощренія русскихъ художниковъ“ — изъ воспоминаній Ѳ. Ѳ. Львова — Записки И. Е. Селиванова (1859 и 1864—1867 гг.). — Графъ Н. П. Румянцовъ, — историко-біографическій очеркъ профессора В. С. Иконниковъ. — Оренбургскіе пожары въ 1879 г. — Языкъ любви (1774 г.) — Исторические матеріалы: акты, указы, преданія, переписка, донесенія, разсказы, замѣтки; относящіеся до XVIII и XIX вѣковъ, болѣе ста сообщеній и статей различныхъ лицъ, таковы: П. В. Алабинъ, профессоръ И. Е. Андреевскій, профес. Н. И. Барсовъ, Н. П. Барсуковъ, проф. Н. В. Бергъ, князь А. И. Васильчиковъ, М. И. Венюковъ, И. Ѳ. Горбуновъ, П. А. Ефремовъ, А. Затлеръ, А. Измаиловъ, профессоръ В. С. Иконниковъ, П. И. Маргосъ, проф. В. В. Никольскій, М. Я. Ольшескій, И. И. Ореусъ, Н. П. Собко, А. Тимановскій, Л. И. Шестакова, Н. К. Шильдеръ, Н. И. Юрасовъ и друг.

По исторіи литературы и искусствъ помѣщены статьи и сообщенія о слѣдующихъ писателяхъ: Г. П. Павскій (его переводъ: „Пѣснь пѣсней“) — А. С. Пушкинъ — И. А. Крыловъ — М. Ю. Лермонтовъ — М. Д. Деларю — Ѳ. М. Достоевскій — М. И. Глинка первоначальный планъ оперы „Жизнь за Царя“. — А. И. Тургеневъ и друг.

Цѣна за двѣнадцать книгъ — восемь рублей съ пересылкой. Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ. Большая Подъячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

12 КНИГЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

ИЗД. 1880 г.

Издание второе. Цѣна—восемь рублей съ пересылкой.

При „Русской Старинѣ“ 1880-го года приложены портреты: Императора Александра II; — императрицъ Екатерины I и Елисаветы Петровны; — императора Петра II; — А. С. Пушкина (въ гробу, 29-го января 1837 г.); — протоіерея Г. П. Павскаго, — И. С. Тургенева; — И. А. Гончарова; — гр. Л. Н. Толстаго; — А. Н. Островскаго; — Д. В. Григоровича; — А. В. Дружинина; — поэта Тараса Шевченко; — графа П. Д. Киселева, — фельдмаршала кн. А. И. Барятинскаго; — С. Р. Лепарскаго и А. Н. Сѣрова.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1880-го года, [одинадцатый годъ изданія], между другими статьями и матеріалами напечатаны: Записки Д. И. Ростиславова (одинадцать главъ). — Записки Толчіева: Дворянскій полкъ въ царствованіе Александра I. — Записки А. П. Бѣльева (декабриста, восемь главъ) — Записки ирища Евгѣя Виртембергскаго о войнѣ 1828 г. и событіяхъ, за нею слѣдовавшихъ. Подлинная переписка императора Николая Павловича съ Дибичемъ. — Записки И. В. Селиванова: губернаторъ Папчулдзевъ и ссылка въ Вятку. — Генералъ-губернаторы Закревскій и П. А. Тучковъ. — Записки Сельскаго Священника; — Записки Я. М. Невѣрова: схимникъ Серафимъ въ Саровѣ. — Записки сенатора Я. А. Соловьева: крестьянское дѣло въ 1856—1859 гг. — Записки М. Я. Ольшевскаго: Кавказъ и кавказцы въ 1856—1860 гг. — Историческіе рассказы и анекдоты изъ Записокъ Богуславскаго и Е. Н. Львовой († 1864 г.). — Воспоминанія артистки Я. А. Петровой, рожденной Воробьевою. — Переходъ русской арміи черезъ Балканы зимою 1877 г. — историческій очеркъ А. И. Пузыревскаго. — Великій Новгородъ — статья Н. И. Костомарова. — Герасимъ Петровичъ Павскій: его жизнь и ученая дѣятельность — историко-біографическій очеркъ профес. Н. И. Барсова. — Рѣчь Императора Александра II въ Государственномъ Совѣтѣ 2-го января 1861 г. — Историческія и историко-біографическія статьи и очерки по поводу двадцатипятилѣтней годовщины дня восшествія на престолъ Александра II. — Очеркъ профессора И. Е. Андреевскаго: Ходъ распространенія политическихъ знаний въ Россіи въ 1855—1880 гг. — Русская историческая наука въ двадцатипятилѣтіе 1855—1880 гг. — статья профессора В. С. Иконникова. — Присоединеніе Грузіи къ Россіи, — историческое изслѣдованіе Ад. П. Берже и проч. — Историческіе матеріалы: акты, указы, преданія, переписка, донесенія, замѣтки, относящіяся до XVIII и XIX вѣковъ, болѣе ста сообщеній и статей различныхъ лицъ, таковы: Н. В. Бергъ, П. А. Ефремовъ, А. Д. Крыловъ (къ исторіи отѣмы питейныхъ откуповъ въ Россіи), — кн. В. И. Барятинскій (письма Шамилля), — профес. О. Ѳ. Миллеръ, — В. А. Панаевъ (біографическій очеркъ атамана М. Г. Хомутова), М. Н. Кучаевъ (біографія Лепарскаго), В. Г. Триоговъ, В. И. Лѣтвицынъ, Н. К. Богусевскій и многихъ другихъ. — По исторіи русской словесности въ „Русской Старинѣ“ 1880 г. особенно много напечатано статей и матеріаловъ, относящихся до А. С. Пушкина (окончаніе биографіи, его письма и стихотворенія, рассказы и воспоминанія о немъ и проч.). А также помѣщены статьи и сообщенія о слѣдующихъ писателяхъ: В. А. Жуковскій (его плачь воспитанія Наслѣдника 1826 г.); — Г. П. Павскій (его переводъ „Слова о полку Игоревѣ“); — В. Г. Бѣлинскій, (воспоминанія о немъ товарища по университету); — Т. П. Грановскій (воспоминаніе о немъ Я. М. Невѣрова); Т. Г. Шевченко (воспоминаніе о немъ профессора Н. И. Костомарова) — П. А. Каратыгинъ (собраніе стиховъ и проч.).

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

ИЗД. 1879 г.

съ приложеніемъ гравированныхъ портретовъ: императора Іоанна Антоновича; митрополита Ростовскаго Арсенія Мацѣвича (въ темницѣ); Пиннокентія—архіепископа Херсонскаго и Таврическаго; Пиринея Нестеровича—архіепископа Иркутскаго; графа Ѳ. П. Толстаго—вице-президента Академіи Художествъ;—А. С. Пушкина—въ 1812 и 1827 гг. (два точныхъ снимка съ гравюръ того времени); Н. В. Гоголя—въ 1834 г.—гравюра съ весьма рѣдкаго портрета, писаннаго Акад. Венеціановымъ; Н. А. Некрасова; статсъ-секретаря С. М. Жуковскаго (одного изъ главнѣйшихъ участниковъ въ великой реформѣ 19-го февраля 1861 г.); профессора Осипа Максимовича Водянскаго; персидскаго принца Хосров-Мирзы.—Снимки: съ подлинныхъ писемъ Петра Великаго, А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя.

Въ 12-ти книгахъ „Русской Старины“, за 1879-й, десятый годъ изданія, — между другими статьями, напечатаны: Журналъ путешествія по Европѣ въ 1697—1699 гг.—вн. Б. И. Куранина;—Петербургъ въ 1720 г. по Запискамъ полка-очевидца;—Записки гр. П. И. Панина, о событіяхъ 1725—1744 гг. (Замѣчаніе на Записки Манштейна);—Воспоминанія А. И. Веригина, И. Л. Варунъ-Секрета, Л. И. Ринордъ, М. С. Валевскаго и друг.—Жизнь бывшаго крѣпостнаго крестьянина, нынѣ археолога И. А. Голышева (1838—1878 гг.);—Очерки и рассказы Э. И. Стогова.—Дневникъ А. И. Храповицкаго—инспектора репертуара русскаго театра въ 1829—1839 гг.—Записки П. А. Каратыгина: русскій театръ въ Петербургѣ въ 1838—1858 гг.—Нѣсколько недѣль при русскомъ дворѣ въ 1846 г.—Выдержки изъ дневниковъ Варнгагена фонъ-Зинзе (1850—1851 гг.);—Мои сношенія съ Я. И. Ростовцевымъ—воспоминанія А. Д. Галахова (1850—1858 гг.);—Воспоминанія Т. П. Пассенъ;—Воспоминанія М. И. Венюнова о заселеніи Амура;—Польское возстаніе въ 1863—1864 гг.—Записки Н. В. Берга.—Историческія изслѣдованія: Д. Д. Иловайскаго;—В. И. Семевскаго;—Н. Мизно;—г. Гальберга;—г. Лисенно;—г. Подвысоцкаго;—проф. В. С. Иннокентіева: Арсеній Мацѣвичъ—митрополитъ Ростовскій;—Императоръ Іоаннъ Антоновичъ—по вновь открытымъ матеріаламъ;—Н. М. Востонова: Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій.—Письма архіеп. Иннокентія къ Великому Князю Константину Николаевичу (1852);—Кн. Н. С. Голицынъ: П. Д. Киселевъ и управленіе имъ Валахій и Молдавіей въ 1829—1834 гг.;—профес. Н. А. Поповъ: Очеркъ біографіи О. М. Водянскаго.—Колонія въ Смоленской и Саратовской губерніяхъ изъ питомцевъ Воспитательнаго Дома—сказаніе очевидца.—Хосров-мирза, персидскій принцъ, 1813—1875 гг.—очеркъ Ад. П. Берже;—Кн. А. И. Барятинскій—изъ Записокъ М. Я. Ольшевскаго;—А. С. Пушкинъ—очеркъ жизни и его письма.—Предсмертная поѣздка М. Ю. Лермонтова въ Пятигорскъ—Вунтъ архіепископа Пиринея въ Иркутскѣ въ 1831 г., воспоминанія и рассказы изъ его жизни.—Историческіе рассказы и анекдоты изъ собранія Богуславскаго и др.

Письма, замѣтки, историческіе документы, рассказы и прочіе матеріалы, — всего болѣе трехъ сотъ различныхъ сообщеній.

Цѣна «Русской Старины» 1879 г.,—12 книгъ съ 12-ю портретами,— 8 руб. съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъячская. домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

12 КНИГЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

ИЗД. 1878 г.

съ приложениемъ гравированныхъ портретовъ: Александръ I; пасторъ Зейдеръ; казненные въ 1739 г. князя Долгорукіе—Василій Дубичъ и Иванъ Алексѣевичъ; Г. В. Новицкій. Хромофотографированный (отпечатанный красками) портретъ Н. В. Гоголя (съ подлиннаго живописнаго портрета, писаннаго въ Римѣ А. А. Ивановымъ). Снимокъ съ автографа П. А. Крылова.

Въ 12-ти книгахъ „Русской Старины“ за 1878-й годъ, девятый годъ изданія, между многими другими статьями, напечатаны: Журналъ В. Н. Зиновьева.—Записки акад. Тьebo—Записки пастора Зейдера: его страданія, казни и ссылки въ 1800 г.—Послѣднѣ дни жизни Александра I-го и императрицы Маріи Феодоровны—Записки ин. З. А. Волконской и Н. Чернышевой.—Ин. Ксаверій Друцкой-Любецкій—очеркъ его государственной дѣятельности. Записки артистки Л. П. Никулиной Косицкой.—Записки доктора Генрица: война 1853—1855 гг.—Записки А. Е. Попова—начальника Севастопольскаго гарнизона съ 1-го октября по 1-е декабря 1854 г.—Воспоминанія Г. П. Пассенъ.—Шамиль въ Калугѣ.—Записки пристава.—Жизнь п сорока-двухъ-лѣтня художественная дѣятельность И. Н. Айвазовскаго (автобіографія).—Записки солдата-монаха Назарова, 1792—1839 гг.—Записки протоіерея І. Виноградова, 1800—1836 гг.—Дневникъ пастора Губера: холера въ 1830 г. Воспоминанія ксендза прелата Бутневича: возстаніе въ Польшѣ въ 1830—1831 гг.—Записки И. С. Жирневича: въ Петербургѣ и Симбирскѣ 1834—1835 гг.—Очерки и рассказы Э. И. Стогова: сельско-калиторжные въ восточной Сибири.—Сперанскій и Трескинъ въ Иркутскѣ.—На посту жандармскаго штабъ-офицера въ Симбирскѣ: бунты кресьянъ, —борьба дворянства съ губернаторами, — провинціальныя романы, —пріѣздъ императора Николая и проч.—Изъ дневника Варнгагена фонъ-Энзе 1845—1849 гг.—Инокентій архіепископъ Херсонскій и Тавричскій.—Н. В. Чевкинъ и управленіе имъ путями сообщеній.—Братья Грузиновы: военно-судное дѣло въ Черкасскѣ въ 1800 г.—Венеціановъ—первый бытовой живописецъ, его біографія и труды.—Разказы лейбъ-казака И. И. Шамшевъ.—„Вѣчный Жидъ“—поэма въ стихахъ В. К. Нюхельбенера (декабриста).—Родословная царствующаго дома Романовыхъ.—Баязетское славное сѣденье съ 5-го по 2-е іюня 1877 г.—рассказъ вѣстника, посланнаго отъ осажденныхъ въ генералу Тергукасову за помощью.—Царь-горохъ—шутка-сатпра.—„Митюха Валдайскій“, зрѣлище въ терхъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ.—Тропарь на день Преображенія Господня, соч. Филарета, митрополита московскаго, и проч. и проч

Цѣна «Русской Старины» 1878 г.—12 книгъ съ портретами—
8 рублей съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

третье издание „Русской Старины“, годъ первый, 1870 г., двѣнадцать книгъ, въ трехъ томахъ.

Въ третьемъ изданіи «Русской Старины» 1870 г., между многими другими статьями и матеріалами, помѣщены: Записки о жизни и службѣ генераль-фельдмаршала кн. **Н. Ю. Трубецкаго**;—Записки исторіографа кн. **М. М. Щербатова** о поврежденіи нравовъ въ Россіи;—сенатора **П. С. Рунича** о Пугачевѣ и Пугачевскомъ бунтѣ;—Записки придворнаго бриллианщика **Позье** (1729—1764 гг.);—Отчеты **Лагарпа** о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей;—Петербургъ въ 1781 году, замѣтки **Пикара**;—Записки Михаила Александровича **Бестужева** (1824—1826 гг.);—Разсказъ очевидца о 14-мъ декабрѣ 1825 г.;—Записки творца русской оперы Михаила Иван. **Глинки** (1804—1854 гг.);—Записки императора **Николая Павловича** о прусскихъ дѣлахъ (1848 г.);—Блокада и штурмъ Карса въ 1855 г., записки **Я. П. Бакланова**;—Оборона Камчатки въ 1854 г.—разсказъ контръ-адмирала **Арбузова**, и проч., и проч.—Болѣе сотни сообщеній, разсказовъ, статей, замѣтокъ, собраній писемъ и проч. матеріаловъ ко всѣмъ царствованіямъ въ Россіи со времени Петра Великаго до императора Николая включительно.—Статьи-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII-го вѣка—біографическіе очерки **П. Ѳ. Карбанова**.—Письма, стихотворенія, басни, посланія и прочія литературныя произведенія: **И. А. Крылова**, **Батюшкова**, **Пушкина**, **Гоголя**, **Рылѣева**, **А. Одоевскаго**, **Бюхельбекера**, **Баратынскаго**, **Н. Полеваго**, **Вигеля**, **Я. И. Ростовцева** и другихъ.

Приложеніе къ третьему изданію «Русской Старины» 1870 г. составляетъ первый томъ Записокъ **Болотова**. вновь пересмотрѣнный съ подлинникомъ и украшенный болѣе полусотни вновь награвированныхъ академикомъ **Л. А. Сѣряковымъ** рисунковъ.

Цѣна **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкою.

[Въ хо. ошемъ переиетъ 11 руб.].

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подьячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

Продолжается подписка на историческій
журналъ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1882, тринадцатый годъ изданія, 1882.

«Русская Старина» въ 1882 году выходитъ, какъ въ первыя двѣнадцать лѣтъ изданія (1870—1881 гг.), ежемѣсячно, съ приложеніемъ портретовъ русскихъ дѣятелей.

ЦѢНА за 12 книгъ «Русской Старины» 1882 г., съ пересылкою

ДЕВЯТЬ РУБЛЕЙ.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ въ С-Петербургѣ, при магазинѣ Мамонтова, противъ Гостинаго двора, д. Вебера, близъ Публичной библіотеки, и въ Москвѣ у Мамонтова (на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова).

Гг. Иногородные обращаются исключительно въ Редакцію „Русской Старины“ въ С.-Петербургѣ, Большая Подъячская, д. № 7.

Изъ прежнихъ годовъ изданія «Русской Старины» можно получить: 1870 г. (третье изд.), 1876 г. (второе изданіе), 1877, 1878, 1879; 1880 г. (второе изданіе) и 1881 г.—каждый годъ съ портретами—по **ВОСЬМИ** рублей съ пересылкою. [Имѣется немного экземпляровъ].

Подписчики «Русской Старины», при возобновленіи подписки на этотъ журналъ на 1882-й годъ, могутъ получить за **одинъ** рубль роскошный «Альбомъ портретовъ, гравированныхъ знаменитымъ академикомъ-граверомъ **Сѣряковымъ**». (Осталось только 68 экземпляровъ, которые и предоставляются за 1 рубль исключительно лишь подписчикамъ «Русской Старины»).

«Русская Родословная книга», два тома, разошлась сполна, но подписчики «Русской Старины» могутъ получить даромъ второй выпускъ этой книги (осталось 73 экземпляра), выслать лишь на пересылку **четыре** почтовыхъ марки.

Цѣна **ОДИНЪ** рубль.

(за пересылку 30 коп. или 4 почт. м. ярки).